

ТЮТЧЕВСКИЙ СБОРНИК II

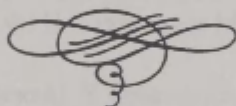
ТЮТЧЕВСКИЙ СБОРНИК

II

КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
СТОКГОЛЬМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТЮТЧЕВСКИЙ СБОРНИК

II

ТАРТУ 1999

Редколлегия: П. А. Енсен, Л. Киселева, Р. Лейбов, А. Осповат,
А. Юнгрен

Редакторы тома: Л. Киселева, Р. Лейбов, А. Юнгрен

Технический редактор: С. Долгорукова

© Статьи и публикации: авторы, 1999

© Составление: Кафедра русской литературы Тартуского
университета, Институт славянских языков Стокгольмского
университета, 1999

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Шведского Института*

ISBN 9985-56-459-6

Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press
Tiigi 78, Tartu 50410
Eesti / Estonia

Order no. 817

СОДЕРЖАНИЕ

А. Ю н г г р е н (Стокгольм). Поэзия Тютчева на фоне салонной речи.....	9
Р. Л е й б о в (Тарту). Тютчев и Жуковский. Поэзия утраты..	31
А. О с п о в а т, О. Р о н е н (Москва/Лос-Анжелес — Ми- чиган). Камень веры (Тютчев, Гоголь и Мандельштам).....	48
П.-А. Б у д и н (Стокгольм). Стихотворение Ф. Тютчева “День православного Востока”	56
К. Р о г о в (Москва). Вариации “Московского текста”: к истории отношений Ф. И. Тютчева и М. П. Погодина.....	68
М. Н е к л ю д о в а (Москва). К французским источникам стихотворения “14 декабря 1825”	107
В. М и л ь ч и н а (Москва). Об источниках цикла “Наполеон”	111
С. Д о л г о п о л о в а, А. Ю н г г р е н (Москва — Стокгольм). Альбом-гербарий Эрнестины Федоровны Тютчевой как источник комментария	115
Т. Д и н е с м а н (Москва). Тютчев в Мюнхене (К истории дипломатической карьеры).....	121
Ф. И. Тютчев. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору “Всеобщей газеты” <Россия и Германия> / <i>Перевод с франц. В. Мильчиной. Публ. В. Мильчиной и</i> <i>А. Осповата. Вступ. заметка А. Осповата</i>	202

А. О с п о в а т. Элементы политической мифологии Тютчева (Комментарий к статье 1844 г.)	227
Л. К и с е л е в а (Тарту). Спецкурс Ю. М. Лотмана о Тютчеве в Тартуском университете	264
Ю. Лотман. Русская философская лирика. Творчество Тютчева [неавторизованный конспект лекций] / Публ. Л. Киселевой	272
Summaries	318

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Настоящий сборник продолжает одновременно две традиции: он является вторым после подготовленного Ю. М. Лотманом и вышедшего в 1990 г. в Таллинне «Тютчевского сборника» (многочисленные ссылки на эту книгу рассыпаны по всему нынешнему тому), и вторым совместным изданием Института славянских языков Стокгольмского университета и кафедры русской литературы Тартуского университета после сборника статей 1994 г. «Классицизм и модернизм».

Выход «Тютчевского сборника» 1990 года без преувеличения был весьма заметным событием в развитии отечественной науки о литературе — за предшествующие полвека ни одного сборника научных трудов, специально посвященных Тютчеву, не вышло*. «Тютчевский сборник» представлял итоги целого этапа изучения творчества и биографии Тютчева.

Последнее десятилетие ознаменовано всплеском интереса к Тютчеву. Вышла вторая книга «Литературного наследства»; появился первый том «Летописи жизни и творчества Тютчева». Постоянно появляются и сборники, посвященные поэту (в центр внимания, как правило, попадают политические воззрения Тютчева). К сожалению, публицистически-злободневный интерес к Тютчеву далеко не всегда способствует поддержанию научного уровня посвященных ему работ. Второй «Тютчевский сборник», выходящий в Эстонии, ориентирован на продолжение традиций, заданных первым сборником под редакцией Ю. М. Лотманом.

В основу тома легли материалы «Тютчевских чтений», организованных Анной Юнггрен при финансовой поддержке

* Исключение составляет первая книга 97-го тома «Литературного наследства», посвященного Ф. И. Тютчеву и вышедшего в 1988 г. Наиболее ценными в этом издании представляются публикации биографических материалов и уточняющие заметки, а не раздел статей.

Шведского Института и прошедших в Стокгольмском университете 13–15 декабря 1995 г. Стокгольмский семинар объединил ученых из разных стран, в частности, московских и тартуских исследователей, оказавшихся по разные стороны границы. На чтениях прозвучали доклады филологов из Стокгольма (А. Юнггрен, П.-А. Будин), Тарту (Р. Лейбов, Л. Киселева), Москвы (К. Рогов, Н. Мазур, С. Долгополова) и Лос-Анжелеса (А. Осповат). Впоследствии к участию в издании были приглашены другие коллеги из Москвы и США, что позволило включить в настоящий сборник публикацию ценнейших материалов по дипломатической службе Тютчева (Т. Динесман), новый перевод его политической статьи (В. Мильчина – А. Осповат), дополнить раздел статей (А. Осповат – О. Ронен, М. Неклюдова, В. Мильчина). Специально для настоящего издания Л. Киселевой была подготовлена публикация студенческих конспектов лекционного курса по творчеству Ф. И. Тютчева, прочитанного Ю. М. Лотманом в Тартуском университете весной 1981 г.

Таким образом, члены стокгольмской и тартуской кафедр выступили не только в качестве авторов статей и публикаций, но и в качестве координаторов большого международного проекта, направленного на продолжение исследовательских усилий по изучению творчества противоречивого, ускользающего от интерпретации и, одновременно, одного из самых глубоких русских поэтов. У истоков этого начинания стоит Ю. М. Лотман, чьи первые наблюдения над поэтикой Тютчева увидели свет в начале 1970-х гг., затем развивались в его трудах 1980–90-х гг. и нашли продолжение в работах его учеников.

Редколлегия пользуется случаем выразить благодарность Шведскому Институту и, в частности, Хансу Леппу за финансовую поддержку как «Тютчевских чтений» в Стокгольме, так и настоящего издания.

ПОЭЗИЯ ТЮТЧЕВА НА ФОНЕ САЛОННОЙ РЕЧИ

АННА ЮНГГРЕН

В статье «Вопрос о Тютчеве» (1923) Тынянов по ходу рассуждений о жанровых особенностях тютчевской лирики бросил вскользь одно замечание:

Фрагментарность стала основой для совершенно невозможных ранее стилистических и конструктивных явлений <...> Эта фрагментарность сказывается и в том, что стихотворения Тютчева как бы «написаны на случай». Фрагмент узаконяет как бы вне-литературные моменты; «отрывок», «записка» — литературно не признаны, но зато и свободны. (Небрежность Тютчева литературна)¹.

Говоря об узаконении фрагментарности, Тынянов в первую очередь называет «смежные» письменные жанры — отрывок и записку. В связи с этим замечанием Тынянова напрашивается вопрос о том, не следует ли искать материал для сравнения и в «смежных рядах», относящихся к области устной речи. Это брошенное мимоходом замечание, периферийное в сюжете самой статьи, в первую очередь стремящейся связать творчество Тютчева с поэзией Державина и Раича, подводит к обширной и еще не вполне структурированной в виде отдельных вопросов сфере исследований, которую можно обозначить как проблему устной речи как одного из формирующих начал поэтики Тютчева.

Сам Тынянов понимал «устное» у Тютчева узко и сводил его к «тютчевiane», в которой видел комический жанр афоризма или «старинного анекдота»:

«Тютчевiane» — любопытное явление, подчеркивающее сверхличность, *невольность* искусства <...> Рядом с высоким литературным творчеством у Тютчева сосуществовало комическое устное, не нашедшее себе литературного выражения; комический стиль Тютчева восходит к французскому каламбуру и старинному

анекдоту. причем в последнем случае <...> главную роль играет не словесное выражение, а мимика и жест².

Однако устное начало — это не только сами тексты-шутки (анекдоты и афоризмы, закрепленные в передаче), но и модус их существования: иным, отличным от письменного кажется способ бытования и, возможно, порождения устных текстов.

Важнейшим видом порождения устного текста можно считать импровизацию. Литература романтизма широко имитирует устные жанры, как анекдот, так и импровизацию (ср. «Египетские ночи» Пушкина). Кроме того, для политического дискурса Тютчева, в первую очередь в прозе, значима, по-видимому, риторика такого устного жанра, как католическая проповедь.

Ю. М. Лотман в статье «К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи» говорит об экспансии письменной речи в устную; устная речь поднимается до ранга письменной в «исторические» моменты, у декабристов. Такое устное слово — замаскированное письменное, т.е. произносится то, что зачастую сочинено в голове или на бумаге³. Однако наряду с экспансией письменной речи в устную поднимается и статус устной речи; беседа оказывается видом культивируемого словесного творчества, перемещается, по выражению Лотмана, «с периферии культуры в ее центр»⁴.

Можно было бы сказать, что граница между устными и письменными жанрами становится проницаемой: беседа, анекдот, импровизация делаются предметом литературного изображения. Одновременно речь теряет свою спонтанность, устное слово утрачивает отчасти свою неповторимую разовость. В ней вырисовываются и закрепляются поджанры: афоризм, анекдот, очерк характера.

Bons mots передаются, иногда записываются и имеют достаточно устойчивую социальную траекторию. Последние отголоски этой культуры — ахматовские истории, которые она называла своими «пластиночками». Презумпция уникальности речевого общения здесь снята и обыграна.

Изучение устной речи наталкивается на большие трудности, в первую очередь, из-за недокументированности устного

общения, которое в совокупности своих перетекающих друг в друга зыбких речевых форм и жанров складывается в речевую культуру русских, французских, немецких салонов XIX в. Нельзя, конечно, восстановить содержание всей сложной сети диалогов: у нас есть только отдельные реплики, записанные мемуаристами, на основе которых можно пытаться реконструировать отдельные узлы контекста.

При этом особенно важно попытаться извлечь «лингвистические», в широком смысле слова, выводы из речевой ситуации эпохи салонов, в частности, применительно к поэтике Тютчева. Повторы, дублиеты и вообще компактность образной системы Тютчева, знаменитое небрежное отношение Тютчева к своим текстам, обычно представляемые как сугубо индивидуальные черты Тютчева, выросли на почве артистического речевого мышления салонной культуры.

Образцы устных жанров салонной культуры (логогрифы, шарады, афоризмы, анекдоты, очерки характера) дает «Старая записная книжка» П. А. Вяземского. Показательно, что П. А. Вяземский придает значение этим «памятникам» и сознательно стремится закрепить в «Старой записной книжке» живое общение:

Все это отголоски когда-то *живой речи*, указатели, нравственно-статистические таблицы и цифры, которые знать не худо, чтобы проверить итоги минувшего. Мы все держимся крупных чисел, крупных событий, крупных личностей: дробь жизни мы откидываем; но надобно и их принимать в расчет⁵.

Салонная речь легко театрализуется⁶. Французская салонная культура вбирает в себя и элементы театрального искусства и куртуазной традиции⁷. Моменту речевого «исполнения» предшествует подготовка — разрешение рассказа, пуант аналогичен театральному эффекту⁸. Так, Вяземский замечает по поводу рассказчика и драматурга Веревкина:

Это похоже на французских говорунов старого века. Шамфор, Рюльер также были артисты речи и разыгрывали свой разговор в Парижских гостиных по приготовленным темам⁹.

Тютчев, по мнению современников, был одним из таких говорунов старого толка. Приведем анонимную «Выдержку из частного письма», опубликованную в «Русском архиве» по поводу кончины Тютчева:

Его разговор блистал остроумием не из желания ослеплять; нет, беседа давала ему случай выражать то, что он переживал. Двух слов ему было довольно, чтобы определить, осмыслить значение факта. Для иного слушателя фраза казалась заранее приготовленной, а в действительности приготовленную или вернее продуманную была лишь мысль, на воплощение которой слова являлись сами. И в этих словах (*mots*), которые во множестве переживут своего автора, никогда не властвовала ненависть или злоба; нет, шутка с примесью жалости, вот все, чем разил Тютчев то, чего он не уважал <...> зато с каким жаром вступался он за все то, что имело право войти во святая святых, и как в этом жаре не было ничего напускного, фальшивого; как все это говорилось с тем неподдельным тоном утонченного, благовоспитанного человека, в тех полушутливых, снисходительных, беспредельно вежливых оборотах речи, которые сроднее представителям 18-го века, чем надменным современникам нашего металлического прогресса¹⁰.

В связи с остроумием, особенно политическим остроумием Тютчева, особенно важно имя Шамфора, упомянутое Вяземским. Шамфор был создателем комедий и автором книги «*Maximes et pensée. Caractères et anecdotes*» (1795). Жанр краткой сатирической зарисовки характера в духе Шамфора или Лабрюйера («Характеры» Лабрюйера были подарены Тютчевым дочери Марии Федоровне в 1860 г.)¹¹ был у Тютчева амальгамирован с характерным для романтизма национально-этническим дискурсом. Возникший в результате этого соединения прием — психологическая зарисовка персонифицированных наций — характерная черта политической прозы Тютчева (ср. также развернутые рассуждения о характере немецкой и французской наций в книге «*De l'Allemagne*» М-м де Сталь).

Поездки Тютчева в Париж 1827 и 1828 гг.¹² были не столько формирующими для Тютчева, сколько завершили, отшлифовали его европейское образование (о мнении Карла Пфэф-

феля по этому поводу см. ниже прим. 41). Старомодность тютчевского остроумия — указание на то, что этот стиль беседы был, скорее всего, вывезен из России. В Париже Тютчев мог быть принят, в том числе и в русских салонах, в которых, по мнению Вяземского, сохранилась старое искусство держать салон:

Это умение или искусство (держать салон) переходит в предание. Замечательно, что последними представительницами этого искусства в Европе едва ли по преимуществу не были русские дамы: княгиня Ливен, княгиня Багратион, Свечина. Салон первой был политический, многие Европейские вопросы, сделки, преобразования, сближения дипломатических личностей тут намечивались на живую нитку разговора с тем, чтобы позднее обратиться в плотную ткань события...

Салон второй нашей соотечественницы был салон более чисто светский, так сказать эклектический, без исключительного характера, а так, всего хорошего понемножку. Свечина председательствовала в салоне духовном с оттенком догматическим, но и литературным¹³.

Самый ранний стилистический пласт речевой культуры, вывезенный из России, до мюнхенской службы и парижских поездок Тютчева, представлял собой распространенное в Европе явление анахронической «салонности», о котором пишет М-м де Сталь, в той главе книги «О Германии», в которой говорится «об иностранцах, которые хотят подражать французскому духу»:

...un étranger francisé ne se permet pas une opinion ni une phrase qui ne soit orthodoxe, et le plus souvent c'est une vieille orthodoxie qu'il prend pour l'opinion du jour. L'on en est encore, dans plusieurs pays du Nord aux anecdotes de la cour de Louis XIV («De l'Allemagne», 51)¹⁴.

Устная культура Тютчева — синтетическое явление, соединяющее в себе русское и «французское» остроумие, современный Тютчеву французский религиозно-политический дискурс, близкий по жанру к проповеди, а также его немецкое общение, включающее в себя в качестве одной из составных частей беседы с Шеллингом. В настоящее время совершенно не изучен

вопрос о Тютчеве и салонах немецкого романтизма. Внимание исследователей в основном было сосредоточено на жизни берлинских салонов, в первую очередь, на салоне Рахели, жены Варнгагена фон Энзе¹⁵, в то время как культурная жизнь Мюнхена рассматривается, как правило, под другим углом зрения — как «Kulturproekt» Людвига I по превращению Мюнхена в новые Афины. Конечно, жизнь Тютчева в Германии не ограничивалась Мюнхеном. С Варнгагеном фон Энзе, личное знакомство с которым произошло только в 1842 г.,¹⁶ Тютчев был связан косвенно как через друга Варнгагена Гейне¹⁷ (Варнгагену, в частности, посвящена одна из глав поэмы «Атта Троль»), так и через своего шурина, писателя и дипломата Аполлониуса фон Мальтица, служившего под началом Варнгагена в Штуттгарте до своего переезда в Берлин в 1821 г.¹⁸ Салон Варнгагена фон Энзе в Берлине может считаться одним из центров формирования романтического мировосприятия, к числу друзей Варнгагена относились Брентано, Фридрих Шлегель, Шлейермахер и многие другие. М-м де Сталь в уже цитировавшейся книге «О Германии» говорит о свободном, неиерархическом духе жизни берлинского образованного общества:

Cette ville [Berlin], étant au centre du nord de l'Allemagne, peut être considérée comme le foyer de ses lumières. On y cultive les sciences et les lettres, et dans les dîners d'hommes, chez les ministres et ailleurs, on ne s'astreint point à la séparation de rang si nuisible à l'Allemagne, et l'on sait rassembler les gens de talent de toutes les classes. Cet heureux mélange ne s'étend pas encore néanmoins jusqu'à la société des femmes... («De l'Allemagne», 82).

Берлинское искусство собирать талантливых людей независимо от их ранга заслуживает похвалу мадам де Сталь. Правда, она замечает, что, в отличие от Франции, в Берлине женское общество «не амальгамировано» с мужским, что наносит вред беседе. Показательно, что сравнению немецкой и французской беседы посвящена отдельная глава книги «О Германии». Отличительная черта немецкого разговора — метафизичность при отсутствии блеска, направленность на абстрактный предмет, а не на собеседника:

L'on enteds rarement parmi les Allemands ce qu'on appelle des bons mots: ce sont les pensées mêmes, et non l'éclat qu'on leur donne, qu'il faut admirer <...>

Dès que l'entretien ne porte pas sur les intérêts communs de la vie, et qu'on entre dans la sphère des idées, la conversation en Allemagne devient trop métaphysique; il n'y a pas assez d'intermédiaire entre ce qui est vulgaire et ce qui est sublime; et c'est cependant dans cet intermédiaire que s'exerce l'art de causer («De l'Allemagne», 66).

Салон в Германии — не просто форма и способ культурной жизни, он также становится предметом философского рассуждения. Ценности романтического салона, прототипом которого мог быть именно салон Варнгагена, в концептуальной форме выражены в работе Шлейермахера «Попытка теории поведения в обществе» («Versuch einer Theorie des geselligen Betragens» — 1799). Главная цель салонной «деятельности» (Tätigkeit) в свободной игре мысли и ощущения через обмен мнениями. Участники общества определяются по отношению к предмету общих интересов, т.е. в первую очередь не иерархически, а как субъекты речи («Alle sollen zu einem freien Gedanken-spielen angeregt werden durch die Mitteilung des Meinungen»)¹⁹.

То, что было нормой поведения в Берлине, применимо, вероятно, хотя бы отчасти и к Мюнхену. На этом фоне становятся понятными замечание Элеоноры Федоровны Тютчевой о «прекрасном равенстве», царящем в кругу общения Тютчевых, равно как и ее опасения в связи с приездом кн. Гр. Гагарина, назначенного на пост посла в Мюнхене:

Гагарин здесь всего три дня и судить о его характере пока невозможно, но в самом деле, есть в его обхождении что-то сухое и холодное, что ранит вдвойне, при том положении, в котором мы по отношению к нему находимся; словом чувствуется в нем петербуржец, и этим все сказано <...> Но возможно и то, что опасения мои преувеличены и все сгладится само собою. Мы не можем пожаловаться на недостаток учтивости. Гагарин нанес мне визит, затем, на следующий день провел у меня вечер, хотя я и не слишком настойчиво его приглашала; и все же есть в нем нечто такое, что замораживает атмосферу.

Этот милый человек не имеет представления о здешних особенностях, нравы здешнего общества ему совершенно неизвестны. и я полагаю, что когда он поймет, какое прекрасное равенство царит между нами, ему придется волей или неволей приспособиться к этому²⁰.

Особого внимания заслуживает та языковая среда, в которой Тютчев находился более 20 лет в Мюнхене. В общении Тютчевых преобладал французский язык, это был язык домашнего общения Тютчевых в Германии, и одновременно язык дипломатического общества. Петр Киреевский, слушавший зимой 1829–1830 г. лекции в Мюнхенском университете и регулярно бывавший у Тютчевых, в письме родителям сетует на свое плохое знание французского языка.

У Тютчева, как я уже писал к вам, я бываю два раза в неделю и люблю его и все его семейство за их ум, образованность и необыкновенную доброту. Они принимают меня и со мной обходятся так, как добрее и внимательнее нельзя; но я часто прихожу в истинное отчаяние с хромотою своего французского языка, заиканьем и особенно совершенным неумением говорить, независимо от одних первых качеств, или, лучше сказать, недостатков²¹.

Немецкое дворянство, как и русское, владело французским языком, баварские альбомы того времени обычно содержат записи и по-французски, и по-немецки²². В отличие от дипломатической среды, языком гелертерского общения был немецкий. Письма Петра Киреевского передают по-немецки реплики филолога-эллиниста Тирша, бывшего ректором Мюнхенского университета в 1829, во время пребывания Киреевского в Мюнхене²³. На чай, т.е. на *jour fixe* у Шеллинга по пятницам приглашались не только коллеги-профессора, но и студенты. Разговор, судя по свидетельству Киреевского, велся, по видимому, также по-немецки и касался новостей науки²⁴. Кроме того, латынь все еще была жива в университетской среде: Шеллинг спрашивает П. Киреевского, можно ли было бы читать курс философии в Москве по-латыни, и получает утвердительный ответ, но также и уверения, что в Москве многие знают немецкий язык²⁵. Наконец, в Мюнхене Тютчевы посещали православную греческую церковь, где богослужение

велось по-гречески, а не на церковно-славянском языке³⁶. Для Тютчева немецкий язык не мог не быть отчасти языком общения, хотя бы с представителями необразованных классов. Русские стихи Тютчева мюнхенской эпохи следует рассматривать на этом франко-германоязычном фоне, хотя трудно точно определить, какая доля устного общения приходилась у Тютчева на немецкий язык. Основная функция русской речи у Тютчева в течение более чем двадцатилетнего мюнхенского периода — быть языком поэзии. В этом отличие языковой ситуации Тютчева от конвенционального билингвизма его сверстников. Уже этим обстоятельством предопределяется их «островное» положение в окружающей культуре и их языковая интенсивность. Показательно, что «архаические» двусоставные прилагательные уходят из поэтического словаря Тютчева после возвращения в Россию, и уже для стихов 50-х годов нехарактерны. Можно поэтому предположить, что архаические черты тютчевской поэзии не столько имманентное свойство его поэтики, сколько результат консервации его юношеской поэзии в иноязычной среде.

Возвращение в Россию меняет лингвистическое «соотношение сил» и означает возврат к конвенциональному билингвизму. Выбор языка отмечает границу между стихом и прозой. Русские стихи контрастно выступают по отношению к обтекающей, омывающей их французской речи, эпистолярной или устной. Так, стихи Тютчева «Неман», «Лето 1854», «В разлуке есть высокое значение...», «Памяти В. А. Жуковского», «Памяти Е. П. Ковалевского», пейзажное из Овстуга «В небе тают облака...» приложены к письмам к Эрнестине Федоровне (переписка велась только по-французски). Стихи Тютчева вписаны в обрамление эпистолярного диалога с собеседницей; на них переносится от письма заряд «разовости», уникальности реплик, что и придает им оттенок стихов «на случай». Стихотворение открывается в речевой контекст, привязано к нему, как в случае стихотворения «Неман», комментарием и подчинено — в виде любезной шутки — общему тону обращения к собеседнице:

Puisque tu t'occupes encore du russe, voici de quoi exercer ton savoir faire. Ce sont les vers dont je t'ai parlé, en vue de Niémen. Pour s'orienter il faudrait relire la page de l'histoire de l'année 1812, par Ségur, où il est question du passage de ce fleuve par l'armée de Napoléon: ou au moins se rappeler tout de gravures dans les maisons de poste, qui reproduisent ce fait (Pbg. 18/30 Septembre 1853)²⁷.

Вернемся теперь к вопросу о соответствиях между устной речью и стихами. Секрет «виртуозной» речи — в том, что наготове образный и отчасти словесный инструментарий, в соединении уникальности «исполнения» с готовностью разыграть заготовленные образные ходы или излюбленные смысловые формулы. Можно видеть связь между устным порождением текста и повторами как отличительной чертой тютчевской поэзии.

Об этой особенности у Тютчева писал в своей известной работе Л. В. Пумпянский, и позднее — В. Н. Топоров²⁸.

Так, Пумпянский отмечает:

Почти все лучшие стихи свои Тютчев повторил с различными изменениями, в иной, так сказать редакции, по крайней мере два раза, а весьма часто и больше²⁹

— и приводит разнообразные примеры. Ниже цитируются некоторые из них:

На небе чистом и высоком... («Нет, моего к тебе пристрастья...»)
И в тверди пламенной и чистой... («Полдень»)
Все та ж высокая, безоблачная твердь... («Mal'aria»)
А небо так нетленно-чисто / Так беспредельно над землей...
(«И гроб опущен уж в могилу...»)

Или примеры, как Пумпянский говорит, «темы жизни, давящей как гробовой камень»:

И, как под камнем гробовым, / Нам станет тяжело...
(«Успокоение» <«Когда, что звали мы своим...»>)
В часы, когда бывает / Так тяжело на груди...
(«В часы когда бывает...»)
И нам как на краю могилы / Вдруг станет страшно тяжело...
(«При посылке Нового завета»).

На основании этих и других примеров Пумпянский делает вывод о том, что метод Тютчева — метод интенсивной разработки минимума тем. Само слово «тема» кажется, однако, здесь неудачным. Можно было бы сказать, что у Тютчева есть много стихотворений на тему моря — это ничего не говорит об их смысловом построении. Фактически под темой Пумпянский подразумевает сравнение или устойчивое ассоциативное метонимическое сближение — как розы и смерть («Mal'aria», «Сижу задумчив и один...»). На основании повторов делается вывод о «циклизации». Оставляя в стороне занимающий особое место в творчестве Тютчева денисьевский цикл, стихи которого объединены общностью как темы, так и биографической подоплеки, а не повторами, этот вывод Пумпянского должен быть оспорен, так как при этом неверно толкуется функция повтора. Повторы не ограничиваются у Тютчева поэзией и не носят характера связывания отдельных стихов в сверхъединство. Они захватывают и область прозы — письма или статьи. Язык при этом меняется на французский. Вот, например, в письме Кольбу — о противниках Кюстина:

Quant aux adversaires de M. de Custine, aux soi-disant défenseurs de la Russie, ils sont certainement plus sincères, mais ils sont bien niais. Ils me font l'effet de gens qui, par un excès de zèle, ouvriraient précipitamment leur parasol pour protéger contre l'ardeur du jour la cime du Mont-Blanc <курсив мой. — А. Ю.> (Lettre à Mr le Docteur Gustave Kolb, Rédacteur de la «Gazette Universelle», 96)³⁰.

Здесь в комическом ключе появляется та же фигура (недосягаемая вершина Монблана), что и в стихах:

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.

(«Утихла биза... Легче дышит...»)³¹

Или:

Горё, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

(«Снежные горы», 112)

Другой пример из статьи «Россия и революция»:

Ces deux puissances sont maintenant en présence, et demain peut-être elles seront aux prises. Entre l'une et l'autre il n'y a ni traité, ni transaction possible. La vie de l'une est la mort de l'autre («La Russie et la Révolution», 118).

Антитеза вступления аналогична другим текстам, построенным на антитезно-близнечном принципе:

Две силы чудно в нем слились...
(«Наполеон», 170)

Есть близнецы — для земнородных
Два божества, — то Смерть и Сон...
(«Близнецы», 193)

По-видимому, следует говорить об устойчивых сближениях и смысловых и риторических фигурах, а не о циклизации.

Иное объяснение повторов у Тютчева — в статье В. Н. Топорова. Топоров избегает говорить о заимствовании у немецких романтиков или цитировании. Общее объяснение повторов в причастности Тютчева образно-философскому коду немецкого романтизма.

По поводу повторов Топоров пишет:

Подобные пары «повторяющихся» стихов, разумеется, не могут быть объяснены ни небрежностью или недостаточной селективностью, ни заданием написания «диптихов» или «двойчаток», сходных с мандельштамовскими. Можно думать, что такие пары могут трактоваться в свете некоторых идей шеллингианства³²

— и проводит здесь параллель с понятием отзвука — Klang — в смысле «отзвука бесконечного в конечном». Кажется естественной приобщенность Тютчева образной системе романтизма, уже сложившейся и в 20-е годы находившейся в стадии клиширования и вульгаризации. Вопрос о том, насколько философия «отзвука» определяет поэтику Тютчева и объясняет тютчевские повторы, нуждается в дополнительных сопоставлениях в широком контексте романтизма. Можно было бы сформулировать вопрос так: считать ли повторы выражением романтического мировосприятия и связать их с «говорением»

на общем языке романтизма или следует видеть в них проявление устной литературности, для которой характерно оперирование заготовленными «смысловыми блоками»? В пользу второго объяснения говорит то, что отношение Тютчева к текстам своих стихов кажется отношением не столько к «стихам» как текстам, получившим благодаря закреплённости в письме вневременную устойчивость, сколько отношением к речевым актам. Возможно, в знаменитом небрежном отношении Тютчева к своим стихам сказывается культ импровизации.

Импровизация согласуется с эстетикой отголоска «бесконечного в конечном», выражаемой в романтизме часто также и через фрагмент. Импровизация означает проявление «большого» языка в «маленьком» «исполнителе». Так, Новалис в коротком эссе под названием «Монолог» говорит об автономности языка говорящего. Поэт — человек, которым владеет свободная стихия языка, его речь Новалис уподобляет пророческой:

Gerade das Eigentümliche der Sprache, dass sie sich bloss um sich selbst bekümmert, weiss keiner. Darum ist sie ein so wunderbares und fruchtbares Geheimnis, — dass wenn einer bloss spricht, um zu sprechen, er gerade die herrlichsten originellsten Wahrheiten ausspricht <...> Nur durch ihre Freiheit sind sie [Leute] glieder der Natur, und nur in ihren freien Bewegungen äussert sich die Weltseele und macht sie zu einem zarten Massstab und Grundriss der Dinge. So ist es auch mit der Sprache — wer ein feines Gefühl ihrer Applikatur, ihres Takts, ihres musikalischen Geistes hat <...> der wird ein Prophet sein...³³

Литературный текст может имитировать жанр импровизации. Пушкинские «Египетские ночи» говорят об импровизации как о высшем роде искусства. Импровизация сакральна, это высший род поэзии, ей сопутствует мотив судьбы и жребия:

— Импровизатор! — вскрикнул Чарский, почувствовав всю жестокость своего обхождения. — Зачем же Вы прежде не сказали, что вы импровизатор? — и Чарский сжал ему руку с чувством искреннего раскаяния³⁴.

Культ импровизации поднимает престиж устной речи, ставит ее наравне с музыкой. Как музыка, так и словесная импровиза-

ция предполагают говорение, исполнение *hic et nunc*. Не случайно у Тютчева, как и у Гейне, появляются в стихах ссылки на акт говорения в виде глаголов речи, в прямом и переносном значении (ср. у Тютчева «ты скажешь», «ты молвишь» в функции сравнения, вместо «будто» («Ты скажешь: ветреная Геба...» («Весенняя гроза»), «Ты скажешь: ангельская лира...» — «Проблеск»).

Ср. употребление песенного или риторического обращения у Гейне:

Morgens stehe ich auf und *frage*: / Kommt deins Liebchen heut
(«Lieder», 31)

Liebste, sollst mir heute *sagen*: / Bist du nicht ein Trauingebild?
(«Lyrisches Intermezzo», XVI, 69)

Warum sind die Rosen so blass, / O *sprich*, mein lieb, warum? («Lyrisches Intermezzo», XXIII, 72)

«*Sag*, wo ist dein schönes Liebchen, / Das du einst so schön besungen...» («Die Heimkehr», LXXXVIII, 131)³⁵.

Вообще внутритекстовые признаки устности, которые выделяет и Бухштаб³⁶, следует, видимо, интерпретировать не как подлинную устность, а скорее как стилизацию, связанную с ориентацией романтического стиля на импровизационное говорение или диалог. Между импровизацией и повторяемостью, подготовленностью «предречи» противоречия нет. Наоборот, одно подкрепляет и предполагает другое, и салонные речевые навыки, т.е. виртуозное владение устным жанром, воплощаются именно в импровизации.

Импровизационное начало высоко ценится как в проповеди, так и в публичной лекции. Эти оба вида ораторского искусства в эпоху романтизма граничат и легко переходят друг в друга. А. И. Тургенев с восхищением говорит об импровизации модного в Париже проповедника Лакордера:

Лакордер проповедовал или, лучше сказать, импровизировал с необыкновенным красноречием, с чувством непритворным и с верою истинною и внутреннею. <...> В Берлине слышал я часто Шлейермахера, в Англии и Шотландии других знаменитых проповедников, но католического сильного оратора слышу я в первый раз. <...> В Лакордере есть много боссюэтовского, но это Боссю-

эт. прочитавший Ламене и знающий умственные буйства нашего века, рационализм и мистицизм Германии, сен-симонистов и проч³⁷.

Как лекции, так и проповеди носили характер развлечения, посещались светом. Ср. замечание в записках Тургенева:

Вчера был я два раза у Успенья, поутру и ввечеру, но поутру не дослушал проповеди Кёра от тесноты и духоты, а ввечеру не Кёр проповедовал, а другой, и очень плохо, да и публика не развлекала меня, ибо аристократки к вечерней службе не приехали, а выслали свою дворню³⁸.

Ср., напр., также в «Жослене» Ламартина:

— Mais au sermon, mon cher, que viendrait-elle faire?
— Elle y vient, coinnme nous, ma foi, pour se distraire,
Pour entendre des mots saintement cadencés,
Ou sur l'orgue des airs qu'elle n'a pas dansés...³⁹

С образцами лекционной импровизации Тютчев был знаком уже со студенческих лет:

Ораторский талант Мерзлякова (читал эстетику, пиитизм и риторику в 1819–1820 и 1821–22 годах), снискавший ему любовь студенческой молодежи, проявился особенно в разборе литературных произведений. Эти лекции были в полном смысле слова *импровизациями*: он к ним не готовился. Приносил на кафедру Ломоносова или Державина, развертывал: *случай* открывал оду. Речь свободно и роскошно лилась из уст *импровизатора*. Все зависело от настроения минуты. В критике и профессоре скрывался поэт по призванию. Эти *импровизации*, приводившие иногда в восторг его слушателей, напечатлевались в их памяти⁴⁰.

В этом отношении интересны замечания брата Эрн. Ф. Тютчевой Карла Пфеффеля, считавшего, что пребывание Тютчева в Париже в 1828 г., где он посещал лекции профессоров Сорбонны: Гизо (история европейской цивилизации), Вилльмена (французская литература), Кузеня (история философии) — было завершающим этапом в европейском образовании Тютчева:

Я познакомился с Тютчевым вскоре после его возвращения. По примеру учителей, коих имена я только перечислил [Гизо, Вилльмень, Кузень] разговор его нередко принимал форму ораторской

речи: приходилось больше слушать его, чем отвечать. <...> В самом деле, если бы мне нужно было бы охарактеризовать особенности красноречия Тютчева и склад его ума в ту пору, я сравнил бы их с одной из глав «Размышлений о Французской революции» г-жи де Сталь, разумеется в ее устном изложении...⁴¹

Развивая замечание Пфедфеля («импровизированные речи, лишь отдаленное подобие коих являет нам его писание...»), можно было бы сказать, что политические статьи Тютчева — записанные речи, на которых лежит отпечаток традиции французского проповеднического красноречия. Политическая лирика Тютчева также, в свою очередь, несет отпечаток политической «визионерской» речи-проповеди.

М. П. Погодин оставил в своих воспоминаниях зарисовку: это сцена появления уже стареющего Тютчева в салоне:

Низенький худенький старичок, с длинными, отставшими от висков, поседелыми волосами, которые никогда не приглаживались, одетый небрежно, <...> вот он входит в ярко освещенную залу: музыка гремит, бал кружится в полном разгаре. Старичок пробирается нетвердой поступью близ стены, держа шляпу, которая сейчас, кажется упадет из его рук. Из угла прищуренными глазами окидывает все собрание... Он ни на чем и ни на ком не остановился, как будто не нашел, на что нужно обратить внимание... к нему подходит кто-то и заводит разговор... он отвечает отрывисто, сквозь зубы... смотрит рассеянно по сторонам. Кажется, ему уже стало скучно: не думает ли он уйти назад. Подошедший сообщает новость, только что полученную, слово за слово его где-то задело за живое, он оживляется, и потекла потоком речь увлекательная, блистательная, настоящая импровизация...

Вот он роняет, сам не примечая того, несколько выражений, запечатленных особенною силой ума, несколько остроумных, но благоприличных, которые тут же подслушиваются соседями, передаются шопотом по всем гостиным, а завтра охотники спешат поднести их знакомым, как дорогой гостинице: «Тютчев вот что вчера сказал на балу у княгини Н»⁴².

Эта сценка носит не документальный, а скорее обобщающий характер. Важный элемент этой зарисовки — небрежность всего облика Тютчева, создающая контрастный фон, на котором дана его «блистательная импровизация». Знаменитая небреж-

ность, забывчивость Тютчева тесно связана с одной из важнейших проблем тютчевоведения, — с вопросом об обращении Тютчева со своими стихами. Надо при этом иметь в виду, что текст в культуре романтизма часто представлен как фрагмент, обрывок, иногда находка, побуждающая к разгадыванию смысла.

Ср., например, описание страниц «дневника в стихах» «Жослена» Ламартина, произведения, с которым Тютчев был хорошо знаком:

«N'écrivait-il jamais? — Quelquefois le dimanche,
Me dit Marthe, il veillait sur une page blanche,
Et quand elle était noire, au fond d'un vieux panier
Il la jetait, et moi, dans un coin du grenier
Je balayait la feuille au retour de l'aurore,
Ce qu'ont laissé les rats y peut bien être encore».
Гу inontai: j'y trouvai ces pages où sa main
Avait ainsi couru sans ordre et sans dessein,
Semblables à mots qu'un rêveur solitaire
Du bout de son bâton écrit avec mystère;
Caractères battus par la pluie et les vents,
Et dont l'oeil se fatigue à renouer le sens.
(Prologue, 574)

Тютчевские стихи записывались вслед за сложившимся в голове текстом, часто под диктовку. Пигарев останавливается на этой особенности тютчевского «письма»:

Если вся творческая работа Пушкина протекает всецело на наших глазах, то возникновение и первичная стадия развития тютчевских поэтических образов от нас скрыты. Бумага служила поэту для записи в целом уже сложившегося и выношенного в голове стихотворения⁴³.

Ср. также у И. Аксакова:

Стихи у него не были плодом труда, хотя бы и вдохновенного, но все же *труда*, подчас даже усидчивого у иных поэтов. Когда он их писал, то писал невольно, удовлетворяя настоящей, неотвязчивой потребности, потому что он не мог их не написать: вернее сказать, он их не писал, а только *записывал*. Они не сочинялись, а *творились*. Они сами собой складывались в его голове, и

он только *ронял* их на бумагу, на первый попавшийся лоскуток. Если же некому было припрятать к месту оброненное, подобрать эти лоскутки, то они нередко и пропадали⁴⁴.

И Аксаков, и Эрн. Ф. Тютчева настойчиво говорят о безразличии Тютчева к записям собственных стихов, равно как к их печатным текстам в «Современнике».

Ср., напр., замечание Эрн. Ф. Тютчевой:

У моего супруга полностью отсутствует шишка собственности, а потому, набросав на бумагу свои идеи, он становится столь же к ним равнодушен, как к судьбе своего родового имения⁴⁵.

Поскольку сочинение стихов у Тютчева носит характер не письменный, то отношение к стихам как единичным речевым актам переходит у Тютчева, по-видимому, на отношение к записям собственных стихов.

Характерно, в этом отношении, замечание Аксакова:

Вообще, как в устном слове, точно так и в поэзии, его творчество только в самую минуту творения, не долее, доставляло ему авторскую отраду. Оно быстро, мгновенно вспыхивало и столь же быстро, выразившись в речи, или в стихах, угасало и исчезало из памяти⁴⁶.

Продиктованный стих — уже осуществлен как речевой акт. Возврату к нему мешает также весь комплекс импровизации. Личные свойства Тютчева спаяны с артистической позой, невозможно было бы провести между ними грань. К этим двум факторам (ориентация на устность и этикет романтической небрежности), имманентным творчеству Тютчева, добавляется после возвращения в Россию еще один: Тютчев, как и Вяземский, пережил 30-е годы 19-го века, когда Европа была «наводнена поэзией», и оказался за водоразделом, отделяющим разные поколения культуры, в иной системе координат.

Эти аспекты смысла соединены в одном мета-стихотворении Тютчева, посвященном «Михаилу Петровичу Погодину» и говорящем в духе салонной остроты об отношении Тютчева к текстам своих стихов:

Стихов моих вот список безобразный —
Не заглянув в него, дарю им вас,

Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...

В наш век стихи живут два-три мгновенья.

Родились утром, к вечеру умрут...

О чем же хлопотать? Рука забвенья

Как раз свершит свой корректурный труд.

(«Михаилу Петровичу Погодину», 282–283)

Текст приравнивает стихи к речевому акту как кратковременные, т.е. метафорически «смертные». Иначе говоря, речевой, ориентированный на импровизацию, характер творчества у Тютчева тесно связан с подспудной темой «смертности стихов». Стихи, по аналогии с человеческой жизнью, ставятся под знак не только быстротечности, но также и культурной «несвоевременности». Словесное творчество подвергается с самого начала сдвигу в ретроспективу, отодвигается от автора в прошлое характерным для Тютчева приемом ретроспективного взгляда на настоящее⁴⁷. Поскольку устный и письменный тексты уравнены как «смертные», в качестве оплота непреходящего смысла начинает выступать предречь — еще не сказанное слово. Предречь — не только источник романтической философской интроспекции, но и опора, на которую опирается практика — устная культура салона, оперирующая скрытыми готовыми смысловыми соединениями. В этом ракурсе — как мета-текст, вызванный к жизни речевой культурой эпохи, может быть прочитан «Silentium!»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. С. 375.

² Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 30.

³ Лотман Ю. М. К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи // Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика II. Тарту, 1979. С. 108.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1883. Т. 8. С. 506–507.

- ⁶ Ср.: Лотман Ю. М. Цит. соч. С. 117.
- ⁷ Ср., напр., такой памятник куртуазной культуры как «Принцесса Клевская» М-м де Лафайет.
- ⁸ Гинзбург Л. Я. Вяземский и его «Записная книжка» // Гинзбург Л. Я. О старом и новом: Статьи и очерки. Л., 1982. С. 90–91. О жанре литературного анекдота см. также: Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской поры. Helsinki, 1995. С. 156–186.
- ⁹ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1883. Т. 8. С. 8.
- ¹⁰ «Выдержка из частного письма по поводу кончины Ф. И. Тютчева». Русский архив [Год двенадцатый]. 1874. Кн. 1. 1375.
- ¹¹ См. указание на книгу Лабрюйера в собрании музея в Мураново: *La Bruyère J. Les Caractères ou les mœurs de ce siècle par La Bruyère. Nouvelle édition collationnée sur celle de 1696, augmentée d'une notice de sa vie; de son discours à l'Académie; du discours de Théophraste; de la traduction de ses oeuvres, expliquée par des notes, et d'une table analytique.* P., Charpentier, 1852; Музей-усадьба Мураново // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Кн. 2. С. 642.
- ¹² О датировках поездок Ф. Тютчева в Париж см.: Основат А. Л. О стихотворении «14-ое декабря 1825» (К проблеме «Тютчев и декабризм») // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Федора Ивановича Тютчева. Таллинн, 1990. С. 248 (Прим. 16).
- ¹³ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1883. Т. 8. С. 173.
- ¹⁴ Здесь и в дальнейшем текст книги М-м де Сталь «О Германии» цитируется по: *Madame de Staël. De l'Allemagne.* P., 1882.
- ¹⁵ О литературных салонах в Германии эпохи романтизма см., напр.: Drewitz I. Berliner Salons. Berlin, 1984; Seibert P. Der literarische Salon. Literatur und Geselligkeit zwischen Aufklärung und Vormärz. Stuttgart; Weimar, 1993. О мюнхенском романтизме см., напр.: Grassl H. «Die Münchner Romantik». Von der Aufklärung zur Romantik. Geistige Strömungen in München. Ausstellung München 26.6.–24.8.1984. München, 1984. С. 9–38.
- ¹⁶ Азадовский К. М., Основат А. Л. Тютчев и Варнгаген фон Энзе (К истории отношений) // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Кн. 2. С. 458.
- ¹⁷ Там же. С. 458, 462.
- ¹⁸ Ср. упоминание Аполлониуса фон Мальтица в дневнике Варнгагена фон Энзе от 23 января 1820 г.: «Abends Herr von Maltitz bei

uns: von russischer Verfassung will noch nicht öffentlich erscheinen» (*Varnhagen von Ense K. A. Tageblätter*. Bd. 5. С. 17).

- ¹⁹ *Schleiermacher Fr. D. E. Kritische Gesamtausgabe*. Bd. 2 (Schrifter aus der Berliner Zeit 1796–1799). Hrsg. von Günter Meckenstock. Berlin: New York, 1984. С. 170.

- ²⁰ Эл. Ф. Тютчева — Н. И. Тютчеву (Мюнхен <1> 13 июня 1833 г.): Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Кн. 2. С. 188–189.

- ²¹ П. В. Киреевский 15/27 января 1830 г.: Письма Петра Васильевича Киреевского 1829–1854. М., 1905. С. 18–19.

- ²² См., напр., альбом: *Freiherr von Schönnbrunn, Daffneriana*, N 22 (Stammbücher), Bayerische Staatsbibliothek (München).

- ²³ П. В. Киреевский — И. В. Киреевскому 12/24 сентября 1829 г.: Письма Петра Васильевича Киреевского 1829–1854. М., 1905. С. 9.

- ²⁴ П. В. Киреевский — родителям 3/15 января 1830 г. Там же. С. 16.

- ²⁵ П. В. Киреевский — И. В. Киреевскому 7/19 октября 1829 г. Там же. С. 13.

- ²⁶ Ср.: И. В. Киреевский во время посещения брата в Мюнхене на Пасху: «Сегодняшний день старались мы, сколько возможно, сделать нашим Светлым Воскресеньем, по крайней мере, с внешней стороны. В 9 часов отправились в Греческую церковь. Но здесь ничто не напоминало нам даже русской обедни, потому что, кроме Греческого языка, в здешней церкви еще та особенность, что поп вместе дьячок и дьякон и поп. Зрителей, любопытных немцев, собралась непроходимая толпа, а из русских, кроме нас, были только Тютчевы, у которых мы сегодня и обедали. Оба брата и жена Федора Ивановича очень милые люди, и покуда здесь, я надеюсь видаться с ними часто. Жаль, для моего брата, что они едут в Россию» (И. В. Киреевский — родителям 18 апреля 1830 г. // *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. М. Гершензона. М., 1911. Т. 1. С. 40).

- ²⁷ Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене урожд. баронессе Пфедфель // *Старина и новизна*. СПб., 1914. Кн. 18. С. 53.

- ²⁸ *Топоров В. Н.* Заметки о поэзии Тютчева (Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством) // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Федора Ивановича Тютчева. Таллинн, 1990. С. 32–107.

- ²⁹ *Пумпянский Л. В.* Поэзия Ф. И. Тютчева // Ураания: Тютчевский альманах. Л.: Прибой, 1929. С. 10.

- ³⁰ Здесь и в дальнейшем текст политических статей Тютчева цитируется по: *Тютчев Ф. И.* Политические статьи. YMCA-PRESS. P., 1976.
- ³¹ Здесь и в дальнейшем стихи Тютчева цитируются по: *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая серия).
- ³² *Топоров В. П.* Цит. соч. С. 65.
- ³³ *Novalis.* Monolog; Fragmente II. Heidelberg, 1957. S. 203–204.
- ³⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 4. С. 250.
- ³⁵ *Heine H.* Werke. Briefwechsel. Lebenszeugnisse. Bd. I. (Gedichte 1812–1827). Berlin; Paris, 1979.
- ³⁶ *Бухштаб Б. Я.* Ф. И. Тютчев // Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1957. С. 45.
- ³⁷ *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826). М.; Л., 1964. С. 79.
- ³⁸ *Тургенев А. И.* Цит. соч. С. 98.
- ³⁹ *Lamartine.* Oeuvres poétique. Bibliothèque de la Pléiade. P., 1963. P. 726.
- ⁴⁰ *Шевырев С. П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 2. Цит. по: *Пигарев К. В.* Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 96.
- ⁴¹ *Пигарев К. В.* Карл Пфеффель о Тютчеве // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Кн. 2. С. 33–34.
- ⁴² *Погодин М. П.* Воспоминания о Тютчеве // Московские ведомости. № 190. 29 июля. Цит. по: *Пигарев К. В.* Жизнь и творчество Тютчева. С. 119.
- ⁴³ *Пигарев К. В.* Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева // Литературное наследство. М., 1921. С. 396.
- ⁴⁴ *Аксаков П. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 83.
- ⁴⁵ Эрн. Ф. Тютчева — К. Пфеффелю (Овстуг. 13–16/25–28 июля 1849 г.) // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Кн. 2. С. 233.
- ⁴⁶ *Аксаков П. С.* Там же. С. 41.
- ⁴⁷ Ср. наблюдения Романа Лейбова над сдвигом в ретроспективу у Тютчева: *Leibov R.* Tiutchev's Unnoticed Cycle // Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from the International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yury Mikhailovich Lotman. Rodopi, 1993. P. 87–88.

ТЮТЧЕВ И ЖУКОВСКИЙ. ПОЭЗИЯ УТРАТЫ

РОМАН ЛЕЙБОВ

Je ne connais pas d'homme dont les *idées* fassent moins éprouver cette angoisse du néant de la vie qui s'empare de nous au contact d'un passé irrévocable comme tout ce qui nous reste de J<oukoffsky>. Tant il y avait de la vie *véritable* dans cet homme.

Тютчев. Письмо А. И. Козловой (1852) [ЛН-1, 520]¹.

Тема “Тютчев и Жуковский” предполагает три различных аспекта рассмотрения, тесно связанных между собой, но различающихся по задачам и методам анализа. Трудность разведения этих аспектов в исследовании не освобождает от необходимости обозначить специфику каждого из них.

Во-первых, это биографический аспект — история взаимоотношений поэтов, личное знакомство которых состоялось, очевидно, еще в 1817 году в Москве, в доме родителей Тютчева и продолжалось до смерти Жуковского. Несмотря на то, что встречи двух поэтов в 20–30-е гг. крайне редки, можно говорить об объединяющем их *московском культурном пространстве*, связанном с именами А. Тургенева и Киреевских-Елагиных [Осват, 15–16].

Другой ракурс этого же аспекта — взаимоотношения литераторов (как такое определение ни малоприменимо по отношению к Тютчеву) — связан, прежде всего, с пушкинским “Современником” и историей публикации там тютчевских “Стихотворений, присланных из Германии”.

Во-вторых, существует историко-типологический аспект темы. При таком повороте темы лирическое наследие обоих поэтов рассматривается в контексте литературных направлений, течений и школ. При этом исследователь оперирует та-

кими понятиями, как “школа Жуковского”, “философская поэзия” или “русский романтизм”, и сопоставляет такие суммарные стилистические черты наследия двух авторов, как, например, типы словоупотребления, мелодические фигуры или структуры поэтических сюжетов. Традиции такого сопоставления были заложены еще опубликованной в 1830 г. статьей И. Киреевского, причислявшего Тютчева к поэтам “немецкой школы”, возникшей под воздействием Жуковского.

Наконец, третий аспект темы — интертекстуальный; в центре внимания при таком рассмотрении оказываются связи между отдельными текстами Тютчева и Жуковского и такие явления, как цитаты, аллюзии и реминисценции.

В центре нашего внимания будет последний аспект: отражения текстов Жуковского в лирике Тютчева. Такая постановка вопроса в нашем случае требует одновременного обращения к биографическому контексту лирики. Как известно, романтическая эпоха создала новое понимание поэтической биографии, ставшей фактором поэтики. Особенно заметно это в случае Жуковского — его биография (прежде всего, история любви к М. Протасовой-Мойер) представляется своего рода претекстом, без знания которого просто невозможно понимание собственно поэтических текстов.

Таким образом, и “биографическое” будет нами рассматриваться как “поэтическое”, как источник возможных тютчевских аллюзий.

1.

Итоговая работа Р. Лэйна [Lane] включает список текстов Тютчева, в которых исследователями были отмечены те или иные “влияния” (в терминах Лэйна). Этот список должен быть дополнен с учетом работ последнего десятилетия (прежде всего указанными в статье В. Н. Топорова [Топоров-1990] параллелями между тютчевскими стихотворениями и немецкой романтической лирикой). Однако вопрос о смысле каждого из таких межтекстовых сближений остается открытым.

Поэтическая школа 1810–20-х гг. (при всей приблизительности такого определения) предполагала достаточно активное

обращение к чужим текстам. Наиболее яркий пример из более позднего времени — ранний Лермонтов. Б. М. Эйхенбаум показал, что юношеская лирика и ранние поэмы Лермонтова перенасыщены аллюзиями и прямыми цитатами [Эйхенбаум, 155–165]. Однако, никому не приходит в голову искать тут “межтекстового диалога” или “чужого слова”. Речь идет о “школьном” обращении к *loci communes*. Такое отношение к “мировому поэтическому тексту” создавало плотный слой общих мотивов, сюжетов, интонационно-ритмических схем, лексических формул, относительно которого сложно говорить о цитатности/аллюзионности отдельного текста.

Лирика начала XIX в. знала такие виды диалога текстов, как перевод, подражание (предполагавшее, однако, ориентацию скорее не на отдельный текст, но на суммарную авторскую или “школьную” манеру), обмен посланиями. Все эти случаи не представляют собой межтекстового диалога в том понимании, которое вкладывают в это понятие исследователи лирики XX века. Необходима была новая поэтическая эпоха, характеризующаяся такими явлениями разных уровней, как освобождение от жанрового мышления и соответственно повышение удельного веса отдельного стихотворения; появление сборников типа “Сумерек” Боратынского и пародий, направленных не на суммарный стиль (“элегический” или “одический”) или авторскую манеру, но на конкретный текст. Только внутри этой эпохи (начало ее можно условно отнести к 1840-м гг.) стали возможны собственно междутекстовые диалоги.

Манера Тютчева формируется внутри школы 1810-20-х гг. Это означает ориентацию на контекст, а не на конкретный текст. Это определяет и характер отношения раннего Тютчева к чужим текстам: не непосредственный отклик на текст, но ориентация на поэтическую манеру. Однако довольно рано в лирике Тютчева появляются межтекстовые связи иного рода. Речь идет о механизмах, связывающих “фрагменты” Тютчева между собой в некоторые подобия циклов. (См. об этом: [Пумпянский, 18–19], [Грехнев].) Действие этих механизмов межтекстовых связей тем примечательней, что реальных циклов

Тютчев не создает (это связано не в последнюю очередь с хорошо известной “дилетантской” позицией поэта). О каких связях здесь идет речь, каковы признаки, позволяющие делать заключение о соотнесенности двух или нескольких тютчевских текстов?

Прежде всего, переклички между текстами должны захватывать явления различных уровней, среди которых могут быть:

1. Тематико-сюжетная смежность;
2. Лексическая смежность;
3. Строфическая смежность;
4. Метрико-ритмическая смежность;
5. Фоническая смежность;
6. Рифменная смежность (совмещающая уровни 2., 4. и 5.).

Последний случай представляется особенно значимым для Тютчева. Мы пытались показать, как мотивные переклички между двумя поздними тютчевскими стихотворениями (тематически не связанными, но связанными сюжетно в смысле Ю. И. Левина [Левин]) сопровождаются усилением рифменной смежности между текстами [Лейбов-1992, 147]. Можно утверждать, что кросстекстуальные рифмы — явление достаточно значимое для Тютчева (учитывая немецкие источники его поэтики и известную ориентацию романтиков на музыкальность; к этой теме см.: [Топоров-1990, 63–65]). При этом, как показал Пумпянский, тютчевские дублеты далеко не всегда тематизированы [Пумпянский, 9–11].

Рискнем предположить, что сходные механизмы действуют и при взаимодействии лирики Тютчева с чужими текстами. В качестве примера приведем случай, совмещающей “внутренние” и “внешние” связи.

Рифмы первых двух и последней строф стихотворения “Пошли, господь, свою отраду...” (1850) связывают этот текст с лермонтовским стихотворением “Над бездной адскою блуждая...” (<М. П. Соломирской>, 1840):

Над бездной адскою блуждая
 Душа преступная порой
 Читает на воротах рая

Пошли, господь, свою *отраду*
 Тому, кто в летний жар и зной,
 Как бедный нищий мимо *саду*

Узоры надписи святой.

И часто тайную *отраду*
Находит мuke неземной,
За непреклонную *ограду*
Стремясь завистливой мечтой.

<...>

(488)

Бредет по жаркой мостовой;

Кто смотрит вскользь через *ограду*
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

<...>

Пошли, господь, свою *отраду*
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий мимо *саду*
Бредет по знойной мостовой.

(I, 123)

Налицо, помимо рифменной смежности, смежность тематическая (ключевые слова здесь — повторяющиеся в обоих текстах “ограда” и “отрада”). Интересно в связи с этим, что эта ключевая рифма отзывается в 1860 г. в стихотворении “Хоть я и свил гнездо в долине...”:

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, —
Какие росы и *прохлады*
Оттуда с шумом льются к нам!
(I, 183)

При этом, хотя рифменно-лексическая смежность здесь гораздо слабее, чем в первом случае (ср. однако примечательный параллелизм стихов “За непреклонную ограду” и “На недоступную прохладу”/“На недоступные громады”, а также звуковые переклички: “душа преступная порой” — “воздушная струя”, “удушливо-земное”), более позднее тютчевское стихотворение проясняет лермонтовскую тему земного/инфернального vs. небесного/ангельского, осложненную в стихотворении “Пошли, господь, свою отраду...” в характерном для Тютчева ключе другими рядами значений². (Отметим в связи с этим “тютчевскую” двухчастность лермонтовского стихотворения.)

Учитывая, как мало мы знаем о тютчевской рецепции современной литературы, не следует пренебрегать реконструкциями подобного рода, сколь бы гипотетическими и фрагментарными они ни были. В связи с этим можно высказать предположение о наличии некоторого “лермонтовского комплекса”

(психоаналитическая терминология здесь неслучайна), актуального для Тютчева и действительно представляющего собой один из семантических центров лирики Лермонтова (Ад и Рай, Ангел и Демон, очевидно, сюда же следует отнести и “кавказскую” тему). Если придерживаться широко распространенной гипотезы, согласно которой экспрессивный ореол размера и первый стих стихотворения “Накануне годовщины 4 августа 1864 года” отсылают к лермонтовскому “Выхожу один я на дорогу”, эту аллюзию легче объяснить, соотнося тютчевское стихотворение не только с лермонтовским “претекстом”, но и с описанным “лермонтовским комплексом” (тема посмертной встречи двух “разноприродных героев”, лейтмотивное обращение “ангел мой!”).

Описанный здесь механизм можно назвать *индексальной аллюзией*, суть его в том, что текст Тютчева может отсылать не только к претексту, аллюзии на который содержит, но и к более широкому кругу текстов того же автора (аналогией может служить тютчевское словоупотребление — ср. идеи Пумпянского о “иератической”, колеблющейся семантике Тютчева и продолжающие их идеи Лотмана о совмещении разных культурно-семиотических кодов в лирике Тютчева [Пумпянский, 52–55], [Лотман-1982]).

2.

Исходным пунктом нашего анализа будет тютчевское стихотворение “Как хорошо ты, о море ночное...” (далее — КХТ). На переключки КХТ и элегии Жуковского “Море” (1821) обратил внимание А. С. Янушкевич [Янушкевич, 134]. Эти переключки захватывают тематический, лексико-семантический, фонетический и метрико-ритмический уровни (Ам4 у Жуковского и Д4 у Тютчева при известной суммарности экспрессивных ореолов этих размеров) сопоставляемых текстов, ср.:

Жуковский

- 1- 2. Лазурное море, Стою очарован
над бездной твоей
3. Ты живо, ты дышишь...
8. Чем дышит твоя напряженная грудь...
16. И радостно блестяшь звездами его

Тютчев

2. Здесь лучезарно, там сизо-темно...
14. Весь, как во сне, я потерян стою...
- 3-4. В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...
6. Блеск и движение, грохот и гром...

19. Ты бьешься, ты воешь, ты волны поды-
смлешь...
(III. 64)

11–12. Волны несутся, гремя и сверкая.

Чуткие звезды глядят с высоты.
(I. 195)

При сопоставлении этих стихотворений бросается в глаза странность. “далековатость” такого сближения. С одной стороны, мощностъ тематических, лексико-семантических (даже если исключить из рассмотрения единицы, автоматически связанные с морской темой), синтаксически-интонационных (“вопросы к морю”) и фонетических перекличек делает связь между текстами ощутимой. С другой — все эти переклички могут показаться абсолютно случайными, столь разнятся стихотворения по жанру и концепции. Жуковский предлагает аллгорию, построенную на парах четких дуальных оппозиций:

“море” vs. “небо”
“звук” vs. “свет”
“движение” vs. “покой”.

Море, бьющееся в “земной неволе”, конечно, аллегория человеческой души (в этом смысле Жуковский *отвечает* на вопрос “мужа-юноши” из упомянутого нами перевода Тютчева из Гейне).

Стихотворение Тютчева подобному аллегорическому прочтению не поддается, вопросы к морю остаются без ответов. Лирическое “я” у Жуковского выступает в роли интерпретатора смыслов природы; эта интерпретация оказывается экстраполяцией самоощущения героя — море превращается в его двойника. Такая экстраполяция смягчается вопросительной конструкцией (“Иль тянет тебя из земныя неволи...”), но эти колебания не предполагают других ответов на вопрос; да и вопрос, понимает читатель, не о море, а о себе, о человеческой душе.

У Тютчева “я” и “море” — не интерпретатор и интерпретируемое, они находятся в одном семантическом пространстве и сталкиваются как равновеликие единицы поэтического сюжета, скорее противо-, чем со-поставленные (ср. нарастание перволичных форм в финале тютчевской пьесы и вытеснение местоимения 1-го лица и перволичных форм глагола вторым лицом в стихотворении Жуковского). Характерным образом

“небо” и “море”, “звезды” и “волны” у Тютчева — не манифестации аллегорической оппозиции “небесного” и “земного”, но соединенные “симпатией” близнецы (ср. аналогичную — но с противоположной оценкой — синонимию “верхнего” и “нижнего” миров в стихотворении “Два голоса”); звук и свет не противопоставлены (как обычно у Тютчева), а слиты в этом уникальном, по замечанию исследователей, тютчевском тексте [Гаспаров, 17], [Левин, 174].

Означает ли это, что отмеченные переклички КХТ с “Морем” случайны и не имеют значения для понимания смысла тютчевской пьесы?

Если предположить, что и тютчевские аллюзии на “Море” Жуковского являются своего рода “индексами”, отсылающими к некоему лейтмотивному “комплексу”, следует, во-первых, попытаться найти подтверждение этой гипотезе в виде аналогичных случаев и, во-вторых, определить, какие именно смыслы вкладывались Тютчевым в этот комплекс значений.

3.

Весьма сходным с описанным для КХТ и “Моря” образом взаимодействуют тютчевское “Я знал ее еще тогда...” (1861; далее — ЯЗ) и “Утренняя звезда” Жуковского (1818, пер. из Гебеля). Здесь мы вновь отмечаем, с одной стороны, обилие межтекстовых пересечений и, с другой, — жанровую контрастность текстов.

Тютчев подхватывает ритмико-строфическую форму Жуковского, заимствованную последним из немецкого оригинала (Я4 со сплошными мужскими окончаниями; 6-стишия с парной рифмовкой у Жуковского, виртуозные 5-стишия аабаб с подхватом основной рифмы 1-й строфы на ключевое слово в 3-й строфе — у Тютчева).

Не менее значимы пронизывающие тютчевский текст лексические, синтаксические и фонетические переклички с “Утренней звездой”:

Я знал ее еще тогда.
В те баснословные года.
Как перед утреним лучом

А звездочка?... Уж не блесит;
Печально-бледная, бежит?
Подружке шепчет: Бог с тобой!

Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом.

И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда незрима, неслышна
Роса ложится на цветы.

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.
(I, 186)

И скрылась в бездне голубой.

<...>

И будь на тверди голубой,
Моя звезда-подружка, ты,
И мне сияй из высоты

<...>

Откуда, звездочка краса?
Что рано так на небеса

<...>

В красе воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

<...>

Но кто там, в утренних лучах,
Мелькнул и спрятался в кустах?
С ветвей посыпалась роса,
Не ты ли, девица-краса <...>?

<...>

И скрылась в бездне голубой.

(II, 130–131)

Как и в случае с “Морем” очевидная тематическая смежность текстов контрастно высвечивает жанровые различия. Тютчев игнорирует идиллию Жуковского-Гебеля, в которой человеческий “дневной” мир снимает трагическую тему “звездной” аллегории (она оказывается опровергаемой человеческим миром частью параллелизма:

Будь я восточною звездой,
И будь на тверди голубой.
Моя звезда-подружка, ты,
И мне сияй из высоты —
О, звездочка-душа моя,
Не испугался б солнца я).

Сама же аллегория, попадая в тютчевский текст, теряет однозначность, превращаясь в сложную и динамичную последовательность тропов: от “первоначальных дней звезды” первой строфы (ни с чем у Жуковского не коррелирующая метафора возраста) до сравнения, где слову “звезда” приписывается совершенно иное значение (“мнится, ... она ушла, ... как звезда”)³.

Подробно и любовно изображенный в “Утренней звезде” “дневной” солнечный мир может быть контрастно соотнесен с единственным стихом тютчевского стихотворения: “И так средне земной чужда”. Тютчев вычленяет из идиллии трагическую тему утренней звезды и строит свой фрагмент на семантическом варьировании этого ключевого тропа.

Такие трансформации представляются неслучайными. По сути дела Тютчев контаминирует “Утреннюю звезду” с другим текстом Жуковского, не публиковавшимся, но известным и ключевым в биографическом смысле. Речь идет о знаменитом “19 марта 1823”. Особенно это заметно в первой редакции тютчевского стихотворения с ее заключительными стихами: “Что мнится, и она ушла, / А не погибла, как звезда”. В. Н. Топоров указал, что “19 марта 1823” послужило претекстом для ряда стихотворений Тютчева со “стоящей героиней” (от “Сей день, я помню, для меня...” до “Я помню время золотое...”) [Топоров-1977, 58]. В этот ряд включается и “Я знал ее еще тогда...” (ЯЗЕ), и, очевидно, перекликающееся с ним “Двум сестрам” (ДС) (1830), со “звездной” темой не связанное:

ДС	ЯЗЕ	“19 марта...”
И всю тебя <u>узнал</u> я в ней	Как перед <i>утренним лучом</i>	Твой <u>взор</u> невинный ...
Та ж <u>взоров тихость</u> ,	Первоначальных дней <u>звезда</u>	Он мне <u>напомнил</u> ...
нежность гласа,	Уж тонет в небе голубом.	<u>Звезды</u> небес,
Та ж <i>свежесть утренне-</i>	И все еще была она	<u>Тихая</u> ночь.
<i>ю часа...</i>	Той <i>свежей прелести</i> <u>полна</u> ,	(III, 64)
(I, 33)	Той дорассветной темноты,	
	Когда незрима, <i>неслышна</i>	
	Роса ложится на цветы.	

(Курсивом выделены лексико-семантические проекции ЯЗЕ, жирным шрифтом — проекции “19 марта...”.)

Как и в случае с “Морем”, обращение к “Утренней звезде” служит знаком обращения к центральной теме Жуковского — теме любовной утраты⁴. При этом тютчевский аллюзивный бриколаж делает опубликованный текст Жуковского (“Море” или “Утреннюю звезду”) планом выражения, за которым скрывается отсылка даже не к конкретному тексту (“19 марта...”), но к воплощенной в нем этой центральной теме.

4.

Возвращаясь к КХТ, напомним, что это стихотворение написано в 1864 году в Ницце после смерти Е. А. Денисьевой и было включено Тютчевым в цикл стихотворений, посвященный ее памяти⁵.

Вспоминая позже об этом времени, Тютчев писал дочери Анне Федоровне из Парижа (письмо от 17/29 марта 1865):

Париж мне немного помог... Он на время развлек меня и заставил забыть... Гораздо легче мне стало также и оттого, что кончилась Ницца. <...> Странную роль сыграла Италия в моей жизни... Дважды являлась она передо мной, как роковое видение, после двух самых великих скорбей, какие мне суждено было испытать... Есть страны, где носят траур ярких цветов. По-видимому, это мой удел... [Тютчев-1984, 275–276].

Первой “великой скорбью” была смерть Элеоноры Федоровны Тютчевой, скончавшейся 28 августа/9 сентября 1838 года в Турине. 6/18 октября 1838 года Тютчев обратился с письмом к Жуковскому, находившемуся в Комо в свите наследника:

И от вас. — простите ли вы мне это требование, — и от вас я, вам чужой, почти вовсе не знакомый, жду и надеюсь утешения. <...>

Проездом через Милан⁶ вы известились, может быть, о моем несчастье, о моей потере?.. И та, которой нет... сколько раз по возвращении своем из Петербурга и рассказывая мне про свою тамошнюю жизнь, упоминала она мне про вас... Вот почему, не будучи ни суевером, ни сумасбродом, я от свидания с вами жду некоторого облегчения...

Есть ужасные години в существовании человеческом... Пережить все, чем мы жили — жили в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы — и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить... Есть слова, которые мы всю нашу жизнь употребляем, не понимая... и вдруг поймем... и в одном слове, как в провале, как в пропасти, все обрушится.

<...> Не вы ли сказали где-то: *в жизни много прекрасного и кроме счастья*. В этом слове есть целая религия, целое откровение... Но ужасно, несказанно ужасно для бедного человеческого сердца отречься навсегда от счастья [подлинник по-французски: Тютчев-1984, 41–42].

Если отвлечься от несомненно присутствующих в этом письме прагматических мотивов, связанных с желанием Тютчева приблизиться ко двору наследника (ср. письмо Н. И. Тютчева к родителям [ЛН-2, 200]), обращают на себя внимание фразы “Все пережить и все-таки жить...”, откликающаяся в другом стихотворении Тютчева из цикла, посвященного памяти Денисьевой (“Весь день она лежала в забытьи...” — ср. тютчевское курсивное выделение в стихе “О господи!.. и это *пережить*...”⁷) и ключевая формула “в жизни много прекрасного и кроме счастья”, несомненно служившая для Жуковского сигналом причастности Тютчева к кругу *своих* — в противоположность этикетному зачину процитированного фрагмента письма Тютчева.

А. Л. Осповат, посвятивший отдельную заметку выяснению источников этой формулы, справедливо видит их не столько в стихотворных текстах Жуковского, сколько в частной переписке последнего [Осповат, 15–16], указывая в частности на письма к А. П. Елагиной (от 30 июля 1814) и А. И. Тургеневу (от 4 августа 1815). Учитывая контекст, укажем на еще один возможный источник, ближайший по времени. Это письмо Жуковского к А. П. Елагиной, написанное в 1823 вскоре после смерти М. Протасовой:

Теперь я знаю, что такое смерть, но бессмертие стало понятнее. Жизнь — не для счастья: в этой мысли заключено великое утешение⁷. Жизнь — для души; следственно, Маша не потеряна [Зейдлиц, 134]⁸.

В письме Тютчева одинаково характерны и сочувственная цитация формулы Жуковского, и отказ принять ее в качестве окончательной (ср. в письме к Ек. Ф. Тютчевой от 25 ноября 1866 г.):

Все, что ты мне говоришь в последнем письме о живительной силе, которую черпает душа в смирении, идущем от разума, конечно, весьма справедливо, но что до меня, то признаюсь тебе, я не в силах смириться с твоим смирением и, вполне восхищаясь прекрасной мыслью Жуковского, который где-то сказал: “Есть в жизни много прекрасного и кроме счастья”, — я не перестаю желать для тебя счастья, которое требовало бы от тебя меньших

усилий... [оригинал кроме “мысли Жуковского” по-французски: ЛН-2, 469]).

Если предположить ту или иную степень знакомства Тютчева с эпистолярием Жуковского 1823 года, особенно заметен контраст между постоянным мотивом Жуковского (который в переводе на язык Тютчева может быть выражен формулой “она ушла и скрылась в небе, как звезда”⁹) и соответствующими стихами ЯЗЕ с их сугубо тютчевским словом “мнится”, резко меняющим картину.

Мысли, идущей от *разума*, в мире Тютчева противопоставлена иррациональная невозможность смириться с утратой, *пережить*¹⁰. Слова из письма Тютчева А. И. Георгиевскому, написанного 8 августа 1864, на следующий день после похорон Денисьевой: “Пустота, страшная пустота. И даже в смерти — не предвижу облегчения. Ах, она мне на земле нужна, а не там где-то...” [Тютчев-1984, 269] — еще одна демонстрация этой скрытой, но напряженной полемики с каноном Жуковского. И включенное в цикл КХТ — метафорическая земная (а не небесная, как у Жуковского) встреча с “ней”.

При этом канон Жуковского в лирическом мире Тютчева не отвергается полностью. В этой перспективе интересны переключки двух стихотворений, посвященных памяти Жуковского “Памяти В. А. Жуковского” (ПЖ) и “Прекрасный день его на Западе исчез...” (ПДЕ) и ЯЗЕ (с инверсией “утро”/”вечер”, “прохлада”/”тепло” и т.д.):

ПЖ

Я видел вечер твой. Он был *прекрасен!*
 <...> Я любовался им: и тих, и ясен,
 И весь насквозь проникнут *теплотой*...
 О, как они и грели и сияли —
 Твои, поэт, прощальные лучи...
 А между тем заметно выступали
 Уж *звезды* первые в его ночи...
 <...> С каким радушием благоволенья
 Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих первоначальных лет...
 А *звезды* между тем на них сводили

Таинственный и сумрачный свой свет...

<...> Поистине, как голубь, *чист и цел*

Он духом был <...>

Поймет ли мир, оценит ли его? <...>

ПДЕ

Прекрасный день его на Западе исчез,

Полнеба обхватив бессмертною зарею,

А он из глубины полуночных небес –

(Он сам глядит на нас пророческой звездою.

(II, 142)

ЯЗЕ

Я знал ее еще тогда,

В те *баснословные года,*

Как перед утренним лучом

Первоначальных дней звезда

Уж тонет в небе голубом.

И все еще была она

Той свежей прелести полна,

Той дорассветной темноты,

Когда незрима, неслышна

Роса ложится на цветы.

Вся жизнь ее тогда была

Так совершенна, так цела

И так среде земной чужда,

Что, мнится, и она ушла

И скрылась в небе, как звезда.

Интересно, что отмеченное нами колебание значений ключевого слова “звезда” в ЯЗЕ подготовлено колебанием значений солярных и звездных тропов в ПЖ и ПДЕ: “звезды” в первом тексте контрастно соответствуют первой строфе ЯЗЕ, это метафора смерти (“ночь жизни”), а герой в нем представлен через солярную метафору (“твои <...> лучи”); в ПДЕ, напротив, солярная метафора (“день жизни”) и звездная метафора (“ты <...> глядишь <...> звездою”) соответствуют последней строфе ЯЗЕ.

Читая и (осознанно или неосознанно) преломляя в своих фрагментах тексты Жуковского, Тютчев, как мы видели, обращается через головы этих текстов к биографическому кон-

тексту. Это явление тем замечательнее, что биография Тютчева строилась по совершенно иным правилам, в чем-то схожим с поэтикой тютчевского фрагмента. Отсюда и частые недоумения специалистов по поводу “адресатов” тютчевских стихотворений. Удивление Жуковского, отметившего в дневнике как психологический курьез “горе и воображение” Тютчева (скорбь по умершей жене и мюнхенскую влюбленность) — свидетельство не просто столкновения двух типов личности, но и двух типов поэтики биографии, двух “жизненных жанров” [Осват, 16]. Эта контрастность (или дополнительность) и ее культурный характер осознавались Тютчевым; когда в стихотворении “Памяти В. А. Жуковского” он пишет:

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
Он все в себе мирил и совмещал,

эта нравственно-психологическая характеристика тут же дополняется жанровой:

С каким радушим благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радостные были
Младенческих первоначальных лет...

И “души высокий строй”, отсутствие которого — один из лейтмотивов тютчевской лирики (“душа не то поет, что море”), и упоминание гомеровского эпоса (род, абсолютно чуждый Тютчеву) характеризуют отношение Тютчева к Жуковскому как к некоторому идеальному “другому” его лирического мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ссылки на список литературы даются в тексте в квадратных скобках. При ссылках на многотомные издания номер тома указан через тире. Стихотворения цитируются по: [Тютчев-1965], [Жуковский], [Лермонтов] с указанием тома и страниц в круглых скобках. Курсивы в прозаических цитатах принадлежат авторам цитируемых текстов, в стихотворных цитатах (кроме оговоренных случаев) — нам.

- ² О переключках тютчевского стихотворения с разработкой темы странника у Эйхендорфа см.: [Топоров-1990, 57–63].
- ³ Об устойчивости и непротиворечивости антитез Жуковского в противоположность динамичности антитез Тютчева см.: [Грехнев, 23].
- ⁴ Предлагаемое нами рассмотрение связей лирики Тютчева и Жуковского, несомненно, не исчерпывает всех аспектов темы. Помимо указанных в “Семинарии” А. С. Янушкевича, укажем на тему Александра II, устойчиво связанную у Тютчева с Жуковским.
- ⁵ См. об этом: [Лейбов-1995].
- ⁶ Правильно — “Минхен”, указано Т. Г. Динесман [ЛН-2, 202, подстрочное прим.].
- ⁷ Ср. у Тютчева: “В этом слове есть целая религия, целое откровение...”
- ⁸ О повторении ключевых формул в эпистолярной Жуковского см.: [Грехнев, 21].
- ⁹ Ср., например, в письме Жуковского А. П. Елагиной (Дерпт, 28 марта 1823): “Rien ne change à mon aproche; et voilà donc la réception de Marie! Mais vraiment dans le ciel, qui était serein, il y avait quelque chose de vivant. Я смотрел на небо другими глазами; это было милое, утешительное, Машино небо” [Зейдлиц, 132]
- ¹⁰ Ср. подчеркнутое Тютчевым слово *idées* в письме А. И. Козловой (процитированном нами в эпиграфе) и слова о “прекрасной мысли Жуковского” в письме Ек. Ф. Тютчевой.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров: *Гаспаров М. Л.* Композиция пейзажа у Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. Таллинн. 1990. С. 5–31.
- Грехнев: *Грехнев В. А.* Слово и большой лирический контекст в поэзии пушкинской поры (Жуковский, Тютчев) // А. С. Пушкин: Статьи и материалы. Горький, 1971. (Уч. зап. Горьк. гос. ун-та. Вып. 115). С. 3–25.
- Жуковский: Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. СПб., 1902.
- Зейдлиц: *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. СПб., 1889.
- Левин: *Левин Ю. И.* Инвариантный сюжет лирики Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. Таллинн. 1990. С. 142–206.

- Лейбов-1992: *Лейбов Р. Г.* Стихотворение Тютчева и "Русская Вильна" А. Н. Муравьева // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 142–147.
- Лейбов-1995: *Лейбов Р. Г.* Незамеченный цикл Тютчева // Лотмановский сборник. М., 1995. С. 516–527.
- Лермонтов: *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Л., 1958. Т. 1. ЛН: Литературное Наследство. Т. 97. Кн. 1–2. М., 1988–1989.
- Лотман-1982: *Лотман Ю. М.* Заметки по поэтике Тютчева // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. 1982. Вып. 604 (Тр. по рус. и славян. филологии: Литературоведение). С. 3–16.
- Лотман-1990: *Лотман Ю. М.* Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. Таллинн, 1990. С. 108–141.
- Осват: *Осват А. Л.* Жуковский в биографии Тютчева // Четвертые тыняновские чтения: тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 15–16.
- Пумпянский: *Пумпянский Л. В.* Поэзия Ф. И. Тютчева // Урания: Тютчевский альманах. Л., 1928. С. 9–57.
- Топоров-1977: *Топоров В. Н.* Из исследований в области поэтики Жуковского. III. "19 марта 1823" и "<Елисавете Рейтерн>" // *Slavica Hierusolymitana*. V. I. Jerusalem, 1977. P. 51–77.
- Топоров-1990: *Топоров В. Н.* Заметки о поэзии Тютчева (Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством) // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. Таллинн, 1990. С. 32–107.
- Тютчев-1965: *Тютчев Ф. И.* Лирика. М., 1965. Т. 1–II.
- Тютчев-1984: *Тютчев Ф. И.* Сочинения. М., 1984. Т. 2 (письма).
- Эйхенбаум: *Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки // Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 139–286.
- Янушкевич: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский: Семинарий. М., 1988.
- Lane: *Lane R.* Index of Tyutchev's poems with an indication of influences in them // *Aspects of Russia 1850–1970: Poetry, Prose and Public Opinion*. Avebury Publishing Company, 1984.

КАМЕНЬ ВЕРЫ (Тютчев, Гоголь и Мандельштам)

АЛЕКСАНДР ОСПОВАТ, ОМРИ РОНЕН

1. Между многочисленных введений «полифонии» в поэзию Тютчева у молодого Мандельштама привлекают к себе внимание по меньшей мере три знаменательных обращения автора «Камня» к многосторонней иносказательности, связанных с теми образами, один из которых поэт назвал «таинственным тютчевским камнем».

Поскольку Мандельштам с безошибочным чутьем избирает для подтекстообразующего цитирования, прямого или зашифрованного, как раз места, сами представляющие собой цитату или поэтическое оформление «чужого» художественного или идеологического прототипа, исследование межтекстовых связей его творчества с поэзией Тютчева в иных случаях проливает свет и на источники, и на смысл лирики «Эсхила русского ямбического стиха».

Так «камень жизни роковой» и играющий на нем младенец уводит Мандельштама к известным аллегорическим изображениям, контаминированным, по связи с Амуром, резвящимся в тютчевском посвящении Раичу, и с эмблематикой амуров-рыболовов, стоящих на камнях среди вод, в стихотворении, изобилующем тютчевской лексикой и тематикой (Ронен 1992: 518), но сочетающем их, согласно главному принципу поэтики раннего Мандельштама, «с ребячеством Верлена»: *На влажный камень возведенный, / Амур, печальный и нагой, / Своей младенческой ногой / Переступает, удивленный // Тому, что в мире старость есть — / Зеленый мох и влажный камень — / И сердца незаконный пламень, — / Его ребяческая месть. // И начинает ветер грубый / В наивные долины дуть; / Нельзя*

достаточно сомкнуть / Свои страдальческие губы (1909). Здесь «Амур на земле» Верлена и «Я помню время золотое...» (*Стояла ты, молодая фея, / На мшистый опершись гранит, // Ногой младенческой касаясь / Обломков груди вековой*) сопоставлены в единый образ скрещиванием метафоры и метонимии, а два поэтических словаря накладываются друг на друга по праву чисто типологического сходства, а не исторического родства: «ветер грубый», верленовское «ses bises rudes» («En ratinant»), русскоязычному читателю не может не напомнить «бизу» Тютчева.

О намеке на источник и подспудный смысл центрального образа четверостишия «Problème», явно присутствующем в манифесте «Утро акмеизма», уже писалось прежде (Ronen 1983: 205; 1985: 121; 1990: 1634–1635; Ронен 1992: 519). Речь идет о камне, который «оторвался от горы без содействия рук», «сделался великою горою и наполнил землю» в Книге Даниила, и об интерпретации, трактующей это место как пророчество о воплощении Слова. Отсюда внутренняя логика рассуждения в «Утре акмеизма» и его духовный пафос: «...камень Тютчева, что, «с горы скатившись лег в долине, сорвавшись сам собой или низвергнут мыслящей рукой», — есть слово. Голос материи в этом неожиданном падении звучит как членораздельная речь. На этот вызов можно ответить только архитектурой. Акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания». Библейский подтекст не отменяет источника, найденного в письмах Спинозы (Берковский 1962: 40), разъясняющего позднейший вариант тютчевского четверостишия, в котором вместо стиха «Или низвергнут мыслящей рукой» было: «или был низринут волею чужой». Между двумя вариантами можно, таким образом, усмотреть отношение дополнительности как между теологической и метафизической формулировками одной и той же «проблемы».

В третьем примере, подлежащем разбору, Мандельштам дословно цитирует Тютчева и даже называет автора в подстрочном примечании к рукописи своего стихотворения, при жизни не напечатанного — «В изголовье черное распятие...».

Приведем последнюю, четвертую строфу его, содержащую тютчевские слова: *Нет, не парус, распятый и серый, / С неизбежностью меня влечет -- / Страшен мне «подводный камень веры»*, / Роковой ее круговорот.** Тютчев. (Ноябрь 1910).

2. Это изречение взято из стихотворения «Два демона ему служили...», составляющего вторую часть цикла «Наполеон»: *Но освящающая сила, / Непостижимая уму, / Души его не озарила / И не приблизилась к нему... / Он был земной, не Божий пламень, / Он гордо плыл --- презритель волн, / Но о подводный веры камень / В щепы разбился утлый челн.* Заключительное восьмистишие было сочинено в 1840-е гг. (Пигарев 1965: 385–386), скорее всего в конце десятилетия — т.е. почти одновременно со стихотворным откликом на европейские катаклизмы 1848 г. («Море и утес»), центральным образом которого является каменная стремнина: *...И озлобленные боем, / Как на приступ роковой, / Снова волны лезут с воем / На гранит громадный твой. / Но о камень неизменный / Бурный натиск преломив, / Вал отбрызнул сокрушенный, / И струится мутной пеной / Обессиленный порыв... // Стой же ты, утес могучий,* и т.д. Анализ «Моря и утеса» до сих пор не выходил за рамки сопоставления со стихотворением Жуковского «Русскому великану» (*Не тревожься, великан. / Мирно стой, утес наш твердой, / Отшибая грудью гордой / Вкруг ревущий океан,* и т.д.), которое послужило непосредственным источником для Тютчева (Благой 1933: 217–220) и даже явилось объектом его редакторских усилий (Гиллельсон 1980: 61), но между тем параллель со второй частью «Наполеона» заслуживает не меньшего внимания. В обоих случаях специфичность тютчевского иносказания в том, что оно относится к всемирной войне за веру: Россия vs. Наполеон, Россия vs. Революция, причем первый член этих оппозиций представлен характерным для поэта «дублетом» (термин Л. В. Пумпянского) подводного и надводного камней.

Нет нужды обозревать общеизвестную символику камня, на котором зиждется церковь, красугольного камня христианской веры и камня преткновения неуверовавших. Литургическая

формула, вытверживаемая любым принимающим причастие («На камени мя веры утвердив, расширил еси уста моя на враги моя», Последование к Св. Причащению, начальная фраза ирмоса к песни 3) и взятая в название известного антилютеранского трактата Стефана Яворского («Камень веры, православным церкви святыя сыном — на утверждение и духовное созидание, премыкающимся же о камень претыкание и соблазна — на восстание и исправление», 1718; опубл. 1728), в культурной памяти Тютчева могла быть актуализована на фоне толков о диссертации его московского знакомого Ю. Ф. Самарина, посвященной Стефану Яворскому и Феофану Прокоповичу (1844; тогда же третья часть диссертации вышла отдельным изданием: «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники»).

Как аллегория незыблемости среди бушующих волн образ камня/утеса связан и с барочной эмблематикой (в самом известном отечественном сборнике эмблем тождественному изображению «каменной горы, морем окруженной», соответствуют две апофегмы: «Неподвижно смотрю на свирепеющие волны / Immotus concurrere vidi»; «И в самом движении опочиваю. На бурю и ненастье спокойно взираю / In motu quiesco», — Максимович-Амбодик 1788/1989: 116–117, 202–203, № 462, 806), и с русской панегирической традицией, которая в частности, обыгрывала этимологию имени первого русского императора (см. в знаменитом «Слове <...> на похвалу Петра Великого»: «Прежде в сей день торжествовала Россия, благодаря смотрению Божию за дарованнаго себе Монарха <...> первому Апостолу тезоименнаго и не всуе имя сие имевшаго, твердаго в вере <...> и на сокрушение супостат наших каменю подобнаго», — Прокопович 1961: 129¹; ср. в этой связи: Погосян 1992: 75–77).

В ряду возможных литературных подтекстов отметим «Утес» В. Бенедиктова: *Отвсюду объятый равниною моря, / Утес гордо высится, — мрачен, суров, / Незыблем стоит он², в могуществе споря / С приboями волн и с напором веков...* (Бенедиктов 1835: 85; это стихотворение перепечатано в двух последующих сборниках автора — в 1838 и 1842 гг., причем в

последнем случае оно открывало книгу)³. Прямой контраст к аллегорическим картинам, навеянными событиями 1848 г., дают начальные строки стихотворения Андрея Муравьева (приятеля юношества Тютчева и тоже ученика Раича) «Днепр»: *Днепр, воинственный Днепр, — России Тибр величавый! / Воем седых валов на брань зовущий утесы!* (под названием «Воззвание к Днепру» оно было опубликовано в альманахе Раича вместе с тютчевскими опытами — СЛ 1827/1984: 33–34; под заголовком «Днепр» тогда же появилось в авторском сборнике — Муравьев 1827: 82–84). Но ближайшим образом интересующий нас мотив камня/утеса восходит к пассажиру из двенадцатой главы второй версии «Тараса Бульбы», напечатанной во втором томе «Сочинений Николая Гоголя» (1842): «Известно, какова в русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно-изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отсюда видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам. И горе кораблю, который несется на нее! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах все, что ни есть на них, и жалким криком погибающих оглашается пораженный воздух» (Гоголь II: 166–167).

Наличие у Жуковского «Сочинений» Гоголя 1842 г. нет нужды оговаривать; Тютчев же, который в 1844 г. более полно, чем прежде, ознакомился с произведениями Гоголя (Тютчев II: 101–102), по всей вероятности держал в руках именно это издание³. Гоголевское словосочетание «нерукотворная скала», также восходящее к библейскому контексту — через знаменитую надпись В. Рубана «К камню, назначенному для подножия статуи императора Петра Великого»: *Нерукотворная здесь Росская гора* (см. неумолкающую дискуссию о слове «нерукотворный» в связи с «Памятником» Пушкина) и фигуральным своим смыслом связанное, как и камень, что «с горы, скатившись, лег в долине», с пророчеством Даниила, вполне могло привлечь его внимание глубокой и разносторонней историко-религиозной многозначительностью.

3. Возникает вопрос, замечал ли Мандельштам связь между использованной им тютчевской цитатой и соответствующим местом в «Тарасе Бульбе». В историко-поэтическом мире Мандельштама Тютчев — поэт-вестник и исследователь грозы, о которой сказано в стихах «К немецкой речи»: *Поэзия, тебе полезны грозы!* Именно поэтому атрибут Тютчева в «Стихах о русской поэзии» — стрекоза: *Дайте Тютчеву стрекозу — / Догадайтесь, почему.* В самом деле, ключевым для Мандельштама в этом отношении служит тютчевское стихотворение, начинающееся строками: *В душном воздухе молчанье, / Как предчувствие грозы, / Жарче роз благоуханье, / Звонче голос стрекозы...* В неоконченном отрывке, датируемом по орфографии 1910-ми гг., но тематически примыкающем к рассуждению о грозе в набросках «Разговора о Данте», Мандельштам призывает Тютчева в эксперты, разбирая тяжбу между прогрессом и историей: «Прообразом исторического события — в природе служит гроза. Прообразом же отсутствия события можно считать движение часовой стрелки по циферблату. Было 5 минут шестого, стало 20 минут. Схема изменения как будто есть, на самом деле ничего не произошло. Как история родилась, так она может и умереть; и действительно, что такое, если не умирание истории, при котором улетучивается дух события, прогресс, детище девятнадцатого века. Прогресс — это движение часовой стрелки, и при всей своей бессодержательности это общее место представляет огромную опасность для самого существования истории. Всмотримся пристально вслед за Тютчевым, знатоком грозовой жизни, в рождение грозы...» Здесь фрагмент обрывается. Но в позднейшем стихотворении «Когда в далекую Корею...» — о закате «русского золотого», этой «кровавой звезды» Третьего Рима на Дальнем Востоке, всматриваясь вслед за Тютчевым в рождение исторического события, Мандельштам с точностью, быть может, бессознательно извлекает из своей творческой памяти гоголевскую ассоциацию и соединяет имя Тараса Бульбы с темой неминуемой грозы и тонущего корабля империи: *Была пора Тараса Бульбы / И наступающей грозы. ... / И «Петропавловску», Цусиме / Ура на дровяной горе.* Так

«нерукотворная гора» гоголевской войны за веру превращается в пленницу Тенишевского училища, революционный рострум ученической вольницы девятьсот пятого года, дровяную гору войны за веру в землю и волю.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. в более раннем «Слове в неделю осмьюнадесять...»: «...многими трудами не истомляемый и не сокрушаемый бесчисленными бедствиями, и, аки камень среди волн морских недвижимый пребывая, довольно всему свету показал еси, что имя Тебе Петр» (Прокопович 1961: 63).
- ² Реминисценция стиха из «Макбета» (действие III, сцена 4): *Whole as the marble, founded as the rock* (Shakespeare VII: 318; в переводе Ю. Корнеева: *Как мрамор целен, как утес незыблем*), входившего в цитатный инвентарь романтической эпохи (см. в дневниковой записи Байрона от 24 ноября 1813 г.: «...so — I am “firm as marble, founded as the rock”, till the next earthquake», — Byron. Letters II: 341).
- ³ Очевидным перепевом «Утеса» является экспозиция «Непонятной песни» Некрасова (1839): *Клокочет, бушует, волнуется море / Серdito и грозно; седые валы, / Как вихри, летают на буйном просторе / И сляться совинуть крутые скалы* (Некрасов I: 242).
- ⁴ Тютчев, который, как известно, и дня не мог прожить без европейской прессы, конечно, не упустил из виду и статью Сент-Бева в номере «*Revue des Deux Mondes*» от 1 декабря 1845 г.; откликаясь на выход избранных повестей Гоголя в переводе Луи Виардо и Ивана Тургенева («*Nouvelles russes*», 1845), критик выделил и подробно охарактеризовал именно «Тараса Бульбу» (Laffitte 1964: 58).

ЛИТЕРАТУРА

- Бенедиктов 1835: Стихотворения Владимира Бенедиктова. СПб., 1835.
- Берковский 1962: Берковский Н. Я. Ф. И. Тютчев // Тютчев Ф. И. Стихотворения. М.: Л., 1962 (БП, малая серия).
- Благой 1933: Благой Д. Творчество Тютчева // Благой Д. Три века: Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М., 1933.

- Гиллельсон 1980: *Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры. Новые открытия. 1979. Л., 1980.
- Гоголь II: *Гоголь Н. В.* Поли. собр. соч.: В 13 т. <М.: Л.>, 1937. Т. II.
- Максимович-Амбодик 1788/1989: *Емвлемы и символы, избранные <...>, напечатанные и исправленные Нестором Максимовичем-Амбодиком.* СПб., 1788. [Репринтное переизд. с подзаг.: *The First Russian Emblem Book / Ed. by A. Hippisley. Leiden a. o. 1989 (=Symbola et Emblemata: Studies in Renaissance and Baroque Symbolism. Vol. I).*]
- Некрасов I: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Художественные произведения. Л., 1981. Т. I.
- Муравьев 1827: *Муравьев А.* Таврида. М., 1827.
- Пигарев 1965: *Пигарев К. В.* Примечания // Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965. Т. I. (Серия «Литературные памятники»).
- Погосян 1992: *Погосян Е. А.* К проблеме поэтической символики панегирической поэзии Ломоносова // Труды по знаковым системам. Тарту, 1992. Т. 25 (=Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 936).
- Прокопович 1961: *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.: Л., 1961.
- СЛ 1827/1984: Северная Лира на 1827 год / Изд. подготовили Т. М. Гольц и А. Л. Гришунин. М., 1984.
- Тютчев II: *Тютчев Ф. И.* Сочинения. М., 1984. Т. II.
- Ронен 1992: *Ронен О.* Осип Мандельштам // Мандельштам Осип. Стихотворения. М., 1992.
- Byron. Letters II: *The Works of Lord Byron. Letters and Journals.* London & New York. 1903. Vol. II.
- Laffitte 1964: *Laffitte S.* Gogol et Sainte-Beuve // *Oxford Slavonic Papers.* 1964. Vol. XI.
- Ronen 1983: *Ronen O.* An Approach to Mandel'stam. Jerusalem. 1983.
- Ronen 1985: *Ronen O.* A Functional Technique of Myth Transformation in Twentieth-Century Russian Poetry // A. Kodjak a. o. (Eds.), *Myth in Literature.* Columbus. 1985.
- Ronen 1990: *Ronen O.* Osip Mandelshtam (1891–1938) // *European Writers. The Twentieth Century.* New York. 1990. Vol. 10 (Yevgeny Zamiatin to Pär Lagerkvist).
- Shakespeare VII: *The Works of William Shakespeare.* London & New York. 1892. Vol. VII (=The Cambridge Shakespeare).

СТИХОТВОРЕНИЕ Ф. ТЮТЧЕВА “ДЕНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСТОКА”

ПЕР-АРНЕ БУДИН

Поэтическое наследие Ф. Тютчева традиционно подразделяется на две группы: стихотворения о любви, о природе или на философские темы, с одной стороны, и политические, вернее, политико-религиозные стихотворения, с другой стороны. Критики и литературоведы обычно считают лишь первую группу подлинно творческими произведениями поэта. При этом политические стихотворения либо вообще обходят вниманием, либо рассматривают как часть дипломатической деятельности Тютчева в качестве представителя царской России в различных западноевропейских странах.

Дмитрий Мирский в своей истории русской литературы высказывает мнение, что подавляющая часть политических стихов Тютчева — не что иное, как зарифмованная журналистика¹. Эти напыщенно-патриотические стихотворения способны вызвать у читателя разве что чувство неловкости. Трудно найти какую-либо связь между этими двумя частями творчества поэта, порой возникает ощущение, что они написаны двумя разными людьми.

Однако политические стихотворения Тютчева в некотором смысле наиболее оригинальны и своеобразны — наряду с его поздней любовной лирикой. Многие исследователи справедливо отмечали, что остальные произведения Тютчева несут в себе черты стихотворного перевода — действительно удалось обнаружить немецкие и французские оригиналы, стоящие за многими его натурфилософскими стихотворениями².

С учетом вышесказанного представляется особенно интересным проанализировать произведение, где сталкиваются эти два противоположных начала — глубоко личное и политико-

религиозное. Речь идет о стихотворении “День православного Востока”, которое написано в 1872 году, незадолго до смерти поэта.

День православного Востока
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!

Но и святой Руси пределом
Его призыва не стесняй:
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край.

Своею дальнею волною
И ту долину захвата,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя, —

Тот светлый край, куда в изгнание
Она судьбой увлечена,
Где неба южного дыханье
Как врачество лишь пьет она...

О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повея,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...

16 апреля 1872 г.³

Это стихотворение относится к группе политических стихов Тютчева, определяющих место и роль России в судьбах мира. Такова основная тема первой половины стихотворения — т.е. первых десяти строк. В них прежде всего поражает полное отсутствие личных форм глагола. Почти все глаголы стоят в повелительном наклонении.

В первой части стихотворения ни прямо, ни косвенно через “ты” или какое-либо другое личное местоимение не выявляется “я” поэта. Вся первая часть — это призывы, обращенные к конкретному дню, пасхальному воскресенью.

Безличное начало придает стихотворению сходство с жанром торжественной оды⁴. Первая строфа действительно напоминает оду XVIII века во славу какой-нибудь военной победы.

Традиционная формула “на день” здесь заменяется просто словом “день”, которое подчеркивает временное или, вернее, вневременное звучание стихотворения. В нем воспевается не событие во времени, а само наступившее время. В сочетании с отсутствием личных форм глагола это делает первую часть стихотворения как бы устремленной в вечность.

Стихотворение написано четырехстопным ямбом, то есть типическим размером русской оды. Оно начинается со спондея, подчеркивающего слово “день”, — т.е. объект, который воспевается в стихотворении. Жирмунский в своей работе “Введение в метрику” указывает на то, что этот прием нередко встречается у поэтов XVIII века, например, у Державина⁵. Метафора облачения в первой строфе также перекликается с жанром оды. Можно сказать, что первые строфы стихотворения (возвышенность темы, обилие призывов и т.д.) представляют собой типичное начало оды XVIII века.

Помимо торжественной оды первая часть стихотворения перекликается с текстами пасхальной службы, представляющими собой триумфальные победные песни, где Христос выступает как победитель в борьбе со смертью.

Воскресения день, просветимся, людие: Пасха, Господня Пасха!
От смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас преведе, победную поющая⁶.

Таким образом, в стихотворении говорится о Пасхе, в нем присутствует весть о воскресении как некая специфически русская весть, которую России предназначено распространить по всему миру. Стихотворение датировано Пасхальным Воскресеньем 1872 года. К этому времени представление о том, что страна противопоставляет истинно христианскую весть о воскресении западно-европейскому рационализму и скептицизму, становится составной частью русского национального самосознания. Это представление есть неотъемлемая часть того представления о самих себе, которое складывается в России еще в эпоху романтизма. Александр I продемонстрировал его, велел отслужить пасхальную литургию на площади в Париже по случаю вступления в него русских войск⁷.

Анализируемое произведение Тютчева — один из первых образцов того жанра русской поэзии, которому я дал бы название “пасхальные стихи” и который позже стал очень популярным тривиальным жанром в русской поэзии конца века⁸. Другой, более ранний пример — стихотворение Хомякова “Кремлевская заутреня на пасху” (1850):

И мощный звон промчался над землею.
И воздух весь гудя, затрепетал.

<...>

Он с высоты нам песнь одну поет, —
Победы песнь, песнь конченного плена⁹.

И у Хомякова Пасха политизирована и связана, может быть, как с надеждой на освобождение крестьян, так и с готовящимся походом для спасения австрийских славян от венгерского порабощения, как отмечает комментатор Б. Ф. Егоров в издании стихотворений Хомякова в Библиотеке поэта. Последнее истолкование — совсем в рамках тютчевского мышления¹⁰.

Пасхальная весть в стихотворении включает в себя образ святой Руси, а также империалистическое представление о державе, переливающейся через свои границы, как и весть о воскресении. В первой части стихотворения часто встречаются слова, означающие этот выход за пределы: “разлей”, “широко”, “льется”. Ощущение выхода из границ создается за счет использования символики воды. Романтическое стремление ко всякого рода безмерности, неудержимости здесь приобретает религиозно-политическую направленность.

Почти все выражения первой части стихотворения двусмысленны: они могут быть интерпретированы и в религиозном контексте, как распространение вести о воскресении и как весть о славе Российской империи (“День православного Востока”, “Святая Русь”, “призыв”).

В стихотворении по-новому сопоставляются, хотя и не отождествляясь, три понятия: Православный Восток, Россия и Святая Русь. У славянофилов и в более ранних текстах Россия и Святая Русь выступают скорее как антонимы¹¹. В этом стихотворении, в отличие от славянофильских представлений,

Святая Русь описывается не как потерянный рай или утопия будущего, а именно как существующая реальность, географически совпадающая с Российской Империей, а еще точнее — отражающая сферу интересов России во всей Европе. Само понятие святости ставит Россию как бы над историей, поскольку святость предполагает отрицание возможности исторического развития. В недрах Святой Руси уже вечная Пасха, только на периферии Империи и за ее пределами существуют время и развитие, и туда должна бы переливаться русская святость. Здесь уместно напомнить, что западное христианство вообще празднует Пасху в другое время, чем Восток. День православного Востока — день Пасхи только для Востока.

Святая Русь — утопическое понятие: если Утопия достигнута, время останавливается. В стихотворении формулируется дилемма русской националистической мысли, ведь приписать собственной стране святость означает поставить ее вне времени и вне истории. Рассматриваемое стихотворение подтверждает это как своей грамматической структурой, так и идеологической направленностью.

Тема святости и тема воскресенья объединяются в слове "святись". В связи с празднованием пасхи оно неизбежно вызывает ассоциации с глаголом "светися" в одном из самых известных песнопений пасхальной ночи, где кроме того присутствует такое же употребление форм повелительного наклонения, как и в стихотворении Тютчева:

Светися, светися, новый Иерусалиме: слава бо Господня на тебе
возсия, ликуй ныне и веселися, Сионе¹².

Используя это слово, автор подчеркивает, что святость имеет не только пространственные параметры, но и связана со старым представлением о Москве как о Новом Иерусалиме¹³.

Если ограничиться анализом лишь первой части, то перед нами — политическое стихотворение, в котором политическое и религиозное начала сплетены в характерной для позднего Тютчева манере. Весть о воскресении должна быть разнесена по всему миру, и выполнить это предназначение предстоит России.

Первая часть стихотворения напоминает стихотворение Тютчева “Русская география”, написанное в 1849 году:

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему и где его границы — ...¹⁴

Объединяющим мотивом в обоих стихотворениях является образ Российской Империи, выходящей из берегов и затопляющей большую часть мира.

Первая часть стихотворения напоминает также стихотворение Тютчева, написанное в 1849 г., “Рассвет”. Параллели между ними столь многочисленны, что правомерно было бы называть это произведение прямым прототипом стихотворения “День Православного Востока”. Это, пожалуй, наиболее империалистическое стихотворение Тютчева:

Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им огласися!
Тебя зовет и будит он; —
Вставай, мужайся, ополчися!
В доспехи веры грудь одень,
И с Богом, исполни державный!..
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!¹⁵

Стихотворение кончается тем, с чего начинается анализируемое стихотворение — с большого православного торжества, однако здесь имеется в виду тот день, когда начнется борьба за завоевание Константинополя. Здесь также присутствует связь между Русью и Востоком, как и мотив колокольного звона, разносящегося по свету, но направленного не на Запад, как в нашем стихотворении, а на Восток. Таким образом, политическая риторика в поэтическом языке Тютчева полностью совпадает с его религиозной риторикой. Лишь в конце стихотворения “День православного Востока” сам торжественный день определяется более однозначно как пасхальное воскресенье, и только тогда мы понимаем, что весть, разносящаяся по свету, не имеет прямого отношения к военным или политическим победам. На фоне стихотворений “Русская география” и

“Рассвет” амбивалентность первой части стихотворения становится еще явственней.

Во второй части стихотворения автор неожиданно переходит с политико-религиозного уровня на личный. Точкой перелома является середина третьей строфы и появление первого глагола в изъявительном наклонении “бьется” с личным субъектом: “мое родимое дитя”. Слово “долина” с его смешанной географически-религиозной коннотацией является переходным.

Таким понятиям, как “святая”, “святиться” во второй части соответствует слово “светлый”. Возможно, слово “святись” благодаря сходству звучания потянуло за собой этот эпитет, однако тем ярче подчеркивается противопоставление понятий “светлый” и “святись”. Долина не святая, а светлая и теплая (“где неба южного дыханье”). Россия — это абстрактная святость, символ воскресения, за пределами России — свет и тепло. Однако пребывание в этой долине — своего рода “изгнание”, слово, вызывающее прямые ассоциации с библейским изгнанием из рая¹⁶. Это — один из парадоксов поэтического мира Тютчева.

“Край” в данном случае означает ограниченное, замкнутое пространство — в отличие от коннотации переливания через край в первой части. Ассоциативная заряженность этого слова, когда оно употребляется в тексте во второй раз, становится особенно отчетливой, если сравнить анализируемое стихотворение с переводом Тютчева из Гете “Kennst du das Land?”:

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...¹⁷

В последней строфе вновь появляется тема воскресения, возникают глаголы в повелительном наклонении. Это — сокровенная молитва поэта о спасении любимой дочери.

Таким образом, в стихотворении делается попытка соединить политический и религиозный пафос с личной просьбой о спасении дочери от смертельной болезни. Одновременно с этим складывается своеобразное разделение мира на Россию и Западную Европу, которую можно схематично изобразить следующим образом¹⁸:

Россия	Запад или Юг
расширяющееся пространство	ограниченное пространство
“мир целый”	“мое родимое дитя”
“святая”	“светлый”, “теплый”
/вне времени/	/простое настоящее время/
/безличное/	/личное: “мое”, “она”/
ода	молитва
воскресение	врачество

Эта парадигма создает непреодолимый конфликт между Россией и Западом, конфликт не только политический, но также экзистенциальный и личностный. Святость и воскресение невозможно соединить с теплом и географической определенностью.

Гибридность стихотворения особенно ясно видится в том, что Восток здесь противопоставляется не Западу, но Югу. Политическая дихотомия Восток — Запад смешивается с дихотомией Север — Юг, которая часто встречается в неполитической лирике Тютчева.

Гибридность заметна также и в области жанра. Как я уже заметил, первая часть стихотворения напоминает оду, а вторая — интимную молитву отца о здоровье дочери.

Если смотреть на целое стихотворение с точки зрения жанра молитвы, тоже чувствуешь некоторый дискомфорт. Как заметил Павел Флоренский в своем исследовании структуры молитвы, молитва начинается с обращения к Богу (Отче наш). В стихотворении это обращение заменено двусмысленным обращением ко дню православного Востока. Бог частично отсутствует, частично скрыт в стихотворении Тютчева.

Ссылка на типическую, в Домостроительстве открывшуюся уже деятельность Божию как онтологически характеризующую всякую силу (слова Флоренского), дана в смешанной политико-религиозной риторике, а не в утверждении милости Бога к человеку¹⁹. Однако вторая часть стихотворения совпадает с жанровыми требованиями молитвы, то есть с самим прошением.

У Тютчева в его политико-религиозных стихах мы почти не встречаем употребления местоимения "я". В наследии Тютчева, однако, встречаются несколько стихотворений, где употребление первого лица единственного числа связано с религиозным мотивом. Однако "я" в этих стихах Тютчева выполняет особую роль, ускользает от читателя, маскируется или раздробляется. В этих стихах мы находим сомнения, тоску по вере в Бога, но никогда не прославление или утверждение веры. Ярким примером такого амбивалентного отношения является стихотворение "О вещая душа моя!..", где говорится о душе и теле, стремящихся пойти разными путями:

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть²⁰.

Более ранний пример — стихотворение "Я лютеран люблю богослуженье..." с его нападками на лютеранский рационализм, где автор одновременно выражает свою симпатию к лютеранской службе.

В другой "молитве" Тютчева — "Наш век" — "я" выступает закамouflировано, является выражением обобщенно-личного значения, кроме того, нагромождение отрицаний приводит к тому, что сама молитва и ее искренность подвергаются сомнениям. Связь с "я" самого поэта отсутствует. В этом стихотворении говорится о современном человеке, который даже не хочет просить Бога дать ему веру:

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
"Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!.." ²¹

Если в религиозно-политических стихотворениях местоимение первого лица совсем не употребляется, то в этих стихотворениях "я" ускользает.

В одном из самых последних произведений, написанных Тютчевым, а именно, в переводе екапостилария Великого Четверга, тоже присутствует сомнение и такое же ощущение

непричастности, оторванности, как и в процитированном выше стихотворении:

Чертог твой, спаситель, я вижу украшен,
Но одежд не имею, да вниду в него²².

Еще раз мы можем наблюдать, что тютчевское “я” само вне святости, оно экстерриториально в отношении к географической или трансцендентальной святости.

В стихотворении “День Православного Востока” происходит следующее — политико-религиозные декларации дают автору возможность выразить надежду, связанную с днем воскресения, и утешение, обращенное к больной дочери. При этом стихотворение как бы распадается на две части, поскольку различия между первой и второй частью как по форме, так и по содержанию непреодолимы. Декларативный стиль оды противоречит переживаниям отца и страданиям дочери. В стихотворении сделана попытка объединить личные чувства с религиозными декларациями, что в принципе невозможно в поэтическом универсуме Тютчева. Для поэта более характерно сочетание глубоко личного с сомнениями, но в данном случае это исключено, поскольку стихотворение задумано как утешение, а утешение требует веры. Вера у Тютчева, в свою очередь, тесно связана с политикой. Несоединимость политической и личной сфер в поэзии Тютчева еще раз подтверждается попыткой соединить их. Стихотворение скорее демонстрирует, что эти две части тютчевской поэзии не находятся между собой в каких-либо иерархических отношениях. Они для Тютчева равноценны, равнозначны и несоединимы.

“Я” не может органично сливаться с провозглашением веры в Бога, ему нет места в Святой Руси. Поэтому “я” исчезает, как только появляется понятие Святая Русь. В первой части стихотворения вообще нет “я”, а во второй части присутствует имплицитированное “я”, никак не определенное в пространстве. “Я” не существует ни в одном из двух измерений — ни в Святой Руси, ни на Западе. “Я” экстерриториально в стихотворении.

Один американский исследователь высказал мнение, что поздние политические стихотворения Тютчева свидетельству-

ют об инфантильной регрессии²³. Однако правильнее было бы рассматривать эти стихотворения и в особенности “День Православного Востока”, как проявления неразрешимой дилеммы образованного русского человека XIX века. Человека, который желал, но не находил в себе сил поверить в Бога и который провозглашал свою приверженность Российской Империи как единственной существующей константе в быстро меняющемся мире. Однако это константа, за которой — пустота, в ней нет никаких положительных черт, кроме огромных размеров и голой декларативной святости. Мечта о непобедимой империи и надежда на воскресение — одинаково декларативные понятия. Изгнание дочери — это изгнание ниоткуда, из Святой Руси, существующей лишь на уровне риторики.

Вера в саму идею империи здесь очень напоминает “византизм” Константина Леонтьева. Картина веры, неверия и мечтаний о великой империи, которую мы видим у Тютчева, еще очень напоминает ту, которую можно обнаружить у его младшего современника Федора Достоевского. Однако понятие “Святая Русь” нельзя воспринимать, как утопию, особенно в данном стихотворении. Оно как бы уже существует в настоящем времени, но ни читатель, ни сам поэт не могут исследовать его на онтологическом уровне.

В том поэтическом мире, который создается творчеством Тютчева, такие понятия, как “сомнение” и “неверие” входят в самую интимную сферу вместе с природой и любовными переживаниями, в то время как политика и религиозные убеждения противопоставляются этой сфере и связаны с понятием “Святая Русь”. Это константа для Тютчева равнозначна христианской вере, более того, она может сама выступать в качестве объекта этой веры; как сказано в одном из наиболее известных политических стихотворений Тютчева:

В Россию можно только верить.

В стихотворении “День православного Востока” отражена личная дилемма Тютчева, которую можно назвать также дилеммой эпохи и всей русской империалистической и националистической идеологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Mirsky D. S.* A History of Russian Literature From its Beginnings to 1900. New York, 1958. P. 135.
- ² *Gregg R. A.* Feodor Tiutchev. The Evolution of a Poet. New York, 1965.
- ³ Цит. по: *Тютчев Ф.* Поли. собр. стихотв. Л., 1957. С. 394.
- ⁴ Об отсутствии личного элемента в оде см.: *Серман И. З.* Русский классицизм. Поэзия, драма, сатира. Л. 1973. С. 80.
- ⁵ *Жирмунский В.* Введение в метрику. Л., 1975. С. 44.
- ⁶ Канон пасхи. Песнь 1. Ирмос.
- ⁷ *Billington J.* The Icon and the Axe. New York, 1970. P. 283.
- ⁸ О жанре пасхальных стихотворений см.: *Bodin P.-A.* Nine Poems from Doktor Živago. A Study of Christian Motifs in Boris Pasternak's Poetry. Stockholm, 1976.
- ⁹ *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 129–130.
- ¹⁰ Там же. С. 567.
- ¹¹ *Cherniavsky M.* "Holy Russia": A Study in the History of an Idea // The American Historical Review. Vol. 1, LXIII, 3, April 1958. P. 617–637.
- ¹² Канон Пасхи. Песнь 9. Ирмос.
- ¹³ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции "Москва — Третий Рим" в идеологии Петра Первого // *Успенский Б. А.* Избр. труды. М., 1994. Т. 1. С. 62–63.
- ¹⁴ *Тютчев Ф.* Указ. соч. С. 263.
- ¹⁵ Там же. С. 168–169.
- ¹⁶ См. это слово, например, в: Езд. 7: 26, Плач. 2: 14 и 2 Кор. 6: 5.
- ¹⁷ *Тютчев Ф.* Указ. соч. С. 189.
- ¹⁸ См.: *Лотман Ю.* Семиотика пространства // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 386–406.
- ¹⁹ *Флоренский П.* Словесное служение // Молитва. Богословские труды. М., 1977. Сб. 17. С. 178.
- ²⁰ *Тютчев Ф.* Указ. соч. С. 202.
- ²¹ Там же. С. 185.
- ²² Там же. С. 295.
- ²³ *Conant R.* The Political Poetry and Ideology of F. I. Tiutchev. Ann Arbor, 1983. P. 73.

ВАРИАЦИИ “МОСКОВСКОГО ТЕКСТА”: К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА И М. П. ПОГОДИНА

КИРИЛЛ РОГОВ

1.

Сведения об общении Тютчева и Погодина в 1820–1822 годах неизменно привлекали внимание «тютчеведов»; впервые опубликованные Н. П. Барсуковым [*Барсуков I.*] записи погодинского «Дневника» о Тютчеве явились одним из немногих прямых источников его ранней биографии [см., например, *Гулков, Пигарев*]. Дополненные несколькими записками Тютчева к Погодину того же времени [*Благой*] и некоторыми новыми выписками из «Дневника» [*Королева*], они составляют картину приятельских отношений двух университетских студентов и той интеллектуальной атмосферы, которой они причастны, позволяя уловить некоторые черты формирующейся литературной позиции юного Тютчева. В известной мере итоговой выглядит подборка свидетельств из дневников и воспоминаний Погодина, составившая целый раздел тютчевского тома «Литературного наследства» [*ЛН. С. 7–29*], и все же тему «Погодин и Тютчев» нельзя считать исчерпанной ни в источниковедческом, ни в концептуальном плане.

Прежде всего следует остановиться на самом начале этих отношений. Первая запись о посещении Тютчева в с. Троицком датирована у Погодина 9 августа 1820 г. [*ЛН. С. 10*]. Встрече этой предшествовала записка Тютчева к Погодину от 8 августа, свидетельствующая, что еще в июле в Москве меж ними было условлено воспользоваться близостью Троицкого и Знаменского, где в подмосковной Трубецких проводил лето Погодин [*Благой. С. 386*]. К сожалению, свой дневник под названием «Моя жизнь» Погодин начал лишь 18 июля 1820, од-

нако практически нет сомнений, что 6 июля он присутствовал на ежегодном торжественном университетском акте, где, как известно, читались стихи Тютчева «Урания». Чтение это, по всей видимости, окружено было соответствующей аурой и воспринималось «университетскими» как событие примечательное и незаурядное: Тютчеву протезировал кумир Погодина и московских студентов-словесников А. Ф. Мерзляков, представлявший его ранние опыты в ОЛРС, а произнесение «Урании» на торжественном акте заменяло традиционные стихотворные похвалы университету и наукам самого Мерзлякова, неизменно звучавшие на актах прошлых лет. В связи с этим привлекает внимание запись Погодина от 26 июля, которую, на наш взгляд, и следует считать первым упоминанием о Тютчеве в его дневнике:

26. Разобрал свои книги, был у Ширая, разбирал с ним стихи Т. Каждый стих отдельно хорош, а все вместе составляют такую бестолковщину, какой примера редко найти можно. Я вспомнил слова Кубарева: Если у [некоторых из] наших поэтов отнять было право ставить тиреты и точки во множестве, то у нас по крайней мере в пятеро было бы менее стихотворений. Нет ничего справедливее этого. [Теперь поставят несколько [стоит тире] точек, потом совсем другая мысль без всякого отношения к предыдущей, и ничего сказать нельзя против, потому что не понимаешь.] разговаривал о Крылове, о Ломоносове, об Универ<ситете>, о Профес<сорах>, о Студентах, о моем времяпрепровождении в деревне... надобно быть поскромнее — <...> [Дневник I. Л. 5].

Пунктуация тютчевского стихотворения совершенно отвечает этому полемическому описанию: из первых 15 стихов четыре кончаются многоточием и четыре «тиретами», а всего на 194 стиха пришлось 26 многоточий и 39 тире [*Речи, отчет и стихи*]¹. Кроме того следует иметь в виду восторженный педантизм неофитов-словесников, чтобы оценить настоящий смысл записи: речь идет именно о неординарном явлении и «стихи Т.» оценены весьма высоко (так, о «Руслане и Людмиле» Погодин тремя месяцами позже запишет: «Восхищался некоторыми описаниями <...>; в целом же такие несообразно-

сти, нелепости, что я не понимаю, каким образом они <могли> притти ему в голову» [ЛН. С. 12]).

Характерно, что претензии Погодина и его товарищей направлены не против «одического приема» («каждый стих отдельно хорош»), но против его *обнажения* в пунктуации и нарушения логической связности, в чем архаистически воспитанные ученики Мерзлякова увидели веяние моды. Весьма замечательно, что годом позже пристрастие к тире было отмечено А. С. Шишковым в ряду претензий к переводу Вергилия, выполненному наставником Тютчева Е. С. Раичем, и также квалифицировано как дань моде (см. в письме Шишкова об этом предмете И. И. Дмитриеву 13 сентября 1821: «Черточки (тире) есть также новое изобретение, показующее больше упадок, нежели возвышение ума. Оне, сколько их не наставь, не прибавляют ничего к ясности смысла и силе выражения» [Письма к Дмитриеву. С. 10 и сл.]). В пунктуации тютчевских стихов таким образом можно видеть влияние литературных вкусов его наставника, а острая реакция в кругу Погодина обнаруживает тот оттенок «вольности», который привносила она в одическую структуру и который вполне ощутим был на фоне педантического архаизма университетских выучеников Мерзлякова.

Беседы Тютчева и Погодина, отраженные погодинским «Дневником», касаются весьма широкого круга современных литературных и общественных событий (от волнений в Семеновском полку, греческого восстания и произведений Пушкина до привезенного в Москву зверинца «братьев и сестер Денебек»²) и не раз становились предметом анализа и комментирования [Королева; Основат 1987; Основат 1990]. Уже первый, относительно подробно законспектированный Погодиным разговор 9 августа 1820 в известной мере передает то общее умственное настроение, которое способствует их сближению: «... разговаривал с ним о немецкой, русской, французской литературе, о религии, о Моисее, о божественности Иисуса Христа, об авторах, писавших об этом: Виланде (Agathodämon), Лессинге, Шиллере, Аддисоне, Паскале, Руссо <...> —

Еще разговаривал о бедности нашей в писателях. Что у нас есть? Какие книги имеем мы от наших богословов, философов, математиков, физиков, химиков, медиков? — О препятствиях у нас к просвещению...» (*ЛН*. С. 10; заметим, что за традиционной купюрой скрываются пространные рассуждения Погодина о нелепости и опасности отрицания божественности Иисуса Христа. «Я не понимаю, каким образом такие умные, ученые люди, люди желавшие счастья себе подобным, как Руссо, Виланд и пр. решались обнародовать и разпространять свои сомнения на этот счет» [*Дневник* I. Л. 10 об.]).

Оттенок «серьезности», проявивший себя и в предмете разговора, и в библиотеке упомянутых авторов, а также явное предпочтение, оказываемое немецкой литературе и немецкому просвещению (см. также записи за 25 августа, 26 ноября, 2 декабря 1820, 31 августа 1821 — *ЛН*. С. 11–13), характеризуют специфическую атмосферу их общения, а в более широком плане — ту новую литературную культуру, которая формируется в среде московской околоуниверситетской молодежи в эти годы. Весьма примечательно, что понятия «литература» и «просвещение», постоянно фигурирующие в погодинских записях, подразумевают здесь не традиционные французские концепты (*la instruction, la belles-lettres*), но связываются с представлением об универсальной *университетской* учености. Именно с этих позиций выносятся строгие оценки российской словесности, противопоставленной эталону немецкого «университетского» просвещения: «был у Тютчева, говор<ил> с ним о просвещении в Германии, о будущем просвещении у нас, об ограниченности в познаниях наших писателей. Кто из них, кроме новейших, знал больше одного или двух языков? — А у немцев какая всеобъемлемость?» [*ЛН*. С. 12].

В этих общих, энтузиастически разделяемых обоими участниками воззрениях обнаруживаются, однако, при ближайшем рассмотрении весьма примечательные оттенки. Сын крепостного, получившего вольную в 1806 г., Погодин, окончив гимназию первым учеником, связывал с Московским университетом не только мысль об образовании, но и весь свой жизнен-

ный план — надежды на социальное самоутверждение и материальное благополучие. Тютчев же предстает перед ним в образе аристократа и «блестящего дарования», чуждого провинциализма и неофитства: «Его рассуждения свысока о Виланде и Шиллере, Гердере и Гете, которых как будто принимал он в своей предгостинной, возбуждали желание сравниться с его начитанностью» [*ЛН*. С. 182]³. Эта поза мотивирует его радикальный скептицизм: неизменно критичны суждения Тютчева об университетских профессорах, в том числе и Мерзлякове (запись от 13 октября 1820), и московской университетской учености в целом (записи от 9 августа, 11 октября 1820 и др.). Закономерно возникает в этом контексте и тема перехода Тютчева в Дерптский университет, который выступает в качестве своеобразного субститута настоящих германских университетов (о противопоставлении университетского и неуниверситетского, в частности — лицейского образования в связи с дерптскими планами Тютчевых и в контексте темы «Пушкин и Тютчев» см. [*Основат* 1990. С. 62–65]). По всей видимости, известная запись Погодина от 25 октября 1820 («Говорил с Тютч<евым> о Дер<пт>тск<ом> универ<ситете>. — Они едут в Дерпт.» [*ЛН*. С. 12]) была не первым разговором на эту тему. Еще 15 октября Погодин записывает:

Говорил с Тютч<евым> о Салареве, о состоянии просвещения в России <...> читал Стернова Шанди и Миллота. — Князя Томье Пансольвино сочинил Клиндер, бывший Попеч<итель> Дерптского универ<ситета>. — Есть книга Путешествие из Пет<ербурга> в Москву и из М<осквы> в П<етербург> сочиненная покойным Радищевым. В ней описывается много касающегося до Екат<ерины> <...> ([*Дневник* I. Л. 32]; в *ЛН* — воспроизведена лишь первая фраза).

Судя по всему, сведения о Клингере и Радищеве почерпнуты именно из разговора о русском просвещении с Тютчевым, а имя Максимилиана Фридриха Клингера, культовой фигуры раннего немецкого романтизма и попечителя Дерптского университета, — очевидно, еще один знак связи Дерпта с тради-

циями *истинного* немецкого просвещения в контексте противопоставления его московскому.

Однако разговоры Погодина с его ближайшими приятелями в известной мере полемичны по отношению к тютчевскому негативизму. Так, в беседе с А. М. Кубаревым в те же дни (24 октября) намечен, в сущности, альтернативный тютчевскому план дальнейшего образования:

Был у Куб<арева> говор<или> с ним о суетности так называемой Нем<ецкой> учености, о Лат<инском> языке, о Давыд<ове>, о писателях, мы сделали план будущей нашей жизни: по оконч<ании> курса мы займемся Немец<кой> Словесностью, Русскою граматикой и Лат<инским> языком... [Дневник I. Л. 33 об.]

— предполагая самостоятельными занятиями компенсировать ограниченность университетского курса, друзья надеются поравняться с немецкой ученостью, избегнув присущих «немецкому духу» недостатков («суетности»). Аналогичным образом, беседуя с Кубаревым 10 декабря 1820, Погодин его «уговарив<ал> подпис<аться> на Раичев перевод Верг<илиевых> Георг<ик>» [Дневник I. Л. 45], — несомненно, под влиянием Тютчева, от которого был наслышан об этом труде. Однако в другом разговоре (1 января 1821) принужден был, кажется, согласиться со скептическим взглядом Кубарева:

Говорили о наших Гекзаметрах, сравнивали переводы Кострова и Гнедича. Если бы Мерзляков перевел Гекзамет<рами> Вирг<илиевы> Георгики, — о Ломоносове. Какой прекрасной предмет жизнь его. — Мерзляк<ову> бы описать ее [Дневник I. Л. 51]⁴.

Мечтание о новом переводе «Георгик», несомненно, полемично по отношению к только что оконченному переводу Раича и противопоставляет ему Мерзлякова, с которым Погодин и Кубарев связывают надежды на адекватное воспроизведение «духа античности» в русской поэзии. Любопытно при этом, что, вопреки позиции самого Мерзлякова, они выступают сторонни-

ками русского гекзаметра, отвергая архаический выбор Раича в пользу ямба⁵.

Неудовлетворенность переводом Раича и уже сложившееся противопоставление 'Раич — Мерзляков' отразились и в известном весьма остром разговоре Тютчева с Погодиным 23 января 1822:

Заходил к Тютчеву, отдал ему билет, взятый мною на Итал<ьянскую> грамматику, бог знает для чего. — Говорил о словесности, Мерзлякове, Карамзине. Тютчев имеет редкие, блестящие дарования, но много иногда берет на себя и судит до крайности неосновательно и пристрастно; — напр<имер>, он говорит, что Раич переведет лучше Мерзлякова Вергилиевы Эклоги. — У Раича все стихи до одного скроены по одной мерке. — Никакого оттенка, все ровны. — Ему переводить должно не Вергилия, а Делиля. Вот эта работа по нем. — <...> — говорил с Ал<ексеем> Мих<айловичем> Кубаревым [об этом] о Мерзлякове, восхищались некоторыми местами из его сочинений, читали отрывок Кассандры, Едипа. — <...> — Думал с А<лексеем> М<ихайловичем> как бы издать переводы Мерзлякова из Древних — [Дневник I. Л. 150]⁶.

Характерно здесь и то, что Погодин отказался от Итальянской грамматики, интерес к которой, по всей видимости, был связан с транслировавшимися Тютчевым итальянскими увлечениями Раича⁷, и общий смысл погодинской инвективы. Вергилий и Делиль, ассоциированные в актуальном литературном контексте 1810-х гг. благодаря образцовому делилеву переводу «Георгик», здесь однозначно противопоставлены. В подтексте погодинского выпада таким образом — общее отрицательное отношение обоих собеседников к французской традиции дидактической поэмы, которая рассматривается как неверное и салонное подражание античной «описательной поэзии». Собственно, этот взгляд и был как раз подробно развернут в магистерской диссертации Раича, являвшейся одновременно своеобразным комментарием к его переводу Вергилия. Таким образом стилистический эксперимент Раича, имевшего в виду противопоставить французской салонности Делиля «благородную простоту» «золотой латыни», которую он надеялся «привить» русской поэзии, отвергнут здесь полемическим отожде-

ствлением самого Раича с Делилем и противопоставлен архаизированной «древности» мерзляковских переводов (об отношении Раича к Делилю и об этой полемике Тютчева и Погодина см. также [Рогов. С. 526–528]).

Чрезвычайно существенно, однако, что на фоне этого решительного несогласия относительно Раича и Мерзлякова Тютчев и Погодин демонстрируют практически полное единодушие в представлении о насущных «потребностях» современной русской поэзии: перевод шедевров античной «описательной поэзии», отказ от французской «напудренной» античности XVIII в., необходимость тщательного изучения латыни, ориентация на новейший немецкий взгляд на античность, — расходясь лишь в вопросе о том, *кто* (а, следовательно, и *как*) может эти задачи решить. Весьма показательно поэтому, что А. Ф. Воейков, также переводчик Вергилия, в своей рецензии на перевод Раича причисляет его к школе Мерзлякова, не почувствовав тех московских оттенков, которые стали причиной споров Погодина и Тютчева.

Противопоставление Раича и Мерзлякова не только обнажает определенные оттенки литературных взглядов Тютчева и Погодина, но имеет и более широкий социокультурный контекст. Мерзляков, несмотря на свой «закат», широко обсуждаемый университетскими, остается для Погодина воплощением традиций «московской учености», с которой связаны его надежды на новый ход российской словесности и просвещения в целом. Предположенная в разговоре Погодина с Кубаревым биография Ломоносова, написанная Мерзляковым, и есть знак того «чуда» русского (московского) просвещения («ломоносовский» подтекст ощутим и в плане самообразования Погодина-Кубарева: «впитывание» немецкой учености и одновременное отвержение «немецкого» как такового — ключевой миф ломоносовской биографии), которое заставляет Погодина, несмотря на вполне критическое отношение к рутине университетского преподавания, оставаться адептом «московской учености», ассоциируемой с университетом, и сопротивляться тютчев-

скому тотальному негативизму, за которым — вполне оформившаяся эскапистская установка.

2.

По выходе Тютчева из университета его контакты с Погодиным становятся гораздо более отрывочными, кроме того, весну 1822 Тютчев провел в Петербурге, а летом окончательно покинул Москву для Германии. Едва ли, однако, в Мюнхене он не имел сведений о Погодине и, в частности, о том, что в 1823–1825 гг. тот стал деятельным участником образовавшегося вокруг Раича литературного общества. С другой стороны, и Тютчев, по всей видимости, не только не был забыт в раичевском обществе, но входил в орбиту «кружковой легенды», а некоторые его мюнхенские стихотворения этого периода, возможно, непосредственно обращены к обществу («Друзьям — при посылке Песни радости»)⁸. — Тем любопытнее, что их встреча летом 1825 оказывается вполне прохладной: немногие записи погодинского «Дневника» почти не фиксируют литературных разговоров, а впечатление, произведенное на Погодина Тютчевым, — скорее отрицательное, прежде всего вследствие его светского тона, который претит Погодину (ср. «Мечет словами, хотя и видно, что он там не слишк<ом> мн<ого> занимался делом; он пахнет двором»; «Гов<орил> с Тютчевым, с которым мне не говорится». — ЛН. С. 13⁹). По всей видимости, Тютчев не проявил летом 1825 особого интереса к литературной и ученой жизни Москвы, которой жил Погодин. Несмотря на это он, как известно, принял участие в изданном Погодиным альманахе «Уrania» и даже сыграл в его судьбе весьма существенную роль.

Намерение издать альманах созрело у Погодина вскоре после отъезда Раича из Москвы, прервавшего собрания общества и разговоры о журнале, который был предметом постоянных обсуждений «раичевцев» в 1823–1825 гг. (подробнее см. [Рогов. С. 536–538]). К тому же летом 1825 г. Погодин испытал прилив творческой активности, вылившийся в несколько повестей, и осенью с энтузиазмом и напором взялся за сбор ма-

териалов для альманаха, заручившись, с одной стороны, поддержкой Мерзлякова (что естественно), а с другой — Вяземского, доставившего ему, как известно, наряду со своими и несколько стихотворений Пушкина. Еще в начале октября, в самый момент возникновения замысла, определилось название — «Московская комета» (ср. записи за 1–9 октября: «— Был как то у Озноби<шина> и блеснула в голове мысль издать Комету. Начал искать средства и пр.»; и за 11 октября: «Разбир<ал> бумаги для Моск<овской> Кометы...» [Дневник II. Л. 127 об.]). Так рекомендовал Погодин предполагаемый альманах в те же дни и находившемся в Москве Павлу Свиныну, который немедленно поведал о том в своем журнале¹⁰. Но еще более любопытно, что под тем же именем фигурирует альманах, уже прошедший цензуру и поступивший в типографию, в последней записи накануне предпринятой Погодиным в декабре 1825 поездки в Петербург:

17 <декабря>. [Как сумас<шедший>] Скакал по всему городу — за фраком, часами, отпуском <...> — Препоручил Комету с стесненным сердцем, ибо не кончена, Ширяеву. — Шевырев взялся смотреть за печатанием. Очень был беспокоен. — В 12 часов отправился. [Дневник II. Л. 131–131 об.].

Погодин прибыл в Петербург 23 декабря, еще в Новгороде узнав о происшедшем в столице возмущении. Видимо, вскоре по приезде он рассказывал о своем предприятии Ф. Булгарину, по крайней мере в «Северной Пчеле» от 5 января (№ 2) 1826 было сообщено: «Из Москвы ожидаем альманаха, под названием *Комета*, изданного Г. Погодиным; о содержании этой книжки мы слышали много хорошего», — т.е. название альманаха оставалось прежним. Однако подробности выступления на Сенатской площади и начавшиеся аресты, а также, вероятно, резкая оценка заговорщиков, услышанная из уст Карамзина [Погодин 1866. С. 471]¹¹, меняют настроение Погодина. Как сам он вспоминал впоследствии, опасения политического характера склоняли его к мысли остановить выход книжки, однако именно Тютчев, с которым он жил в одном трактире, ободрил его и отговорил от такого намерения [Погодин 1872.

С. 337. Прим. **]. В эти же дни и было сменено заглавие альманаха, потому что в объявлении «Северной пчелы» от 16 января (№ 7) он назван уже «Уранией». Не слишком вероятно, что новое заглавие было непосредственно предложено Тютчевым (скорее всего Погодин упомянул бы такой факт в позднейших мемуарах), но в известной степени, как представляется, было связано с ним.

Смена заглавия была вызвана, несомненно, политическими причинами. Сам замысел альманаха был очевидным подражанием «Полярной Звезде», что было отмечено уже в первом извести о нем П. П. Свинына; рецензент же «Московского Телеграфа» писал по выходе книжки, что издатель хотел походить на «Полярную Звезду» даже оформлением (Московский телеграф. 1826. Ч. VIII. № 8. С. 357–359). Меж тем к приезду Погодина в Петербург издатели «Звезды» находились в крепости, а Бестужев к тому же подозревался в убийстве Милорадовича. На таком фоне прежнее название звучало настоящим вызовом, декларацией сочувствия и преемственности, еще более усиленной актуальной «исторической» семантикой образа «кометы» как грозного предзнаменования¹². Между тем для Погодина важна была не только прозрачная параллель, но и определенное противопоставление «звезды» и «кометы», таившее в себе, с одной стороны, мысль о стремительном приобретении литературной известности, о чем он напряженно мечтал, а с другой — противопоставление петербургскому альманаху московского. Актуальность такого латентного противопоставления подкреплялась и достаточно принципиальными расхождениями «раичевцев» и петербургских сторонников «романтической школы», выявившимися в ходе полемики вокруг отрывков перевода Раича «Освобожденного Иерусалима», в которой Погодин принял непосредственное участие [Рогов. С. 540–543]. «Московский» характер альманаха — причем именно в погодинском понимании — был ясно обозначен и той особой ролью, которая отводилась в нем недооцененному (с точки зрения Погодина) петербургской литературой Мерзлякову: его переложения античных гимнов откры-

вали и пронизывали всю книжку. «Московскую» атмосферу создавали также публикация переписки московского митрополита Платона с Потемкиным и колористический очерк П. Муханова «Святая неделя».

О популярности образа Урании, романтические интерпретации которой строятся преимущественно вокруг этимологического значения «небесная», позволявшего объединять «науки», «поэзию» и «добродетели» как атрибуты богини в целостном концепте 'небесного', 'божественного' просвещения (противопоставленного рационалистическому просвещению XVIII в.), помимо тютчевских стихов и погодинского альманаха, свидетельствует также известная стихотворная подпись Д. Веневитинова к рисунку Ф. Скарятина в нотной тетради В. Ф. Одоевского [*Веневитинов*. С. 63, 488–490]. Однако, по нашему мнению, выбор Погодина отсылает непосредственно к тютчевскому стихотворению. Произнесенная на торжественном годовом университетском акте, тютчевская «Урания» вписывалась в традицию «университетских» стихотворений Мерзлякова, читанных на актах прошлых лет («Возобновление Минервина Храма» и «Хор, петый в годовом торжественном собрании Императорского Московского Университета, в новой большой его аудитории»¹³; ср. [*Пигарев*. С. 33]), в которых поводом к традиционной теме «расцвета наук» становилось строительство и восстановление университетских помещений, разрушенных в 1812 г. Тютчевский «остров Урании» («И се! Как луна из-за облак встает / Урании остров из серебрянной пены») в этой ситуации также оказывался образом Московского университета, а картина *translatio studii*, составившая одический сюжет, излагалась как история храмов Урании от древних Фив до «Фив новых», ныне возрождаемых после войны («Здесь паки гений просвещенья, / Блестящая светом обновления» и т.д.). — Более того, можно предположить, что аллегорическая картина первой части стихотворения, описывающая восседающую на троне и окруженную добродетелями Уранию (стихи 22–59), предполагала дейктический жест, иными словами — изображение Урании присутствовало в оформлении

нового здания университета или его новой большой аудитории, открытой за год перед тем.

Во всяком случае, как представляется, именно удачное сочетание той семантики, которая предопределила популярность образа Урании у «любомудров» ('небесное просвещение'), и устанавливаемого тютчевскими стихами значения «храм Урании = Московский университет», имплицитующего мифологию «российского просвещения» («Восстал от Холмогор, — как сильный кедр, высокой / <...> / Так Русский Пиндар встал! <...> / И дни бесценные блаженства и покоя / Елизаветы озарил! / Тогда, разлившись, свет от северных сияний / Дал отблеск на крутых Аракса берегах; / <...> / И Фивы новые зарделися в лучах...»), определило выбор Погодиным нового названия для своего альманаха. — Любопытным образом эмблематическая утопия тютчевских стихов, весьма далекая, как мы имеем возможность убедиться, от его настоящего взгляда на «московскую ученость», стала удачным знаком той идеологии «московского просвещения», в центре которой для Погодина находилась традиция университетской учености, освященная именами Ломоносова и Мерзлякова.

3.

Следующая, после восемнадцатилетнего перерыва, встреча с Тютчевым вовсе не нашла отражения в погодинском «Дневнике». В сущности, известно лишь одно определенное свидетельство, которое в силу своей отрывочности не становилось предметом специального анализа; между тем оно не только позволяет реконструировать основной сюжет этой встречи, но и уточняет актуальный контекст политических идей Тютчева середины 1840-х гг. Речь идет об отрывке из письма С. П. Шевырева Погодину от 19 июля 1843 г.: «Возвращаю тебе письмо Мельникова. Нам только приятное говорят люди Европейские, как Тютчев, да наши добрые соотечественники со всех концов России, а от своих слова путного не дождешься. Так и должно. Тютчев не мог иначе выразиться на счет твоего отчета. Ты человек практический столько же, сколько и ученый. Жаль, что я

не видел Тютчева, но еще надеюсь» (без последней фразы опубл. [*Барсуков VII*. С. 157], автограф — ОР РГБ. Ф. 231/II. 36. 32; письмо Шевырева из с. Вяземы является ответом на письмо Погодина, к которому было приложено комплиментарное в отношении московских университетских профессоров письмо П. И. Мельникова и в котором, как можно предполагать, Погодин и передавал Шевыреву отзыв Тютчева о своем «Отчете»).

Эти строки свидетельствуют, что в первую же неделю пребывания Тютчева в Москве летом 1843 г. Погодин не только встретился с ним¹⁴, но и успел сообщить ему написанный для Министра народного просвещения С. С. Уварова «отчет» о путешествии по Славянским землям, который Тютчев, как видно, оценил весьма высоко. Таким образом, «славянский вопрос», об обоюдном интересе к которому собеседники, весьма вероятно, были предуведомлены В. Ганкой¹⁵, составлял тему их бесед летом 1843 г., и описанием именно ее атмосферы является, следовательно, пассаж из поздних мемуаров Погодина о Тютчеве: «Услышав его в первый раз, после всех странствий, заговорившего о славянском вопросе, я не верил ушам своим: я заслушался его, хоть этот вопрос давно уже сделался предметом моих занятий и коротко был мне знаком» [*ЛН*. С. 24]. Весьма примечательно при этом, что в следующей фразе этого воспоминания всплывает тема «практичности», мелькнувшая и в письме Шевырева 1843-го г.: «Что если бы с таким верным взглядом, с такою ясною мыслию, с таким живым чувством, при его разнообразных, обширных познаниях соединял он деловитость, практичность?» [*ЛН*. С. 25].

Достаточно яркими, видимо, были и впечатления от этой встречи Тютчева, отразившиеся в его письме жене от 26 июля: «Я встретил также несколько университетских товарищей, среди которых иные составили себе имя в литературе и стали действительно выдающимися людьми» [*Тютчев 1984*. Т. 2. С. 86]. Профессор российской истории и издатель журнала, Погодин, пожалуй, единственный вполне соответствовал этой характеристике (Шевырев не был «университетским товари-

щем» Тютчева¹⁶). Но особенное впечатление на Тютчева должно было произвести то, что «отчет» Погодина о путешествии по славянским землям в 1839 г., являвшийся в значительной своей части политической запиской по славянскому вопросу, был представлен Государю и получил его одобрение. Нет сомнения, что Погодин нашел случай упомянуть об этом, а то, что все политические рассуждения были Уваровым из составленного для Николая I экстракта исключены, Погодин узнал лишь в ноябре 1843 ([*Дневник III*. Л. 51, запись от 15 ноября]). Таким образом, Погодин в известном смысле предстает перед Тютчевым человеком, осуществившим ту программу, которую предполагал для себя некогда: положение московского литератора и университетского профессора, занятого российской и славянской древностью, позволяет ему сформировать настоящий взгляд на современную Европу, на место славянства в ней и историческое отношение ее к России, и более того — довести этот взгляд до сведения Государя.

Неизвестно, которое из своих «Донесений» министру Погодин показал Тютчеву: представленный императору отчет 1839 г. или недавно, в мае 1843 г. оконченный отчет о путешествии 1842 г., реакции на который он с нетерпением ожидал (ср. его заключительные фразы с выражением надежды, что он «обратит на себя благосклонное внимание» Уварова «и удостоится предоставления Государю императору, как то было с отчетом 1839 года» [*Погодин 1874*. С. 69]). Однако главные мысли и общий пафос обоих донесений вполне совпадали, а в устных комментариях Погодин, видимо, имел случай вполне изложить Тютчеву свои взгляды на славянское единство.

Имея формальным поводом отчет о контактах со славянскими учеными¹⁷, Погодин обзревает в своих донесениях угнетенное положение европейских славян и повсеместное распространение среди них сознания «народности» и, под видом непосредственных впечатлений, а также мнений и пересудов, слышанных во время путешествия, излагает свою панславистскую доктрину: повсеместный рост про-русских симпатий среди славян («Славяне смотрят на Россию, как волхвы смот-

рели на звезду с Востока» [Погодин 1874. С. 21]) и непрочность политического устройства Австрии открывают впечатляющую перспективу *естественного* (после распада австрийской и турецкой империй) образования федерации славянских государств «от Восточного океана до Адриатики» под протекторатом России. Эта концепция, откровенно полемичная по отношению к официальному легитимизму николаевской внешней политики, представлена у Погодина как непредвзятые наблюдения ученого-историка, способного оценить истинные пружины исторических событий и аналогически предвидеть «великие явления»¹⁸.

Несомненно, что и эти смелые предположения, и сочувственное описание повсеместного пробуждения сознания «национальности» и славянской солидарности нашли живейший отклик у Тютчева. В не меньшей степени близок ему был и другой аспект «славянского вопроса», затронутый в первом, но особенно взволнованно и подробно разобранный во втором «отчете» Погодина: враждебность европейского, и прежде всего — немецкого, общественного мнения по отношению к России и трактовка «славянского вопроса» исключительно в контексте темы «русской угрозы». В донесении 1839 г., упомянув о вызвавшей новый всплеск этих настроений книге К.-Э. Гольдмана «Европейская пентархия» и резюмировав: «Россия решительно не имеет доброжелателей между Европейскими Государствами», — Погодин обосновывает необходимость воздействовать на европейское общественное мнение помещением «основательных» статей о России в европейской прессе [Погодин 1874. С. 43–44]. Во втором «отчете» этот общеевропейский политический контекст «славянского вопроса» выходит фактически на первый план, а враждебность немецкой печати («Германия, начиная с соседней с Пруссакими Саксонии, разделяет ненависть ея к России, и Лейпцигския, Дрезденския, и Рейнския газеты возбуждают самых Пруссаким» [Погодин 1874. С. 43, 59]) рассматривается как часть общей анти-русской кампании и реальная угроза славянскому единству.

Между тем именно план организации про-русской кампании в европейской прессе составлял, по всей видимости, основное содержание политического проекта, представление которого являлось одной из главных целей поездки Тютчева в Россию в 1843 г. ([Аксаков], [Казанович], [Тютчев 1992], [Основат 1994]). Кажется вполне вероятным, что Тютчев в какой-то мере приоткрыл свои планы на этот счет Погодину (об этом ниже), но во всяком случае и общая оценка европейского общественного мнения, и мысль о необходимости противопоставить ему «основательный» взгляд на «славянский вопрос» — на историческую детерминированность славянского единства — прямо перекликались с его собственными идеями и замыслами (ср., например, записи его бесед с Фалльмерайером [Казанович], фразу в разговоре с А. И. Тургеневым: «Герм<ания> вся нас ненавидит» [ЛН. С. 87] и, наконец, известное письмо к редактору «Allgemeine Zeitung» 1844 г.) и должны были еще более укрепить его в его намерениях (ср. в письме жене, уже из Петербурга: «Что же касается общественного мнения, то по сочувствию, какое встретил мой образ мыслей, я мог убедиться, что мне открылась правда...» [Тютчев 1914. С. 12. 2-й паг.]). Это замечательное совпадение выводов «ученого» путешествия Погодина с мыслями профессионального дипломата и знатока европейской политики, каким предстал перед старым университетским товарищем Тютчев, и отразилось, видимо, в его комплиментарном удивлении «практичностью» погодинского «отчета», переданном Погодиным Шевыреву и отозвавшемуся в ответной записке последнего.

Еще один отзвук этих разговоров с Погодиным можно видеть в записи Варнгагена фон Энзе, которого Тютчев посетил на возвратном пути из России в сентябре 1843: «С необычайным проникновением Т. говорит о своеобразии русских и славян вообще, о языках, нравах, формах правления; обнаруживает широкий исторический взгляд на древний спор и национальную борьбу греческой и латинской церковей. В России все более и более открываются теперь сокровища средневековой

литературы, особенно духовные сочинения, а также летописи, песни и былины. Все находят это новым, как было одно время у нас с Нибелунгами, минезингерами и т.д.» [ЛН. С. 460]. Обрисованный здесь круг ученых интересов в высшей степени характерен для Погодина, а упоминание занятий русской древностью в контексте «славянской темы», как бы свидетельствующее участие России в общем процессе «славянского возрождения», отсылает, кажется, именно к тому сцеплению мотивов, которое должно было выстроиться в их разговорах в ходе обсуждения погодинского «Отчета».

4.

Эту вновь, после более чем двадцатилетнего перерыва возникшую между Тютчевым и Погодиным атмосферу сочувствия и единомыслия, как и высокую оценку погодинского «отчета», следует рассматривать, на наш взгляд, в общем контексте тютчевских настроений 1843 г. В отличие от вполне явных эскапистских устремлений, характерных для него в начале 1820-х гг. и, по-видимому, в 1825 г., поездка в Россию летом 1843 г. проходит под знаком сознательного (хотя и не добровольного) «путешествия в прошлое». Биографическая тема этого «путешествия» на родину после двадцати лет отсутствия разворачивается в его письмах к жене как мотивы «сна», «колдовства времени», посещения мира «призраков» (ср. описание встречи с Раичем: «Какое отвратительное колдовство! Люди, воспоминание о которых здешние места оживили во мне до такой остроты, что мне стало казаться, будто я только накануне расстался с ними, предстали передо мною почти неузнаваемыми от разрушений времени. <...> Не могу не верить в некое страшное колдовство»; или впечатление от старого отцовского дома: «он представился мне как во сне, и каким постаревшим и изнуренным я почувствовал себя очнувшись!»; «Помимо семьи, имеются еще тетки, кузины и пр. и пр., которые в первое время всплывали передо мной как призраки...» [Тютчев 1984. Т. 2. С. 82, 86]).

Эти сквозные для московских писем 1843 г. мотивы очевидно связаны с целым комплексом устойчивых тютчевских концептов и смысловых антитез, но прежде всего предстают непосредственной, развернутой реализацией данного еще в самом начале поездки в письме к жене определения разлуки как «сознающего себя небытия» (*un néant qui avait conscience de lui même*). А тема «пугающей», «отвратительной» равнины, в которую «погружается» Тютчев на пути в Россию, окончательно превращает поездку на родину в путешествие в загробный мир (ср.: «Краков тебе понравился бы. Это достойный брат Праги, но это не более как прекрасный покойник. В то же время это последний живописный ландшафт, какой видит путешественник, направляющийся к Востоку. Ибо едва выедешь за ворота этого города, как попадаешь на необъятную равнину, скифскую равнину, которая так часто поражала (*choqué*) тебя на моей рельефной карте...»; «Закутайся покрепче в свои горы, чтобы возместить для меня отвратительную равнину, в которую я погружаюсь» [*Тютчев 1984. С. 79–80*]; [*Тютчев 1914. С. 5. 1-й. паг.*]).

Преломление в биографической коллизии тютчевских взаимоотношений с родиной и родительским домом (= Москвой) устойчивых концептов тютчевской «поэтической онтологии» («страх пространства», противопоставление вертикально и горизонтально организованного пространства, оппозиция «север-юг») и формирует в значительной мере «московский текст» Тютчева 1843-го г.¹⁹ Однако параллельно «биографической» теме московские письма намечают и историческую, а точнее — историософскую интерпретацию этого «путешествия в прошлое», которая разворачивается здесь как тема «вечного города». Замечательно при этом, что обе темы — и «биографическая», и «историософская» — возникают у Тютчева еще до приезда в Москву, предваряя непосредственные впечатления (ср. «сонные» мотивы в письме из Варшавы, на пути в Москву: «Здесь я вновь обрел множество впечатлений, дремавших во мне уже многие годы и пробудившихся словно от толчка, едва я ступил на улицы Варшавы, ибо как-никак несмотря ни

на что. этот город внешне чем-то родственен Москве...» <выделено нами. — К. Р.> [Тютчев 1984. Т. 2. С. 79–80]).

Тема «вечного города», некоего восточного, славянского Рима оформляется у Тютчева еще раньше — сквозь призму пражских впечатлений. Замечательно, что уехавший из Москвы 20 лет назад (и не выказывавший видимого раскаянья) Тютчев, изъясняя свои впечатления от Праги энтузиасту «славянского возрождения» В. Ганке, немедленно превращается в «москвича» («Волшебный город эта Прага! — Я, москвич, должен сознаться, что ничего не видывал краше ее <...> Ни один город не смотрит на посетителя такими чудными, человечески-понятными глазами... В них столько жизни настоящей и столько пророческого <...> — В самом деле, нельзя, посетив Прагу, нельзя не чувствовать на каждом шагу, что на этих горах, под полупрозрачною пеленою великого былого, неотразимо и неизбежно зреет еще большая будущность!» [Тютчев 1984. С. 78]). Прага выступает очевидным прообразом той Москвы, которую Тютчев увидит полгода спустя (параллель эту он сам подчеркивает в письмах жене: «Если тебе нравится Прага, то что же сказала бы ты о Кремле!» [Тютчев 1984. Т. 2. С. 82]) и в «пересеченном» ландшафте которой также обнаружит контур «метафизического пейзажа», имплицитующего тему «святого города» («Как бы ты почуяла наитием то, что древние называли духом места; он реет над этим величественным нагромождением, таким разнообразным, таким живописным. Нечто мощное и невозмутимое разлито над этим городом» [Тютчев 1984. Т. 2. С. 87]; ср., кстати, «urbi et orbi», выскочившее в конце «пражского» письма Ганке). — Москва и Прага выступают репрезентациями некоего инварианта «восточного», «славянского» Рима, а если добавить сюда «москвopodobную» Варшаву и Киев, упомянутый в разговоре с Фалльмерайером («Kijew Central und Herzpunkt des Slavismus» [Казанович. С. 151]), то перед нами весь набор славянских столиц, упомянутых в послании Ганке.

Своеобразным ключом к «московскому тексту» тютчевских писем 1843 г. раскрывающим единство «биографической» и

«исторической» тем в целостном образе «города-элизиума», представляется эпизод посещения в сопровождении родных Иверской Божьей Матери при отъезде из Москвы: «Одним словом все произошло согласно с порядками самого взыскательного православия... Ну что же? Для человека, который приобщается к ним только мимоходом и в меру своего удобства, есть в этих формах, так глубоко исторических, в этом мире Византийско-русском, где жизнь и верослужение составляют одно, — в этом мире столь древнем, что даже Рим, в сравнении с ним, пахнет новизною, есть во всем этом для человека, снабженного чутьем для подобных явлений, величие поэзии необычайное, такое величие, что оно преодолевает самую яркую враждебность... Ибо к ощущению прошлого, — и такого уже старого прошлого, — присоединяется невольнo, как бы предопределением судьбы, предчувствие неизмеримого будущего...» (цит. по переводу И. С. Аксакова [Аксаков. С. 21]). Характерная двойственность тютчевской точки зрения, сочетающая одновременную причастность и внеположность, мотивированная отчасти фигурой его корреспондентки, не бывавшей в России, а отчасти его собственной установкой — «сознательным небытием», пребыванием в мире теней, создает тот внутренний драматизм реального биографического эпизода, который позволяет пережить тривиальный ритуал московской обыденной религиозности как почти физическое соприкосновение с Византией, а мотив «примирения с родиной»²⁰ и родными (уступкой которым выглядит в письме весь обряд проводов) подан, в результате, как прозрение внутренней сущности этого внеположенного европейскому «бытию/сознанию» мира²¹. Собственно, именно в этом пассаже впервые в известных нам тютчевских текстах появляется понятие «мира Византийско-русского», изъяснению которого будет посвящен тютчевский мемуар 1845 г., трактующий историческое бытие Российской Империи как непосредственное продолжение Византийской.

Таким образом, внутренняя диалогичность пассажа (ср. тютчевское «Что ж!» — «Eh bien») может быть интерпре-

тирована и как диалог «русского» Тютчева с немкой Пфедфель, и как отражение двойственной самоидентификации самого Тютчева, и, наконец, как полемика к неким *loci communes* (ср. нераскрытую ссылку на «порядки самого взыскательного православия», отсылающую к некому известному топосу, и, в особенности, слова о «величии поэзии», которая «преодолевают самую яркую враждебность»). — По нашему мнению, тютчевский рассказ о посещении иконы Иверской Божьей Матери непосредственно отсылает к А. де Кюстину, а описание этого важного биографического эпизода есть на самом деле своеобразный полемический парафраз соответствующего места из его знаменитой книги.

Тютчев прочел «Россию в 1839 году» почти сразу после ее выхода и непосредственно накануне путешествия в Россию. 13 июня он сообщал из Вены жене, что переправит ей книгу через знакомого, — «и тогда тебе стоит только прочесть третий том, содержащий очень живое и яркое описание Москвы, чтобы составить себе верное представление о городе» [*Тютчев 1914. С. 5. 2-й. паг.*]. Мнение Тютчева не изменилось и в Москве, и, побывав в Кремле, он вновь «отсылал» жену к кюстиновым описаниям («Как бы ты восхитилась и прониклась тем, что открывалось моему взору в тот миг! Беру в свидетели самого господина Кюстина, которого, разумеется, нельзя заподозрить в пристрастии. Это единственное во всем мире зрелище. Отсылаю тебя к третьему тому его труда». [*Тютчев 1984. С. 82*]). Если же добавить к этому, что по дороге в Россию Тютчев в Варшаве беседовал о Кюстине с А. И. Тургеневым [*ЛН. С. 86; Мильчина, Основат. С. 118*], а также его взвешенный и серьезный отзыв о книге в разговоре с В. фон Энзе на возвратном пути («О Кюстине отзывается он довольно спокойно, многое поправляет, но и признает его достоинства» [*ЛН. С. 460*]), то без всякого преувеличения можно сказать, что вся поездка проходит для Тютчева под знаком «России в 1839 году»²².

Москва и московский Кремль являются несомненной кульминацией кюстинова путешествия, зримым воплощением того

азиатского христианства, которое он обнаруживает под карикатурным европеизмом и в котором видит существо и суть загадочной славянской империи. Вдохновенное описание Москвы, «истоком» и средоточием которой является Кремль, в 24–27 письмах выстроено вокруг концепта древней столицы, стоящей на границе Востока и Запада, «Сухопутного Византия», осязаемо и зримо соединяющего в себе древний и новый мир. Это ощущение совмещающегося в одной картине настоящего и физически присутствующего «прошлого» реализуется у Кюстина в постоянных мотивах «сна», «грез наяву» и в характеристике Кремля как «обиталища призраков» (ср.: «когда смотришь, как дамы и господа, одетые по парижской моде, гуляют у подножия этого сказочного дворца, кажется, будто спишь и видишь сон!»); «Подобно скелетам гигантских древних животных, Кремль доказывает нам, что мир, в реальности которого мы все еще продолжаем сомневаться, даже находя его останки, все же существует»; «Вообразите себе однажды, в горячечном бреде, что вы прогуливаетесь по обиталищу людей, которые только что жили и умерли на ваших глазах, и вы сразу мысленно перенесетесь в Москву...» [Кюстин. С. 71, 74, 102; см. также: С. 64, 67, 72, 114]²³).

Кюстиново описание Москвы является таким образом, на наш взгляд, вполне очевидным подтекстом «московского текста» тютчевских писем 1843 г., связь с которым прослеживается на уровне структуры мотивов, а эпизод с Иверской — своеобразным контрапунктом этой смысловой игры. Анекдот о необычайно истовом всеобщем поклонении Иверской выступает у Кюстина одной из ярких деталей московской экзотики и еще одним штрихом для характеристики «азиатского христианства», в котором истовая обрядность носит механический и будничный, нерелефный характер (ср.: «все, кто проходят мимо этой иконы — господа и крестьяне, светские дамы, мещане и военные, — кланяются ей и многократно осеняют себя крестом; <...> хорошо одетые женщины склоняются <...> до земли и даже в знак смирения касаются лбом мостовой; мужчины, также не принадлежащие к низшим сословиям, опуска-

ются на колени и крестятся без устали; все эти действия совершаются посреди улицы с проворством и беззаботностью, обличающим не столько благочестие, сколько привычку» [*Кюстин*. 2. С. 116]). Именно к этому чрезвычайно важному для кюстинова описания России топосу отсылает, на наш взгляд, упоминание «порядков самого взыскательного православия», немедленно нюансированное словами о «самой яркой враждебности», а сам рассказанный Тютчевым биографический эпизод предстает его полемическим парафразом. Поразившее Кюстина противоречие обыденности, механичности и в то же время истовости Тютчев переосмысляет как оставшийся скрытым от европейца внутренний принцип «этого мира Византийско-русского, где жизнь и верослужение составляют одно». Более того, тема эта, на наш взгляд, получает непосредственное развитие в тютчевском историософском мемуаре 1845 г., приобретая здесь характер ключевой формулы и окончательного объяснения принципа исторического бытия России, недоступного европейцу: «Но такова подлинная схожесть, такова внутренняя, глубинная общность России с ее славным предком, Восточной империей, что и без исторических изысканий всякий может, положась на свои обыденные и, так сказать, незатейливые впечатления, доверясь одному лишь чутью, понять, какой жизненный принцип, какая могучая душа в течение тысячи лет вдыхали жизнь в хрупкое тело Восточной империи. Этой душой, этим принципом было христианство, христианская религия <...>, соединившаяся или, лучше сказать, отождествившаяся <...> с внутренней жизнью общества» [*Тютчев* 1992. С. 108]. Несмотря на разительное отличие «образа автора» в тютчевском письме 1843 г. и мемуаре 1845 г. (утонченный европеец среди пирамид и православный философ — Колумб, открывающий «незамеченный» материк) эпизод с Иверской, полемически переосмысливающий соответствующее место у Кюстина, едва ли не есть одно из упомянутых здесь «обыденных и, так сказать, незатейливых впечатлений», позволивших Тютчеву «проникнуть» в существо этого мира (ср. характерную апелляцию к чутью, *l'instinct*, в обоих пасса-

жах). Весьма характерным для себя способом Тютчев адаптирует энергию и пафос кюстинова описания к собственной, совершенно противоположной по смыслу конструкции, почти так же как позднее будет планировать использовать Фалльмерайера в интересах правильной «постановки» «восточного вопроса» перед европейским общественным мнением или оценивать статьи Киприана Робера («в ненависти этого иностранца заключается не только больше понимания, но и больше симпатии» [*Тютчев 1984.*]).

5.

Следующий эпизод отношений Погодина и Тютчева, относящийся к июню 1845 г., непосредственно продолжает сюжет предыдущей встречи. Приехав в Москву в конце мая, Тютчев посещает Погодина 9 июня и беседует с ним «о внеш^{ней} и внутрен^{ней} политике» [*ЛН. С. 14*]²⁴, а 15 июня привозит ему свой «мемуар», предназначенный для Николая I и развивавший мысль о непрерывном историческом существовании православной Восточной Империи под формой российского государства, определившем провиденциальный смысл исторического бытия России и те неизменные отношения, в которых находится она к Западу [*ЛН. С. 14; Тютчев 1992*]. Запись об этой встрече в «Дневнике» Погодина не была вполне разобрана публикаторами: упомянув под 15-м июня о визите Тютчева и его «мемуаре», Погодин чуть ниже еще и кратко отрецензировал тютчевскую записку. В рукописи текст выглядит так:

- 2 15. Вечер^{ом} был у меня Шев^{ырев}. Толк^{овали} об Унив^{ерситете}.
Попутру Тютчев. О Политике. Он привез мне свои мему^ары.
- 1 [14] Вечер^{ом} бы^л Соловьев, которому Строга^{нов} велел готовиться к [13] лекциям, след^{овательно} не хочет меня. Каков!
- 3 Оне писаны benevolentiae captande causa. [Вистр.] Говорится о России в отвлечен^{ном} смысле. Разбир^{ал} книги. [ОР РГБ. Ф. 231/III. 33. 1. Л. 77 об.]

Обычным для себя образом Погодин записывает задним числом за несколько дней, не всегда точно и сразу восстанавливая последовательность событий и даты. Выставленные им на полях цифры означают, что первые две строки должны стоять после двух следующих и предшествовать двум последним, в которых таким образом и заключена оценка тютчевской записки. Причем Тютчев привез, по всей видимости, не только мемуар 1845-го г., но и свое письмо к редактору «Allgemeine Zeitung», опубликованное в 1844 г. и содержавшее первый, завуалированный набросок идей мемуара (в архиве Погодина сохранились однотипные писарские копии обоих политических опусов, выполненные на той же бумаге и, несомненно, одним переписчиком²⁵).

Несколько неожиданно, на фоне сочувствия и единомыслия 1843-го г., погодинский отзыв о мемуаре категорически неблагоприятен. Едва ли Погодин знал о поощрении, полученном Тютчевым вследствие представления записки Николаю I [Тютчев 1992. С. 90]), но почти несомненно слышал о тех усилиях, которые предпринимал Тютчев зимой 1844–1845 гг. для возвращения на службу, и о том, что они увенчались успехом [Летопись. С. 65–66]. Характерно и то, что в погодинской копии заключительный абзац мемуара не был замаран, как в копии Тургенева [Основат 1992. С. 90, 113]: идея прямого руководства про-русской пропагандой в Европе вполне вписывалась в предполагаемое русло бесед Тютчева и Погодина 1843-го г. Упрек в конъюнктурности («писаны benevolentiae captande causa» — ‘для снискания благоволения’) и общая негативная оценка мемуара подразумевают, как представляется, не столько эти *практические* применения тютчевского мемуара, но — гораздо более широкий идейно-биографический контекст.

В отличие от ситуации 1843 г., когда проблема отношений России и Европы рассматривалась в разговорах Тютчева и Погодина, сколь можно судить по скудным свидетельствам, сквозь призму «славянского вопроса», тютчевская идея православной Восточной Империи не нашла отклика у Погодина.

Концепция мемуара, согласно которой сразу после падения Константинополя, в правление Ивана III происходит мистическая реинкарнация Восточной Империи под формой Московского государства, определяющая «историческую легитимность» России перед лицом Европы, ее «исторические грамоты», не могла удовлетворить Погодина, как раз в это время готовившего к печати первые три тома своих «Исследований», посвященных древнему периоду русской истории (Исследования, замечания и лекции М. Погодина о Русской Истории изданные Имп. Моск. ОИДР. Т. 1–3. М., 1846). Напротив, именно в этом «древнем периоде» Погодин обнаруживал следы и доказательства общеславянской праистории (изложение «Славянских древностей» Шафарика вошло во 2-й том «Исследований»), а кроме того — подробно разбирал процесс «формации государства»²⁶, занявший, по Погодину, весь период от Рюрика до Ярослава и определивший специфический характер русской истории в сравнении с европейской (знаменитая статья Погодина «Параллель Русской Истории с Историей Западных Европейских Государств, относительно начала» опубликована была в № 1 «Москвитянина» за 1845 г. и вызвала, как известно, принципиальные возражения П. Киреевского; перепечатывая ее в 3-м томе «Исследований» и в сборнике «Историко-критические отрывки», вышедшем в 1846 г., Погодин придал ей статус собственного исторического кредо). Последователь Карамзина, Гизо и Тьерри, Погодин именно в этом процессе «формации государства» видит ключ ко всей национальной истории, ее цивилизационные корни, а в общеславянском национальном складе — предпосылки этого процесса. Соответственно, и политическая формула славянского единства мыслится Погодиным как союз государств, в котором Россия играет роль естественного политического и духовного центра — своеобразного союза монархий наподобие Священной Римской Империи (ср. в «отчете» 1839 г., а также — дневниковую запись сентября 1840 г.: «Мечты о Кор^олевстве» Иллирийском, Чешском, и Империи Всеславянской, при молитве: Господи: владыка живота моего

и пр.» — ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 33. П. 1. Л. 6). А в основе этого чаемого политического единства лежит не столько идея Православной Империи, сколько — идея всеславянского национального суверенитета.

С другой стороны, и мысли Тютчева, нашедшие отражение в мемуаре, по всей видимости, значительно отличалась от того круга тем и идей, которым он оперировал в 1843 г. Во всяком случае, эту разницу отметил, ознакомившись с текстом мемуара, А. И. Тургенев: «грезы неосновательные и противные прежним его убеждениям — за полтора года» [ОА. С. 326]. Намерение Тютчева «вразумлять Европу на наш счет» [ОА. С. 301], как и его недавние московские впечатления, составляли темы подразумеваемых здесь Тургеневым их парижских бесед в мае—июне 1844 г. и не вызвали тогда у Тургенева никакого отторжения [ЛН. С. 87]. Более того, он весьма высоко оценил тютчевское письмо Кольбу [ЛН. С. 68], а итоговая характеристика: «Тютчев умен, но во многом и с легитимистами> соглашается» [ЛН. С. 87], — отмечает как раз ту культивированную самостоятельность и неоднозначность позиции, которую отметил в тютчевской оценке Кюстина Варнгаген фон Энзе. В обоих случаях Тютчев балансирует между легитимистской мифологизацией русского «патриархального порядка» и либеральным критицизмом. Главным принципом про-русской пропаганды, сформулированным в мемуаре, напротив, является отказ от частных полемик и попыток европеизированного патриотизма (к которым призывал Тютчева Тургенев: «Ему стоит только писать согласнее с его европейским образом мысли...» [ОА. С. 301]; ср., с другой стороны, в мемуаре: «До сего дня <...> мы за крайне редкими исключениями избирали тон, весьма мало нам подобающий. Мы слишком походили на школяров, пытающихся неуклюжими восхвалениями умиловить прогневавшегося начальника») и открытое противопоставление европейскому взгляду на Россию «наших исторических грамот» и сознания «принципов своего бытия».

Таким образом, в отличие от Кюстина, не нашедшего во время своей поездки никаких подтверждений легитимистского мифа о России (см. в статье В. Мильчиной [Кюстин. I. С. 387–390]), Тютчев, как бы ревизовав впечатления Кюстина во время своего пребывания в Москве в 1843 г., противопоставляет кюстиновой эгоцентрической «проницательности» подчеркнуто интуитивистское прозрение «внутреннего принципа» и исторической легитимности «мира византийско-русского», оставшегося недоступным иноплеменнику. Весьма замечательно, что главная мысль тютчевского мемуара о необходимости осознания принципов своего исторического и нравственного бытия самими русскими как главном условии действительности русской пропаганды отчетливо перекликается с фразой Бенкендорфа, якобы сказанной им о Кюстине Николаю I и переданной Тютчевым В. фон Энзе на возвратном пути из России в 1843 г.: «Господин Кюстин только сформулировал те понятия, которые все давно о нас имеют и которые мы сами о себе имеем» [ЛН. С. 460].

Смещение акцентов во взглядах Тютчева и Погодина, произошедшее за два года, характерным образом корреспондирует с биографическими обстоятельствами собеседников. По сравнению с ситуацией 1843 г., в 1845 Тютчев и Погодин как бы меняются местами. Теперь Тютчев показывает Погодину записку, удостоившуюся внимания Государя и способную, как предполагается, повлиять на умы в должном направлении. Более того, если в 1843 г. Тютчев совершал своеобразное паломничество (пусть необходимое) на Родину, в «элизиум» прошлого, то на этот раз он приезжает в Москву после восьмимесячного пребывания в Петербурге, ознаменованного впечатляющими светскими и политическими успехами (ср. этот мотив в петербургских письмах Э. Ф. Тютчевой зимы 1844–1845 гг. [ЛН. С. 210–213] и знаменитую помету Вяземского «Tutscheff est le lion de la saison» [ОА. С. 309]), и в ожидании скорого возвращения на Запад. Напротив того, оппозиционность Погодина по отношению к Петербургу и имперской ипостаси русского национализма очевидно усилена в этот момент

биографическими обстоятельствами. С лета 1843 г. Погодин не только узнал о неиспользованности своих политических рассуждений в представленном Императору экстракте отчета 1839 г., но и пережил прохладный прием отчета 1842 г., «оставленного без внимания по тогдашним политическим обстоятельствам» [Погодин 1874. С. 69], отдаление Уварова, чуждавшегося деятельного политического темперамента московского профессора, наконец — конфликт с попечителем Московского учебного округа А. С. Строгановым и уход из университета, уход с поста секретаря ОИДР и фактическую изоляцию «Москвитянина» после возвращения его под свою редакцию. От позы «Московского Гизо», казавшейся почти реальностью летом 1843, к лету 1845 не осталось и следа (ср. характерную запись о заседании ОИДР 6 февраля 1845, утвердившем О. Бодянского секретарем Общества вместо Погодина: «Собрание в Обществе, где несносный Строев говорил грубости, так что я решительно отказался. Гр. Строганов поддержал меня слабо, как большинство Гизо, и Аббат Сиес<?> Бодян<ский> взялся написать конституцию. Комедия!» — ОР РГБ. Ф. 233/1. П. 33. № 1. Л. 68 об).

Весьма показательно поэтому, что за два следующих месяца пребывания Тютчева в Москве, в погодинском «Дневнике» не встречается никаких упоминаний о нем. Сам Погодин в это время занят составлением речи, которую намерен произнести при открытии памятника Карамзину в Симбирске. Эта речь, весьма благосклонно воспринятая в литературных кругах, вызвала недовольство лишь тем, что Погодин представил Карамзина периода сочинения и печатания истории как человека, сознательного удалившегося от всякой светскости и других отношений, заключившего себя добровольно в библиотеку и типографию. Формулируя этот упрек, Шевырев проницательно заметил, что в данном случае Погодин изобразил в Карамзине себя. Весь комплекс историко-политических и идейных воззрений Погодина, претерпев очень незначительную внутреннюю эволюцию, начинает между тем выглядеть в этот момент если не оппозиционным, то — во всяком случае — не-

востребованным, а работа над «Исследованиями» по древней русской истории — своеобразным убежищем Погодина.

Совершенно не случайно на этом фоне происходит и актуализация погодинского «москвофильства». Имея в виду «возродить», вернуть в русло первоначального замысла «Москвитянин», Погодин повторяет в конце 1845 г. в объявлении об обновленном «Москвитянине» на 1846 г., что именно Москва (латентно противопоставленная Петербургу) является «средоточием русской истории» и заключает в себе тот ее подлинный характер, к которому должна вернуться Россия по окончании «петербургского периода».

Следующие 27 лет отношений Тютчева и Погодина остаются за рамками настоящей статьи, несмотря на то, что это период, пожалуй, наиболее интенсивных и постоянных контактов. Отметим лишь, что перед лицом новой эпохи, начало которой обозначено 1848 г., Тютчев и Погодин в гораздо большей степени ощущают себя людьми одного поколения и одной культуры и, несомненно, принадлежат к одному «идейному» лагерю в идеологических коллизиях 1850–1860-х, однако намеченное нами различие позиций: принципиальное для Тютчева пребывание «вне» Москвы и столь же принципиальное погодинское — «внутри» — остается неизменным и, кажется, вполне сохраняет свое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В издании Тютчева, подготовленном К. В. Пигаревым в серии «Литературные памятники» [Тютчев 1965], текст стихотворения воспроизведен достаточно корректно, но и здесь несколько знаков все-таки опущены. По всей видимости, Погодин со товарищи «разбирал стихи Т.» именно по печатной брошюре: по данным «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева», подготовленной в Музее Мураново, уже 21 июля Совет университета рассылал «Речи профессоров», произнесенные на акте, вместе с которыми были напечатаны и стихи; близость этой даты и выставленной в погодинском «Дневнике» — еще один аргумент в пользу нашей расшифровки погодинской записи.

- ² Ср. запись от 10 ноября 1820 г.: «Говорил с Тютч^{евым} о зверях, прив^{езенных} в М^{оскву}», — прямым комментарием к которой может служить объявление, приложенное к № 89 «Московских ведомостей» от 6 ноября 1820 г. и сообщающее, что «с дозволения начальства будет здесь на короткое время показываемо Большое собрание Отличных живых редких зверей из всех стран света, которые недавно привезены из Лондона»; зверинец «братьев и сестер Деннебек» расположился в теплом манеже дома кн. Гагарина на Поварской. Скорее всего событие это обсуждалось Тютчевым и Погодиным в контексте темы «провинциальности» Москвы (о чем см. ниже).
- ³ Редактировавший погодинскую автобиографию для «Биографического словаря профессоров ... Московского университета» С. П. Шевырев, видимо, счел в 1855 г. неуместной подобную характеристику знаменитого уже поэта и политического публициста и снял ее (ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 51. П. 1. Л. 6). Любопытно, что именно в период самого раннего знакомства с Тютчевым у Погодина возникает желание самому вступить на стезю поэзии. Ср. в «Дневнике» за 28 июля 1820 г.: «— Если бы мне другое воспитание, еще меньшее, если бы на осьмом году попались мне вместо романов стихи, думаю я бы^л бы стихотворцем» ([Дневник I. Л. 6]; оговорка о «воспитании, еще меньшем» очень характерна и передает тот привкус «аристократической забавы», который ощущается Погодиным в современном стихотворстве).
- ⁴ В более поздней записи, предаваясь фантазиям о «выигрыше имени» и заведении на доходы от него училища, Погодин также мечтает, что Мерзляков будет преподавать там и «переведет Георгики» [Дневник I. Л. 125 об].
- ⁵ С защитой Мерзлякова и его места в современной поэзии, видимо, связана и еще одна запись, сделанная Погодиным вскоре после этого разговора — 19 января 1821: «— Чит^{ал} Сына Отечества. Написать бы возражение против Рецензии Рус^{ских} Жур^{налов} в нем напечатан^{ной}» [Дневник I. Л. 57]. В обозрении русских журналов (Сын Отечества. 1821. № 1), в частности, критически упоминались переводы Мерзлякова из «Освобожденного Иерусалима», печатавшиеся в «Вестнике Европы», и можно предположить, что именно эти высокомерные характеристики стали главным раздражителем для Погодина. Отстаивание Мерзлякова перед петербургскими «литературными аристократами» останется существенным элементом его литературного кредо на многие

годы. При этом проявившееся уже в разговоре с Кубаревым противоречие (надежда на Мерзлякова как на создателя русского гекзаметра, вопреки его собственной позиции) отмечалось впоследствии оппонентами Погодина (см. полемическую заметку Дельвига в «Литературной газете» в 1830 г. — Дельви́г А. И. Сочинения / Сост., вст. ст. и комм. В. Э. Вацу́ро. Л., 1986. С. 220–221).

В III и более ранних публикациях приводится лишь первая часть записи: «Заходил к Тютчеву ~ Вот эта работа по нем». Прямой отзыв о переводе «Георгик» Раича см. также в записи от 15 октября 1822: «<...> — разбирали <с Кубаревым. — К. Р.> Фонте-неля, перевод Раичев Георгик — какие отступления грешныя — <...>» [Дневник П. Л. 42].

Речь идет, по всей видимости, об издании «Grammaire italienne simplifiée et reduite à 24 leçons par m-r F. Valerio» (М., 1822), о выходе которого упоминается в объявлении «Вестника Европы» (1822. № 8), а также в заметке П. А. Вяземского (Сын Отечества. 1822. № 29), содействовавшего автору в распространении книги (см. письмо Вяземского А. Тургеневу — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. II. С. 254).

В нашей статье, посвященной раичевскому обществу, мы отвергаем бытующее в научной литературе название «Общество друзей», восходящее к фразе из письма Погодина к А. Н. Голицыной [Рогов, С. 545. Прим. 1]. Вместе с тем культ дружбы как поэтического и интеллектуального со-чувствия очень характерен для Раича (ср. его известное позднейшее описание своих отношений с Тютчевым или «кружковое» предисловие к «Новым Аонидам»). Вполне вероятно, что выражение «общество друзей», не утвердившееся в качестве названия, бытовало в виде речевой формулы, отразившись, в частности, и в посвящении тютчевского послания «друзьям». С другой стороны, на особую роль отсутствующего Тютчева в раичевском кружке 1822–1825 гг. указывают, на наш взгляд, как использование фрагмента его неопубликованного стихотворения 1821 г. («Нет веры к вымыслам чудесным...») в сочинении Д. Ознобишина об искусствах, опубликованном в «Северной Лире», так и упоминание Тютчева среди «подающих прекрасную надежду» поэтов в «Обзрении российской словесности» Н. Полевого (Московский Телеграф. 1825. № 1. С. 86). Пять юношеских стихотворений, последнее из которых появилось в печати более двух лет назад, совершенно не объясняют такого отзыва; однако, если учесть, что осенью 1824 г. Полевой — регулярный

посетитель раичевых собраний, на которых и был читан первый вариант его программного «Обозрения» [Рогов. С. 537, 568], то контекст подобной оценки становится вполне понятен.

Пользуясь случаем, укажем здесь на факт, подкрепляющий наше предположение о том, что одним из шести членов раннего раичевского общества, образовавшегося летом 1822 в Осташово, был М. П. Вронченко [Рогов. С. 548. Прим. 22]. Автограф опубликованного В. Э. Вацуро перевода Вронченко элегии Ламартина «Озеро» имеет помету «Ост. 1822. Май» [Французская элегия. С. 660], которую, несомненно, следует читать как «Ост<ашово>» и т.д.

- ⁹ Запись о разговоре Тютчева, Погодина и Александры Трубецкой в июне 1825 г. цитируется обычно не полностью, между тем окончание ее позволяет восстановить некоторые детали рассказа Тютчева о Мюнхене: «Гов<орил> он об обществах: в Мюнхене общ<ество> малочисл<енное>, — придворные и пр. [Она стала] Et la bourgeoisie reste a cote, сказала она. О Магнаты! Я думаю, а теперь уверен, что у них есть что то в крови неприязненное с [ср] друг<ими> классами. — Так и должно быть по законам физическим. —» [Дневник II. Л. 123] Как можно понять, замечание Тютчева о заметной роли, которую играет в мюнхенском обществе буржуазия, вызвало высокомерную реплику юной представительницы барской Москвы, а раздражение Погодина было подготовлено всем ходом светской беседы и оттенком аристократического высокомерия, который определяет его впечатления от Тютчева.
- ¹⁰ «Письмо Издателя О. З. к Редактору, из Москвы, от 19 Октября 1825»: «Московский горизонт осветится скоро лучами новой *Кометы*: под сим именем Г. Пагодин намерен выпустить в свет *Альманах* в роде нашей Полярной Звезды, и судя по дарованиям Издателя и уважению, коим он пользуется между Литераторами, должно надеяться, что он сделает сим публике прекрасный подарок к Новому году» (Отечественные Записки. 1825. Ч. 24. № 61. С. 306; орфография источника).

- ¹¹ См. также: ОР РГБ. Ф. 231/1. П. 40. № 4.

- ¹² Один из ключевых образов историософской символики.

- ¹³ [Речи, отчет и стихи, произнесенные в торжественном собрании Имп. Моск. Университета 6 июля 1817 г.] М., 1817; [Речи, отчет и стихи, произнесенные в торжественном собрании Имп. Моск. Университета 5 июля 1819 г.] М., 1819; авторство Мерзлякова в отношении второго (неподписанного) текста указано в «Краткой

истории Московского Университета с 4 Июля 1819 года по 6 Июля 1820» ([*Речи, отчет и стихи*] М., 1820).

- ¹⁴ Тютчев прибыл в Москву 8 июля (см. его письмо Э. Ф. Тютчевой от 26 июля 1843 г. [*Тютчев 1984. Т. 2. С. 84*]), в записке же Шевырева из с. Вяземы в Москву упоминается, что письмо Погодина, в котором, видимо, и сообщалось о встрече с Тютчевым, до него шло долго, т.е. первую встречу (встречи) Погодина и Тютчева следует датировать приблизительно 9–16 июля.

- ¹⁵ В. Ганка, с которым Погодин встречался во время заграничного путешествия летом 1842 г., охотно показывал тютчевскую стихотворную запись в своем альбоме, а О. Бодянский даже цитировал послание Тютчева «К Ганке» в своей первой университетской лекции в Москве осенью 1842 [*Досталь. С. 297*].

- ¹⁶ Сам факт встречи Тютчева с Шевыревым, учитывая приведенную нами выше последнюю фразу письма последнего к Погодину, остается под вопросом; конспектируя свой разговор с Тютчевым о его московских впечатлениях, А. И. Тургенев упомянул Чаадаева, тютчевское бонмо по поводу которого не оставляет сомнений в том, что они встречались, и Хомякова [*ЛН. С. 87*].

- ¹⁷ Такие контакты и выполнение деликатного поручения министерства в отношении Ганки и Шафарика были главной целью поездки 1839 г. (см.: *Барсуков. Т. 5. С. 203–205*, а также дело «О передаче неофициальным порядком через Погодина пособия в 2000 руб. чешским ученым Шафарiku и Ганке» [РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 60. Л. 21–22, 31–32 об]).

- ¹⁸ Ср.: «Кто внимательно изучал Историю, тот знает..., что такое движение бывает только пред великими явлениями в Истории гражданских обществ...»; «Прибавлю от себя как историк, бывают счастливые минуты для государств, когда все обстоятельства стекаются в их пользу, и когда им стоит только пожелать, чтоб распространить свою власть как угодно. Такая минута была у Польши при Сигизмунде III <...> После Польши черед доходил до Швеции, начиная от Густава Адольфа до Карла XII <...> Не такая ли минута представляется теперь Императору Николаю, к которому обе Империи, Турецкая и Австрийская, как будто наперыв просятся в руку?» [*Погодин 1874. С. 20–21*].

- ¹⁹ Значению писем Тютчева для понимания его «поэтической онтологии» и, в частности, устойчивому для них мотиву «страха пространства» посвящена пионерская статья Б. М. Эйхенбаума 1916 г. [*Эйхенбаум*]. В развивающей ее идеи статье Ю. М. Лот-

мана отмечены и эмфатическая противопоставленность вертикально и горизонтально («равнина») организованного пространства, и связь «бесформенного» равнинного пространства с темой небытия: наконец, в оппозиции «Север–Юг» Лотман также видит вариацию противопоставления «бытие–небытие», отмечая устойчивую связь «Севера» с мотивами «сна», «мертвенности» и т.п. [Лотман. С. 122–125].

²⁰ В письмах Э. Ф. Тютчевой к К. Пфеефелю 1844 г. — это почти устойчивая формула: «хотя он уже почти примирился со своим возвращением в Россию»; «Тютчев тоже вполне примирился со своей родиной, и было бы неблагодарностью по-прежнему ее ненавидеть, так как его тут любят и ценят больше, чем где бы то ни было» [ЛН. С. 211].

²¹ Эйхенбаум в упомянутой статье разбирает сходный биографический эпизод тютчевского визионерства при посещении колокольни Ивана Великого 8 сентября 1855 г.: «... Тютчев знает совершенно особенное состояние, когда настоящее воспринимается им непосредственно как прошлое. Это — истинно пророческое состояние: не просто предвидеть будущее, но совсем на мгновение выйти из пределов времени и потому видеть его как бы со стороны» [Эйхенбаум. С. 53].

²² Многослойность тютчевского отношения к книге Кюстина не раз отмечалась исследователями [Лигарев. С. 117 и др.]; Ю. Н. Тынянов пронизательно отметил «кюстиновский» взгляд некоторых пассажей тютчевских писем (правда, более поздних), обсуждая концептуальную двойственность его отношения к России в целом [Тынянов. С. 351–352]; наконец, в специальной статье, посвященной теме «Тютчев и Кюстин», в качестве заключительного аккорда полемики с «Россией в 1839 году» рассматривается стихотворение Тютчева «Эти бедные селенья...», при этом, по мысли автора, первая строфа стихотворения является как бы резюме соответствующих «дорожных» впечатлений Кюстина («бедные селенья — скудная природа — долготерпенье») [Воропаева: особ. С. 107–109].

²³ Собственно отрывок письма 1855 г., разбираемый Эйхенбаумом, выглядит близким к тексту пересказом приведенных цитат из Кюстина: «И вся эта сцена предстала мне, как видение из прошлого, далекого прошлого, и люди, двигавшиеся кругом меня, казались давно исчезнувшими с лица земли <...>».

- ²⁴ Возможно, Тютчев и Погодин виделись первый раз в воскресенье, 3 июня на даче у М. А. Дмитриева [ЛН. С. 214].
- ²⁵ ОР РГБ. Ф. 231/III. К. 17. П. 41–42. Мы склонны читать погодинскую запись как «оне писаны» и, соответственно, исправлять в опубликованном ее фрагменте «свой мемуар» на «свои мемуары» (что вполне позволяют палеографические данные); возможно, Погодин мысленно переводит «мемуар» как «записка», однако в «Дневнике» встречаются и другие случаи некорректного употребления «оне»: так, в известной записи Погодина о Тютчевых от 25 октября 1820 г. [ЛН. С. 12] отчетливо читается в подлиннике: «Оне едут в Дерпт» (на эту параллель наше внимание обратила Т. Г. Динесман).
- ²⁶ Статья под названием «Формация государства» с датой 1837 г. открывала сборник «Историко-критические отрывки», изданный Погодиным в 1846 г. и вобравший его «концептуальные» исторические работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков: Аксаков П. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886.
- Барсуков I XXII: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888–1906. Кн. 1–22.
- Благой: Из материалов о Ф. И. Тютчеве / Сообщил Д. Благой // Красный архив. М.; Пг., 1923. Т. IV. С. 386–391.
- Веневитинов: Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза / Изд. подготовили Е. А. Маймин, М. А. Чернышев. М.: Наука, 1980.
- Воропаева: Воропаева Е. Тютчев и Астольф де Кюстин // Вопросы литературы. 1989. № 2.
- Дневник I: Дневник М. П. Погодина. 1820–1822 // ОР РГБ. Ф. 231/I. К. 30. № 1.
- Дневник II: Дневник М. П. Погодина. 1822–1825 // ОР РГБ. Ф. 231/I. К. 31. № 1.
- Дневник III: Дневник М. П. Погодина. 1840–1845 // ОР РГБ. Ф. 231/I. К. 33. № 1.
- Досталь: Досталь М. Ю. Первая лекция О. М. Бодянского в Московском университете: Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986.
- Казанович: Казанович Е. Из мюнхенских встреч Ф. И. Тютчева

- (1840-е гг.) // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928 / Ред. Е. П. Казанович. Л., 1928.
- Королева*: Королева Н. В. Тютчев и Пушкин // Пушкин. Исследования и материалы. Т. IV. М.; Л., 1962.
- Кюстин*: Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Под общ. ред. В. А. Мильчиной. М., 1996. Т. 1–2.
- Летопись*: Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М., 1999. Т. 1.
- ЛН*: Тютчев в дневнике и воспоминаниях М. П. Погодина / Вст. ст., публ. и комм. Л. Н. Кузиной // Литературное Наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. С. 7–27.
- Лотман*: Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник. Таллинн, 1990.
- Мильчина, Основат*: Мильчина В. А., Основат А. Л. Маркиз де Кюстин и его первые русские читатели (Из неизданных материалов 1830–1840-х годов) // Новое литературное обозрение. № 8 (1994).
- Основат 1987*: Основат А. Л. Тютчев о Ломоносове (К стихотворению «Он, умирая, сомневался...») // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 781. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1987.
- Основат 1990*: Основат А. Л. Тютчев и Пушкин: история литературных отношений // Тыняновский сб. Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990.
- Основат 1994*: Основат А. Л. Тютчев и заграничная служба III Отделения (Материалы к теме) // Тыняновский сборник. Пятые тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 110–138.
- ОА*: Остафьевский архив Кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. IV.
- Пигарев*: Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962.
- Письма к Дмитриеву*: Письма разных лиц к И. И. Дмитриеву. М., 1867.
- Погодин 1866*: Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. I–II.
- Погодин 1872*: Погодин М. П. В память о Павле Александровиче Муханове // Русская Старина. 1872. № 2.
- Погодин 1874*: Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.
- Речи, отчет и стихи*: [Речи, отчет и стихи, произнесенные в торжественном собрании Имп. Моск. Университета 6 июля 1820 г.] М., 1820.

- Рогов: Рогов К. Ю.* К истории «московского романтизма»: кружок и общество С. Е. Раича // Лотмановский сборник. 2. М., 1997.
- Тынянов: Тынянов Ю. Н.* Тютчев и Гейне // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Тютчев 1914: Lettres de Th. J. Tjutscheff à sa seconde épouse, née baronne de Pfeffel (1840–1853)* // Старина и новизна. 1914. Кн. 18.
- Тютчев 1965: Тютчев Ф. И.* Лирика / Изд. подготовил К. В. Пигарев. М., 1965. Т. I–II.
- Тютчев 1984: Тютчев Ф. И.* Сочинения: В 2 т. / Сост. К. В. Пигарев и Л. Н. Кузина. М., 1984. Т. 1–2.
- Тютчев 1992: Осоват А. Л.* Новонайденный меморандум Тютчева: К истории создания / Тютчев Ф. И. [Докладная записка Императору Николаю I] 1845 г. // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 89–115.
- Французская элегия: Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры.* М., 1989.
- Эйхенбаум: Эйхенбаум Б. М.* Письма Тютчева // Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Сб. ст. Л., 1924.
- Чулков: Чулков Г. И.* Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.: Л., 1933.

К ФРАНЦУЗСКИМ ИСТОЧНИКАМ СТИХОТВОРЕНИЯ “14 ДЕКАБРЯ 1825”

МАРИЯ НЕКЛЮДОВА

Данные заметки имеют целью пополнить тот историко-литературный материал, который уже собран в ходе предшествующего комментирования этого текста¹.

1. *Вас развратило самовластье / И меч его вас порази...* — Базовый глагол скорее всего является прямым эквивалентом фр. ‘corrompre’ и отсылает к трактату Монтескье «О Духе законов». См. книгу VIII, главу 10 («De la corruption du principe du gouvernement despotique» [О разложении принципа деспотического государства]): «Принцип деспотического государства непрерывно развращается [se corrompt], потому что он порочен [il est corromput] по самой своей природе» (С. 260)². ‘Le glaive’ (меч) — один из атрибутов правосудия. См. выражения: ‘le glaive de la justice’ (меч правосудия), ‘le glaive de la loi’ (меч закона); ср. в «Оде королю Генриху Великому на взятие Марсея» Малербба: «тирания» восстания «пресечена мечом свободы», который держит герой³.

2. *Народ, чуждаясь вероломства, / Поносит ваши имена...* — В ряду подтекстов (помимо уже отмеченного фрагмента из книги Ж. Ансело «Шесть месяцев в России»⁴) можно указать также пассаж Монтескье («О Духе законов», Книга III, глава 9), из которого следует, что деспотическое государство культивирует вражду между «вельможами» (или «пашами») и народом, оберегаемым «угрожающей рукой государя» (С. 185).

3. *Что станет вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс растопить! / Едва, дымясь, она сверкнула / На вековой громаде льдов, / Зима железная дохнула — / И не осталось следов.* — Непосредственный источник этого образа находим на последних страницах «Десяти лет изгнания» мадам де Сталь.

Описывая свое путешествие из России в Швецию (осенью 1812 г.), автор мимоходом замечает: «Мы миновали остров Аланд, где полномочные послы Петра I и Карла XII вели переговоры о мире, пытаясь установить пределы честолюбия на этой заледенелой земле, которую даже кровь их подданных могла согреть лишь на мгновение» («Nous passâmes devant l'île d'Aland, où les plénipotentiaires de Pierre I-er et de Charles XII traitèrent de la pax, et tâchèrent de fixer des bornes a leur ambition sur cette terre glacée, que le sang de leurs sujets avait pu seul réchauffer un moment»⁶).

Аландский архипелаг, вместе с Финляндией отвоеванный Россией у Швеции только в 1809 г., безусловно отождествлялся со Скандинавией: эту самую северную часть континента Монтескье называл «источником свободы» Европы или «фабрикой орудий, которыми сокрушают выкованные на юге цепи» (С. 391). Автор трактата «О Духе законов» не считал, однако, что тот или иной климат всецело определяет политический режим: так, он утверждал, что «северная» по местоположению Россия обладает чертами «южного», т.е. деспотического государства, от которых ее постепенно избавляют реформы Петра I (С. 389, 417). Не выходя за пределы этой парадигмы, мадам де Сталь выстраивает свой образ России как зеркальное отражение предложенного Монтескье. На ее взгляд, исконным для русского народа является именно «южный элемент»⁷, и, соответственно, «северное» направление петровской геополитики трактуется ею как «климатическое насилие» над духом нации, манифестирующее русский деспотизм⁸.

Введенный мадам де Сталь образ «заледенелой земли» накладывался на уже готовую матрицу. В августе 1819 г., еще до выхода «Десяти лет изгнания», П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Как прилично название Зимнего дворца: все в нем холодно, как в царстве зимы; все в нем вяло, как в описании зимы Херасковым. Смотри, чтоб и тебя мороз не схватил!»⁹. Обыгрывая здесь название резиденции русского императора, Вяземский несомненно подразумевает и то значение слова «зима», которое было закреплено патриотическим клише 1812 г.¹⁰ Как представляется, оно тоже было усвоено мадам де

Сталь — но не во время описываемого ею путешествия, а в последующие годы. В пользу этого свидетельствуют путевые записи, на основе которых были созданы «Десять лет изгнания»: здесь нет упоминаний об Аландском конгрессе¹¹, да и острова, входящие в архипелаг, мадам де Сталь проплывала в середине сентября 1812 г., когда они «еще были покрыты прекрасной зеленью»¹².

Книга «Десять лет изгнания», увидевшая свет в 1821 г., имела в России определенный резонанс, отчасти подготовленный успехом прижизненных изданий мадам де Сталь¹³. Тютчев же мог ознакомиться с этой книгой как на родине (до июня 1822 г.), так и позднее в Мюнхене. Обращает на себя внимание и тот факт, что его приезд в Петербург летом 1825 г. совпал с журнальной полемикой именно вокруг последней главы этой книги¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., в частности: Чулков Г. Стихотворение Тютчева «14 декабря 1825» // Уралия: Тютчевский альманах (1803–1928). Л., 1928. С. 61–78; Gregg R. Fedor Tiutchev: The evolution of a Poet. N.-Y.: London, 1965. P. 114–115; Основат А. Л. О стихотворении «14 декабря 1825» (К проблеме «Тютчев и декабризм») // Тютчевский сборник. Таллинн, 1990. С. 233–251.

² Здесь и далее русский перевод этого трактата цитируется по изд.: Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.

³ «Un Alcide fils d'Alcide. / A qui la France a prêté / Son invincible génie, / A coupé sa tyrannie / D'un glavier de liberté» (Oeuvres complètes de Malherbe. Paris, 1862. Т. 1. P. 24).

⁴ См.: Основат А. Л. Указ. соч. С. 236–237.

⁵ Имеется в виду Аландский конгресс, который открылся на о-ве Сундшер (входящем в состав Аландского архипелага) в мае 1718 г. Мирные переговоры между представителями России и Швеции, на время прерванные из-за гибели короля Карла XII, продолжались до осени 1719 г., но закончились безрезультатно (см.: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 332–358; Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. Л., 1990. С. 108–116).

- ⁶ Oeuvres inédites de Mine la baronne de Staël, publiés par son fils. Paris, 1821. Т. 1. Р. 356. Перевод наш. — Заметим, что в обоих существующих русских переводах этого фрагмента (см.: Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 64 [впервые: Рус. Архив. 1912. № 8]; Русские глазами знаменитой француженки. Русские главы из книги А. Л. Ж. де Сталь «Десять лет изгнания» // Война 1812 года и русская литература: Исследования и материалы. Тверь, 1992. С. 191) скрадывается важный смысловой оттенок.
- ⁷ Oeuvres inédites de Mine <...> de Staël <...>. Т. 1. Р. 229.
- ⁸ Ibid. Р. 315–316.
- ⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 229. В ответном письме (от 2 сентября 1819 г.) Тургенев подхватывает предложенное сравнение (см.: Там же. С. 304).
- ¹⁰ См.: Boele O. «Нам бури, вихрь и хлад знакомы»: Осмысление зимы 1812 года как союзницы или *deus ex machina* в русской литературе начала XIX века // Studies in Slavic Literature and Poetics. Amsterdam; Atlanta, 1994. Vol. XXIII. Р. 45–59.
- ¹¹ По-видимому, информацию об этом конгрессе писательница позднее почерпнула из «Истории России» Левека (см.: *Balayé S.* Les carnets de voyage de Madame de Staël: Contribution à la genèse de ses oeuvres. Genève, 1971. Р. 474 *passim*).
- ¹² *Balayé S.* Op. cit. Р. 336 (единственное описание Аландских островов, содержащееся в путевых записях). Датировка этого эпизода устанавливается на основе данных, приведенных в: *King N.* Un récit inédit du grand voyage de Madame de Staël (1812–1813) // Cahiers Staeliens. Nouvelle serie. 1966. N 4. Р. 13.
- ¹³ См.: Заборов П. А. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 200.
- ¹⁴ См.: М<ухано>вь А. Отрывки Г-жи де Сталь о Финдляндии, с замечаниями // Сын Отечества. 1825. Ч. 101. № 10. С. 148–157 (ц. р. 21 апреля 1825 г.); Моск. телеграф. 1825. Ч. 3. № 12. С. 355–359 (номер вышел 2 июля; см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина / Сост. М. Цявловский. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1991. С. 546); Дамский журнал. 1825. Ч. 11. № 13 (июль). С. 29–31.

ОБ ИСТОЧНИКАХ ЦИКЛА «НАПОЛЕОН»

ВЕРА МИЛЬЧИНА

1.

В научной литературе твердо установилось мнение, что источником первого стихотворения из цикла Тютчева «Наполеон» («Сын Революции, ты с матерью ужасной // Отважно в бой вступил — и изнемог в борьбе... // Не одолел ее твой гений самовластный!... // Бой невозможный, труд напрасный!.. // Ты всю ее носил в самом себе...») послужили строки из брошюры Шатобриана «О Бонапарте и Бурбонах»: «Детище нашей революции, он поразительно похож на свою мать»¹. Никто, однако, не задался вопросом, отчего в 1849 году Тютчев вспомнил политическую брошюру 1814 года. Меж тем в творчестве того же французского автора есть другое произведение, гораздо более близкое к «Наполеону» по времени создания и также содержащее сходные мысли о Наполеоне. Это «Замогильные записки». Здесь, в главе «Характер Бонапарта» (кн. 24, гл. 6) говорится: «Революция вскормила Наполеона, но очень скоро он возненавидел свою приемную мать; всю жизнь он без устали сражался с нею»² (эта фраза даже ближе к тютчевскому тексту, чем фраза из брошюры «О Бонапарте и Бурбонах», где речь шла только о родстве Наполеона с революцией; в «Замогильных записках» помимо родства подчеркивается борьба «сына» с «матерью»).

«Замогильные записки», которым, согласно воле автора, суждено было увидеть свет лишь после его смерти, начали печататься в газете «La Presse» 21 октября 1848 г., а отдельным изданием (12 томов) — в январе 1849 г. Тютчев, проявлявший (вместе со всей образованной европейской публикой, которая с середины 1830-х гг. нетерпеливо ожидала публикации последнего сочинения прославленного француза) живой интерес к

«Замогильным запискам»³, читал их сразу после выхода в свет. «Мой муж, — писала Эрн. Ф. Тютчева П. А. Вяземскому из Петербурга 8–10 ноября 1849 г., — в восторге от того, как Шатобриан описывает русскую кампанию, он в восторге от того, что после бесчисленных восхвалений прочел наконец несколько слов правды о Наполеоне»⁴. Стихи о Наполеоне, впервые посланные Эрн. Ф. Тютчевой тому же адресату 19 октября 1849 г.,⁵ были приложены (с добавлениями, не касающимися, впрочем, отрывка «Сын революции...») также и к процитированному письму. Очевидно, таким образом, что работа над циклом о Наполеоне совпала у Тютчева с чтением «Замогильных записок» Шатобриана, а именно их двадцать первой книги, посвященной русской кампании Наполеона, и книги двадцать четвертой, где дана общая оценка исторической роли французского императора⁶. Кажется гораздо более вероятным, что источником первого стихотворения из цикла «Наполеон» послужило не давнее публицистическое сочинение Шатобриана, жестко «привязанное» к политической ситуации 1814 г. (возвращение Бурбонов во Францию после двадцатилетнего изгнания) и безоговорочно враждебное по отношению к Наполеону, а текст «Замогильных записок», также весьма строгий по отношению к французскому императору, но более богатый смыслами и содержащий, наряду с критикой безжалостного тирана, хвалу великому гению.

2.

Третье стихотворение цикла («И ты стоял, — перед тобой Россия...») в первом, более коротком варианте было включено Тютчевым в конспект главы седьмой («Россия и Наполеон») трактата «Россия и Запад» (1849). Здесь, как и в окончательном варианте, опубликованном в 1850 г. в «Москвитянине» (№ 7), Наполеон говорит о России: «Да сбудутся ее судьбы!». В самом конспекте Тютчев также приводит эту фразу, но в более полном виде: «Он сам, наподобие древних, пророчествовал о ней: “Она увлекаема Роком: да свершатся же ее судьбы!”»⁷. Комментаторы единодушно указывают в качестве источника этих слов приказ Наполеона по армии от 22 июня 1812 г.⁸

Между тем у Тютчева не было необходимости обращаться непосредственно к сочинениям Наполеона. Слова французского императора о России поэт мог почерпнуть также из «Замогильных записок», где ими открывается первая глава книги 21-й. В первом книжном издании (Paris, Penaud) эта глава входила в том 6-й, вышедший, согласно «Bibliographie de la France», 15 сентября 1849 г.; в газете «La Presse» соответствующий фрагмент был опубликован 17 августа того же года⁹.

Представляется очевидным, что Тютчев, откликаясь в стихах прежде всего на недавние впечатления, опирался именно на этот источник, хронологически несравненно более близкий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые эта точка зрения была высказана в 1956 г. К. В. Пигаревым; см.: Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1956. Т. 1. С. 386–387; ср.: Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 393 (комментарии А. А. Николаева).

² Chateaubriand F.-R. de. Mémoires d'outre-tombe. P., 1951. Т. 1. P. 1003; рус. пер.: Шатобриан Ф.-Р. де. Замогильные записки. М., 1995. С. 320. Образ этот, впрочем, возникал во французской литературе и у других авторов; ср. у Бальзака в романе «Темное дело» (1841): «... восемнадцатого брюмера Бонапарт посягнул на Революцию, детищем которой был сам; он убивал родную мать» (Balzac H. de. La Comédie humaine. P., 1977. Т. 8. P. 525; рус. пер.: Бальзак О. де. Собр. соч.: В 15 т. М., 1954. Т. 11. С. 376).

³ В письме к П. А. Вяземскому от 11 июня 1837 г. из Петербурга он отзывался о четырех томах пушкинского «Современника» в следующих словах: «поистине замогильная книга, как говорит Шатобриан» (Тютчев Ф. И. Сочинения. М., 1984. Т. 2. С. 28); информация о чтении Шатобрианом глав из его новой книги в салоне г-жи Рекамье появлялась во французской прессе начиная с 1834 г.

⁴ Литературное наследство. М., 1989. Т. 97. Кн. 2. С. 238.

⁵ См.: Там же. С. 236.

⁶ Интересующая нас глава вошла в том 7-й, вышедший 27 октября 1849 г. Тютчев, однако, мог прочесть этот же текст в газете «La Presse», в которой эта глава «Замогильных записок» была напеча-

тана 14 сентября 1849 г. (сердечно благодарю за это сведение Е. Э. Лямину).

В оригинале по-французски: «Lui-même à la manière antique a prophétisé sur elle: «La fatalité l'entraîne. Que ses destinées s'accomplissent» (Литературное наследство. 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 216). Я привожу русский перевод И. С. Аксакова (*Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 222), поскольку перевод, напечатанный в «Литературном наследстве», неточен: «à la manière antique» переведено в нем «на старинный лад», хотя ясно, что у Тютчева идет речь о пророчествах древних, то есть античных, а не старинных, а слова Наполеона вообще почему-то превращены в стихи: «Она увлекаема роком. Да сбудутся судьбы ее» (см.: Указ. соч. С. 224).

⁸ См.: *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 393; Литературное наследство. 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 229.

⁹ Следует отметить, что Тютчев цитирует Наполеона не совсем точно (оставаясь, впрочем, верным смыслу слов императора). У Наполеона фраза о России звучит следующим образом: «La Russie est entraînée par la fatalité! Ses destins doivent s'accomplir» (*Oeuvres de Napoléon Bonaparte*. P., 1821. Т. 5. Р. 4); точно в таком же виде приводит ее и Шатобриан в «Замогильных записках»; Тютчев же явно цитировал Наполеона по памяти, не справляясь не только с прокламацией самого императора, но и с запомнимвшимся ему после недавнего прочтения текстом Шатобриана.

АЛЬБОМ-ГЕРБАРИЙ ЭРНЕСТИНЫ ФЕДОРОВНЫ ТЮТЧЕВОЙ КАК ИСТОЧНИК КОММЕНТАРИЯ

СВЕТЛАНА ДОЛГОПОЛОВА, АННА ЮНГГРЕН

Цель настоящей заметки — привлечь внимание исследователей к пока еще мало изученному тютчеведческому документу — гербарию Эрнестины Федоровны Тютчевой. Гербарий всегда хранился у ее потомков и был введен в научный обиход правнуком и биографом Ф. И. Тютчева К. В. Пигаревым. Именно К. В. Пигарев впервые сопоставил даты гербария с датами жизни и творчества Ф. И. Тютчева¹. Надо заметить, что этот гербарий, в отличие от ботанических, не имел никакой дидактической задачи. Это — образец немецкой альбомной культуры 1820–1830-х годов², воплощение особого женского искусства. В альбоме соединяются две функции: декоративная — служить украшением, и биографическая — хранить воспоминания.

Альбом-гербарий представляет собою сброшюрованные листы, теперь уже пожелтевшие, в зеленоватой картонной обложке (19,8 x 13,4 см). На листах закреплены композиции из цветов, листьев и трав, создающих сочетания бело-желтых, розовато-сиреневых, зеленоватых, коричневых и черных тонов. Обычно рядом с композицией поставлена дата, часто тут же приводится название места. Подробные комментарии встречаются реже. Все записи сделаны по-французски, например: “Feuilles cueillies à la ruine de la Bodenlaub’n (près de Kissingen) le Lundi 29 Juillet 1833”.

Кроме растительных композиций альбом включает записи подруг по пансиону, пространное размышление Эрнестины после смерти ее первого мужа Ф. Дернберга, выдержки из Расина и Вольтера, Байрона и Попа, декоративные предметы; перышко фламинго, плоскую ракушку, расписанный красочными орна-

ментами прозрачный лист, словом, альбомную смесь. Всего на 90 страницах — свыше 200 записей. Кроме того, между страницами хранятся маленькие, сложенные вдвое, листки с загнутыми краями и записями внутри. В них лежат отдельные сухие растения. К внутренней стороне передней и задней обложки приклеено по конвертику. В верхний конвертик вложены автографы двух стихотворений Ф. Тютчева 1851 года: “Des premiers ans de votre vie...” и “Не знаю я, коснется ль благодать...”. В нижнем конвертике — засушенный мак, сорванный Тютчевым, судя по надписи, в Альпах в 1859 г. (“Coquelicot cueilli par le bon Aimé à Reichenhall le Dimanche 7/19 Juin 1859”)³.

Первые записи на страницах альбома относятся к 1826 году. Это — посвящения Эрнестине, сделанные ее подругами по страсбургскому пансиону. Самые ранние композиции, аранжированные Эрнестиной, помечены 1828 годом. Последними собственноручными записями отмечен Аренсбург в 1856 году. Хронологический порядок, в котором следуют композиции и записи, иногда несколько сбивается. Даты и названия мест часто обозначают маршруты поездок и посещений памятных мест. По записям восстанавливаются многочисленные путешествия Эрнестины по Европе: с кузиной Бертой по Швейцарии в 1838 году, с Ф. Тютчевым по Италии и Швейцарии до и после венчания в 1839 году, поездка супругов в Прагу в 1841 году, их путешествия по Рейну и Бельгии в 1842 году и др.

Характерны места культурных паломничеств: 22 августа 1834 года — на могилу Ж. Ж. Руссо в Эрменонвилле, 12 марта 1838 года — в замок Вольтера в Фернее, 31 мая 1838 года — в сад замка М-м де Сталь в Коппэ. Записи после переезда в Россию единичны. По-видимому, альбом, заключавший, в основном, воспоминания молодости Эрнестины, превратился в позднейшие годы в России в реликвию, связанную с ее европейским прошлым.

В цветах, сорванных на могилах, в размышлениях после смерти первого мужа Эрнестины Фритца Дернберга, можно усмотреть следы поэтики романтизма в одном его важнейшем ключе — культе воспоминаний. Неслучайно немецкие альбомы этого периода часто имели дополнительное название — “памят-

ник дружбе" ("Denkmal an Freundschaft"), которое печаталось на корешке или обложке альбома. Мотив размышления на кладбище получил широкое распространение в европейской литературе и живописи того времени: ср. в литературе знаменитое "Сельское кладбище" Грея или название автобиографии Шатобриана "Замогильные записки" ("Mémoires d'outre-tombe"), а в живописи немецкого романтизма руины и могилы, как например, у К. Д. Фридриха: "Монастырское кладбище в снегу" (1817–19), "Вход на кладбище" (1815), "Крест на Балтике" (1815), "Кладбище" (1825) и т.д. Культ воспоминаний служит общим знаменателем, единым объединяющим фоном, с которым можно соотнести и альбом Эрнестины, и стихи Тютчева с излюбленной поэтом темой воспоминаний и приемом погружения в ретроспективу⁴.

С воспоминаниями тесно связано еще одно значение альбома — альбома как интимного дневника, скрытого от посторонних. Тайный смысл отдельных дат мог быть понятен Тютчеву. Он, несомненно, был участником романтического ритуала, разворачивавшегося вокруг альбома. С этой игрой вокруг альбома связаны три его стихотворения, посвященных Эрнестине. Автографы двух из них хранятся в самом альбоме в конвертике на внутренней стороне верхней обложки. Еще одно — "Un rêve" (1847) можно считать поэтическим описанием альбома, — не как конкретного предмета, а как стоящего за ним смысла. Этот смысл — оживление любовных воспоминаний, данный через метафору "оживления" цветов:

Et consultant d'une main bien-aimée
De votre herbier maint doux et cher feuillet,
Vous réveillez dans sa couche enbaumée
Tout un Passé d'amour qui sommeillait...
(Un rêve, 243)⁵

В стихотворении "Des premiers ans de votre vie ...", написанном 12 апреля 1851 года, после дня рождения Эрнестины (родилась 8/20 апреля 1810 года), Тютчев, следуя рассказам жены, воссоздал картину ее раннего детства. Стихотворение хронологически углубляет перспективу альбома и легко вписывается в его контекст, в частности, благодаря "цветочной" теме ("la rive fleurie").

Стихи были написаны в тот момент, когда отношениям поэта и его жены грозило новое испытание — рождение ребенка Е. А. Денисьевой (ее дочь Елена родилась 20 мая 1851 года). В его строках эпитеты идиллического немецкого пейзажа одновременно относятся и к душевному миру Эрнестины — тому миру ее прошлого, который еще не был разорван страданием. Это бегство в идиллию от мучительных конфликтов сегодняшнего дня.

Combien la rive était fleurie,
Combien le flot était plus pur!
Que de suaves rêveries
Se reflétait dans son azur!..

(Des premiers ans de votre vie, 249)

За автограф этого стихотворения заложен еще один листок, чуть меньшего размера, на котором было написано признание, предназначенное жене: “Не знаю я, коснется ль благодать...”. Перед текстом помета рукой поэта: “Pour vous (à déchiffrer toute seule)”. Эрнестина Федоровна обнаружила этот листок только спустя двадцать четыре года, в мае 1875 года.

Связь с альбомом еще одного стихотворения — “1-ое декабря 1837”, установил в своей книге “Жизнь и творчество Тютчева” К. Пигарев. Он указал, что его адресатом также является Эрнестина Дернберг: «Содержание стихотворения перестало быть загадочным благодаря двум сухим цветкам (бессмертник и анютины глазки), обнаруженным в альбоме-гербарии Э. Дернберг, под которыми по-французски проставлена дата: “Генуя, 24 ноября 1837”»⁶.

Значение многих других дат К. В. Пигарев считал сокрытыми для современных исследований. В своей монографии он пишет: «У нас нет ключа к полному раскрытию многозначительных дат под поблекшими цветами гербария: “Воспоминание о счастливых днях, проведенных в Эглофсгейме!! Цветы, сорванные 5 июня 1835 г.”, “Воспоминание о 20 марта 1836 г.!!!” и наряду с этим — “Воспоминание о моем отъезде из Мюнхена!! Понедельник 18 июля 1836 г.”»⁷.

За последние три десятилетия в тютчеведении появилось много новых сведений о поэте. Теперь становится возможным

ввести в его биографию некоторые новые даты из альбома. Отчасти это было сделано в “Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева” (часть 1, 1803–1844 гг.), подготовленной к печати группой сотрудников музея-усадьбы “Мураново”. Приведем в настоящей работе в качестве примеров только два эпизода после встречи Тютчева с Эрн. Дернберг в Генуе, описанной в стихотворении “1 декабря 1837 г.”

Попытка расстаться навсегда в Генуе была обречена на неудачу. Элеонора Тютчева с детьми осталась в Петербурге до весны, ожидая начала навигации. В конце февраля — начале марта Эрн. Дернберг совершила путешествие с юга Франции в Женеву. Этот маршрут прослеживается в альбоме довольно подробно: 17 февраля 1838 — Ницца, перо фламинго, убитого возле Канна 20 февраля 1838, 22 февраля 1838 — Тулон, 23 февраля 1838 — Марсель, листья, собранные между Пон-д’Эн и Нантуа на Юра 1 марта 1838 (Юра — отроги Альп, спускающиеся к Женевскому озеру, через которые проходит путь из южной Франции).

Во второй половине января Тютчев из Турина прибыл в Мюнхен. На портрете Тютчева, сделанного с натуры его светской знакомой Ипполит Рехберг, рукой Эрнестины Дернберг поставлена дата 9 марта 1838 года. Вероятно портрет был сделан во время пребывания поэта в Мюнхене и потом вручен им Эрнестине в Женеве. Там они остановились в *Hôtel des Bergues* на набережной Роны.

Впоследствии, уже в России, в письме к жене от 8/20 августа 1846 года Тютчев вспоминал: “Женева, *Hôtel des Bergues*, Рона, ты, я — восемь лет назад”. 12 марта Ф. Тютчев и Эрн. Дернберг посетили поместье Вольтера — Ферней, что следует из записи под веточкой.

Вероятно, после января 1838 г. Тютчев еще раз ездил в Мюнхен. Так, 4 апреля 1838 года он находился в Линдау, от которого расходятся дороги на Мюнхен, Женеву, Турин. Там было написано стихотворение “*Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage...*”, адресованное в письме поэту Ап. Мальтицу в Мюнхен. Из приписки к стихотворению следует, что Ап. Мальтиц, будущий муж Клотильды Ботмер, сестры Элеоноры Тютчевой,

подарил Ф. Тютчеву издание своих только что напечатанных сочинений. Можно заметить, что стихотворение, начатое как дружеское послание, соскальзывает на язык любовной лирики и содержит, возможно, отголосок недавней встречи с Эрн. Дернберг.

11 апреля из Женевы Тютчев написал письмо И. Гагарину в Париж. Этой же датой помечена запись Эрн. Дернберг в альбоме: "Женева, 11 апреля 1838". Через несколько дней Тютчев вернулся в Турин.

Число примеров, связанных с альбомом-гербарием, можно умножить. Нельзя надеяться до конца расшифровать "язык цветов", но несомненно следует подробно изучить его даты и сопоставить их, с одной стороны, с корпусом стихов Тютчева, с другой стороны — с уже имеющимися биографическими данными. Естественно, что скудость сведений о европейском периоде жизни поэта придает особую ценность альбому Эрн. Тютчевой.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 96.
- ² Ср., например, собрание альбомов Баварской государственной библиотеки (коллекция "Даффнериана").
- ³ В дальнейшем записи из альбома приводятся в русском переводе.
- ⁴ Leibov R. Tiutchev's Unnoticed Cycle // Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from the International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yuri Mikhailovich Lotman. Rodopi, 1993. P. 87–88.
- ⁵ Здесь и в дальнейшем стихи Тютчева цитируются по: Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965. Т. 2 (Литературные памятники).
- ⁶ Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 96. Там же. С. 90.

* Авторы пользуются случаем выразить благодарность А. К. Бегининой, праправнучке Ф. И. Тютчева и Эрн. Ф. Тютчевой, за любезно предоставленную возможность ознакомиться с альбомом-гербарием.

ТЮТЧЕВ В МЮНХЕНЕ (К истории дипломатической карьеры)

ТАТЬЯНА ДИНЕСМАН

13 мая 1822 г. восемнадцатилетний Федор Тютчев был причислен “сверх штата” к российской дипломатической миссии в Мюнхене — столице Баварии, одного из крупнейших государств Германского союза¹. Этим назначением, на долгие годы определившим его судьбу, он был обязан ходатайству гр. А. И. Остермана-Толстого, влиятельного родственника семьи Тютчевых².

Место чиновника “сверх штата”, или, как его обычно называли, “внештатного атташе”, было более чем скромным. Как видно из самого названия этой должности, внештатный атташе не входил в штат миссии, а следовательно не имел ни конкретных обязанностей, ни жалованья³. Тем не менее для восемнадцатилетнего юноши, едва сошедшего со студенческой скамьи, подобное назначение считалось большой удачей. Предполагалось, что талант, усердие, благоволение начальства и счастливый случай помогут молодому человеку продвинуться по служебной лестнице и сделать дипломатическую карьеру. К тому же предстоящая жизнь в баварской столице, расположенной вблизи Франции и Италии, сулила возможность непосредственного соприкосновения с западно-европейской культурой, а может быть и с ее выдающимися представителями. “Чудесное место,” — заметил о назначении Тютчева его университетский товарищ М. П. Погодин⁴.

11 июня 1822 г. Тютчев выехал из Москвы к месту своего назначения⁵. Он ехал не один. Своего юного протеже сопровождал гр. Остерман-Толстой, направлявшийся в Мюнхен, где в то время проводил большую часть своего времени⁶. Таким образом, рядом с Тютчевым находился старший друг, готовый

помочь ему освоиться в чужой стране, в непривычной обстановке.

Глава Мюнхенской миссии гр. Иван Илларионович Воронцов-Дашков принял своего нового подчиненного вполне благожелательно (вероятно, присутствие Остермана-Толстого сыграло в этом свою роль). “Le nouvel attaché à ma Mission M-r Théodore Tuttscheff vient d'arriver. Malgré le peu d'occupation que cet employé aura nécessairement dans le commencement de son séjour ici, je tâcherai néanmoins de ne point lui faire perdre un temps si précieux à son âge”^{1*}, — сообщал он вице-канцлеру гр. К. В. Нессельроде, возглавлявшему Коллегию иностранных дел⁷. Как видим, Воронцов-Дашков решительно не знал, чем бы он мог серьезно занять своего новоявленного внештатного атташе. Это не покажется странным, если принять во внимание функции, которые выполняла тогда российская миссия при баварском дворе.

В начале 1820-х годов Бавария не играла сколько-нибудь значительной роли в европейской политической жизни; при этом баварская дипломатия всецело ориентировалась на Россию. В результате у Мюнхенской миссии^{2*} в ту пору почти не было дипломатических задач в полном смысле этого слова. В обширной переписке миссии с Коллегией иностранных дел за 1822–1827 гг. собственно дипломатические проблемы фактически отсутствуют. В многочисленных депешах, направлявшихся на имя Нессельроде, сообщалось об указах короля и действиях правительства, о перемещениях и назначениях в кабинете министров, о событиях в королевской семье (рождения, свадьбы, похороны), о приемах во дворце и других официальных церемониях, о передвижениях короля и членов его семейства, об изменениях в составе дипломатического корпуса

^{1*} “Новый атташе при моей миссии г-н Федор Тютчев только что приехал. Несмотря на малое количество дела, которое будет у этого чиновника на первых порах его пребывания здесь, я все же постараюсь, чтобы он не зря потерял время, столь драгоценное в его возрасте”. *Здесь и далее французские тексты приводятся в современной орфографии.*

^{2*} Под этим названием российская миссия при баварском дворе часто фигурирует в делах Коллегии иностранных дел (затем Министерства иностранных дел). Будем придерживаться его и мы.

и т. п. Лишь изредка встречаются сообщения о реакции короля и правительства на те или иные события международной жизни или о слухах, циркулирующих в дипломатических кругах.

Как видим, деятельность Мюнхенской миссии практически сводилась к функциям информационного характера. С ними легко справлялся ее штат, который составляли три чиновника: чрезвычайный посол и полномочный министр гр. И. И. Воронцов-Дашков, первый секретарь миссии М. П. Тормасов и второй секретарь бар. А. С. Крюденер⁸. Что же касается внештатных атташе (в то время их было двое — Тютчев и гр. Г. А. Ржевусский⁹), то никаких определенных обязанностей они не имели и лишь изредка выполняли отдельные поручения посла.

Мы почти не располагаем сведениями о том, как складывались служебные отношения Тютчева в первые три года его пребывания в Мюнхене. Единственный обнаруженный нами след его участия в делах миссии за это время — 9 депеш Воронцова-Дашкова в Коллегию иностранных дел, написанных рукою Тютчева в июне-октябре 1823 г.¹⁰ (вероятно, он писал под диктовку своего начальника или переписывал его черновики¹¹). О том, что его внештатный атташе фактически в делах миссии не участвует, Воронцов-Дашков весьма недвусмысленно писал 1/13 февраля 1825 г., поддерживая перед Нессельроде прошение Тютчева об отпуске: *“Comme l'absence temporaire de cet employé ne saurait entraver l'expédition des affaires de la Mission, je prends la liberté d'intercéder en faveur de sa demande et de prier Votre Excellence d'avoir l'extrême bonté de lui accorder un congé de quatre mois”*¹².

Тем временем супруга А. И. Остермана-Толстого, графиня Елизавета Алексеевна, проживавшая в Мюнхене, настоятельно просила Воронцова-Дашкова ходатайствовать о присвоении Тютчеву придворного звания камер-юнкера. Отказать ей в

⁸* “Поскольку временное отсутствие сего чиновника не помешает исполнению дел Миссии, я беру на себя смелость удовлетворить оное прошение и обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой оказать благорасположение сему чиновнику, предоставив ему отпуск на четыре месяца”¹².

этой просьбе он не мог и 10/25 мая 1825 г. направил вице-канцлеру Нессельроде соответствующее ходатайство: "Cet employé, — писал он о Тютчеве, — qui est doué de beaucoup d'intelligence a mis son temps à profit depuis les trois années qu'il est à ma Mission. Il l'a employé d'une manière très utile pour lui et satisfaisante pour le service et ce sont ces considérations qui m'ont engagés à condescendre au désir de M-me la Comtesse d'Ostermann, sa proche parente. Elle m'a fait savoir plus d'une fois dans le courant de l'année passée combien elle me serait reconnaissante si je priais Votre Excellence d'obtenir des bontés de l'Empereur l'uniforme de la Cour pour M-r de Tuttscheff. M-me d'Ostermann a joint à ses instances celles du père de ce jeune homme, vieillard infirme et qui paraît ambitionner ardemment cette faveur pour son fils. Je n'ose pas la réclamer à titre de récompense pour les trois années que M-r de Tuttscheff a passé à ma Mission, car le travail qu'il a eû n'est pas assez important pour mériter cette preuve de bienveillance de la part de Notre Auguste Maître, mais j'ose intercéder en sa faveur et joindre mes prières à celles de M-me la Comtesse d'Ostermann dans la certitude qu'il saura justifier à l'avenir cette haute faveur de Sa Majesté Impériale par son zèle et son dévouement au service"^{12*}.

^{12*} "Этот чиновник, наделенный незаурядными способностями, не потерял понапрасну те три года, что находился при моей Миссии. Употребив это время с большой пользой для себя, он вполне успешно выполнял и свои обязанности по службе, что побудило меня склониться к просьбам Графини Остерман, близкой его родственницы. В продолжении минувшего года графиня не раз говорила мне, сколь признательна была бы она, если б я попросил Ваше Превосходительство ходатайствовать перед Государем Императором о даровании г-ну Тютчеву придворного звания. Г-жа Остерман прибавляет, что о том же настоятельно просит и отец молодого человека, немощный старец, который настойчиво домогается, чтобы эта честь была оказана его сыну. Я не смею просить об оказании подобной милости как о награде за те три года, которые г-н Тютчев служил при моей миссии, поскольку труд, которым он занимался, не имеет большого значения и не дает ему права на сие изъятие Монаршей благосклонности. Однако я решаюсь присоединиться к просьбам Графини Остерман и ходатайствовать в его пользу, ибо не сомневаюсь, что в будущем он оправдает Высочайшую милость своим усердием и преданностью службе"¹³.

Несмотря на оговорку, что Тютчев не имеет заслуг, которые давали бы ему право на “сие изъявление Монаршей благосклонности”, ходатайство Воронцова-Дашкова было удовлетворено без проволочек: 31 мая/12 июня Тютчев был пожалован в звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества¹⁴. Это придворное звание сыграло известную роль в его светской жизни — оно придавало ему определенный статус в высшем обществе Мюнхена и открывало доступ к Королевскому Двору. Однако для служебной карьеры Тютчева оно не имело значения. Тем не менее этот эпизод как нельзя лучше демонстрирует, сколь необходима была Тютчеву (как, впрочем, и многим другим чиновникам) протекция влиятельных лиц для продвижения по службе и получения чинов и званий.

В день, когда указ о придворном звании был подписан, Тютчева не было в Мюнхене. В начале июня (нов. ст.) он воспользовался разрешенным ему отпуском и выехал в Москву, куда прибыл 11/23 июня, ровно через три года со дня своего отъезда в Мюнхен¹⁵. К месту службы он возвратился лишь 5/17 февраля 1826 г., более чем вдвое превысив положенный ему четырехмесячный срок отпуска¹⁶.

Незадолго до возвращения Тютчева в Мюнхенской миссии произошло печальное событие: в ночь на 13/25 января скончался первый секретарь миссии Тормасов. В тот же день Воронцов-Дашков сообщил Нессельроде об этой смерти и тут же ходатайствовал о назначении второго секретаря миссии А. С. Крюденера на освободившуюся должность, а на его место — переводчика С. П. Бакунина¹⁷. Вполне возможно, что будь Тютчев в то время в Мюнхене, он мог бы претендовать на должность второго секретаря. Но прошло уже 8 месяцев со дня его отъезда, все сроки давно истекли и, вероятно, Воронцову-Дашкову даже не было известно, намерен ли его внештатный атташе вернуться в Мюнхен. Правда, полной уверенности в том, что присутствие Тютчева изменило бы решение посла, у нас нет — ведь предпочел же он Бакунина Ржевусскому, другому внештатному атташе.

Ходатайство Воронцова-Дашкова было удовлетворено лишь отчасти: Крюденер был определен первым секретарем, в

назначении же Бакунина было отказано, и должность второго секретаря надолго осталась вакантной¹⁸.

Воронцов-Дашков ничего не предпринял для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. Вполне понятно, что получив отказ на просьбу о назначении Бакунина, он не захотел сразу же возбуждать новое ходатайство. А очень скоро — 27 апреля/9 мая — он отправился в длительный отпуск, оставив вместо себя первого секретаря Крюденера в качестве временного поверенного в делах¹⁹. Одиннадцать месяцев спустя Воронцов-Дашков вернулся из затянувшегося отпуска²⁰, однако теперь он находился в ожидании нового назначения, затем готовился к переезду, а потому дела Мюнхенской миссии и участь подчиненных его не слишком тревожили.

23 октября/4 ноября 1827 г. Воронцов-Дашков навсегда покинул Мюнхен; никто не был назначен на его место, и Мюнхенскую миссию вновь возглавил первый секретарь Крюденер в роли временного поверенного в делах²¹. Таким образом, миссия продолжала функционировать не только в неполном составе, но и при отсутствии руководства в лице полномочного представителя России.

25 марта/6 апреля 1828 г. в Мюнхен был назначен новый посол — Иван Алексеевич Потемкин²². Назначение это состоялось за три недели до начала войны с Турцией, объявленной 14/26 апреля. Вероятно, Нессельроде, до сих пор не торопившийся с назначением нового посла в Баварии, теперь, в преддверии уже предрешенной войны, во время которой неизбежно должна была активизироваться деятельность российских представительств в странах Европы, уже не считал возможным оставлять Мюнхенскую миссию без полномочного главы. Как бы то ни было, назначение состоялось, а через три недели — 17/29 апреля — на должность второго секретаря миссии, остававшуюся вакантной более двух лет, — был определен внештатный атташе Тютчев²³. Было ли это запоздалое назначение результатом чьих-то хлопот, остается неизвестным. Во всяком случае, в окружении Тютчева и его семьи не просматривается лицо, располагавшее необходимыми для такого ходатайства связями (А. И. Остерман-Толстой после смерти Алек-

сандра I утратил прежнее влияние, покинул Россию и не мог помочь Тютчеву). Скорее всего Нессельроде просто позаботился о том, чтобы к приезду нового посла состав чиновников миссии отвечал штатному расписанию. Так или иначе, назначение состоялось, и в начале октября 1828 г. Тютчев получил жалованье за “майскую треть” года — 261 р. 33 1/4 коп.²⁴ Это было его первое жалованье за шесть лет пребывания в Мюнхене.

Так завершился первый этап службы Тютчева в Мюнхенской миссии. Итогом этих шести лет были: первая ступенька в дипломатической иерархии — должность второго секретаря миссии с жалованьем 800 р. в год; придворное звание камер-юнкера; чин коллежского секретаря, автоматически полагавшийся ему по истечении первых трех лет службы, и право на получение следующего чина, поскольку второе трехлетие его службы также истекло²⁵.

За эти годы в личной жизни Тютчева произошло событие первостепенной важности: “В 1826 году, 23-х лет от роду, — рассказывает его первый биограф, — он женился в Мюнхене на милой, грациозной, умной, несколько старшей его вдове нашего бывшего министра при одном из второстепенных германских дворов. Петерсона. Урожденная графиня Ботмер, она происходила по матери из рода Ганштейн. Таким образом Тютчев породнился разом с двумя старыми аристократическими фамилиями Баварии и попал в целый сонм немцев-родственников”²⁶.

Брак был счастливым. В лице Элеоноры Тютчев обрел любящую жену, преданного друга и неизменную опору в трудные минуты жизни. “Эта слабая женщина, — писал он родителям на одиннадцатом году супружества, — обладает силой духа, соизмеримой разве только с нежностью, заключенной в ее сердце <...> Один Бог, создавший ее, ведает, сколько мужества скрыто в этой душе. Но я хочу, чтобы вы, любящие меня, знали, что никогда ни один человек не любил другого так, как она меня”²⁷.

И. А. Потемкин прибыл в Мюнхен 2/14 октября 1828 г. — почти через год после отъезда своего предшественника²⁸. Но-

вый посол очаровал всех — и светское общество Мюнхена, и дипломатический корпус, и своих подчиненных. Ум и любезность, доброта и неизменная доброжелательность, сердечность и простота в обращении снискали ему всеобщие симпатии и уважение²⁹. Что же касается Тютчева, то для него пять лет пребывания Потемкина во главе Мюнхенской миссии стали, как мы увидим далее, лучшим и самым значительным периодом его пятнадцатилетней службы в Мюнхене.

Сразу по приезде Потемкин стал давать поручения не только первому секретарю Крюденеру, но и Тютчеву. Уже вторая из отправленных им в Петербург депеш (11/23 октября: № 2) была написана рукой Тютчева³⁰. Всего же из 37 депеш, которые Потемкин отправил Нессельроде в первые 8 месяцев своего пребывания в Мюнхене (октябрь 1828 г. — июнь 1829 г.), рукой Тютчева написано девять. Пять из них касаются частных эпизодов жизни дипломатического корпуса, в том числе и самой Мюнхенской миссии. Это краткие сообщения — о внимании, оказанном посланником Швеции новому русскому послу; об отъезде посла Сардинии; о приезде прусского наследного принца; об отъезде Потемкина в отпуск; благодарность за изъявление Высочайшего одобрения деятельности Крюденера в качестве поверенного в делах (награждение его орденом св. Анны)³¹. Однако такого рода “проходные” депеши Потемкин, в отличие от своего предшественника, отправлял редко. Главное место в его дипломатической почте занимали в это время две проблемы: 1) отношение короля Людвига I, его правительства и баварской периодической печати к России и в первую очередь, к войне, которую она вела с Турцией; 2) внешняя политика Баварии по отношению к другим государствам Германского союза.

С первой из этих проблем Потемкин столкнулся вскоре по приезде в Мюнхен. 7 ноября 1828 г.^{5*} в баварской газете

* До сих пор мы опирались в наших датировках на выдержки из русских дипломатических документов, которые всегда датировались двояко — и по старому, и по новому стилю. В дальнейшем это правило будет соблюдаться в отношении всех источников с двойными датами. Что же касается событий западноевропейской жизни, сообщений западноевропей-

“Augsburger Allgemeine Zeitung” (№ 313)^{6*} появилась статья под заглавием “Письмо из Константинополя” (подпись: Osman Joselub), в которой резко критиковалась внешняя политика России и действия ее армий на театре войны. Появление подобной статьи задевало не только Россию, но и короля Баварии: суждения, в ней высказанные, противоречили избранной им линии неизменной поддержки российской внешней политики и, прежде всего, войны, которую Россия вела с Турцией. В результате 9 ноября король подписал рескрипт, предусматривавший самые строгие санкции в отношении редакции газеты. Об этом эпизоде Потемкин известил Нессельроде депешей от 11/23 ноября (№ 8), приложив к ней королевский рескрипт в переводе с немецкого языка на французский; перевод был выполнен Тютчевым³². “Письмо из Константинополя” вызвало неожиданно громкий резонанс в Европе. Во французской печати (“*Courrier français*” и др.) появились сообщения о том, что оно инспирировано правящими кругами Австрии. Необходимость снять с себя это обвинение вынудила австрийское правительство предупредить редакторов *Allgemeine Zeitung*, что, если их газета продолжит свои выпады против России, она будет запрещена на территории Австрийской империи. В свою очередь австрийский посол в Мюнхене представил Потемкину опровержение обвинений, предъявленных Австрии французской печатью (русский посол отнесся к этому опровержению весьма скептически). Все эти события изложены в двух депешах Потемкина (10/22 декабря и 31 декабря/12 января; № 13 и 15); обе депеши написаны рукой Тютчева³³.

Несмотря на то, что *Allgemeine Zeitung* прекратила прямые антирусские выступления, Потемкин вскоре вновь был вынужден обратиться на нее внимание своего правительства. 16 февраля 1829 г. на страницах этой газеты (№ 47) появилась корреспонденция из Брюсселя от 9 февраля (без заглавия). Ано-

ской печати, донесений иностранных послов и т.п. фактов, то они датируются только по новому стилю. Так же будут датироваться и события мюнхенской жизни Тютчева в тех случаях, когда они не связаны с источниками, имеющими двойную датировку.

* Далее: *Allgemeine Zeitung*.

нимный автор ее утверждал, что, ввиду роста антимонархических тенденций в Европе, русский император готов прекратить войну с Турцией, дабы иметь возможность в случае необходимости противопоставить этим тенденциям вооруженную силу. В депеше от 5/17 февраля (№ 9) Потемкин известил Нессельроде об этой корреспонденции, прибавив, что было бы полезно организовать ее опровержение в одном из европейских органов печати: к депеше прилагались текст корреспонденции (вырезка из газеты) и ее перевод с немецкого языка на французский, выполненный Тютчевым³⁴.

Второй проблеме — взаимоотношениям Баварии с другими государствами Германского союза — посвящены почти все депеши Потемкина, отправленные в период с января по май 1829 г. Суть проблемы заключалась в том, что Бавария стремилась объединить южно-германские государства в единый таможенный союз. Осуществление этого плана должно было повлечь за собой значительные последствия политического характера, поскольку конечной целью предполагаемого союза было вывести эти государства из-под преобладающего влияния Австрии и ориентировать их на Пруссию. Рукой Тютчева написано первое сообщение Потемкина о действиях Баварии в этом направлении — о предложении короля вел. герцогу Баденскому присоединиться к соответствующему договору, уже заключенному между Баварией и Вюртембергом (депеша от 23 января/4 февраля; № 3)³⁵. Вслед за тем Тютчев перевел с немецкого языка на французский адресованную Потемкину конфиденциальную записку бар. Фаненберга, баденского посла в Мюнхене: “*Considérations sur l’importance politique de l’alliance commerciale entre la Bavière et le Wurtemberg*”³⁶*. Перевод был приложен к депеше Потемкина от 29 января/10 февраля (№ 5)³⁶. Затем последовал ряд депеш, освещавших дальнейший ход событий, однако в их составлении Тютчев, по-видимому, участия не принимал. Только последняя в этом ряду депеша (16/28 мая; № 17) — о заключении торгового соглаше-

* “Размышления о политическом значении торгового союза между Баварией и Вюртембергом”.

ния между Баварией, Вюртембергом и Пруссией — написана его рукой³⁷.

Надо полагать, что Тютчев, уже вполне сложившийся, самостоятельно мыслящий человек, был не пассивным переписчиком, но автором депеш, написанных его рукой, или, по крайней мере участвовал в их составлении. И если часть этих депеш не имела особого значения³⁸, то остальные затрагивают два важнейших аспекта дипломатической переписки Потемкина.

К вопросу об авторстве Тютчева мы еще вернемся. Здесь же отметим, что если к девяти перечисленным выше депешам, написанным его рукой, добавить три выполненных им перевода, то окажется, что к каждой третьей депеше из числа отправленных Потемкиным в первые 8 месяцев его пребывания в Мюнхене, Тютчев имел самое непосредственное отношение. Из этого следует вывод: именно в ту пору он впервые начал более или менее активно участвовать в делах Мюнхенской миссии.

За эти восемь месяцев Потемкин имел возможность в полной мере оценить незаурядные способности своего второго секретаря. Несомненно, что именно в это время между ними сложились те дружеские, доверительные отношения и взаимопонимание, о которых позднее, когда Потемкин был переведен на новое место службы, Тютчев писал, облекая в ироническую форму свои сожаления: “Со стороны вице-канцлера грех различать два сердца, как будто созданные друг для друга”³⁹.

Обычно в летние месяцы дипломатическая жизнь Мюнхена замирала. Король отправлялся на курорт, где никогда делами не занимался; большая часть дипломатического корпуса разъезжалась. В конце июня 1829 г. отправился в отпуск и Потемкин⁴⁰. Перед отъездом он обратился к Коллегию иностранных дел с ходатайством о производстве Тютчева в следующий чин, полагавшийся ему после шести лет службы, т.е. с февраля 1828 г.: “Камер-юнкер Тютчев, пробывший в настоящем его чине более законоположенного срока, беспорочным поведением своим и отличным усердием в исполнении возложенных на него обязанностей справедливым образом заслуживает благо-

приятного внимания начальства, почему я и беру смелость представить сего чиновника в чин титулярного советника⁴¹.

Почти одновременно с Потемкиным в неофициальный отпуск отправился Тютчев: он отсутствовал около трех месяцев и возвратился к своим обязанностям 24 или 25 сентября⁴².

3 октября, через неделю после возвращения Тютчева, в Мюнхен пришло первое известие о том, что русско-турецкая война завершилась победой России и заключением мирного договора, подписанного 2/14 сентября в г. Адрианополе⁴³. Условия мира были согласованы между Россией, Англией и Францией — тремя державами, равно заинтересованными в ослаблении Турции на Балканах и в примыкающем к ним регионе Средиземноморья. Результатом этого соглашения стало важнейшее условие Адрианопольского мира — провозглашение независимости Греции, до тех пор входившей в состав Османской империи. Во всей Европе это событие было встречено как проявление высшей справедливости: христианская Греция освобождалась от многовекового ига мусульманских завоевателей.

4 октября король Людвиг принял Потемкина с тем, чтобы выразить российскому послу свою искреннюю радость по поводу этого знаменательного события⁴⁴. В тот же день, присутствуя на традиционном народном празднике, отмечавшемся в начале октября ("Oktoberfest"), король совершил поступок, отнюдь не отвечавший придворному этикету: он лично поздравил каждого из чиновников Российской миссии с победоносным окончанием войны, тем самым публично продемонстрировав свое отношение к России и к победе, ею одержанной⁴⁵.

21 октября специальный курьер привез в Мюнхен копию Адрианопольского договора; Потемкин незамедлительно вручил ее королю⁴⁶. Вслед за тем в одной из мюнхенских газет было напечатано стихотворение короля "*An Russlands Kaiser, im Sommer 1828*"^{8*} — панегирик Николаю I, прославлявший русского императора как защитника и освободителя угнетенной турками Греции. Об этих стихах Потемкин незамедлительно сообщил Нессельроде: "Il vient de paraître dans une feuil-

^{8*} "Императору России, летом 1828 года".

le de cette Capitale une pièce de vers du Roi de Bavière, adressée à Sa Majesté l'Empereur Notre Auguste Maître. Cette production des talents poétiques du Roi, qui date de l'année dernière, et qui, d'après l'autorisation de Sa Majesté paraît au jour, dans le moment même où le triomphe de nos armées réalise d'une manière si éclatante les vœux et les espérances de l'Auguste Poète, est sans doute un monument trop remarquable des sentiments et des dispositions de Sa Majesté pour que je ne m'empresse point de le mettre sous les yeux de Votre Excellence. Elle trouvera la pièce originale dans l'imprimé ci-joint, à laquelle je prends la liberté de joindre une traduction en vers russes, faite par le second secrétaire de la Légation Impériale le gentilhomme de la Chambre Tutcheff^{49*}. К депеше прилагалось стихотворение короля (газетная вырезка; на немецком языке) и его перевод (под заглавием: "Императору Николаю I"; автограф Тютчева)⁴⁸. К. В. Пигарев предположил, что Потемкин послал Нессельроде этот перевод с целью привлечь к Тютчеву внимание петербургского начальства⁴⁹. Дружеское расположение, которое питал к своему второму секретарю Потемкин, позволяет признать это предположение вполне вероятным. Более того, не исключено, что именно он подал Тютчеву мысль перевести стихотворение короля.

Отвечая Потемкину, Нессельроде поручил ему выразить от имени Николая I глубочайшую признательность королю за его стихи — публичное выражение дружеских чувств в отношении русского императора⁵⁰. Что же касается перевода, то Нессельроде вежливо поблагодарил за него Тютчева в постскрипте к своей депеше: "J'ai lu avec plaisir la traduction en vers

* "В одной из газет этой Столицы появилось стихотворение Короля Баварии, обращенное к Его Величеству Государю Императору, нашему Августейшему Повелителю. Сей плод поэтического дарования Короля, созданный в прошедшем году и, с соизволения Его Величества, явившийся в свет в ту самую минуту, когда торжество наших войск столь блистательно осуществляет надежды и чаяния Августейшего Поэта, несомненно являет собою слишком замечательный памятник чувств и настроений Его Величества, чтобы я не поспешил предложить его вниманию Вашего Превосходительства. Стихотворение сие Ваше Превосходительство найдет в печатной вырезке, к сему приложенной: осмеливаюсь присоединить к ней русский перевод в стихах, исполненный вторым секретарем Императорской Миссии камер-юнкером Тютчевым"⁴⁷.

russes de cette même poésie, faite par le gentilhomme de la Chambre Tutcheff, et je vous prie, Monsieur, de l'en remercier^{10*}.

К концу 1829 г. Тютчев уже занимал довольно заметное место в мюнхенском обществе. Блестящий ум, широкое образование, самостоятельность, а порой и парадоксальность суждений, искрящееся остроумие и необыкновенное личное обаяние, которое отмечали все, кто был с ним знаком, делали Тютчева желанным гостем в светских салонах и не менее желанным собеседником в кругу университетских профессоров.

Принадлежность к дипломатическому корпусу, звание камер-юнкера, а также аристократические связи жены открывали Тютчеву доступ в придворные круги и светские салоны Мюнхена. "В этом мире, — вспоминал И. С. Гагарин, — Тютчев был вполне на месте и встречал радушный прием; он вносил в гостиные свой пылкий ум, ум, скрывавшийся под небрежной внешностью, который, казалось прорывался помимо его воли ослепительными остротами: его находили оригинальным, остроумным, занимательным"¹². О том, какую роль играл Тютчев в этой среде, позволяет судить эпизод, имевший место в замке Эглоффсхейм, родовом поместье баронов Сетто — одного из видных аристократических семейств Баварии. Правда, эпизод этот относится к лету 1834 года, однако он характерен и для более раннего периода, интересующего нас в данный момент. Итак, направляясь в Мариенбад, Тютчев решает заехать на несколько часов в Эглоффсхейм, где в ту пору, как всегда в летние месяцы, находилось множество гостей. Один из них рассказывает: "Nous avons été agréablement surpris il y a quelques jours par l'arrivée de M. de Tutcheff qui passe à Marienbad et qui Madame de Cetto a naturellement cherché à retenir ici. Il repartira ce soir"^{11*}. Через несколько дней после отъезда Тютчева рассказ о его пребывании в Эглоффсхейме был про-

^{10*} "Я с удовольствием прочитал русский перевод этих стихов, выполненный Камер-юнкером Тютчевым, и прошу Вас, Милостивый Государь, поблагодарить его за этот перевод"⁵¹.

^{11*} "На днях мы были приятно удивлены приездом г-на Тютчева; он направляется в Мариенбад, и г-жа Сетто, конечно, убедила его задержаться здесь. Он уезжает сегодня вечером"⁵³.

должен: "On ne s'entend plus du tout à l'Egoffsheim. M. de Tutcheff a été le morceau de sucre jeté dans la bouilloire et depuis ce temps les discussions politiques n'en finissent plus, quoique le principal moteur en soit parti"^{12*}.

Этот эпизод характеризует роль Тютчева в светском обществе Мюнхена. Здесь, как впоследствии в петербургских гостиных, он стал центром притяжения умов, своеобразным "ферментом", возбуждающим мысль собеседников, стимулирующим борьбу мнений. Напомним в этой связи, что беседы с Тютчевым ценил и такой выдающийся человек как гр. Максимилиан Монжела — в недавнем прошлом один из самых блестящих государственных деятелей Европы⁵⁵.

В то же время 26-летний Тютчев был "очень коротко знаком" с Шеллингом⁵⁶ — он беседует и даже спорит с ним как равный. Осенью 1829 г. знаменитый философ с симпатией и уважением отзывался о нем в разговоре с П. В. Киреевским, записавшим этот отзыв: "Das ist ein sehr ausgezeichnete Mensch. — сказал он между прочим, — ein sehr unterrichteter Mensch. mit dem man sich immer gern unterhält"^{13*}. С не меньшим уважением и симпатией отзывался о Тютчеве и ректор Мюнхенского университета, известный филолог Фридрих Тирш. 12/⟨24⟩ сентября 1829 г. П. В. Киреевский писал брату Ивану, что в беседе с ним Тирш «говорил о Тютчеве, как о своем очень хорошем знакомом, и очень хвалил его. "Das ist ein sehr guter Kopf. — говорил он, — ein sehr gebildeter Mensch und ein Diplomat"^{14*}»⁵⁸. В контексте нашего повествования этот отзыв обретает особое значение, ибо с именем Тирша связана попытка Тютчева предпринять самостоятельные действия в качестве представителя российской дипломатической миссии.

Фридрих Тирш, посвятивший себя изучению языка и культуры Древней Греции, принимал близко к сердцу судьбы со-

^{12*} "Мирное существование в Эглоффсхейме нарушено. Г-н Тютчев оказался камнем, брошенным в воду, и с тех пор здесь не прекращаются политические дискуссии, хотя главный возбудитель их уже отбыл"⁵⁴.

^{13*} "Это превосходнейший человек, очень образованный человек, с которым всегда охотно беседуешь."⁵⁷

^{14*} "Это светлая голова, очень образованный человек и дипломат".

временных греков. Он горячо сочувствовал греческому освободительному движению, был связан с Гетерией, входил в Баварский греческий комитет. С самого начала русско-турецкой войны Тирш видел в России освободительницу греческого народа, будущую вершительницу его судьбы. Когда победоносный исход войны был уже предрешен, Тирш начал обдумывать проблемы, связанные с предстоящим созданием нового государства — освобожденной Греции.

То, что это государство будет монархическим, сомнению не подлежало. Первостепенное значение Тирш придавал проблеме избрания будущего монарха, считая, что вся дальнейшая судьба Греции зависела от того, насколько разумно и взвешенно будет сделан этот выбор.

Казалось бы, естественно избрать короля из среды видных деятелей греческого освободительного движения, завоевавших популярность в народе. Однако в этой среде не было согласия, она распадалась на соперничавшие группировки, враждующие между собой. Тирш утверждал, что вступление на престол представителя одной из таких группировок вызовет со стороны других мощное сопротивление, ввергнув тем самым страну в мятежи и смуту, и вместо ожидаемого процветания приведет ее к разорению и упадку. Иная возможность — избрание на престол Греции лица, призванного из другого европейского государства. Такой король окажется “над схваткой”, ему легче будет навести порядок в стране, особенно, если им станет лицо, обладающее опытом государственного управления. Однако и в таком решении Тирш видел серьезную опасность, поскольку чужестранец, не знающий ни языка, ни обычаев народа, которым он призван повелевать, навсегда останется чуждым этому народу, неизбежно будет совершать ошибки и рано или поздно окажется камнем преткновения на пути развития возрождающейся страны. Оптимальным решением, с точки зрения Тирша, было бы избрание на престол малолетнего принца, принадлежащего к одному из царствующих домов Европы. Юный король, опекаемый регентством, мог бы, при соответствующем воспитании, изучить язык своего народа, усвоить его обычаи и нравы, узнать его нужды и чаяния. Тогда к моменту

совершеннолетия он будет подготовлен к тому, чтобы этим народом управлять. Продумал Тирш и кандидатуру будущего монарха. Это был 14-летний принц Оттон, второй сын короля Баварии.

10 сентября, за несколько дней до заключения Андриано-польского мира, Тирш обратился к королю Людвигу с письмом, в котором изложил основные положения вышеизложенного проекта; затем он развил и тщательно обосновал этот проект в особой “записке” (“*mémoire*”), которую облек в форму письма к известному эллинофилу Жану Габриэлю Эйнару, датировав это письмо 10 ноября 1829 г.⁵⁹

Однако обращение к Эйнару было лишь формой. На самом деле лицом, которому Тирш мысленно адресовал свою “записку”, был император Николай I — в нем он видел подлинного гаранта независимости и процветания Греции. А потому, едва завершив работу над “письмом к Эйнару”, Тирш предпринял решительные действия с тем, чтобы довести его до сведения подлинного адресата. Конечно, он мог отправить “письмо” обычной почтой, однако понимал, что разумнее было бы прибегнуть к посредничеству какого-нибудь авторитетного ведомства, которое могло бы должным образом представить императору его проект. Таким ведомством в Мюнхене была только Российская миссия. С ее главой И. А. Потемкиным Тирш не был знаком, зато, как нам уже известно, он был очень хорошо знаком с Тютчевым. Ему-то и передал Тирш “письмо к Эйнару”, копию же отправил королю Людвигу, сообщив в постскриптуме о шагах, предпринятых им с целью сообщить это “письмо” императору России: “...habe ich den Brief an Hrn. Eynard abschriftlich dem Hrn. v. Tutcheff bei der russischer Gesandtschaft dahin mitgeteilt, den ich als einen ganz zuferlässiger und ebensdurch Bildung wie durch Charakter und Gesinnung ausgezeichnete junger Mann hochachte. Er faßte den Vorschlag, ganz wie es gemeint war und das Verhältnis Eurer Majestät zu ihm ganz wie es ist und riet mir den Brief durch ihn auch dem russischen Gesandten mitteilen zu lassen. Allein auf mich gewiesen und wohl fühlend, daß ich ohne irgend einen Vorschub von einer anerkannten Behörde nicht vorrücken könne, war ich dazu um so mehr bereit, da

Hr. v. Tutcheff mich versicherte, daß Hr. v. Potemkin eben so sehr wie er selbst überzeugt sei, daß diese Sache in keiner Weise von Eurer Majestät ausgegangen sei. In beiliegenden Billet des Hrn. v. Tutcheff berichtet mir derselbe, daß Hr. v. Potemkin die Unternehmung mit aller Teilnahme betrachtete und die Schritte billigt, die ich getan habe^{15*}.

В записке, копию которой Тирш приложил к своему письму, Тютчев сообщал: "Je vais chercher le mémoire que vous avez eu la bonté de me communiquer, chez Mr de Potemkin, qui m'avait prié de le lui laisser pour pouvoir le lire à son aise. Je puis vous dire confidentiellement qu'il goûte beacoup votre idée et qu'il approuve que vous en écriviez à l'Empereur. Je suis même porté à croire qu'il fera de son côté ce qui dépend de lui, pour créer quelques chances de plus en faveur de votre démarche"^{16*}.

Все это происходило во второй половине ноября 1829 г.,⁶² а через несколько дней Баварский греческий комитет поручил Тиршу выразить благодарность императору Николаю I за щедрый дар — церковную утварь для новой греческой церкви в Мюнхене. Таким образом, у Тирша появилась не только возможность, но и прямая обязанность обратиться к императору лично. 3 декабря благодарственное письмо было написано. За-

^{15*} "...я передал копию письма к г-ну Эйнару в русскую миссию г-ну Тютчеву, которого я весьма уважаю как вполне заслуживающего доверия и по образованию, характеру и убеждениям превосходного молодого человека. Он воспринял предложение именно так, как оно было задумано, понял отношение к нему Вашего Величества именно так, как и следует, и посоветовал мне сообщить через него это письмо русскому посланнику. Будучи предоставлен самому себе и хорошо понимая, что без поддержки какого-либо солидного ведомства не смогу достичь успеха, я был вполне готов сделать это, поскольку г-н Тютчев заверил меня, что г-н Потемкин, как и сам Тютчев, убежден в том, что эта идея ни в коей мере не исходит от Вашего Величества. В приложенной записке г-н Тютчев сообщает мне, что г-н Потемкин рассматривает это предприятие со всем участием и одобряет шаги, которые я предпринял"⁶⁰.

^{16*} "Записку, которую вы были любезны мне передать, я разыщу у г-на Потемкина, просившего меня оставить ее ему для прочтения на досуге. Могу сказать вам доверительно, что он очень одобряет вашу идею и поддерживает ваше намерение написать по этому поводу Императору. Я склонен думать, что со своей стороны он сделает все от него зависящее, дабы создать благоприятные условия в пользу вашей попытки"⁶¹.

канчивая его, Тирш просил императора обратить внимание на прилагаемые "листки", т.е. на его "письмо к Эйнару"⁶³.

Пакет с этими документами Тирш отправил Тютчеву для пересылки императору. Однако Потемкин отказался отправить его от имени Российской миссии. 11 декабря Тютчев известил об этом Тирша: "J'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre à l'Empereur et me suis empressé de la remettre à la poste pour prévenir tout malentendu. Je vous répéterai ce que j'ai eu déjà l'honneur de vous dire une fois: s'avoit que M. de Potemkin ne se chargeait pas de la transmission officielle de votre lettre, vu qu'aucun agent diplomatique ne peut se charger de transmettre en Cour un écrit quelconque, dont il n'eût pris connaissance au préalable"^{17*}. Неловкость этой мотивировки очевидна. Ведь ничто не мешало попросить у Тирша разрешения вскрыть пакет и ознакомиться с его содержанием (к тому же для русского посла оно вовсе не было секретом). По-видимому, Потемкину нужна была отговорка, скрывающая истинную причину отказа. Скорее всего она заключалась в беспокойстве короля, опасавшегося подозрений в том, что он, король, является инициатором планов Тирша в отношении принца Оттона. В подобной ситуации Потемкин должен был считать пересылку "письма к Эйнару" через посредство своей миссии бестактностью в отношении короля Людвига. Возможно, что по этой же причине он не исполнил своего намерения, о котором Тютчев извещал Тирша 11 декабря, а именно: информировать Нессельроде в одной из ближайших депеш "о записке г-ну Эйнару как о событии, имевшем место в Мюнхене" ("de votre mémoire à Mr. d'Eynard comme d'un incident qui s'est passé à Munic") и приложить к ней копию "записки". Во всяком случае, в депешах Потемкина за декабрь 1829 – январь 1830 гг. "письмо к Эйнару" ни разу не упомянуто. Что же касается пакета, предназначенного Тиршем для пересылки

^{17*} "Я имел удовольствие получить Ваше письмо к Императору и поспешил отправить его почтой во избежание какого-либо недоразумения. Повторю вам то, что уже имел честь говорить вам однажды, а именно, что г-н Потемкин не взял на себя официальную передачу вашего письма ввиду того, что ни один дипломат не может передать своему Двору никакой бумаги, с которой не ознакомился предварительно"⁶⁴.

императору через посредство Российской миссии, то судьба его неизвестна^{18*}. Как бы то ни было, два с половиной года спустя на конференции держав-покровительниц принц Оттон был рекомендован к избранию на трон Греции.

Следующий эпизод служебной деятельности Тютчева также связан с именем Тирша. Но прежде чем обратиться к нему, необходимо сделать небольшое отступление и возвратиться к началу 1829 г.

5/17 февраля 1829 г., в той самой депеше, к которой был приложен выполненный Тютчевым перевод корреспонденции из Брюсселя, Потемкин высказал мысль о необходимости организовать противодействие антирусским тенденциям европейской печати, принимающим все более агрессивный характер. Он писал: *"L'excitation préjudiciable que ces sortes de publications <...> produisent dans le public, font pressentir l'utilité que l'on pourrait retirer de l'emploi d'une plume habile, qui sans aucune mission spéciale, se chargeait de combattre par les armes d'une saine raison, les assertions mensongères ou insidieuses et les jugements téméraires que l'on se permet à l'égard des événements politiques du temps"*^{19*}. Далее Потемкин сообщал, что известный мюнхенский публицист Фридрих Линднер (русский подданный; курляндец по происхождению) выразил готовность действовать в этом направлении. *"La réputation d'habileté dont cet écrivain*

^{18*} Слова *"la remettre a la poste"*, сказанные Тютчевым по поводу этого пакета в цитированном выше письме от 11 декабря, допускают различную трактовку. В переводе К. В. Пигарева, цитированном нами выше, они звучат как *"отправить его почтой"*. Этот вполне закономерный перевод позволяет сделать вывод: Тютчев, убедившись в нежелании Потемкина отправить пакет Тирша официальным путем, решился самостоятельно послать его простой почтой. Однако Р. Лэйн трактует эти слова иначе (что также допустимо): он полагает, что Тютчев воспользовался почтой, чтобы возвратить его Тиршу (*"returns the lettre"*). — *Lane I. P. 226, 227*).

^{19*} *"Вредное возбуждение, производимое в публике статьями подобного рода, заставляет подумать о пользе, которую могло бы принести перо искусного публициста, если бы он, не следуя каким-либо определенным указаниям, а вооружившись здравым смыслом, взял на себя опровержение лживых и коварных измышлений, а также безрассудных суждений по поводу современных политических событий"*⁶⁵.

jouit en Allemagne, et sa qualité de Sujet de Sa Majesté l'Empereur Notre Auguste Maître, dont il se glorifie, m'ont déterminé à lui présenter mon entremise auprès de Votre Excellence^{20*} — пишет в заключение Потемкин, прилагая к депеше адресованное К. В. Нессельроде письмо, в котором Линднер выразил готовность полемизировать с антирусскими выступлениями европейской прессы (в частности, английской)⁶⁶.

Нессельроде санкционировал привлечение Линднера к сотрудничеству, подчеркнув при этом, что какое бы то ни было давление на него полностью исключается: "Si nous hésitons à le munir d'une direction plus spéciale pour l'accomplissement de la tâche dont il s'est si spontanément chargé c'est parce qu'il nous paraît que du moment où il travaillerait sur des thèmes donnés et sous l'influence de suggestion étrangère, ses articles perdraient nécessairement ce caractère d'indépendance qui constitue leur principal mérite, que la source à laquelle l'auteur aura puisé ne manquerait pas d'être dévinée, et que dès lors ses productions cesseraient d'opérer le bien que nous pouvons nous en promettre à présent"^{21*}.

Через полгода, 15/27 октября, Потемкин докладывал Нессельроде об успешном развитии предпринятой акции: Линднер "неустанно трудится, направляя общественное мнение Германии по Восточному вопросу" путем публикации в *Allgemeine Zeitung* серии соответствующих статей ("n'a pas cessé de travailler à rectifier l'opinion publique en Allemagne sur la question d'Orient"): "Le Docteur Lindener, tant par la puissance directe de son talent, que par l'influence qu'il a exercé sur quelques autres

^{20*} "Репутация искусного публициста, которую этот писатель приобрел в Германии, а также положение подданного Его Императорского Величества — положение, коим он гордится, — побуждают меня рекомендовать его вниманию Вашего Превосходительства".

^{21*} "Мы не решаемся давать ему более определенные указания по поводу исполнения задачи, которую он взял на себя по собственному побуждению, ибо нам кажется, что едва он, под воздействием посторонних внушений, обратится к темам, ему заданным, статьи его неизбежно утратят свой независимый характер, составляющий их главное достоинство, источник идей автора тут же будет угадан, и с этого момента его произведения перестанут производить то благое воздействие, которого ныне мы можем ожидать".⁶⁷

correspondants les plus célèbres de la “Gazette Universelle”^{22*}, qui comme Thiersch et Hormayer, ont par la suite adopté et soutenu les mêmes idées, a indubitablement contribué plus qu’aucun autre à changer la tendance de ce journal si accrédité en l’Allemagne, à le ramener à des doctrines plus impartiales, et à une appréciation plus équitable de la politique du Cabinet Impérial”^{23*}.

Разумеется Тютчев, еще недавно принимавший непосредственное участие в составлении депеш, касавшихся выступлений *Allgemeine Zeitung*, враждебных по отношению к России, знал об идее Потемкина противопоставить подобным выступлениям “перо искусного публициста” и о шагах, предпринятых им в этом направлении. О том, что Тютчев не только знал об этой идее, но и сочувствовал ей, свидетельствует тот факт, что очень скоро он сам принял активное участие в аналогичной акции по отношению к другому публицисту.

Это произошло в самом начале февраля 1830 г. Идиллическая картина, нарисованная Потемкиным в цитированной депеше, внезапно изменилась.

3 февраля в Лондоне открылась конференция, в ходе которой представители России, Англии и Франции должны были решить ряд проблем, связанных со становлением Греции как самостоятельного государства. За несколько дней до этого *Allgemeine Zeitung* начала публикацию обширной статьи, исполненной самых резких, носивших скандальный характер и переходивших в прямую инсинуацию выпадов в адрес России (№ 31–33; 1–3 февраля; без заглавия). Статья эта представляла собой перепечатку анонимного “письма из Эгины”, помещенного в турецкой газете “*Courrier de Smyrne*” от 6 декабря

^{22*} “Gazette Universelle” (“Всеобщая газета”) — французский перевод заглавия газеты *Allgemeine Zeitung*, употребляемый в депешах Потемкина.

^{23*} “Благодаря непосредственному воздействию его собственного дарования, а также влиянию, оказанному им на самых известных сотрудников “*Allgemeine Zeitung*”, которые, подобно Тиршу и Хормайеру, со временем восприняли те же идеи и поддерживали их, доктор Линднер более, нежели кто-нибудь другой, способствовал изменению тенденции этой газеты, столь уважаемой в Германии, возвращению ее к воззрениям более беспристрастным и к более справедливой оценке политики Императорского Кабинета”⁶⁸.

1829 г. Смысл “письма” сводился к тому, что Россия является главным, а точнее — единственным врагом Греции, что ее цель подчинить себе Грецию, превратить ее в свою провинцию; неизвестный автор призывал Францию и Англию спасти “несчастную страну” от этих преступных притязаний. Появившись накануне открытия Лондонской конференции, подобная статья могла серьезно скомпрометировать Россию в глазах общественного мнения не только Германии, но и всей Европы.

Потемкин поспешил информировать Нессельроде об этом беспрецедентном выпаде газеты. 3 февраля, в день окончания публикации статьи, он писал: “Jamais, j’ose le dire, plus grave insulte n’avait été faite au bon sens public, car non content de vomir les plus grossières invectives contre le Gouvernement Impérial, d’appeler sur la Russie toutes les défiances, toutes les inimitiés, et la destruction même, l’auteur de l’article avec une impudence de mauvaise foi qui confond, dénature les faits les plus notoires, intervertit tous les rôles, transporta à d’autres puissances la part que la Russie a prise aux derniers événements et l’accusant d’avoir voulu tout le mal qu’elle a empêché, lui prête, pour la rendre odieuse, les intentions d’un parti qu’elle n’a cessé de combattre. Ce pamphlet, où la calomnie parle un langage incendiaire, semble évidemment destiné à agir sur les masses; tout homme sensé et quelque peu instruit le rejetterait avec dégoût. Quant à son origine, il est difficile de l’attribuer à une opinion individuelle quelque extravagante qu’on la suppose; nul ne consentirait à s’imposer tant de déraison, qui n’y trouverait un intérêt direct, et puissant. Cette considération, ainsi que l’inexplicable complaisance avec laquelle la rédaction de la Gazette Universelle s’était prêtée à reproduire ce scandaleux article dans tout son étendue, et sans l’accompagner d’aucun correctif, m’engage à faire des recherches, pour m’assurer de la véritable position de ce journal”^{24*}.

^{24*} “Смею утверждать, что никогда доньше общественный здравый смысл не подвергался более тяжкому оскорблению, ибо, не довольствуясь извержением самых грубых поношений в адрес Императорского Правительства, не довольствуясь призывами к недоверию и вражде по отношению к России, и даже к ее уничтожению, автор статьи с наглой недобросовестностью путает и искажает самые общеизвестные факты, переставляет действующих лиц и приписывает другим державам ту роль,

В результате своих “разысканий” (“recherches”) Потемкин убедился, что статья в *Allgemeine Zeitung* инспирирована правительством Австрии и знаменует собой изменение курса газеты, от которой следует ждать новых антирусских выступлений⁷⁰.

В создавшейся ситуации следовало незамедлительно позаботиться о том, чтобы нейтрализовать неблагоприятное впечатление от этого выступления. Несомненно, что именно этой необходимостью было продиктовано письмо Тютчева Фридриху Тиршу с призывом взять на себя опровержение злополучной статьи. 1 февраля, не дожидаясь окончания ее публикации, Тютчев писал Тиршу: “Vous aurez bien certainement remarqué dans les deux derniers N^{os} de la Gazette Universelle, l'incroyable article tiré du Journal de Smyrne. C'est, j'en conviens, la plus grossière insulte qui ait jamais été faite au bon sens du public. Mais puisque la Gazette Universelle a cru devoir la reproduire dans son entier et avec une sorte de complaisance, c'est à vous qu'il appartient, Monsieur, à vous qui avez noblement associé votre nom aux destinées de la Grèce de prendre encore une fois en main les intérêts d'une cause qu'on outrage aussi indignement en les dénaturant. <...> L'opinion publique se manquerait à elle même, si par ses

которую Россия сыграла в последних событиях; дабы возбудить ненависть к ней, он обвиняет Россию в стремлении к тому самому злу, коему она препятствовала, и намерения той партии, против которой она неустанно боролась. Сей памфлет, в коем клевета говорит языком возбудительным, явно предназначен к тому, чтобы воздействовать на массы: каждый здравомыслящий и сколько-нибудь образованный человек отбросит его с отвращением. Что же касается его происхождения, то невозможно усмотреть в этом памфлете выражение чьего бы то ни было личного мнения, каким бы сумасбродным оно ни являлось; никто не согласится взвалить на себя подобную нелепость, не находя в этом прямой и к тому же значительной выгоды. Это соображение, равно как и необъяснимая услужливость, с которой *Allgemeine Zeitung* согласилась перепечатать эту возмутительную статью полностью, не сопроводив ее никакими поправками, побудили меня предпринять некоторые разыскания, дабы убедиться в истинной позиции этой газеты”⁶⁹.

organes avoués, elle ne repoussait de toute l'énergie de son indignation, un semblable outrage, fait à la décence publique^{72*}.

Р. Лейн, впервые опубликовавший письмо Тютчева, а также большой отрывок из депеши Потемкина⁷², пришел к выводу, что между этими текстами существует очевидная стилистическая связь, а в отдельных случаях и конкретные совпадения^{73*}. Этот вывод, который представляется нам вполне убедительным, означает, что Тютчев принимал самое непосредственное участие в составлении депеши Потемкина, а значит в обсуждении и решении проблем, связанных со статьей в *Allgemeine Zeitung*⁷³.

Откликнулся ли Тирш на призыв Тютчева, неизвестно. В *Allgemeine Zeitung* опровержение, которого от него ждали, не появилось (да оно и не могло там появиться). Обследовать же другие германские газеты мы не имели возможности. Во всяком случае, в последующих депешах Потемкина никаких сообщений об опровержении не содержится.

Однако последующие события показывают, что этот эпизод имел продолжение. Год спустя два немецких публициста были удостоены внимания со стороны русского императора: каждому из них был пожалован перстень в знак признательности за их деятельность на благо России. Этими литераторами были Ф. Линднер и Ф. Тирш. 21 февраля/5 марта 1831 г. Потемкин

^{72*} "Вы конечно заметили возмутительную статью в двух последних номерах *"Allgemeine Zeitung"*, извлеченную из *"Journal de Smyrne"*. Признаюсь, это самое грубое оскорбление, которое когда-либо наносилось общественному здравому смыслу. Но так как *"Allgemeine Zeitung"* сочла нужным перепечатать ее полностью и с известного рода сочувствием, вам надлежит, Милостивый Государь, вам, благородно связавшему свое имя с судьбами Греции, снова взять в свои руки защиту интересов, которые позорно попираются и искажаются. <...> Общественное мнение изменило бы самому себе, если бы в своих признанных органах не отразило со всей силой негодования подобное оскорбление, нанесенное общественному благоприличию"⁷¹.

^{73*} Р. Лейн ограничивается констатацией этого факта, но не приводит конкретных примеров совпадения. Позволим себе привести такой пример. У Тютчева: C'est, j'en conviens, la plus grossière insulte qui ait jamais été faite au bon sens du publique. У Потемкина: Jamais, j'ose le dire, plus grave insulte n'avait été faite au bon sens public.

писал по этому поводу «Les encouragements accordés à ces deux hommes de lettres sont arrivés d'autant plus à propos que leur influence comme publicistes m'était <d'autant> plus nécessaire pour combattre une certaine tendance hostile à la Russie qui commençait à se manifester dans la rédaction de la "Gazette Universelle"»^{27*}. Со своей стороны, Тирш сообщал в благодарственном письме, адресованном Нессельроде, о своем намерении опубликовать цикл статей, посвященных анализу политической ситуации в Европе и, в частности, проблеме взаимосвязей, существующих между Россией и Европой. Тирш подчеркивал, что эта задача подсказана ему требованиями времени: "La crise dont nous sommes menacés devient de jour en jour plus imminente et il est de la plus triste nécessité d'éclairer le public s'il est possible, sur le véritable état des affaires de l'Europe, sur la nature des dangers, qui nous menacent, sur les moyens de les dissiper et sur les véritables intérêts de la civilisation, dont tous les résultats sont compromis par le débordement des idées subversives, dont nous avons le malheur d'être les témoins"^{28*}. Напомним, что это написано спустя полгода после Июльской революции во Франции и в разгар Польского восстания.

Мы так подробно остановились на фактах привлечения Линднера и Тирша к сотрудничеству с Российской миссией потому, что эти факты подводят нас к определенному выводу. Именно здесь, на рубеже 1830-х годов, в сотрудничестве с Потемкиным, следует искать истоки идеи Тютчева, осуществлению которой впоследствии, по выходе в отставку, он был готов всецело посвятить себя. Эта идея — организация систе-

^{27*} "Поощрения, коими удостоены эти два литератора, оказались как нельзя более своевременными, ибо влияние этих публицистов чрезвычайно способствовало моему противодействию той враждебной в отношении России тенденции, которую начала обнаруживать редакция "Allgemeine Zeitung"»⁷⁴.

^{28*} "Кризис, нам угрожающий, день ото дня становится все более неизбежным, а потому наступила печальная необходимость разъяснить публике истинное положение вещей в Европе, природу той опасности, которая нам грозит, и средства, способные ее развеять, а также истинные ценности законного порядка вещей и цивилизации, все достижения коих опорожены потоком пагубных идей, свидетелями чего мы по несчастию являемся"⁷⁵.

матического воздействия на европейское общественное мнение путем консолидации действий европейских публицистов, известных своими симпатиями к России⁷⁶.

В 1830 г., после эпизода с обращением к Тиршу, Тютчев в делах миссии по-видимому, не участвовал. В известной мере это можно объяснить его длительным отпуском: 17/29 мая он выехал в Петербург и возвратился только 13/25 октября⁷⁷. Но и до его отъезда рукой Тютчева было написано всего две депеши: 20 марта/1 апреля и 4/16 мая (№№ 13 и 21; в первой сообщалось об отъезде атташе миссии А. Г. Понинского в отпуск, во второй — о предстоящих переговорах между Баварией, Вюртембергом и Пруссией)⁷⁸. По возвращении же из отпуска, вплоть до начала февраля 1831 г., никаких следов участия Тютчева в работе миссии не обнаружено.

Тем не менее 2/14 февраля 1831 г. Потемкин обратился к Нессельроде с ходатайством о досрочном производстве Тютчева в следующий чин — коллежского асессора: *“La considération de l'utilité que service Impérial pourrait retirer un jour des talents peu communs de cet employé, plus encore que le juste intérêt qu'il m'inspire me porte à signaler à Votre Excellence la haute capacité qui distingue ce jeune homme, capacité qui pour tourner tout entière au profit de l'Etat n'aurait besoin que d'être placée dans une position propre à favoriser son entier développement”*^{29*}. Одновременно Потемкин ходатайствовал о присвоении первому секретарю А. С. Крюденеру придворного звания камергера. Он писал: Крюденер *“a pu, par ses anciennes liaisons dans ce pays, et la juste considération qu'il s'y est acquise, — me faciliter grandement l'acquisition des lumières et des renseignements précieux que dans l'intérêt du service il pouvait m'être d'une grande importance de me*

^{29*} “Соображения о пользе государственной службы в бо́льшей мере, нежели искреннее участие, им во мне вызываемое, побуждают меня обратить внимание Вашего Превосходительства на высокую одаренность сего молодого человека. Со временем редкие дарования этого чиновника послужат на благо Отечества, и лишь одно для этого необходимо — такое положение, которое способствовало бы полному развитию его дарований”⁷⁹.

просигет^{30*}. Сравнение этих двух характеристик весьма показательно: в отношении Крюденера отмечены его конкретные заслуги, в отношении Тютчева — лишь надежды на будущее, залогом которых служит его исключительная одаренность. Вспомним, что за 6 лет до этого, весной 1825 г., И. И. Воронцов-Дашков почти в тех же выражениях характеризовал своего юного атташе. И теперь, после девяти лет службы, — снова одни надежды. Разумеется, если бы Потемкин мог указать на какие-либо конкретные заслуги Тютчева, он сделал бы это непременно. Однако десяток депеш, написанных его рукой за два с половиной года службы под началом Потемкина, поставить Тютчеву в серьезную заслугу было невозможно.

С февраля 1831 г. участие Тютчева в работе миссии становится весьма ощутимым — не столько по количеству написанных его рукой депеш (14 из 50), сколько по серьезности вопросов, в них затронутых, и по глубине проникновения в суть освещаемых им проблем.

Часть этих депеш касалась различных аспектов баварской политики: назревающий конфликт между Баварией и Францией (21 февраля/5 марта; № 13), проблема организации вооруженных сил Баварии (26 февраля/10 марта и 2/14 марта; № 14 и 15), перспектива пропуска через Баварию добровольческих соединений, направляющихся на помощь восставшей Польше (26 июля/7 августа; № 37), вступление французских войск в Бельгию (1/13 августа; № 38); встречаются среди них и депеши, содержавшие информацию по частным вопросам (вручение наград Ф. Линднеру и Ф. Тиршу, размолвка между французским посланником и кн. Вреде — 2/14 февраля и 8/20 июня; № 6 и 33)³¹. Однако главное место среди депеш, написанных рукою Тютчева в 1831 г., занимают сообщения о событиях, развернувшихся на очередной сессии баварского парламента.

^{30*} “смог, благодаря своим старым связям в этой стране и уважению, которое ему по всей справедливости здесь оказывают, весьма облегчить мне знакомство со здешними обстоятельствами и был мне чрезвычайно полезен драгоценными сведениями, кои способствовали успешному выполнению моих обязанностей”³⁰.

Сессия открылась 1 марта, длилась 10 месяцев и протекала в обстановке острого противостояния между королем и его правительством — с одной стороны, и парламентом — с другой. Принимая во внимание, что в 1830 г. подобное противостояние привело Францию к Июльской революции, понятно, что события в Баварском парламенте вызывали немалое беспокойство в монархически настроенных кругах Европы. Мюнхенская миссия подробнейшим образом информировала свое правительство об этих событиях. Почти все депеши, посвященные парламентской сессии (кроме одной), написаны рукой Тютчева.

Первая из этих депеш (2/14 февраля; № 4) содержит прогнозы по поводу предстоящей сессии (в значительной мере они оправдались); следующие пять освещают конкретный ход событий, отражая перипетии столкновений между правительством короля и парламентом (21 февраля/5 марта, 10/22 марта, 7/19 июня, 1/13 октября — две депеши; № 11, 19, 31, 42, 43); последняя (21 декабря/2 января; № 48) подводит итоги событий, о которых сообщалось в предыдущих депешах⁸².

Все эти депеши отличаются не только точным изложением возникавших в ходе сессии проблем, но — и это главное — аналитическим подходом к их освещению. Что же касается последней из них, то она больше похожа на публицистическую статью, нежели на дипломатическую депешу. На шестнадцати страницах большого формата, исписанных убористым почерком, сформулированы основные проблемы, послужившие причиной столкновений между парламентом и королевским правительством (избирательное право, цензура, государственный бюджет). Автор исследует истоки этих конфликтов и их последствия, высказывает ряд соображений обобщающего характера, порой выдвигает конструктивные предложения, облекая их в завуалированную форму и отнюдь не педалируя. Некоторые места этой депеши ассоциируются с отдельными местами известных публицистических статей Тютчева, иногда мелькают даже текстуальные параллели. Приведем лишь один пример.

Изложив суть конфликта, связанного с обсуждением указа о цензуре (парламент добился отмены этого указа и отставки министра внутренних дел, который предложил его, следуя инициативе короля), автор депеши размышляет: "L'influence toujours croissante des idées nouvelles, l'activité littéraire et avant tout la mauvaise administration d'une Censure également inhabile à revoir les mauvaises doctrines et à féconder les bonnes, faisaient éprouver universellement le besoin d'une législation, qui organisât la presse périodique d'après des principes plus réguliers. <...> La censure forte, intelligente, homogène, serait sans doute un bienfait pour le pays, mais censure telle qu'elle s'exerce réellement ici n'est qu'un scandale et un désordre public. Les raisons qui rendent déficient l'établissement d'une censure raisonnable en même temps qu'efficace sont d'une double nature: les uns tiennent à l'état général des esprits et des choses dans cette partie de l'Allemagne, les autres sont plus particulières à la Bavière. Il faut reconnaître, tout en le déplo rant, que depuis quelques années, le sentiment du respect pour l'autorité, — cette confiance spontanée dans la supériorité de ses lumières, toutes ces habitudes d'ordre et d'obéissance qui constituent le nerf des sociétés plus jeunes, se sont singulièrement affaiblies dans tous ces pays-ci. Un besoin de contrôler et de critiquer les actes du Gouvernement, de diriger sa marche, de lui imposer ses vues, ses intentions et jusqu'à ses passions, voilà ce qui caractérise, non tel ou tel parti, non pas telle ou telle opinion, mais la totalité à peu près du Public éclairé ou qui croit l'être et cette disposition se retrouve dans les derniers rangs de la classe moyenne, tout aussi bien que dans les hautes positions sociales. En Bavière surtout ces prétentions anarchiques sont singulièrement encouragées par la marche incohérente du Gouvernement, effet nécessaire du caractère personnel du Roi. En l'absence de tout système quelque peu arrêté, chaque parti prétend à l'honneur de posséder la pensée du Gouvernement et comme la censure n'est autre chose que l'expression de cette pensée elle doit nécessairement participer à ces perpétuelles fluctuations et accroître ainsi l'anarchie des esprits qu'elle aurait mission de contenir"³¹*

³¹* "Воздействие новых идей, день ото дня возрастающее, оживление литературы и, прежде всего, цензура, плохо исполняющая свое назначение,

Этот отрывок вызывает определенные ассоциации с “Письмом о цензуре”, написанным в 1857 году. Автор депеши высказывает мысль о необходимости “законодательства, которое направляло бы периодическую печать” (“d’une législation, qui organisât la presse périodique”), и продолжает: “Цензура *твердая, разумная*, основанная на едином принципе, стала бы несомненным благом для государства” (*La censure forte, intelligente, homogène, serait sans doute un bienfait pour le pays*). — Подчеркнуто нами. — Т. Д.). Через 25 лет Тютчев скажет: “Or, chez nous, en littérature comme en toute chose, il s’agit bien moins de réprimer que de diriger. La direction *forte, intelligente, sûre* d’elle-même voilà le cri du pays (подчеркнуто нами. — Т. Д.)^{32*}.”

неспособная ни предотвратить дурные теории, ни поддержать благие, — все это породило повсеместную потребность в законодательстве, которое направляло бы периодическую печать согласно принципам более упорядоченным. <...> Цензура твердая, разумная, основанная на едином принципе, стала бы несомненным благом для Государства, но та цензура, которая действует здесь, порождает лишь скандалы и общественные беспорядки. Причины, кои препятствуют установлению цензуры умеренной и в то же время действенной, имеют двойную природу: одни проистекают из общего положения вещей и состояния умов в этой части Германии, другие присущи одной Баварии. Надо признать, к великому сожалению, что в последние годы во всех этих краях чрезвычайно ослабело чувство уважения к власти — то непосредственное чувство доверия к ее просвещенному превосходству, те привычки к порядку и повиновению, кои составляют силу сообществ более молодых. Потребность проверять и критиковать поступки Правительства, направлять его действия, навязывать ему свои цели, свои помыслы и даже свои пристрастия, — вот что характеризует не столько ту или иную партию, то или иное направление, сколько всю просвещенную публику в целом или тех, кто себя таковой считает, и эта склонность обнаруживается не только в последних рядах среднего класса, но и в высших кругах общества. В Баварии же эти анархические притязания как нельзя более поддерживаются непоследовательными действиями Правительства, которые являются следствием особенностей характера короля. При полном отсутствии системы, сколько-нибудь установившейся, каждая партия домогается чести воздействовать на намерения Правительства, а так как цензура есть не что иное как выражение этих намерений, она неизбежно должна будет следовать их постоянным колебаниям и таким образом множить в умах анархию, сдерживать которую она призвана⁸³.

^{32*} “А у нас в литературе, как и во всем остальном, вопрос не столько в том, чтобы подавлять, сколько в том, чтобы направлять. Направление (т.е.

Бросается в глаза, что подчеркнутые нами определения цензуры в обоих случаях совпадают почти буквально. Далее автор депеши говорит о вредном стремлении общественного мнения критиковать правительство, “направлять его действия, навязывать ему свои цели” (“de diriger sa marche, de lui imposer ses vues”); говорит он и о том, что при правительстве, подверженном “постоянным колебаниям” (“perpétuelles fluctuations”), цензура не может исполнить свое назначение — “сдерживать анархию” (“de contenir l’anarchie”). Через 25 лет эти мысли найдут продолжение у Тютчева: “Non, certes, il ne s’agit pas d’autoriser le public à intervenir dans les délibérations du Conseil d’Empire, ou l’arrêter de compte à demi avec la presse le programme des mesures du gouvernement. Mais ce qui serait bien essentiel, c’est que le Pouvoir fût lui-même assez convaincu de ses propres idées, assez pénétré de ses propres convictions pour qu’il éprouvât le besoin d’en répandre l’influence au dehors”^{33*}. Подобные параллели не только с “Письмом о цензуре”, но и с другими публицистическими статьями Тютчева можно было бы продолжить.

Все сказанное позволяет полагать, что эта депеша, а также и другие депеши, посвященные сессии баварского парламента, написаны Тютчевым. Это в свою очередь подводит нас к выводу: именно здесь, в этих депешах, впервые проявился публицистический темперамент Тютчева, именно в это время формировались те политические воззрения, которые впоследствии легли в основу его публицистики.

В 1832 году Тютчев участвовал в делах миссии особенно активно — его рукой написана почти половина депеш (22 из 49), отправленных Потемкиным в Петербург за это время^{34*}.

цензура — Т. Д.) твердое, разумное, уверенное в себе — вот, чего требует страна”⁸⁴.

^{33*} “Разумеется, не следует позволять обществу вмешиваться в решения Государственного Совета или определять, вкупе с печатью, программу действий правительства. Но было бы чрезвычайно важно, чтобы сама Власть была настолько убеждена в правоте своих собственных воззрений, настолько проникнута своими собственными убеждениями, чтобы у нее возникла необходимость распространять их воздействие”⁸⁵.

^{34*} Отметим, что рукой Потемкина написано 13 депеш за 1832 год и столько же — рукой Крюденера.

13 из них относится к первой половине года, и почти все они посвящены важнейшим проблемам внутренней и внешней политики Баварии. В них содержатся сообщения о правительственных указах, связанных с ограничением свободы периодической печати⁸⁶; о беспорядках в баварских провинциях и о конфликтах с Францией, искавшей в этих беспорядках повода для введения своих войск в Баварию⁸⁷; о попытках правительства Баварии утвердить свою самостоятельность по отношению к Германскому сейму⁸⁸; о торговых переговорах с Баденом⁸⁹; лишь три депеши касаются отдельных эпизодов мюнхенской жизни (отъезд короля на курорт; протест Потемкина против пребывания в Мюнхене участников Польского восстания; возвращение короля)⁹⁰.

Почти все эти депеши носят чисто информационный характер и не содержат оценки излагаемых событий. Исключение составляют две депеши, связанные с вопросом об ограничении свободы периодической печати. В одной из них (№ 4) сообщение об указе, запрещающем государственным чиновникам участвовать в ассоциациях, основанных с целью защиты свободы печати, сопровождается оценкой этой акции правительства: *“Ces associations <...> deviendraient de véritables clubs révolutionnaires, s'ils venaient à se réaliser et le Gouvernement est non seulement dans son droit, mais ne fait que remplir un devoir impérieux en s'opposant à leur établissement”*^{35*}. Далее отмечаются два обстоятельства, способствующие развитию анархических тенденций в баварской периодической печати: *“C'est, d'une part, le mauvais état de la législation sur la presse, qui établit une censure de nom et empêche une répression de fait; de l'autre, le peu de maturité d'esprit public, qui n'ayant de convictions fortement arrêtées sur rien, n'impose aucune règle aux opinions individuelles”*^{36*}. Из этого следует вывод: *“Il est d'autant plus nécessaire*

^{35*} “Эти объединения <...>, если они появятся, превратятся в подлинные революционные клубы, и Правительство, противясь их возникновению, осуществляет тем самым не только свое право, но прежде всего свою непреложную обязанность”⁹¹.

^{36*} “То, с одной стороны, несовершенство законодательства о печати, которое на словах устанавливает цензуру, а на деле препятствует ее осуществлению; с другой, незрелость общества, которое, не обладая никакими

que le Gouvernement songe sérieusement à réprimer ce dévergondage de la presse, car une plus longue impunité finirait par flétrir tout sentiment de pudeur publique”^{37*}. В другой депеше (№ 8) сочувственно оцениваются мотивы, побудившие Кабинет министров Баварии основать правительственный орган — газету “Bayerische Staats Zeitung” (редактором ее был назначен Ф. Линднер): “Dans un moment où le parti révolutionnaire travaille à relâcher tous les liens de la société, en affaiblissant par tous les moyens le sentiment du respect pour la Loi, le Ministère a senti la nécessité d’avoir un organe avoué, publique, tant pour combattre les mauvaises doctrines par les bonnes, que pour refouler les assertions calomnieuses par lesquelles on cherche à rendre suspecte au pays la loyauté de ses intentions”^{38*}. Сочувствие вызывает и личность редактора новой газеты — человека, “который в минувшем году имел счастье заслужить высочайшее одобрение Его Величества Императора” (“qui a été assez heureux pour mériter l’année dernière un témoignage de la haute approbation de Sa Magesté l’Empereur”)⁹⁵. Позиция автора обеих депеш ассоциируется с мыслями, высказанными в цитированной выше депеше № 48 за 1831 год, а также с позднейшими публицистическими статьями Тютчева⁹⁶.

Депеши, написанные рукой Тютчева во второй половине 1832 года, по своему содержанию резко отличаются от предыдущих — в них нет места вопросам внутривнутриполитической жизни Баварии. Все 9 депеш, которые относятся к этому периоду, посвящены одной теме — избранию баварского принца Отто-

твердыми убеждениями, не в состоянии ввести личные мнения в границы определенных принципов”⁹².

^{37*} “Тем более необходимо, чтобы Правительство серьезно задумалось над тем, как сдержать разнузданность печати, ибо дальнейшая безнаказанность приведет к полному разрушению общественного чувства нравственности”⁹³.

^{38*} “В момент, когда революционная партия пытается разорвать все общественные связи, разрушая всеми средствами чувство уважения к Закону, Правительство почувствовало необходимость иметь открытый, публичный орган, как для того, чтобы противопоставить вредным идеям идеи положительные, так и для опровержения клеветнических утверждений, путем которых пытаются посеять в стране сомнения в честности его намерений”⁹⁴.

на королем Греции, а также возникшим в этой связи проблемам, решения которых должны были добиваться Потемкин и его коллеги — послы Англии и Франции.

Избрание на греческий престол принца одного из царствующих домов Европы (но не из династий России, Англии и Франции) было предусмотрено Андрианопольским договором⁹⁷. Однако реализация этого решения надолго затянулась и более двух лет Грецией управляло временное правительство во главе с кн. Иоанном Каподистрией. Тем временем страну раздирали междоусобицы, успокоить которые правительство было не в состоянии. Ситуация становилась опасной. Назрела настоятельная необходимость стабилизировать положение путем создания в стране монархии, располагающей аппаратом управления, армией и прочими атрибутами государственности. Три державы — “покровительницы” Греции (Россия, Англия и Франция) пришли к соглашению по поводу кандидатуры будущего короля, остановив свой выбор на баварском принце Оттоне, чье имя уже давно фигурировало в их предварительных переговорах. 13 февраля 1832 года Лондонская конференция трех держав вынесла соответствующее решение и запросила согласия короля Баварии. Однако король не торопился с ответом, несмотря на предупреждения о том, что промедление чревато серьезными последствиями, ибо успокоить волнения, охватившие Грецию, может лишь безотлагательное решение ее дальнейшей судьбы⁹⁸. Только 7 мая, после трех месяцев всевозможных проволочек со стороны короля, представители трех держав на Лондонской конференции с одной стороны, и Баварии, с другой, подписали конвенцию об избрании принца Оттона на греческий престол⁹⁹. Но и после этого прошло еще два месяца прежде чем король Баварии ратифицировал это соглашение. Только 4/16 июля Потемкин сообщил Нессельроде, что ратификация состоялась и конвенция вступила в силу. Это была первая депеша по “греческому вопросу”, написанная рукой Тютчева (№ 34)¹⁰⁰.

С этого момента “греческий вопрос” переходит в новую стадию — реализации подписанной конвенции. Королю Баварии предстояло сформировать Регентство (напомним, что

принц Оттон был несовершеннолетним), определить программу его действий на первое время, установить его статус по отношению к баварскому правительству. Предстояло создать воинские части — основу будущей греческой армии. Предстояло также организовать придворный штат будущего короля. И, наконец, предстояло отправить всех в Грецию — принца Оттона (9 августа он был избран королем Греции), Регентство, войска и придворных. Все это требовало немалых усилий, времени и финансовых издержек.

Выполняя директивы обоих правительств, а также указания Лондонской конференции, Потемкин и его коллеги — послы Англии и Франции — настаивали на скорейшей реализации этих задач. Однако нерешительность короля, с одной стороны, а с другой, множество затруднений, с которыми он с самого начала столкнулся, не позволяли форсировать события. Этим проблемам посвящена почти вся дипломатическая почта Потемкина, отправленная им в Петербург во второй половине 1832 года — 13 депеш из 16-ти. В свою очередь, девять из них написаны рукой Тютчева (№ 34, 35, 38, 40, <43>—<47>, 49). В этих депешах отражены почти все перипетии, связанные с решением перечисленных выше проблем — от ратификации конвенции об избрании принца Оттона на греческий престол до отъезда его и Регентства в Грецию. Перечислим вкратце события, о которых сообщают эти депеши (о первой из них, посвященной ратификации конвенции, мы уже упоминали).

Главой Регентства предполагалось назначить гр. Й. Армансперга, опытного государственного деятеля, в недавнем прошлом министра иностранных дел и финансов, а членами Регентства — юриста Маурера и полковника Хейдеггера (Хейдекка). Неожиданно для короля и его правительства Армансперг поставил непременным условием своего согласия полную независимость будущего Регентства от баварского правительства. Это требование противоречило интересам России, ибо таким образом она теряла возможность воздействовать на политику Греции через посредство короля Баварии.

Создавалась крайне затруднительная ситуация, при которой король и его министр иностранных дел барон Гизе, не бу-

дучи в состоянии принять какое-либо твердое решение, явно избегали встреч и переговоров с русским послом (король отбыл на курорт, Гизе — в свое поместье). Обо всем этом сообщается в депеше от 21 июля/2 августа (№ 35)¹⁰¹.

О причинах, побудивших Армансперга выдвинуть требование независимости Регентства, а также о безвыходном положении, в которое поставило короля это требование, сообщалось в депеше от 29 августа/10 сентября (№ 38)¹⁰². Здесь же охарактеризованы предполагаемые члены Регентства — гр. Армансперг с его амбициозностью, подозрительностью и обидчивостью (*"son ombrageuse susceptibilité"*), Маурер с его тайной завистью по отношению к Арманспергу (*"il était secrètement jaloux"*) и нескрываемой корыстью (пользуясь затруднительной ситуацией, вызванной требованиями Армансперга, он выговорил себе максимальное вознаграждение), а также полковник Хейдеггер — единственный, кто оказался на высоте своей новой задачи (*"qui semble s'être placé à l'hauteur de sa nouvelle mission"*).

Необходимость вручить королю личное письмо Николая I, в котором император настаивал на переходе принца Оттона в православие, исповедуемое его будущими подданными (это требование высказывалось уже не впервые), дало Потемкину возможность получить королевскую аудиенцию в Бад-Брюккеннау^{39*}. О беседе с королем и об его уклончивом ответе на вопрос о вероисповедании принца Потемкин сообщил Нессельроде 7/19 августа, в депеше, написанной рукой Крюденера (№ 36); дополнением к этому сообщению служит написанная рукой Тютчева депеша от 4/16 сентября (№ 40) — в ней содержатся некоторые характеризующие короля подробности, сопровождавшие его согласие дать аудиенцию Потемкину¹⁰³.

В последних числах сентября (н. ст.) состав Регентства был утвержден королем, и с этого момента по всем вопросам, связанным с Грецией, надлежало обращаться к его главе — гр. Арманспергу. Об этом сообщается в депеше от 22 сентября/4 октября (№ <43>)¹⁰⁴.

^{39*} Курорт в Баварии, излюбленное место отдыха короля.

С учреждением Регентства, Лондонская конференция удвоила свою настойчивость, требуя от представителей трех держав в Баварии незамедлительно принять все возможные меры с тем, чтобы ускорить отъезд в Грецию короля Оттона и Регентства, а также приданного ему войска. Об успешных результатах усилий, предпринятых ими в этом направлении, сообщено в депеше от 11/23 октября (№ 45)¹⁰⁵.

В свою очередь Армансперг не менее настойчиво ходатайствовал перед тремя державами об оказании финансовой поддержки Греции для погашения долга, который, по решению Лондонской конференции, она была обязана выплатить Турции. Этой проблеме посвящены две депеши — от 22 сентября/4 октября и 22 октября/3 ноября (№ <44> и 46)¹⁰⁶.

В то же время, следуя указаниям Нессельроде, Потемкин ведет переговоры с членами Регентства о принятии королем Оттоном православия, однако получает весьма уклончивый ответ. Этим переговорам, а вместе с тем и характеристике гр. Армансперга посвящена депеша от 5/17 ноября (№ <47>)¹⁰⁷.

Наконец, 24 ноября/6 декабря, после многочисленных оттяжек и проволочек, король Оттон и его Регентство отбыли в Грецию. Описанию этого события посвящена депеша от 29 ноября/10 декабря (№ 49) — последняя депеша за 1832 год¹⁰⁸.

С отъездом короля Оттона и Регентства спала напряженность, отличавшая деятельность Мюнхенской миссии в течение последнего полугодия. Дипломатическая жизнь ее вошла в обычную рутинную колею. Об этом свидетельствуют 15 депеш, отправленных Потемкиным в Петербург в январе–мае 1833 г. — большинство их посвящено частным эпизодам мюнхенской жизни (помолвка принцессы Матильды, предполагаемая женитьба кронпринца, приезд нового посла Бельгии и т.п.). Лишь 6 из них касаются важных политических проблем, и все эти депеши написаны рукой Тютчева. Они содержат сообщения о работах по демаркации северных границ Греции (2/14 и 8/20 марта; № 4 и 5); о пребывании в Мюнхене кн. Г. А. Катакази, назначенного поверенным в делах России в Греции, и о любезном приеме, оказанном ему королем

(5/17 апреля; № 8); о реакции короля на сообщение, что три державы готовы гарантировать оплату греческого долга Турции (17/29 апреля; № 10); об отказе короля ратифицировать коммерческий договор с Пруссией (21 апреля/3 мая; № 12); о беспорядках в Рейнских провинциях Баварии (20 мая/1 июня; № 14)¹⁰⁹.

Почти все эти депеши носят чисто информативный характер. Исключение составляет депеша № 12, которую заключает прогноз по поводу последствий отказа короля от ратификации договора с Пруссией: *“Il est à craindre que le contrecoup d'un dissentiment soulevé par des questions purement commerciales, ne se fasse sentir d'une manière fâcheuse dans les rapports politiques des Etats Allemands entre eux, ce qui serait d'autant plus à déplorer que dans le moment actuel, l'unanimité seule, et l'unanimité la plus sincère, peut les protéger efficacement contre les tentatives sans cesse renouvelées de la propagande révolutionnaire”*^{110*}.

Депеша № 14 была последней из депеш, написанных Тютчевым от имени Потемкина. В конце мая (н. ст.) 1833 г. Потемкин, получивший новое назначение, покинул Мюнхен, передав свои полномочия кн. Г. И. Гагарину. В жизни Мюнхенской миссии и, прежде всего, в жизни Тютчева начался новый, совершенно непохожий на предыдущее пятилетие этап.

Но прежде чем говорить об этом новом периоде, необходимо вернуться назад и представить себе, как складывалась служебная карьера Тютчева и его материальное положение после назначения его на должность второго секретаря миссии.

Служба под началом Потемкина была приятна и необременительна. О дружеских отношениях, сложившихся между Тютчевым и его начальником, мы уже говорили. Что же касается самой службы, то написание десяти, пятнадцати и даже

¹¹⁰ * “Надо опасаться, как бы последствия разногласия, возникшего по поводу вопросов чисто коммерческих, не сказались пагубным образом на политических отношениях между государствами Германии; это было бы тем более печально, что именно в настоящий момент одно лишь единодушие, самое непритворное единодушие может стать для них действительной защитой против постоянно возобновляющихся поползновений революционной пропаганды”¹¹⁰.

двадцати пяти депеш в год при всей серьезности их содержания, отнимало лишь незначительную часть времени Тютчева и, принимая во внимание его интерес к политическим проблемам, не должно было быть ему в тягость, несмотря на его “отвращение ко всякого рода писанию” (это “отвращение” он любил декларировать, однако огромное количество оставшихся после него писем ставит под сомнение искренность этих деклараций^{41*}).

Но надо полагать, что не в писании депеш заключалась для Тютчева привлекательность его службы под началом Потемкина, а в глазах последнего не в этом заключалось главное достоинство его второго секретаря. Несомненно, что Потемкин прежде всего ценил возможность обсуждать с ним вопросы российской и общеевропейской политики, события внутренней и внешней политической жизни Баварии, а вместе с тем дипломатические проблемы, с ними связанные, и те конкретные задачи, которые стояли перед ним как представителем России в Баварии. Об этом свидетельствует большая часть депеш, написанных от его имени рукой Тютчева, — сплошь и рядом в них излагаются и оцениваются факты, которые Тютчев мог знать лишь от самого Потемкина (например, содержание его многочисленных бесед с королем, с министром иностранных дел, с представителями других государств). Зная политический темперамент Тютчева, легко себе представить, что именно эта сторона его служебной деятельности представляла для него главный интерес в ту пору.

Несомненно, что многие из депеш, написанных рукой Тютчева, явились результатом подобных бесед. Таковы прежде всего депеши, посвященные “греческому вопросу”. Об этом свидетельствует их содержание, большую часть которого составляет изложение переговоров Потемкина с королем Баварии и его министром иностранных дел, причем слова его собеседников передаются со скрупулезной точностью, в форме

^{41*} Сохранилось более 1500 писем Тютчева, подавляющее большинство которых занимает по 4, 6 и даже 8 страниц (*Королева И. А. Указатель писем Тютчева в архивах СССР // ЛН-1. С. 568–575*). На самом деле их было значительно больше.

прямой речи, заключенной в кавычки. Разумеется, что такого рода подробности Тютчев мог знать только из рассказов самого Потемкина. Это относится также и к сообщениям о совместных действиях, предпринятых Потемкиным и его коллегами — послами Англии и Франции — в целях исполнения директив Лондонской конференции по тому же “греческому вопросу”. Конечно, обсуждались с Потемкиным и депеши, касавшиеся проблем внутренней и внешней политики Баварии, однако сведения для этих депеш Тютчев черпал главным образом из правительственных указов, сообщений периодической печати и других официальных источников.

Позднее, в 1835 году, обращаясь к Нессельроде с просьбой о повышении в должности Тютчев писал: “... depuis 7 ans, c'est-à-dire, depuis le départ du Comte Woronzow, c'est moi qui ai été chargé, en très grande partie, de la correspondance politique que les chefs de Mission qui depuis ce temps-là, se sont succédés au poste de Munich ont eu l'honneur d'entretenir avec Votre Excellence <...> parmi les rapports qui ont plus particulièrement fixé son attention et mérité son suffrage, il y en a peu qui ne soient de moi: tous sur la question grèque, que sur les affaires de ce pays-ci”^{42*}. Эти слова служат несомненным подтверждением авторства Тютчева в отношении депеш, написанных его рукой. Однако есть здесь и известная доля преувеличения. Из предыдущего описания со всей очевидностью следует, что Тютчеву принадлежит весьма значительная, но отнюдь не большая часть депеш, написанных от имени Потемкина (в частности, все депеши по поводу такого важного для России вопроса как вероисповедание будущего короля Греции, отправленные в первой половине 1832 г., написаны самим Потемкиным¹¹²). Отметим и другие неточности: среди депеш, отправленных после отъезда Воронцова-Дашкова (ноябрь 1827 г.) и до приезда Потемкина

^{42*} “... в течение 7 лет, то есть после отъезда Графа Воронцова, именно мне в основном поручалось вести политическую переписку, коей начальство Миссии, с того самого времени постоянно менявшееся, имело честь сноситься с Вашим Сиятельством <...> из докладов, остановивших на себе особое внимание и заслуживших одобрение Вашего Сиятельства, редкий был составлен не мною: мне принадлежит полное освещение греческого вопроса, а также дел сей страны”¹¹¹.

(сентябрь 1828 г.), нет ни одной, которая была бы написана рукой Тютчева; и как мы увидим далее, его руке принадлежат всего три депеши, написанные от имени Г. И. Гагарина в течение 1833–1836 гг.

Все эти преувеличения, допущенные Тютчевым, вполне объяснимы, если принять во внимание цель его письма. Во всяком случае, они ни в коей мере не снижают значения того факта, что в период управления Потемкина роль Тютчева в жизни Мюнхенской миссии была весьма немаловажна: сам факт его присутствия, его суждения, его оценки событий политической жизни и дипломатических коллизий Потемкин очень ценил.

Иначе обстояло дело со служебной карьерой Тютчева. Здесь он не продвинулся ни на шаг, оставаясь все в той же скромной роли второго секретаря, при том же более чем скромном окладе в 800 р. в год. Даже полагавшееся ему в 1832 г. очередное производство в следующий чин бесконечно затягивалось из-за бюрократических проволочек с получением требуемого свидетельства о дворянстве (лишь 21 июля 1833 г. Тютчев был пожалован в чин коллежского асессора “со старшинством с 25 февраля 1832 года”), не говоря о том, что ходатайство Потемкина о досрочном производстве Тютчева в этот чин, не было удовлетворено¹¹³.

Подобная ситуация, когда продвижению по служебной лестнице предшествовали бесконечно долгие годы ожидания, была обычной в дипломатическом мире России той поры. Штаты посольств и миссий были крайне ограничены, места освобождались редко, а значит редко открывались и возможности продвижения (тем более ограничены были эти возможности для чиновников, не имевших протекции).

Прекрасно зная себе цену, Тютчев мечтал о настоящей дипломатической карьере. По мере того, как с годами бесперспективность его положения становилась все более очевидной, эта ситуация все больше раздражала и угнетала его. Лишь однажды, весной 1833 года возник слух о предстоящем переводе Крюденера, что открыло бы перед Тютчевым возможность занять место первого секретаря. Его жена возлагала на это боль-

шие надежды: "Si <...> Tjutcheff pouvait obtenir la place de Krudener, je ne désirerais rien de plus — et même j'espère qu'avec un peu de tranquillité je ferai oublier à Théodor ses rêves d'ambition, au moins ils ne nous rendront pas malheureux"^{43*}. Однако слухи не оправдались, надежды гасли, и настроение Тютчева день ото дня становилось все более угнетенным^{44*}.

Источником постоянных тревог в семье Тютчевых была вечная нехватка денег и ее последствия — неоплатные долги. Семейный бюджет их был чрезвычайно скромнен. Основу его составляли 10000 руб. в год, которые посылали Тютчеву родители из своих доходов по имению. Годовой оклад в 800 руб. был лишь небольшой добавкой к этой сумме. Между тем содержание большой семьи (четверо детей Элеоноры от первого брака¹¹⁶, ее сестра Клотильда и дочь Анна, появившаяся на свет в 1829 году) требовало значительных средств. Но едва ли не главную часть расходов поглощал тот открытый образ жизни, к которому служебное положение Тютчева обязывало его и его жену, — приемы, визиты, выезды в свет и т.п.

Из года в год денег не хватало, из года в год возрастали долги. К весне 1833 года средств на их уплату решительно не было, и достать их было негде. Оставалась надежда на помощь со стороны родителей Тютчева. Но они сами находились в стесненном положении: доходы от имения неудержимо падали, большая часть их и так уходила на содержание двух взрослых сыновей; к тому же надо было обеспечить приданым находившуюся на выданье дочь. В 1831 г. родители Тютчева были вынуждены продать дом в Армянском переулке, где прошли детские и юношеские годы Тютчева, и купить по соседству другой, несравненно более скромный¹¹⁷. Но 30000

^{43*} "Если бы <...> Тютчев мог получить место Крюденера, я не желала бы ничего лучшего и надеюсь, что, обрета некоторое спокойствие, я заставила бы Теодора забыть свои честолюбивые мечты или, по крайней мере, добились бы того, чтобы они не омрачали нашу жизнь"¹¹⁴.

^{44*} Судьба А. С. Крюденера может служить примером типичной судьбы чиновника российской дипломатической миссии. Прослужив 10 лет в должности второго секретаря мюнхенской миссии, он лишь в результате смерти первого секретаря получил его место, а затем еще 10 лет дожидаясь нового повышения¹¹⁵.

руб., вырученные от этой продажи, таяли неудержимо. Неудивительно, что когда жена просила Тютчева обратиться к родителям за помощью, он упрямно отказывался сделать это: "Chaque fois que je lui en parle, il a toujours une foule d'objections à faire dont je ne suis pas à même de comprendre toute la valeur parcequ'elles se rapportent la plus part à des particularités de caractères et de localités que me sont inconnues. Ce que je comprends bien c'est qu'il répugne à sa délicatesse de toucher à ce sujet"^{45*}. Тем не менее необходимость вынуждала Элеонору настаивать: "Hélas, je ne suis certainement pas ingrate, je sens bien qu'ils ont fait pour nous ce que nous n'avions pas le droit de prétendre, mais je suis sûre aussi que s'ils pouvaient connaître les exigences de notre position, ils verraient bien qu'avec 10000 Rb. de rente et confond de dettes qu'il a fallu faire pour monter notre ménage il est plus que naturel que l'embarras aille croissants. Un désordre entraîne l'autre et le seul moyen pour vivre avec si peu de chose serait pourtant l'ordre le plus scrupuleux. Voilà cinq ans que je fait d'inutiles efforts pour y parvenir, et maintenant je ne vois que trop clairement que sans les grands remèdes, je n'en sortirai jamais"^{46*}.

Затруднительное положение Тютчева тревожило Потемкина, который попытался ему помочь. 3/15 сентября 1832 г. он

^{45*} "Каждый раз, когда я заговариваю с ним об этом, он находит массу возражений, всю важность которых я не в состоянии оценить, ибо в большинстве своем они касаются своеобразия нравов и местных особенностей, которые мне неизвестны. Но я прекрасно понимаю, что касаться этого вопроса не позволяет ему его деликатность"¹⁸.

^{46*} "Ах, я отнюдь не неблагодарна и очень хорошо сознаю, что они сделали для нас более того, на что мы имели право рассчитывать, но вместе с тем я уверена, что если бы они знали, к чему обязывает нас наше положение, они поняли бы, что при 10000 руб. содержания и куче долгов, которые приходится делать, чтобы вести дом, вполне естественно, что затруднения растут. Одна непредвиденная трата влечет за собой другую, и единственным способом жить при таких незначительных средствах была бы строжайшая бережливость. Вот уже пять лет, как я безуспешно силюсь преуспеть в этом, но ныне я слишком ясно вижу, что без серьезной поддержки я никогда из этого не выберусь"¹⁹. *Здесь и далее в письмах Эл. Тютчевой сохраняются стилистические погрешности оригинала.*

обратился к Нессельроде с ходатайством о денежном вознаграждении для Крюденера и Тютчева¹²⁰. К ходатайству было приложено личное письмо, в котором содержалась особая, весьма необычная просьба, касавшаяся уже одного только Тютчева: "Si néanmoins des raisons d'économie devaient s'opposer invinciblement à une augmentation du traitement dont MM. Krudener et Tutcheff remportent en leur qualité de 1-^r et 2-^{me} secrétaires, je me croirais trop heureux, si au moyen d'un retranchement sur celui qui est alloué au poste qui j'occupe moi-même, on pouvait effectuer cette augmentation au moins en faveur de Mr. Tutcheff dont la modicité des appointements est tout à fait hors de proportion avec la dépense qu'en sa qualité d'homme marié et d'employé diplomatique il est forcé de soutenir pour se placer en quelque sorte au niveau d'une société à laquelle il est appelé tant par sa place que par son mérite personnel. Une telle faveur, en même temps qu'elle contribuerait efficacement à le tirer de l'état de gêne, à laquelle l'insuffisance de ses moyens doit nécessairement l'exposer, lui servirait d'encouragement flatteur dans la poursuite d'une carrière, pour laquelle je me suis déjà fait un devoir de signaler à Votre Excellence son attitude, mais dans laquelle non obtenant de dix années de zélés services attestées par ses chefs, Mr. Tutcheff n'a jamais été assez heureux de mériter une marque d'approbation de la part du Ministère Impérial"^{47*}.

^{47*} "Если же соображения экономии окажутся непреодолимым препятствием к увеличению содержания, получаемого гг. Крюденером и Тютчевым в качестве 1-го и 2-го секретарей, я был бы чрезвычайно счастлив, когда бы возможно было, посредством сокращения жалования, по исправляемой мною должности мне назначенного, увеличить содержание хотя бы одного только Тютчева; скромность его жалованья совершенно не соответствует расходам, к коим вынуждает его положение человека женатого и дипломата, ибо, не совершая этих расходов, он не может оставаться на уровне того общества, где ему надлежит вращаться не только по его должности, но и в силу личных достоинств. Подобная милость помогла бы ему выйти из состояния постоянной нужды, на которую недостаточность средств неизбежно его обрекает; кроме того, она была бы для него также лестным поощрением в карьере, к коей, как я уже почел своим долгом заметить Вашему Превосходительству, у него есть способности: тем не менее, за десять лет усердной службы, засвидетельствованной

Однако благородный порыв Потемкина не имел успеха. Почти год спустя, 13 июня 1833 г., Эл. Тютчева писала об этом Н. И. Тютчеву: “Quant à la *gratification* que nous attendions plus impatiemment que le reste elle n’est pas arrivée, il faut en faire notre deuil”^{48*}.

Серьезным ударом для Тютчева стал отъезд Потемкина. Когда в конце весны 1832 г. в Мюнхен пришло известие о предстоящем переводе Потемкина в Гаагу, Тютчев писал брату Николаю: “C’est un des plus grands désagréments qui pouvaient m’arriver”^{49*}. В приписке к этому письму Элеонора Тютчева уточняла: “C’est un coup bien sensible pour nous; nous perdons le chef; le plus aimable, nous ayant témoigné continuellement tout la bonté et même tout l’attachement possible. <...> Il désire, comme vous le pensez, que Théodore reste auprès de lui; cela ne se pourrait que si on lui accordait la place de premier secrétaire à la Haye”^{50*}.

Подобное стечение обстоятельств создавало ощущение полной безысходности. Тютчев был удручен и растерян. “J’ai besoin d’avis et de consolations”^{51*}, — писал он 1 июня 1832 г., умоляя брата не медлить с обещанным приездом¹²⁵. О том же просила Николая Ивановича и Элеонора: “... la Providence vous envoie à nous pour nous aider et secourir dans tous les troubles et incertitudes qui nous submergent”^{52*}. Однако приезд брата не разрешил сомнения и тревоги Тютчева. Напротив, через год, к моменту приезда Г. И. Гагарина, они полностью им завладели.

его начальниками, г-ну Тютчеву ни разу не посчастливилось заслужить хотя бы малейший знак поощрения со стороны Министерства”¹²¹.

^{48*} “Что касается *наградных*, которых мы с таким нетерпением ожидали, то они так и не прибыли, надо поставить на них крест”¹²².

^{49*} “Это одна из самых крупных неприятностей, какие могли меня постигнуть”¹²³.

^{50*} “Для нас это весьма чувствительный удар; мы теряем самого любезного начальника, который непрестанно выказывал нам всяческую доброту и даже привязанность. <...> Как вы понимаете, он хочет, чтобы Теодор остался при нем: это было бы возможно лишь при том условии, если Теодору дадут место первого секретаря в Гааге”¹²⁴.

^{51*} “Я нуждаюсь в советах и утешениях”.

^{52*} “... само Провидение посылает вас к нам на помощь, чтобы поддержать в тревогах и сомнениях, обступающих нас со всех сторон”¹²⁶.

Г. И. Гагарин прибыл в Мюнхен 28 мая 1833 г. (об этом он известил Нессельроде депешей, которая была написана рукой Тютчева¹²⁷). С его появлением многое изменилось в Мюнхенской миссии. Атмосфера неизменной благожелательности, простота и непринужденность в отношениях, царившие при его предшественнике¹²⁸, исчезли без следа. Новый посол, замкнутый и чопорный, сразу установил твердые границы между собой и своими подчиненными: "...il a dans son abord quelque chose de sec et de froid qui blesse doublement dans nos rapports avec lui <...> De l'humeur dont vous connaissez votre frère, cette manière d'être fausse je le crains leur rapports; la gêne et la froideur s'établissant de part et d'autre, il n'y a plus de rapprochement possible. Cette perspective me désole"^{53*}, — писала жена Тютчева его брату через две недели по приезде Гагарина¹²⁹. Однако надо отдать должное ее объективности — в том же письме она продолжала: "... Gagarin, pour d'autres, même pour moi, a des moments d'abandon et la faute de cette contrainte n'est pas à lui seul. Vous savez ce que c'est: une fois blessé ou prévenu Théodore n'est plus lui-même, son air prétentieux et piqué, ses phrases mordantes ou son silence boudeur tout dénature sa manière d'être et je conçois qu'il paraisse désagréable. C'est donc des deux côtés un cercle vicieux <...>"^{54*}. Самые худшие опасения овладели Элеонорой: "Devinez vous ce que c'est? Non... C'est le commencement de la fin"^{55*}, — писала она все в том же письме¹³¹.

^{53*} "... есть в его обхождении что-то сухое и холодное, что ранит вдвойне при том положении, в котором мы по отношению к нему находимся <...>. Вы знаете нрав вашего брата; боюсь, подобная манера держаться испортит их отношения; обоюдная стесненность и холодность, возникнув однажды, сделает дальнейшее сближение невозможным. И эта перспектива приводит меня в отчаяние".

^{54*} "... по отношению к прочим и даже ко мне Гагарин пороку держит себя вполне непринужденно, и не он один повинен в той скованности, о которой я говорю. Вы сами знаете — если Теодор чем-либо задет или предубежден, он уже сам не свой; его натянутый и обиженный вид, его колкие фразы или хмурое молчание — все искажает его обычное обхождение, и я понимаю, что он производит неприятное впечатление. Следовательно, это обоюдно замкнутый круг <...>"¹³⁰.

^{55*} "Понимаете ли вы, что случилось? Нет... Это начало конца".

Однако жизнь требовала действий, и Элеонора решилась взять на себя заботу о служебных делах мужа, заговорив о них с Гагариным¹³². Вопреки ее собственным ожиданиям, шаг, ею предпринятый, оказался успешным. Гагарин отнесся к затруднительному положению Тютчевых с большим сочувствием и не замедлил доказать это делом. Уже 8/20 августа, на основании его ходатайства, годовой оклад Тютчева был увеличен на 200 р. — с 800 р. до 1000 р.¹³³

Тем временем "греческий вопрос", с отъездом короля Оттона в Грецию потерявший в глазах Мюнхенской миссии свою актуальность, неожиданно вновь заявил о себе и потребовал от нового посла действий незамедлительных и решительных. 1/13 июля гр. Нессельроде направил Г. И. Гагарину секретную депешу с сообщением, что правительство Франции стремится упрочить свое влияние в Греции путем заключения брака короля Оттона с одной из принцесс Орлеанского дома, и поручило своему послу в Навплии^{56*} барону Руану добиться согласия Регентства на этот союз¹³⁴. Поскольку гр. Армансперг с первых же дней своего правления повел курс на разрыв с Россией и сближение с Францией и Англией, известие о подобных намерениях не могло не встревожить русского императора и его кабинет. Заключение предполагаемого союза повлекло бы в дальнейшем решающее воздействие Франции на внешнюю политику Греции и, вместе с тем, утверждение французского влияния в прилегающем к Балканскому полуострову регионе Средиземноморья. Необходимо было предотвратить осуществление планов французского правительства. В этой связи Гагарину предстояла весьма ответственная миссия, ибо упомянутая депеша Нессельроде, доставленная специальным курьером 10/22 июля, гласила: "L'Empereur se propose à faire par votre organe un appel direct au Roi de Bavière, pour conjurer ce Souverain d'interposer son Autorité paternelle afin de décliner à temps et prévenir une union, qui n'est pas faite pour assurer le repos et la prospérité de la Grèce. <...> Les principes de la révolution de Juillet et le Gouvernement auquel ils ont donné la naissance, ne sont pas de nature à trouver un accueil favorable auprès de la Cour de

^{56*} Навплия (Навплион) в то время была столицей Греции.

Munich. Mais c'est justement ce motif qui nous autorise doublement à craindre que le projet d'Alliance conçu par le Cabinet des Tuileries, aura pu demeurer inconnu jusqu'ici au Ministère de Bavière. Il est probable en effet que le Gouvernement français prévoyant les difficultés que l'accomplissement de ses desseins pourrait rencontrer à Munich, aura redoublé de soins pour couvrir ce projet de mystère et aura cherché d'abord à en assurer le succès par les moyens d'influence dont il dispose à Nauplie. Il aura jugé en conséquence, non sans fondement que pour gagner une chance de plus de réussite, il lui faudra préparer d'abord les voies de faire accepter son plan d'Alliance par la Régence grecque afin de rendre plus difficiles au Cabinet de Munich les moyens d'arrêter ensuite l'exécution d'un projet, déjà adopté en principe par la Cour qui y est le plus directement intéressée. Cette considération nous a parue d'une si haute importance, qui nous avons cru devoir ne pas perdre un seul instant pour communiquer au Ministère Bavaois le premier avis qui nous est parvenu, afin que Sa Majesté le Roi, averti à temps d'une combinaison, dont l'existence lui peut être inconnue, puisse user de tout l'ascendant dont Il dispose sur le jeune Souverain et sur les Ministres qui l'environnent, pour déjouer une intrigue, ourdie en secret par le Gouvernement de Louis Philippe^{57*}.

^{57*} Император намерен при вашем посредстве обратиться прямо к королю Баварии с целью убедить сего Государя воспользоваться своим родительским Авторитетом, дабы своевременно отклонить и предотвратить союз, который отнюдь не послужит к упрочению спокойствия и процветания Греции. <...> Принципы Июльской революции и Правительство, ими порожденное, не могут встретить благоприятный прием при Мюнхенском Дворе. Однако именно это обстоятельство вдвойне побуждает нас опасаться, что план Союза, задуманный Тюильрийским Кабинетом, может быть до сих пор неизвестен Кабинету Баварии. В самом деле, вполне вероятно, что Правительство Франции, предвидя затруднения, кои могло бы встретить в Мюнхене осуществление его намерений, удвоит заботу о том, чтобы сохранить свой замысел в тайне, и поначалу попытается снискать ему успех в Навплии, опираясь на влияние, которыми оно там пользуется. Действительно, оно может рассудить, и не без основания к тому, что для достижения более верного успеха ему следует прежде всего подготовить пути к тому, чтобы заручиться согласием греческого Регентства поддержать его замысел; таким образом оно крайне затруднило бы Мюнхенскому Кабинету попытку остановить исполнение проекта, в основном уже принятого Двором, непосредственно в этом

На следующий день по получении этой депеши, т.е. 23 июля, Гагарин посетил министра иностранных дел барона Гизе и, получив его санкцию на визит к королю, 24 июля выехал в Бад-Брюккенау, где в это время находился король¹³⁶. Утром 27 июля Гагарин был принят королем и вечером того же дня сообщил Нессельроде, что король “решительно отвергает мысль о возможности союза с Июльской монархией” (“l'idée de la possibilité d'une alliance avec la royauté de Juillet Lui répugnait au-dessus de tout”) и намерен конфиденциально сообщить об этом сыну: “Le Roi me dit ensuite qu'Il voudrait écrire à son fils, mais de manière à ce que Sa lettre lui parvienne, directement, sans passer par les mains du Comte Armansperg, “car, dit Il, je ne réponds pas qu'il n'ouvre mes lettres et ne supprime ce qui ne lui convient pas”. Ce désir me parut assez important pour dire au Roi, que si Sa Majesté voulait me confier Sa lettre, je l'expédierais à M-r Catacazi”^{58*}.

Вечером того же дня Гагарин получил записку короля: “Mon Prince, je profite de l'aimable offre que vous m'avez faite, en vous envoyant l'incluse dans laquelle je me suis prononcé d'une manière aussi positive que je l'ai fait aujourd'hui envers vous. Je désire infiniment que M-r de Katakazi remette *lui-même* cette lettre à mon fils”^{59*}. “Приложение” (“l'incluse”), о котором говорит

проекте заинтересованным. Сие обстоятельство представляется нам столь значительным, что мы сочли необходимым, не теряя ни минуты, известить Правительство Баварии о первом же сообщении по этому поводу до нас достигшем, дабы Его Величество Король, вовремя предупрежденный о хитросплетениях, существование коих ему, быть может, неизвестно, употребил бы свое влияние на юного Государя и Министров, его окружающих, чтобы разрушить интригу, которую тайно плетет Правительство Луи Филиппа”¹³⁵.

^{58*} “Король сразу же сказал мне, что хотел бы написать сыну, но так, чтобы письмо было доставлено ему непосредственно, минуя руки гр. Армансперга, “ибо, говорит он, я не могу поручиться, что он не вскрывает моих писем и не вычеркивает из них то, что кажется ему неуместным”. Это пожелание показалось мне очень важным, и я сказал, что если Его Величество соизволит доверить мне свое письмо, я отправлю его г-ну Катакази”¹³⁷.

^{59*} “Князь, я пользуюсь любезным предложением, которое вы мне сделали, и посылаю вам приложение, в коем я высказался столь же определенно,

король, — его письмо к сыну, где он сообщает свое мнение по поводу предполагаемого бракосочетания Оттона: “Du bist ein zu guter Sohn um hinter dem Rücken deiner Vaters eine Heirats-Unterhandlung zu führen; arg, sehr arg wäre dieses von der Regentschaft, dennoch möglich, da, es ist sicher, in früheren Zeiten wenigstens die Mehrheit ihrer Mitglieder, namentlich Gr. Armanseperg, zu dem tricolorum Frankreich sich hineigten, *von Dir ist unmöglich*. <...> *Entschieden gegen eine solche Heirath bin ich*”^{60*}. Далее король предупреждал сына, что это письмо будет передано ему через русского курьера, а ответ следует отдать русскому послу Г. А. Катакази.

В тот же день Гагарин отправил Тютчеву распоряжение быть готовым к поездке в Грецию. Об этом сообщил своему министру иностранных дел герцогу де Брольи посол Франции бар. де Водрей 3 августа: “Immédiatement après l’audience <...> M. de Gagarine a expédié à M. de Tutcheff, secrétaire de la Légation Russe, l’ordre de se tenir prêt à porter en Grèce les dépêches qui lui seraient remises dès le retour de ce Ministre à Munich”^{61*}.

30 или 31 июля Гагарин возвратился в Мюнхен, а 4 августа Тютчев выехал в Навплию¹⁴¹. Много лет спустя И. С. Гагарин, племянник посла, в ту пору служивший в Мюнхене, вспоминал, что, помимо чисто курьерских функций, Тютчеву была поручена неофициальная миссия: “Тютчев был довольно близко знаком с членами Регентства; в беседах с ними он мог дать понять этим господам, чего ждет от них Петербургский кабинет”¹⁴².

как и в сегодняшней беседе с вами. Я крайне заинтересован в том, чтобы г-н Катакази лично передал это письмо моему сыну”¹³⁸.

^{60*} “Ты слишком хороший сын, чтобы за спиной своего отца вести переговоры о женитьбе; со стороны Регентства это было бы дурно, очень дурно, однако возможно, ибо, в самом деле, в прежние времена, по крайней мере большая часть его членов, в частности гр. Армансперг, были привержены трехцветной Франции, но с твоей стороны это недопустимо. <...> Я решительно против такого брака”¹³⁹.

^{61*} “Сразу после аудиенции <...> г. Гагарин отправил г-ну Тютчеву, секретарю Российской миссии, распоряжение подготовиться к поездке в Грецию для доставки депеш, кои будут вручены ему по возвращении сего посла в Мюнхен”¹⁴⁰.

Цель поездки Тютчева сохранялась в тайне. Дипломатический корпус был встревожен, теряясь в догадках. 3 августа бар. де Водрей сообщал в Париж: "M. de Tutchcheff parle d'une course à Venise et fait un mystère de cette mission dont le corps diplomatique n'a pas généralement connaissance. <...> Je me borne donc à informer Votre Excellence de la mission très prochaine de M. de Tutchcheff, elle est positive et a un but spécial"^{62*}. 11 августа посол Сардинии гр. Б. Берту де Самбуй сообщал в Турин: "Il paraît certain que M-r de Tutchcheff porte à Nauplie des représentations de Sa Majesté Bavaroise à la Régence"^{63*}. А на следующий день, 12 августа, бар. де Водрей писал министру иностранных дел Франции: "Je sais maintenant, d'une manière assez positive que le Prince Gagarine a été chargé de faire auprès du Roi Ludwig des représentations sur la marche de la Régence grecque et sur l'esprit qui anime la majorité de ses membres. C'est à la suite des représentations que l'envoi de Mr. De Tutchcheff a été décidé"^{64*}. И, наконец, уже 25 августа бар. де Водрей сообщил герцогу де Брольи еще одну версию: "Des représentations sur la continuation du séjour des troupes françaises en Grèce font partie des instructions données à Mr. De Tutchcheff"^{65*}. Но уже 24 августа герцог де Брольи, встревоженный первыми сообщениями де Водрея, направил в Навплию барону Руану, французскому поверенному в делах, распоряжение: "A la suite des communications faites au Roi Ludwig par Mr. Gagarine, le secrétaire de la Légation Impériale en Bavière Mr. de Tutchcheff avait reçu l'ordre de se préparer à remp-

^{62*} "Г-н Тютчев говорит о поездке в Венецию и облекает тайной свою миссию, цель которой дипломатическому корпусу неизвестна. <...> Я ограничиваюсь сообщением Вашему Превосходительству о миссии г-на Тютчева, предстоящей в ближайшее время; она не подлежит сомнению и имеет особую цель"¹⁴³.

^{63*} "Кажется совершенно достоверным, что г. Тютчев везет в Навплию увещания Его Величества Короля Баварии Регентству"¹⁴⁴.

^{64*} "Теперь мне стало достоверно известно, что Князю Гагарину было поручено сделать Королю Людовику заявление по поводу действий греческого Регентства, а также по поводу взглядов, которых придерживается большинство его членов. Следствием этого заявления и было решение о поездке г-на Тютчева"¹⁴⁵.

^{65*} "Заявление по поводу длящегося присутствия французских войск в Греции является частью инструкций, данных Тютчеву"¹⁴⁶.

lir en Grèce une mission sur l'objet de laquelle on est réduit à de simples conjectures mais qui doit nécessairement avoir quelque but important. Dans le cas où Mr. de Tutchef se rendrait effectivement à Nauplie, vous serez à portée <...> d'observer jusqu'à quel point ces conjectures sont fondées, et de connaître le but réel de sa mission^{66*}.

Когда де Брольи отправлял свою депешу, Тютчев находился в Триесте, в ожидании корабля, который доставил бы его в Навплию^{67*}. В Триесте он был не один. Рядом с ним была жена, которая решила сопровождать его до начала морского путешествия. Позднее, возвратившись домой, она писала Н. И. Тютчеву, что это решение было вызвано тревогой, которую в последнее время внушало ей душевное состояние мужа: "... Есть в нем какой-то нравственный недуг, который, как мне кажется, развивается быстро и страшно. И вот это-то, сознаюсь, толкнуло меня на то, чтобы побудить его согласиться на это путешествие; я очень рассчитывала на смену дорожных впечатлений, но надежды мои не оправдались <...>. Надо знать его так, как знаю его я, и притом необходимо, чтобы сам он высказался до конца, — только тогда можно представить себе его состояние. Вы должны понимать, что именно я имею в виду: ваша мать, кажется, передала ему в наследство эту боль?¹⁵⁰ Посоветуйте, что мне делать. Когда я об этом думаю, когда я это вижу, меня охватывает смертельный ужас и горе <...> это не только меланхолия, отвращение ко всему, невероятная разочарованность в мире и, главное, в самом себе, это —

^{66*} "Вследствие некоего сообщения, которое г. Гагарин сделал Королю Людовигу, г. Тютчев, секретарь Императорского посольства в Баварии, получил распоряжение подготовиться к исполнению в Греции поручения, о содержании коего существуют лишь предположения, но которое несомненно имеет важную цель. В случае, если г. Тютчев действительно отправится в Навплию, вам надлежит по возможности <...> убедиться, в какой мере обоснованы эти предположения, и выяснить истинную цель его миссии"¹⁴⁷.

^{67*} Первоначально Тютчев намеревался ехать через Венецию (об этом сообщали в своих донесениях А. де Водрей и Б. Бертю де Самбуй¹⁴⁸, о том же писала и Эл. Тютчева¹⁴⁹). Причины изменения маршрута неизвестны. Возможно, что в Венеции не предвиделось корабля, который следовал бы в Грецию.

что пугает меня больше всего — то, что сам он называет навязчивой идеей. Самая нелепая, самая абсурдная идея, которую можно себе представить, мучает его до лихорадки, до слез; подумайте же, каково мне знать, что он в таком состоянии и не иметь ни малейшей возможности оградить его от этого несчастья... Теперь вы понимаете, почему в последнее время я так настойчиво просила, чтобы ваш отец взял на себя устройство наших дел; все это, малейшее огорчение, способствовало учащению и обострению подобных состояний Теодора»¹⁵¹.

Многочисленные дорожные злоключения¹⁵² не способствовали улучшению настроения Тютчева. А в Триесте его ожидали новые осложнения. Выяснилось, что в гавани нет и не предвидится ни одного корабля, направляющегося в Грецию, за исключением австрийского военного корвета “Корнелия”, который должен был отплыть в Грецию во второй половине августа; только содействие Гассера, баварского поверенного в делах, направлявшегося к месту службы в Навплию, дало Тютчеву возможность отплыть вместе с ним на этом корабле¹⁵³. По сообщению французского консула в Триесте, Тютчев ожидал отправления корабля “около трех недель”¹⁵⁴. Болезнь капитана, ожидание груза и, наконец, десятидневная непогода долго не позволяли “Корнелии” выйти в море¹⁵⁵. “После всяческих задержек и десятидневного ветра, а вернее, встречной грозы, корвет поднял паруса 1 сентября в 5 часов утра, и вот я в Триесте — одинокая и покинутая”, — писала Элеонора Н. И. Тютчеву 10 сентября, уже из Мюнхена¹⁵⁶. Не менее одиноким и покинутым чувствовал себя и Тютчев. По словам Гассера, вспоминавшего путешествие на “Корнелии”, он охотнее всего возвратился бы обратно (“am liebsten wieder unterwegs umgekehrt wäre”¹⁵⁷). Надежда Элеоноры, что дорожные впечатления окажут благотворное воздействие на душевное состояние ее мужа, не оправдалась: “...я покинула его с неопишмым чувством боли и тревоги”, — жаловалась она Н. И. Тютчеву в цитированном письме.

На семнадцатый день пути, после трехдневной борьбы со штормом, после вынужденной стоянки у о-ва Лезина, где

“Корнелия” в течение четырех дней пережидала бурю¹⁵⁸, корвет бросил якорь в гавани Навплии. Это произошло 17 сентября¹⁵⁹, а за несколько дней до того король Оттон отбыл в длительную поездку по стране¹⁶⁰. 20 сентября вслед за ним отправился на “Корнелии” Гассер, а также семья гр. Армансперга¹⁶¹. Тютчев же остался в Навплии и, выполняя свою обязанность курьера, передал российскому послу Г. А. Катакази пакет с письмом короля Людвига для вручения его королю Оттону, а также депеши Гагарина, в которых разъяснялось, что письмо это должно быть вручено адресату строго конфиденциально. О получении этой почты Катакази докладывал Гессельроде: “M-r Toutcheff secrétaire de la Légation Impériale à Munich est arrivé en Grèce, porteur d’une expédition de M-r le Prince Gagarin <...>. J’ai reçu également par cette voie la lettre qu’il a plu à Sa Majesté le Roi de Bavière de faire parvenir à son fils par mon organe^{162*}”.

Однако вскоре стало известно, что в увещаниях короля Людвига сыну по поводу предполагаемого брака с французской принцессой уже не было необходимости. Это видно из сообщения Катакази Гагарину: “Tout ce que j’ai pu apprendre ici au sujet du projet d’alliance conçu par Louis-Philippe, doit me faire croire que la proposition en a été faite, mais qu’elle n’a pas été accueillie de manière à encourager le Ministre Résident de France à poursuivre sa négociation”^{169*}. Тем не менее Катакази считал своим долгом доставить королю Оттону послание его отца и соблюсти при этом условие секретности. 26 сентября/8 октября он писал Гагарину: “Ma première pensée avait été de me rendre moi-même à Patras”^{70*}, où je savais que le Roi devait séjourner quelque temps, mais cette course que j’aurais faite dans le but de

^{158*} “Г-н Тютчев, секретарь Императорской миссии в Мюнхене, прибыл в Грецию с экспедицией от Князя Гагарина <...>. Тем же путем получил я письмо, которое Его Величеству Королю Баварии благоугодно было доставить своему сыну через мое посредство”¹⁶².

^{159*} “Все, что я узнал здесь относительно союза, задуманного Луи Филиппом, позволяет мне полагать, что подобное предложение было сделано, однако то, как оно было воспринято, отнюдь не поощрило Посланника Франции к дальнейшим переговорам”¹⁶³.

^{70*} Патрас (ныне Патры) — порт на севере Пелопонесского п-ва.

rejoindre Sa Majesté aurait donné lieu dans le public à des bruits et à des interprétations qu'il m'a paru plus prudent d'éviter. Désirant toutefois remplir fidèlement les ordres que Sa Majesté le Roi de Bavière m'avait transmis par votre organe, mon Prince, et faire parvenir entre les mains du Roi Othon le pli qui lui était adressé, je l'expédie aujourd'hui même à Patras par M-r Tutcheff^{71*}.

Действительно, 8 октября, после трехнедельного пребывания в греческой столице, Тютчев покинул Навплию. Отъезд был поспешным и для окружающих неожиданным. "Herr v. Tjutcheff <...> hat mich durch seine schnelle Abreise sehr unangenehm überrascht"^{72*}, — писал 7 октября Гассер, в распоряжении которого оказался всего один день, чтобы составить донесения своему королю¹⁶⁵. Поспешность эта вполне объяснима. Из сообщений в *Allgemeine Zeitung* известно, что вечером 5 октября в Навплию возвратился из плавания в Маратон корвет "Корнелия", а 8 октября он отправился обратно в Триест¹⁶⁶. Можно предположить, что Тютчев сел на этот корабль с тем, чтобы, воспользовавшись стоянкой в Патрасе, передать там королю Оттону письмо его отца.

Однако уже после отъезда Тютчева Катакази сообщал Нессельроде: "Mr. Toutcheff que j'ai réexpédié pour Munic en lui indiquant son itinéraire par la Morée"^{73*}, Corfou et Ancône, doit rencontrer Sa Majesté à Patras et aura la facilité de lui remettre mon pli sans aucune intermédiaire"^{74*}. Это сообщение позволяет предпо-

^{71*} "Первой моей мыслью было самому отправиться в Патрас, где, по моим сведениям, Король должен был провести некоторое время; однако поездка, предпринятая мною с тем, чтобы присоединиться к Его Величеству, могла бы породить в публике слухи и толкования, избежать коих мне показалось более благоразумным. Стремясь в точности исполнить распоряжения Его Величества Короля Баварии, переданные мне при вашем посредстве. Князь, и вручить Королю Оттону адресованный ему пакет, я отправляю его сегодня в Патрас с г-ном Тютчевым"¹⁶⁴.

^{72*} "Г-н Тютчев <...> своим поспешным отъездом поставил меня в весьма затруднительное положение".

^{73*} Морей — одно из названий Пелопонесского п-ва, принятое в XIX веке.

^{74*} "Г-н Тютчев, которого я отправил обратно в Мюнхен, предназначав ему путь через Морею, Корфу и Анкону, должен встретить Его Величество в Патрасе, где у него будет возможность передать мой пакет без всяких посредников"¹⁶⁷.

ложить, что 8 октября Тютчев отправился в Патрас сухим путем, через северную часть Пелопонесского п-ва. Этот путь, составляющий около 150 км, можно было проделать за 3–4 дня, тогда как корабль должен был обогнуть весь полуостров, что требовало значительно большего времени. Таким образом, Тютчев мог приехать заранее, дожидаться встречи с королем, а затем, по приходе корвета, отправиться на нем в дальнейший путь.

Но каким бы путем ни добирался Тютчев до Патраса, доподлинно известно, что поручение, ему данное, он не исполнил. 31 октября/12 ноября Катакази писал Гагарину: “Au retour du Roi dans sa résidence, je me suis empressé de lui faire parvenir en mains propres la lettre dont M. Tutscheff a été porteur et qu’il n’avait pas pu lui remettre à Patras”^{75*}. Остается загадкой, каким образом это секретное письмо вновь вернулось в руки Катакази. Единственным объяснением, которое представляется вполне вероятным, может быть то, что Тютчева в его путешествии в Патрас сопровождал один из секретарей Российской миссии, который и привез обратно в Навплию оставшееся неврученным письмо.

3 ноября Тютчев сошел с корабля в Триесте. Об этом сообщила газета *Allgemeine Zeitung*: “Trieste, 3 Novembre. So eben ist ein Schiff vor Anker gegangen, welches Nauplia am 8 October verlassen, und unter andern Passagieren <...> den russischen Legationssekretär v. Tutscheff an Bord hat, welcher von einiger Monaten mit einer Mission von der russischen Gesandtschaft in Munchen nach Nauplia gegangen war”^{76*}.

Однако продолжить свой путь Тютчев не смог. Он был задержан в карантине из-за холеры, свирепствовавшей в Триесте (сам Тютчев остался здоров, но в одном из городских госпита-

^{75*} “По возвращении Короля в свою резиденцию, я поспешил вручить ему в собственные руки доставленное г-ном Тютчевым письмо, которое тот не смог передать ему в Патрасе”¹⁶⁸.

^{76*} “Триест, 3 ноября. Только что бросил якорь корабль, отплывший из Навплии 8 октября; среди прочих пассажиров <...> на его борту находится секретарь Российского посольства фон Тютчев, который несколько месяцев тому назад отправился в Навплию с поручением от русской миссии в Мюнхене”¹⁶⁹.

лей скончался его слуга)¹⁷¹. Известие об этом достигло Мюнхена. 14 ноября король Людвиг писал сыну в Навплию, что надеется получить от него письмо, “если Тютчев, все еще задержанный в карантине Триеста, сюда прибудет” (“wenn Tjutchef noch in der Triester Quarantine begriffen, hier anlangt”)¹⁷¹.

Тютчев возвратился в Мюнхен между 14 и 21 ноября, усталый и расстроенный. 21 ноября бар. де Водрей сообщал в Париж, что Тютчев вернулся “весьма недовольный своей поездкой, которая, кажется, не имела никаких результатов” (“fort mécontent de son voyage, qui parait n’avoir eu aucun résultat”)¹⁷².

Но если сам Тютчев был недоволен результатами своей миссии, то тем более недовольны были ими и король Людвиг, и Гагарин. Действительно, долгожданного письма от сына Тютчев королю не привез, а судьба доверенного ему послания самого короля к этому времени была совершенно неизвестна. Легко представить себе, как неприятно было Гагарину сообщать об этом королю.

Что же касается неофициальной миссии Тютчева, то она тоже потерпела неудачу, если только действительно существовала. В этом можно убедиться, читая донесения послов Франции в Мюнхене и Навплии, — в них еще долго звучали отзвуки этого эпизода. 21 ноября бар. де Водрей писал в Париж: “M. de Tjutcheff <...> poursuivi en vain le Roi Othon pour parvenir à rejoindre Sa Majesté; il n’a pu voir qu’une seule fois M. le C-te Armansperg”^{77*}. В свою очередь бар. Руан доносил 19 декабря из Навплии министру иностранных дел Франции: “M-r de Tjutcheff est parti pour retourner à Munich, n’ayant pas pu même être présenté au Roi <...> et sans avoir fait non plus aucune communication à la Régence, soit de la part de sa Cour, soit de la part du Roi de Bavière”^{78*}. И, наконец, в депеше бар. де Водрея от 22 ноября содержится сообщение, смысл которого раскрыть

^{77*} “Г-н Тютчев, последовав за Королем Оттоном, напрасно пытался догнать Его Величество; с гр. Арманспергом он повидался только один раз”¹⁷³.

^{78*} “Г-н Тютчев уехал в Мюнхен, даже не получив возможности быть представленным Королем <...> и не войдя ни в какие сношения с Регентством — ни от имени своего Двора, ни от имени Короля Баварии”¹⁷⁴.

полностью не представляется возможным: «Quant à la mission du secrétaire de la Légation Russe, une lettre de Mr. d'Armansperg se borne à ces mots: "Mr. Tjutcheff s'est fort mal conduit en Grèce, mais il n'a rien obtenu"»^{79*}.

Сразу же по возвращении Тютчева Гагарин поручил ему составить для Нессельроде депешу и изложить в ней свою точку зрения на политическую ситуацию, возникшую в Греции. Тютчев выполнил поручение. Его депеша содержит вполне определенную характеристику плачевных результатов деятельности Регентства и, вместе с тем весьма четкую дипломатическую программу¹⁷⁶. Однако форма, в которую были облечены его суждения, оказалась весьма необычной для дипломатического документа:

"Les contes de fées nous montrent quelquefois un merveilleux berceau autour duquel viennent se réunir les génies protecteurs du nouveau-né. Après qu'ils ont doté l'enfant privilégié de leurs plus heureuses influences, on ne manque jamais de voir arriver une fée malfaisante qui attache au berceau de l'enfant quelque charme funeste qui a pour l'effet de détruire ou de gâter les dons brillants que des puissances amies venaient de lui prodiguer. Telle est à peu près, l'histoire de la royauté grecque.

On ne saurait disconvenir que les trois grandes puissances qui l'ont couvée sous leur aile, ne l'aient dotée fort honorablement. Par quelle étrange fatalité était-il réservé au roi de Bavière de se charger, dans cette circonstance du rôle de la fée Malfaisante? Et certes, il ne s'en est que trop bien acquitté, en attachant aux destinées de la royale nouveau-née le maléfice de sa *Régence*: la Grèce se souviendra longtemps des étrennes du roi de Bavière. Voilà, tantôt dix mois que la Régence est à l'oeuvre, et déjà elle a gâté pour plusieurs années l'avenir de Grèce»^{80*}.

^{79*} «Что же касается миссии секретаря Русского посольства, одно из писем г-на д'Армансперга ограничивается такими словами: "Г-н Тютчев очень дурно проявил себя в Греции, однако ему ничего не удалось достигнуть"»¹⁷⁵.

^{80*} «Волшебные сказки изображают иногда чудесную колыбель, вокруг которой собираются гении-покровители новорожденного. После того, как они одарят избранного младенца самыми благодетельными своими чарами, неминуемо является фея, навлекающая на колыбель ребенка ка-

Таково начало этой депеши. Изящество стиля и блистательная ирония делают ее произведением художественным; это своего рода эссе на тему о судьбах современной Греции. Однако, как справедливо заметил К. В. Пигарев, “на одном литературном таланте дипломату нелегко построить свою карьеру”¹⁷⁸. Педантичный Гагарин нашел проект депеши “недостаточно серьезным” и отказался его принять¹⁷⁹.

Трудно сказать, почему Тютчев, прекрасно владевший формой и стилем дипломатических депеш, на этот раз избрал такую вызывающе несоответствующую миру дипломатической бюрократии форму. Не было ли это сознательным эпатажем в адрес Гагарина?

Сухому и чопорному Гагарину был чужд нервный и изменчивый нрав Тютчева, его неспособность подчиняться дисциплине, его живой, ироничный ум. Отношения между ними не складывались. По-видимому, возник некий психологический барьер — то, что на языке XX-го века носит название “психологической несовместимости”. В результате, к концу 1833 года в Мюнхенской миссии возникла совершенно четкая расстановка сил: Гагарин всецело опирался на Крюденера, тогда как Тютчев, написав после возвращения из Навплии две незначительные по содержанию депеши¹⁸⁰, в течение последующих двух лет в работе миссии практически не участвовал. Никаких следов его деятельности за 1834–1835 гг. в архивах Мюнхенской миссии и Канцелярии Министра иностранных дел не обнаружено (исключение составляет лишь одна депеша, написанная его рукой в октябре 1835 г.¹⁸¹).

кое-нибудь пагубное колдовство, имеющее свойством разрушать или портить те блестящие дары, коими только что осыпали его дружественные силы. Такова, приблизительно, история Греческой монархии. Нельзя не признать, что три великие державы, взлелеявшие ее под своим крылом, снабдили ее вполне приличным приданым. По какой же странной, роковой случайности выпало на долю Баварского короля сыграть при этом роль злой феи? И, право, он даже слишком хорошо выполнил эту роль, снабдив новорожденное королевство пагубным даром своего Регентства: надолго будет памятен Греции этот подарок “на зубок” от Баварского короля. Прошло около десяти месяцев как Регентство взялось за дело, и оно уже успело на целые годы испортить будущность Греции”¹⁷⁷.

Возвращение в Мюнхен было для Тютчева безрадостным не только из-за чувства неудовлетворенности и недовольства собой, не только из-за недовольствия начальства и бесперспективности служебного положения, но и вследствие непрекращающихся денежных затруднений, вновь представших перед ним во всей своей неразрешимости. И хотя Элеонора мужественно брала на себя большую часть связанных с этим забот, Тютчев знал о них, пытался их разрешить и страдал от безвыходности сложившейся ситуации.

Перед отъездом Тютчева в Навплию над ним висел долг в 12 000 р. 10 сентября, едва проводив мужа, Элеонора взывала к Н. И. Тютчеву о помощи: "Ecrivez à papa, faites ce que vous pouvez pour obtenir qu'il s'engage à payer peu à peu ces 12 000 Rb."^{81*} А в октябре, в ожидании ответа на свою мольбу, Элеонора была не в состоянии оплатить квартиру, которую занимала ее семья¹⁸³. Родители Тютчева, как всегда, откликнулись на заботы сына, но не могли выплатить весь долг полностью. Тем не менее, посланная ими сумма на какое-то время, по словам Элеоноры, избавила ее и мужа от "главных забот"¹⁸⁴. Но долги оставались и снова росли. "Il est presque impossible de vivre avec les exigences de notre position, avec les enfants et le monde qui augmente chaque année et ne pas dépenser que 10 000 Rb."^{82*} — жаловалась Элеонора Н. И. Тютчеву¹⁸⁵.

Попытался помочь Гагарин. Несмотря на отчуждение, разделявшее его и Тютчева, Гагарин относился к нему с уважением и искренне сочувствовал его тяжелому материальному положению. В ноябре 1834 г., через год с небольшим после своего первого ходатайства о денежном вознаграждении Тютчеву, которое, как мы уже знаем, увенчалось успехом, Гагарин обратился к Нессельроде с аналогичной просьбой, сопроводив ее характеристикой Тютчева, в высшей степени лестной: "L'assesseur de Collège Tutcheff qui est attaché à la légation en

^{81*} "Напишите папеньке, сделайте все возможное, чтоб добиться его согласия на постепенную уплату этих 12 000 рублей"¹⁸².

^{82*} "Жить на 10 000 рублей при требованиях занимаемого нами положения, при детях и людях, число которых с каждым годом увеличивается, почти невозможно".

qualité de 2-d secrétaire est un homme d'un rare mérite, d'une portée d'esprit et d'une instruction peu commune et du plus noble caractère. Marié et chargé d'une famille nombreuse pour ses moyens de finance, une véritable récompense serait pour lui une gratification pécuniaire, c'est avec les plus vives instances que je vous sollicite, Monsieur le Comte d'obtenir pour lui, de la magnificence Impériale une année de traitement c'est-à-dire mille Rbl. bonifiés^{83*}.

Но на этот раз ходатайство Гагарина успеха не имело — ответа на него не последовало. “Мне остается только надежда на место Крюденера, — писала Элеонора 13 января 1834 года, — так как эта столь желанная преемственность должна же наконец наступить¹⁸⁷”. Слухи об ожидаемом повышении Крюденера и надежды на получение его места — лейтмотив ее писем за 1833–1835 гг.

Наконец, летом 1835 г. Тютчев решается действовать самостоятельно. Воспользовавшись пребыванием Нессельроде на водах в Карлсбаде, он отправляется туда, чтобы лично просить вице-канцлера о повышении. Встреча состоялась, и Тютчев возвратился в Мюнхен, обнадеженный благожелательностью Нессельроде и его обещаниями^{84*}. А потому, когда в октябре

^{83*} “Коллежский ассессор Тютчев, состоящий при посольстве в должности 2-го секретаря, — человек редких достоинств, редкой широты ума и образованности, притом нрава в высшей степени благородного. Он женат и обременен многочисленной семьей, а потому при скромных средствах, коими он располагает, лучшей для него наградой было бы денежное пособие, и я настоятельно прошу вас, Граф, испросить для него от Императорских щедрот годовой оклад, другими словами, 1000 рублей ассигнациями¹⁸⁶”.

^{84*} Факт личного обращения Тютчева к вице-канцлеру устанавливается на основании его письма к Нессельроде от <22 октября>/3 ноября 1835 г. (см. ниже). Предположение Е. Н. Лебедева, что это произошло летом 1834 г.¹⁸⁸ не подтвердилось. Как видно из документов *Канцелярии МИД*, в 1834 г. Нессельроде из Петербурга не выезжал, тогда как в 1835 г. он провел за границей более трех месяцев — с начала июля до начала октября¹⁸⁹. Почти весь сентябрь он провел в Теплице в связи с переговорами, которые велись там между Николаем I, австрийским императором и прусским королем, а в начале октября (н. с.) был уже на пути в Россию¹⁹⁰. Таким образом, пребывание Нессельроде в Карлсбаде могло

стало известно о предстоящем переводе Крюденера, Тютчев счел возможным обратиться к Нессельроде с личной просьбой о предоставлении ему освобождающегося места первого секретаря Мюнхенской миссии. <22 октября>/3 ноября 1835 г. он писал: "Dans l'entrevue que Vous m'avez fait l'honneur de m'accorder, Monsieur le Comte, lors de Votre dernier séjour à Carlsbad et dont je conserve un si reconnaissant souvenir, Votre Excellence a daigné m'assurer qu'Elle ne manquerait pas de songer à moi, à la première vacance qui viendrait à se présenter. Or, j'ai été informé, à la suite du retour du Prince Gagarin que M-r de Krudener serait incessamment appelé à une nouvelle destination. La place de 1-er Secrétaire de Légation à Munich va donc devenir vacante. J'ose la demander à Votre Excellence"^{85*}.

Кратко перечислив свои служебные заслуги (эту часть его письма мы цитировали выше), и изложив свою просьбу, Тютчев останавливается на причинах, которые делают для него место Крюденера предпочтительнее всякому другому ("de préférence à toute autre"):

"Bien que destiné à avoir, un jour, une fortune indépendante, je me trouve depuis des années, réduit à la triste nécessité de vivre du service. La modicité de cette ressource, hors de toute proposition avec la dépense à laquelle me condamne la position sociale où je me trouve placé, m'a forcément imposé des engagements que le temps seul peut me mettre à même de remplir. C'est déjà là un premier lien qui me retient à Munich. Un déplacement, même avantageux sous le rapport du service, même accompagné d'un avancement m'obligerait nécessairement à des dépenses nouvelles, qui s'ajoutant aux anciennes, pourraient à tel point accroître les embarras de cette posi-

иметь место только до начала переговоров, т.е. в июле – августе 1835 г. Тогда же состоялась и встреча Тютчева с ним.

^{85*} "При нашем свидании, коим Вы меня удостоили, Граф, во время Вашего последнего пребывания в Карлсбаде и о коем я по сей день храню благодарную память, Вашему Сиятельству угодно было заверить меня, что Вы не преминете вспомнить обо мне при первой же возможной вакансии. И вот, по возвращении князя Гагарина¹⁹¹ я узнал, что Г-н Крюденер скоро получит новое назначение. Таким образом, место 1-го секретаря Мюнхенской миссии станет вакантным. Осмеливаюсь просить у Вашего Сиятельства сие место для себя"¹⁹².

tion. que la faveur que Votre Excellence croirait m'avoir accordée, en deviendrait illusoire par l'impossibilité matérielle où je me trouverai d'en profiter.

Or j'ai eu l'honneur de Vous dire, Monsieur le Comte, que j'avais besoin du service pour vivre. J'insisterai beaucoup moins sur cette considération, je Vous assure, si j'étais seul... mais j'ai une femme et deux enfants. Certes, personne ne saurait être plus persuadé que je ne le suis, que dans une position précaire et subalterne comme la mienne, le mariage est la plus impardonnable des imprudences. Je le sais, puisqu'il y a 7 ans que je l'expie. Mais je serai profondément malheureux, je l'avoue, si l'expiation de ce tort s'étendait à trois êtres qui en sont parfaitement innocents.

D'ailleurs, s'il y a un pays où je puisse me flatter d'être de quelque utilité pour le service, c'est assurément celui-ci. La connaissance très particulière des hommes et des choses que <le> long séjour que j'y ai fait, m'a mis à science d'acquérir, des études suivies et sérieuses faites plus encore par goût que par devoir, sur l'état social et politique de l'Allemagne, et surtout de cette partie de l'Allemagne, sur sa langue, son histoire, sa littérature, toutes ces raisons réunies me donnent quelque droit d'espérer qu'ici du moins, je pourrais justifier, jusqu'à un certain degré, la faveur que je sollicite^{86*}.

^{86*} «Несмотря на то, что в будущем меня ожидает получение независимого состояния, уже в течение многих лет я приведен к печальной необходимости жить службой. Незначительность средств, отнюдь не отвечающая расходам, к коим меня вынуждает мое положение в обществе, против моей воли наложила на меня обязательства, исполнению коих может помочь только время. Такова первая причина, удерживающая меня в Мюнхене. Даже выгодное перемещение по службе, пусть с повышением в чине, непременно принудило бы меня к новым расходам, кои вкупе с прежними столь значительно бы усугубили мое затруднительное положение, что покровительство Вашего Сиятельства оказалось бы призрачным из-за материальной невозможности для меня им воспользоваться.

Как я уже говорил, Милостивый Государь Граф, служба доставляет мне средства к жизни. Уверяю Вас, я бы не стал останавливаться на этом обстоятельстве, ежели бы я был один... но у меня жена и двое детей. Конечно, никто лучше меня не понимает, что женитьба в столь непрочном, зависимом состоянии, как мое, есть самая непростительная ошибка. Я сознаю сие, поскольку уже 7 лет расплачиваюсь за нее. Но я

Ответом на это письмо был вежливый отказ. Нессельроде мотивировал его тем, что произведенное согласно указу императора сокращение должностей оставило многих служащих не у дел: "... toute la vacance qui se présente à l'étranger doit être considérée par le Ministère Impérial comme un moyen d'indemniser ceux qui viennent d'être privés de leurs emplois. Les arrangements que cette circonstance spéciale rend nécessaires me mettent donc dans l'impossibilité absolue de réaliser pour le moment le voeu que Vous m'avez exprimé à l'égard du poste qui deviendra vacant à Munich"^{87*}. Желая смягчить свой отказ, Нессельроде сообщает Тютчеву, что в вознаграждение его заслуг он удостоен звания камергера.

Этот отказ, датированный 21 января 1836 г., был получен в начале февраля. Почти вслед за ним последовал приказ о переводе Крюденера в Петербург и сообщение, что первым секретарем Мюнхенской миссии определен сорокалетний барон Апполоний Мальтиц, много лет прослуживший в Бразилии в должности поверенного в делах. Все это полностью закрывало перед Тютчевым возможность продвижения по службе в Мюнхене. Он пытается иронически отнестись к сложившейся ситуации: "Mr. le Vice-Chancellier est pis que le beau-père de Jacob. Au moins celui-là n'a fait travailler son gendre *que 7 ans* pour obte-

был бы глубоко несчастлив, ежели бы за мою ошибку расплачивались три совершенно невинных существа.

Впрочем, ежели и существует страна, где бы я льстил себя надеждой приносить некоторую пользу службой, так это решительно та, в коей я ныне нахожусь. Длительное пребывание здесь, благодаря последовательному и серьезному изучению страны, продолжающемуся поныне как по внутреннему влечению, так и по чувству долга, позволило мне приобрести совершенно особое знание людей и предметов, ее языка, истории, литературы, общественного и политического положения, — в особенности той ее части, где я служу. Все сии причины купно дают мне некоторое право надеяться, что, по крайней мере, здесь я смогу должным образом оправдать милость, о коей прошу"¹⁹³.

^{87*} "...любая вакансия за границей рассматривается Императорским кабинетом как возможность вознаграждения тех, кто потерял свою службу. Сии особые обстоятельства, требующие принятия особых мер, делают совершенно невозможным в настоящее время удовлетворение Вашей просьбы в отношении должности, освобождающейся в Мюнхене"¹⁹⁴.

nir *Lia*, pour moi la mesure était doublée. Ils ont raison après tout. N'ayant jamais pris *le service* au sérieux, il est juste que le service aussi se moque de moi^{88*}. Однако далее для иронии уже нет места. Тютчев продолжает: "En attendant, ma position se fausse de plus en plus. Je ne puis songer à retourner en Russie par la simple et excellente raison que ne saurais comment faire pour y exister, et d'autre part, je n'ai pas le moindre petit motif raisonnable pour persévérer dans une carrière qui ne m'offre aucune chance d'avancer^{89*}".

Начиналось самое тяжелое время в мюнхенской жизни Тютчева.

Крюденер готовился к отъезду, появления Мальтица ждали не ранее осени, а в ближайшем будущем Тютчева ожидала перспектива на долгий срок остаться единственным помощником Гагарина, исполнителем обязанностей, соответствующих той самой должности, в назначении на которую ему было отказано. Тяжелое душевное состояние вновь овладело им.

Но не только служебные неудачи были причиной этого состояния. В жизнь Тютчева вошла новая любовь — сильная и глубокая. Еще в 1833 году случайная встреча на балу свела его с баронессой Эрнестиной Дёрнберг и с тех пор навсегда связала с этой женщиной, ставшей впоследствии его второй женой. Отношения их развивались медленно и неровно, но к тому времени, о котором идет речь, они вполне определились. Мучительная раздвоенность овладела Тютчевым — Элеонора была ему по-прежнему дорога.

Некоторое время эта связь сохранялась в тайне. Но можно ли скрыть что-нибудь в светском обществе, где жизнь каждого

^{88*} Г-н Вице-Канцлер хуже тестя Иакова. Тот, по крайней мере, заставил своего зятя работать *только семь лет*, чтобы получить *Лию*, для меня срок был удвоен. Они правы в конце концов. Так как я никогда не относился к *службе* серьезно, справедливо, чтобы служба также смеялась над мной¹⁹⁵.

^{89*} "Тем временам положение мое становится все более и более ложным. Я не могу помышлять о возвращении в Россию по той простой и наимприятнейшей причине, что мне не на что будет там существовать, с другой стороны, у меня нет ни малейшего разумного повода упорно держаться службы, которая ничего не обещает мне в будущем"¹⁹⁶.

проходит на виду у всех? В конце апреля 1836 года Элеонора узнала об измене мужа, и это едва не привело к роковому исходу. В порыве отчаяния она нанесла себе несколько ударов маскарадным кинжалом и выбежала на улицу, где, потеряв сознание, упала, обливаясь кровью.

Разразился скандал, последствия которого не замедлили сказаться. Дипломат, замешанный в скандале, — фигура нежелательная для посольства, к которому он принадлежит. 3 мая 1836 года Гагарин отправил с Крюденером, уезжавшим в Петербург, письмо, в котором просил Нессельроде о переводе Тютчева из Мюнхена. При этом он поручил Крюденеру рассказать вице-канцлеру об обстоятельствах, побудивших его обратиться с этой просьбой. Гагарин писал: «... je vous supplie Monsieur le Comte de lui accorder votre plus bienveillante attention, lorsqu'il vous parlera de Monsieur Tuttscheff, de sa position malheureuse et désespérée, et de la nécessité la plus urgente de l'en tirer. Monsieur Tuttscheff avec des talents fort remarquables, un esprit aussi cultivé que distingué, par la fâcheuse et fausse situation dans laquelle il s'est placé par son funeste mariage est actuellement hors d'état de remplir les fonctions de Secrétaire de Légation, et c'est au nom de la Charité Chrétienne que je supplie Votre Excellence de le tirer d'ici, ce qui ne peut se faire qu'en lui accordant une gratification pécuniaire de 1000 Rbl. pour acquitter ses dettes: ce serait une bonne fortune pour lui et pour moi»^{90*}.

Пособие в 1000 рублей было назначено 18/30 июля¹⁹⁸, но о переводе Тютчева на новое место до приезда Мальтица, следовавшего из Бразилии, речи быть не могло — ведь тогда Гага-

^{90*} «... умоляю вас, Граф, уделите самое благосклонное внимание всему, что он будет говорить вам о господине Тютчеве, о его злополучии, о его отчаянном положении и о самой настоятельной необходимости его из этого положения вывести. При способностях весьма замечательных, при уме выдающемся и в высшей степени просвещенном, господин Тютчев не в состоянии ныне исполнять обязанности секретаря миссии по причине того пагубно-ложного положения, в которое он поставлен своим роковым браком. Во имя Христианского Милосердия, умоляю Ваше Превосходительство извлечь его отсюда, а это может быть сделано лишь при условии предоставления ему денежного пособия в 1000 руб. для уплаты долгов: это было бы счастье для него и для меня»¹⁹⁷.

рин остался бы в одиночестве. Более того, 1 июля, уезжая в двухмесячный отпуск, он возложил на Тютчева обязанности поверенного в делах¹⁹⁹. Все же, возвратившись в Мюнхен, Гагарин ходатайствовал об отпуске для него, но, когда отпуск был предоставлен, попросил Тютчева остаться, т.к. здоровье его стало катастрофически ухудшаться²⁰⁰. “Мой удел при этой миссии довольно странный, — с грустной иронией писал Тютчев родителям 12 января 1837 г. — Мне суждено было пережить здесь всех и не унаследовать никому”²⁰¹.

В течение зимы супруги Тютчевы приняли твердое решение воспользоваться предстоящим отпуском, чтобы добиться в Петербурге нового назначения. Об этом Эл. Тютчева писала Н. И. Тютчеву 5 декабря 1836 г.: “L’espère qu’en allant à Pétersbourg nous arrangerons cette affaire d’autant plus que depuis quelque temps Nesselrode lui donne des témoignages de bienveillance”^{91*}.

9 февраля 1837 г. в Мюнхен прибыл Мальтиц, а 12 дней спустя, 24 февраля, скончался Гагарин²⁰³. 1 апреля был назначен новый посол²⁰⁴, и теперь уже Тютчева ничто не задерживало. Отпуск был получен, родители прислали денег на дорогу и на уплату долгов. 21 мая 1837 г. Тютчевы покинули Мюнхен, чтобы уже не возвращаться более в этот город. Впереди их ожидал Петербург, где Тютчеву предстояло добиваться нового назначения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Послужной список Тютчева*. Л. 1 об.—2.
- ² “Странная вещь — судьба человеческая! — писал Тютчев родителям в октябре 1840 г. — Надобно же было моей судьбе вооружиться уцелевшею Остермановою рукою, чтобы закинуть меня так далеко от вас!” (*Пигарев*. С. 41; А. И. Остерман-Толстой потерял руку в битве при Кульме в 1813 г).
- ³ Отметим, что за все годы, в течение которых Тютчев числился при Мюнхенской миссии “сверх штата”, его имя ни разу не фигу-

^{91*} “Надеюсь, что в Петербурге мы устроим это, тем более, что с недавнего времени Нессельроде относится к нему весьма благожелательно”²⁰².

рирует в документах, отражающих поступление жалованья чиновникам миссии.

4 Тютчев в дневнике и воспоминаниях М. П. Погодина. Вступ. статья, публ. и комментарии Л. Н. Кузиной // *ЛН-2*. С. 13.

5 Дата отъезда Тютчева из Москвы, а также дата его приезда в отпуск в 1825 г. устанавливаются по записи, сделанной его "дядькой" Н. А. Хлоповым на обороте иконы, завещанной им Тютчеву: "Святаго апостола Варфоломия, день в которой мы с Федором Ивановичем выехали из Москвы в Боварию. 1822-го, июня 11 и возвратились того же месяца и числа 1825-го года" (*ЛН-2*. С. 604; факсимиле).

6 Аксаков. С. 17.

7 Делеши без даты (№ 11); получена 28 июля/9 августа 1828 г. // *Канцелярия КИД*. № 8060. Л. 25 (на франц. яз.); *Пигарев*. С. 41 (перевод).

8 Состав миссии известен из отношения И. И. Воронцова-Дашкова в Министерство иностр. дел Баварии. 1/13 февраля 1823 г. // *Мюнхенская миссия*. № 30. Л. 142–143.

9 Там же.

10 Делеши И. И. Воронцова-Дашкова К. В. Нессельроде за 1823 г.: 30 мая/11 июня (№ 38), 13/25 июня (№ 41), 31 августа/12 сентября (№ 70), 20 сентября/2 октября (№ 72, 73, 75), 5/17 октября (№ 76, 78), 18/30 октября (№ 79) // *Канцелярия КИД*. № 8064. Л. 90, 101, 141, 145, 147, 183, 199, 201, 208.

11 *Пигарев*. С. 49–50.

12 *Мюнхенская миссия*. № 17. Л. 160. 23 февраля/7 марта 1825 г. Тютчеву был разрешен четырехмесячный отпуск (*Послужной список Тютчева*. Л. 2).

13 *Канцелярия КИД*. № 8069. Л. 446–449 (на франц. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 183 (перевод).

14 *Послужной список Тютчева*. Л. 1 об.–2.

15 См. примеч. 5.

16 Эту дату называет посол Вюртемберга в донесении своему королю от 18 февраля 1826 г. (*Гласе А. Тютчев о восстании декабристов* // *ЛН-2*. С. 436). В *Послужном списке Тютчева* дата его возвращения не значится; указано только, что он "на срок явился" (Л. 2). Вероятно, находясь в России, Тютчев ходатайствовал о продлении отпуска и получил его.

17 *Канцелярия КИД*. № 8074. Л. 40, 42.

18 Ответ на ходатайство Воронцова-Дашкова в делах Мюнхенской миссии нами не обнаружен. О его содержании позволяет судить

отношение А. С. Крюденера в Министерство иностранных дел Баварии (6/18 декабря 1826 г.) — в нем перечислен состав Мюнхенской миссии: Чрезвычайный посол и полномочный министр гр. Воронцов-Дашков, секретарь бар. Крюденер, чиновник миссии переводчик С. Бакунин и два атташе — гр. Ржевусский и камер-юнкер Тютчев (*Мюнхенская миссия*. № 31. Л. 31).

¹⁹ Делепеша А. С. Крюденера К. В. Нессельроде. 28 апреля/16 мая 1826 г. // *Канцелярия КИД*. № 8072. Л. 3).

²⁰ Делепеша И. И. Воронцова-Дашкова К. В. Нессельроде. 20 марта/1 апреля 1827 г. // *Канцелярия КИД*. № 8078. Л. 3.

²¹ Делепеша А. С. Крюденера К. В. Нессельроде. 19/31 октября и 26 октября/7 ноября 1827 г. // *Канцелярия КИД*. № 8076. Л. 43, 49.

²² Формулярный список И. А. Потемкина. 1835 // *АВПРИ*. Ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел). Оп. 464 (Формулярные списки чиновников *МИД*). № 2745. Л. 3 об.

²³ *Послужной список Тютчева*. Л. 1 об.—2.

²⁴ *Мюнхенская миссия*. № 18. Л. 137. В то время при составлении отчетности и денежных ведомостей год делили на “трети”: январскую (январь—апрель), майскую (май—август) и сентябрьскую (сентябрь—декабрь).

²⁵ По существовавшим в то время правилам повышение в чине полагалось каждые три года после начала службы чиновников четырех низших классов (XII—IX). Тютчев был зачислен в Коллегию иностранных дел 21 февраля/5 марта 1822 г. (*Послужной список Тютчева*. Л. 1 об.—2), значит, право на следующий чин он получил в феврале 1825 г. Указ о его производстве был подписан через год — 28 марта/10 апреля 1826 г., однако срок службы Тютчева в этом чине считался с февраля 1825 г., что выражалось формулой: “произведен в чин коллежского секретаря со старшинством с 25 февраля 1825 года” (*Послужной список Тютчева*. Л. 1 об.—2). 31 октября/12 ноября 1829 г. Тютчев был произведен в чин титулярного советника с той же формулой: “со старшинством с 25 февраля 1828 г.” (Там же).

²⁶ Аксаков. С. 24.

²⁷ Письмо Тютчева родителям. 15/27 апреля 1837 г. // *Тютчев*. Т. II. С. 24.

²⁸ Делепеша И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 11/23 октября 1828 г. // *Канцелярия КИД*. № 8082. Л. 3.

²⁹ Ср. характеристику, которую дает Потемкину Элеонора Тютчева в связи с его отъездом из Мюнхена: “Никто не мог надеяться на

второй экземпляр Потемкина; думаю, что второго и нет в России” (*Современники о Тютчеве*. С. 188; пер. с фр. яз.).

³⁰ *Канцелярия КИД*. № 8082. Л. 7–9.

³¹ Дешети от 11/23 октября, 21 ноября/3 декабря и 9/21 декабря 1828 г. (№ 2, 11, 12); 1/13 января и 8/20 июня 1829 г. (№ 1 и 21) // *Канцелярия КИД*. № 8082. Л. 7–9, 41, 43; № 8086. Л. 21–21 об., 93.

³² *Канцелярия КИД*. № 8082. Л. 14–18.

³³ *Канцелярия КИД*. № 8086. Л. 4–9, 12–14.

³⁴ Там же. Л. 64–65 об.

³⁵ Там же. Л. 27–29 об.

³⁶ Там же. Л. 48–48 об.

³⁷ Там же. Л. 87–87 об.

³⁸ См. примеч. 31.

³⁹ *Тютчев*. Т. II. С. 36.

⁴⁰ Дешеш И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 8/20 июня 1829 г. № 21 // *Канцелярия КИД*. № 8086. Л. 93.

⁴¹ Дешеш И. А. Потемкина П. Г. Дивову. 9/20 июня 1829 г. // *Мюнхенская миссия*. № 18. Л. 189 (черновик). Ходатайство Потемкина было удовлетворено 31 октября/12 ноября 1829 г. (см. примеч. 25).

⁴² Время отъезда Тютчева определяется приблизительно — на основании дешети об отпуске Потемкина, написанной рукой Тютчева 8/20 июня (*Канцелярия КИД*. № 8086, л. 93). Время его возвращения устанавливается на основании письма П. В. Киреевского А. П. Елагиной от 14/26 сентября 1829 г.: “...вчера ввечеру узнал, что Тютчев, которого прежде не было в Минхене, наконец возвратился (*РГБ*. Елаг. 7.58. Л. 16 об.; см. также: Рус. архив. 1905. № 5. С. 116 — неточный текст).

⁴³ Дешеш И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 21 сентября/3 октября 1829 г. № 37 // *Канцелярия КИД*. № 8086. Л. 107.

⁴⁴ Дешети И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 21 сентября/3 октября и 26 сентября/8 октября 1829 г. № 38 и 39 // *Канцелярия КИД*. № 8086. Л. 109 об. и 111 об. В первой дешети сообщается, что король “сегодня вечером” (“ce soir”) возвращается в Мюнхен после летнего отдыха; во второй — что король принял Потемкина “на следующий день после своего возвращения” (“le lendemain de son arrivée”).

⁴⁵ “Immédiatement après mon audience le Roi, ayant assisté à une fête populaire, qui se célèbre annuellement ici dans les premiers jours d’Octobre, daigna adresser ses compliments les plus gracieux à

- chacun des employés de ma Légation”^{92*} (Депеша И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 26 сентября/8 октября 1829 г. № 39 // *Канцелярия КИД*. № 8086. Л. 112–112 об.). “Октябрьский праздник” (“Oktoberfest”) был установлен королем Максимилианом I в честь бракосочетания кронпринца Людвига (с 1825 г. короля Людвига I) с принцессой Терезой. Праздник быстро стал народной традицией и ежегодно отмечался в Мюнхене на “Лугу Терезы” (Teresienwiese).
- ⁴⁶ Депеша И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 9/21 и 12/24 октября 1829 г. № 43 и 44 // *Канцелярия КИД*. № 8086. Л. 122–122 об. и 124.
- ⁴⁷ Депеша И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 12/24 октября 1829 г. № 45 // *Канцелярия КИД*. № 8086. Л. 128–128 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 129 и 130–131. Установить, в какой газете было напечатано стихотворение короля, не удалось. Перевод Тютчева впервые опубликован в статье К. В. Пигарева “Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России” (Лит. наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 180–181); см. также: *Тютчев Ф. И. Лирика*. М., 1965. Т. II. С. 78–79.
- ⁴⁹ *Тютчев Ф. И. Лирика*. М., 1965. Т. II. С. 348.
- ⁵⁰ Депеша К. В. Нессельроде И. А. Потемкину. 9/21 ноября 1829 г. // *Канцелярия КИД*. № 8087. Л. 30–30 об. (черновик; без номера).
- ⁵¹ Там же. Л. 30 об.
- ⁵² *Тютчев в Мюнхене*. С. 61.
- ⁵³ Письмо К. Пфедфеля Эрн. Дёрнберг. 21 июля 1834 г. // *Мураново*. Ед. хр. 480. Л. 123–124 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 194 (перевод).
- ⁵⁴ Письмо К. Пфедфеля Эрн. Дёрнберг. 26–27 июля 1834 г. // *Мураново*. Ед. хр. 480. Л. 126 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 194 (перевод).
- ⁵⁵ *Пфедфель Карл*. <Заметка о Тютчеве> // *ЛН-2*. С. 32, 34.
- ⁵⁶ Письмо П. В. Киреевского брату Ивану. 12/24 сентября 1829 г. // *Рус. архив*. 1905. № 5. С. 122.
- ⁵⁷ Письмо П. В. Киреевского брату Ивану. 7/19 октября 1829 г. // *Московский вестник*, 1830. Ч. I. № 1. С. 115.

^{92*} “Тотчас после аудиенции, мне данной, Король посетил народный праздник, который ежегодно отмечается здесь в первых числах октября, и там милостиво удостоил своими поздравлениями каждого из чиновников моего Посольства”.

- ⁵⁸ РГБ. 99.8.17. Л. 8 об. См. также: Рус. архив. 1905. № 5. С. 121–122 (немецкая фраза опущена); *Основат А. Л.* Из материалов для биографии Тютчева // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. Т. 45. 1986. № 4. С. 352.
- ⁵⁹ Полный текст обоих документов см.: *Thiersch F.* De l'état actuel de la Grece et des moyens d'arriver à sa restauration. Leipzig, 1833. V. I. P. 308–313.
- ⁶⁰ Geheimes Hausarchiv, München. N. L. Ludwig I, ARO 30 (копия, без даты; цитируется по ксерокопии, любезно предоставленной г-ном Рональдом Лэйном редакции “Литературного наследства” в 1986 г.); *Письма к Тиршу*. С. 541 (перевод).
- ⁶¹ *Lane I.* P. 226 (на фр. яз.); *Письма к Тиршу*. С. 541–542 (на фр. яз. и перевод); *Тютчев*. Т. II. С. 11 (перевод).
- ⁶² Цитированные письма Тирша королю Людвигу и Тютчева Тиршу даты не имеют. Обоснование их датировки см.: *Lane I.* P. 226; *Письма к Тиршу*. С. 542.
- ⁶³ *Thiersch F.* Op. cit. P. 315. Копию этого письма (3 декабря 1829 г.) обнаружил Р. Лэйн (*Lane I.* P. 226).
- ⁶⁴ *Lane I.* P. 227 (на фр. яз.; здесь аббревиатура “sr” (s<avo>r) прочитана как “v”). *Письма к Тиршу*. С. 543 (на фр. яз. и перевод); *Тютчев*. Т. II. С. 11 (перевод).
- ⁶⁵ *Канцелярия КИД*. № 8086. Л. 63.
- ⁶⁶ Там же. Л. 63 об. Письмо Линднера к Нессельроде, приложенное к депеше, не сохранилось. О том, что Фридрих Людвиг Линднер (Lindner) происходит из Курляндии и является русским подданным, Потемкин сообщил в той же депеше (л. 63 об.).
- ⁶⁷ Депеша К. В. Нессельроде И. А. Потемкину. 24 апреля/<6 мая> 1829 г. (б. №) // *Канцелярия КИД*. № 8087. Л. 16 об.–17.
- ⁶⁸ Депеша И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 15/27 октября 1829 г. № 47 // *Канцелярия КИД*. № 8086. Л. 172.
- ⁶⁹ Депеша И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 22 января/3 февраля 1830 г. № 5 // *Канцелярия МИД*. 1830. № 158. Л. 16 об.–17. Цитированный отрывок впервые опубликован Р. Лэйном по копии, обнаруженной им в Bayerisches Hauptstaatsarchiv (*Lane I.* P. 229–230).
- ⁷⁰ *Канцелярия МИД*. 1830. № 158. Л. 17; *Lane I.* P. 229–230.
- ⁷¹ *Lane I.* P. 230 (на фр. яз.); *Письма к Тиршу*. С. 544–545 (на фр. яз. и перевод; цитируем текст письма и его перевод по этому изданию). См. также: *Тютчев*. Т. II. С. 12–13 (перевод в др. редакции).
- ⁷² См. примеч. 69 и 71.

- ⁷³ Определить степень участия Тютчева в составлении этой депеши могла бы графологическая экспертиза. Однако депеша, хранящаяся в *Канцелярии МИД*, написана писарской рукой, что исключает такую возможность. Следовало бы произвести экспертизу черновика, обнаруженного Р. Лейном (он написан разными почерками).
- ⁷⁴ Деша И. А. Потемкина К. В. Нессельроде. 21 февраля/5 марта 1831 г. № 12 // *Канцелярия МИД*. 1831. № 171. Л. 112 об.
- ⁷⁵ Там же. Л. 114 об.
- ⁷⁶ *Основа А. Л.* Новонайденный политический меморандум Тютчева: К истории создания // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 89–115.
- ⁷⁷ Коллекция документальных материалов. № 97. Л. 2 об.
- ⁷⁸ *Канцелярия МИД*. 1830. № 158. Л. 52, 279–281.
- ⁷⁹ Коллекция документальных материалов. № 98. Л. 2–3. Для производства в чин коллежского ассессора (VIII класс по “Табели о рангах”), а также в последующие чины требовалось четыре года выслуги в предыдущем чине. Согласно этому правилу, Тютчев имел право на это производство только с 25 февраля 1832 г. (ср. примеч. 25).
- ⁸⁰ Там же. Л. 2.
- ⁸¹ *Канцелярия МИД*. 1831. № 171. Л. 117–117 об., 58–58 об., 64–65 об., 197–197 об., 200–201 об., 51–51 об., 186–186 об.
- ⁸² Там же. Л. 35–41 об., 106–108 об., 76–79 об., 173–175 об., 224–225, 227–230 об.; *Канцелярия МИД*. 1832. № 169, Л. 4–11 об.
- ⁸³ *Канцелярия МИД*. 1832. № 169. Л. 5 об., 7 об.–8 об.
- ⁸⁴ Тютчев Ф. И. Поли. собр. соч. СПб.: изд. А. Ф. Маркса, <1911>. С. 586 (на фр. яз.).
- ⁸⁵ Там же. С. 589 (на фр. яз.).
- ⁸⁶ Деша № 4 и 8 от 18 февраля/1 марта и 25 февраля/8 марта 1832 г. // *Канцелярия МИД*. 1832. № 169. Л. 46–47 об. и 67–69.
- ⁸⁷ Деша № 6, 16, 25, 26 и 30 от 20 февраля/3 марта, 20 марта/1 апреля, 15/27 мая, 23 мая/4 июня и 8/20 июня 1832 г. // Там же. Л. 55–57 об., 119–121 об., 166–167, 169–171 об., 188–189 об.
- ⁸⁸ Деша № 11 и 32 от 17/29 марта и 18/30 июня 1832 г. // Там же. Л. 87–89 об., 208–210 об.
- ⁸⁹ Деша № 22 от 5/17 апреля 1832 г. // Там же. Л. 159–160.
- ⁹⁰ Деша № 13, 24 и 33 от 19/31 марта, 5/17 мая и 20 июня/2 июля 1832 г. // Там же. Л. 110–111, 164–164 об., 212–212 об.
- ⁹¹ Деша № 4 от 18 февраля/1 марта 1832 г. // Там же. Л. 46 об.
- ⁹² Там же. Л. 47–47 об.
- ⁹³ Там же. Л. 47 об.

- ⁹⁴ Депеша № 18 от 25 февраля/8 марта 1832 г. // Там же. Л. 68 об.
- ⁹⁵ Там же. Л. 68 об. О деятельности Ф. Линднера, заслужившего высочайшее одобрение императора, см. в цитированных выше депешах Потемкина от 5/17 февраля и 15/27 октября 1829 г.
- ⁹⁶ *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. СПб.: изд. А. Ф. Маркса, <1911>. С. 506–508.
- ⁹⁷ История дипломатии. Т. I. М., С. 544.
- ⁹⁸ О подобном предупреждении со стороны главы британского кабинета лорда Пальмерстона идет речь в депеше И. А. Потемкина К. В. Нессельроде от 19 февраля/2 марта 1832 г. (№ 5) // *Канцелярия МИД* 1832. № 169. Л. 51–51 об.
- ⁹⁹ О получении копии этого документа И. А. Потемкин сообщил К. В. Нессельроде 23 мая/4 июня (депеша № 27) // Там же. Л. 173–174.
- ¹⁰⁰ Депеша № 34 // Там же. Л. 215–216.
- ¹⁰¹ *Канцелярия МИД*. 1832. № 169. Л. 220–220 об.
- ¹⁰² Там же. Л. 241–247 об.
- ¹⁰³ Депеша от 7/19 августа (№ 36) и 4/16 сентября (№ 40) // Там же. Л. 227–235, 255–256.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 266–267 об. Тютчев ошибся в нумерации, проставив № 42 вместо № 43.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 278–281.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 274–274 об. и 294–296. Тютчев ошибся в нумерации первой из этих депеш, проставив № 43 вместо № 44.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 307–310. Тютчев ошибся в нумерации этой депеша, проставив № 46 вместо № 47.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 317–319 об.
- ¹⁰⁹ *Канцелярия МИД*. 1833. № 142. Л. 17–17 об., 29–29 об., 45–45 об. и 49–49 об., 54–54 об., 62–63 об., 71–73.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 63 об.
- ¹¹¹ Письмо Тютчева К. В. Нессельроде. 3 ноября 1835 г. // *Гладкова, Лебедев*. С. 151 (на фр. яз.), 154 (перевод).
- ¹¹² Депеша № 12, 20 и 27 от 19/31 марта, 1/13 апреля и 23 мая/4 июня 1832 г. // *Канцелярия МИД*. 1832. № 169. Л. 93–95, 145–147 и 173–175.
- ¹¹³ Коллекция документальных материалов. № 97. Л. 7–11 об., 19. См. также примеч. 79.
- ¹¹⁴ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву. 15 апреля 1833 г. // *Мураново*. Ед. хр. 723. Л. 3 об. (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 187–188 (пер.; неполный текст).

- ¹¹⁵ Послужной список А. С. Крюденера // *АВПРИ*. Ф. 159. Оп. 464. № 1858.
- ¹¹⁶ У Элеоноры Тютчевой было четверо сыновей от первого брака. В 1830 г. два старших сына (Карл и Оттон), при содействии К. В. Нессельроде, были определены на казенный счет в петербургский Морской кадетский корпус (*Канцелярия МИД*. 1830. № 262. Л. 3–10). В 1837 г. туда же был определен младший ее сын Альфред (*Коллекция документальных материалов*. № 108. Л. 1–4). Третий сын (Александр) ввиду слабого здоровья оставался с матерью (*Мюнхенская миссия*. 1832/1834. № 21. Л. 248–248 об.); дальнейшая судьба его неизвестна.
- ¹¹⁷ *Ильсова Т. А.* Минувшим нас повеет и обнимет... // *Наука и жизнь*. 1984. № 7. С. 125.
- ¹¹⁸ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву. 15 апреля 1833 г. // *Мураново*. Ед. хр. 723. Л. 3 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 187 (пер.; неполный текст).
- ¹¹⁹ Там же // *Мураново*. Ед. хр. 723. Л. 3–3 об. (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 187–188 (пер.; неполный текст).
- ¹²⁰ *Коллекция документальных материалов*. № 98. Л. 7–8; *Мюнхенская миссия*. 1832. № 19. Л. 32–33 об. (копия).
- ¹²¹ *Коллекция документальных материалов*. № 98. Л. 19–20 об. (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 186–187 (неполный текст; в др. переводе).
- ¹²² *Мураново*. Ед. хр. 723. Л. 6 об.
- ¹²³ Письмо Тютчева Н. И. Тютчеву. 1 июня 1832 г. // *Письма к брату*. С. 433, 434 (на фр. яз. и в пер.).
- ¹²⁴ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву. 1 июня 1832 г. (приписка к письму Тютчева) // Там же. С. 432, 433 (на фр. яз. и в пер.).
- ¹²⁵ *Письма к брату*. С. 433 (на фр. яз.), 434 (перевод).
- ¹²⁶ Там же. С. 432 (на фр. яз.), 433 (перевод).
- ¹²⁷ Деша Г. И. Гагарина К. В. Нессельроде. № 1. 5/17 июня 1833 г. // *Канцелярия МИД*. 1833. № 142. Л. 83–83 об.
- ¹²⁸ См. об этом в письме Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву от 13 июня 1833 г. (*Современники о Тютчеве*. С. 189).
- ¹²⁹ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву. 13 июня 1833 г. // *Мураново*. Ед. хр. 723. Л. 5 об.–6 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 188–189 (перевод).
- ¹³⁰ *Мураново*. Ед. хр. 723. Л. 6 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 189 (перевод).
- ¹³¹ *Мураново*. Ед. хр. 723. Л. 5 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 188 (перевод).

- ¹³² *Современники о Тютчеве*. С. 190.
- ¹³³ Коллекция документальных материалов. № 98. Л. 11–11 об., 13.
- ¹³⁴ Канцелярия МИД. 1833. № 142. Л. 237–248.
- ¹³⁵ Там же. Л. 244 об.–246 об.
- ¹³⁶ Депеша Г. И. Гагарина К. В. Нессельроде. № 3. 15/27 июля // Канцелярия МИД. 1833. № 142. Л. 91–91 об.
- ¹³⁷ Депеша Г. И. Гагарина К. В. Нессельроде. № 4. 15/27 июля // Канцелярия МИД. 1833. № 142. Л. 97–98 об.; Lane 2. P. 269.
- ¹³⁸ Канцелярия МИД. 1833. № 142. Л. 95; Lane 2. P. 269 (на фр. яз.).
- ¹³⁹ Lane 2. P. 277 (на нем. яз.).
- ¹⁴⁰ Ibid. P. 266 (на фр. яз.).
- ¹⁴¹ Дата отъезда Тютчева указана в депеше английского посла лорда Эрскина от 4 августа 1833 г. // Lane 2. P. 268.
- ¹⁴² Тютчев в Мюнхене. С. 60.
- ¹⁴³ Lane 2. P. 266–267.
- ¹⁴⁴ Ibid. P. 268.
- ¹⁴⁵ Ibid. P. 267.
- ¹⁴⁶ Ibid. P. 267.
- ¹⁴⁷ Ibid. P. 267.
- ¹⁴⁸ Ibid. P. 266, 268.
- ¹⁴⁹ *Современники о Тютчеве*. С. 191 (пер. с фр. яз.)
- ¹⁵⁰ Е. Л. Тютчева страдала приступами тяжелой депрессии.
- ¹⁵¹ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву 10 сентября 1833 г. // *Современники о Тютчеве*. С. 191 (пер. с фр. яз.).
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Депеша Гассера королю Людовику. 7 октября 1833 г. // Lane 2. P. 276 (на нем. яз.); Глассе. С. 447 (пер.).
- ¹⁵⁴ Депеша французского консула в Триесте министру иностр. дел. Франции. 3 сентября 1833 г. // Lane 2. P. 271.
- ¹⁵⁵ Депеша Гассера королю Людовику. 7 октября 1833 г. // Lane 2. P. 271 (на нем. яз.); Глассе. С. 447 (пер.).
- ¹⁵⁶ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву. 10 сентября 1833 г. // *Современники о Тютчеве*. С. 191 (пер. с фр. яз.).
- ¹⁵⁷ Депеша Гассера королю Людовику. 7 октября 1833 г. // Lane 2. P. 273 (на нем. яз.); Глассе. С. 450 (пер.).
- ¹⁵⁸ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву. 23 сентября 1833 г. // *Современники о Тютчеве*. С. 192 (пер. с фр. яз.).
- ¹⁵⁹ Депеша Г. А. Катакази Г. И. Гагарину. 26 сентября/8 октября 1833 г. // Канцелярия МИД. 1833. № 83. Л. 234; *Allgemeine Zeitung*. 1833. 12 November. N 316. Beilage. S. 1264.

- ¹⁶⁰ Депеша Г. А. Катакази К. В. Нессельроде. 30 сентября/12 октября 1833 г. // *Канцелярия МИД*. 1833. № 83. Л. 225 об.
- ¹⁶¹ "... segelte die Korvette mit Hrn. v. Gasser und seinen Gattin, so wie mit Familien des Grafen v. Armansperg am 20 Nachts nach Maraphonis ab"^{93*} (*Allgemeine Zeitung*. 1833. 12 November. N 316. Beilage. S. 1264).
- ¹⁶² Депеша Г. А. Катакази К. В. Нессельроде. 30 сентября/<12 октября> 1833 г. // *Канцелярия МИД*. 1833. № 83. Л. 231.
- ¹⁶³ Депеша Г. А. Катакази Г. И. Гагарину. 26 сентября/8 октября 1833 г. // *Канцелярия МИД*. 1833. № 83. Л. 234–234 об. (копия).
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 233–233 об.
- ¹⁶⁵ Депеша Гассера королю Людвигу. 7 октября 1833 г. // *Lane* 2. P. 272 (на нем. яз.); *Глассе*. С. 450 (пер.).
- ¹⁶⁶ *Allgemeine Zeitung*. 1833. 12 November. № 316. Beilage. S. 1264; 9 November. N 313. Beilage. S. 1252.
- ¹⁶⁷ Депеша Г. А. Катакази К. В. Нессельроде. 30 сентября/<12 октября> 1833 г. *Канцелярия МИД*. 1833. № 83. Л. 231–231 об.
- ¹⁶⁸ Депеша Г. А. Катакази Г. И. Гагарину. 31 октября/12 ноября 1833 г. // *Мюнхенская миссия*. 1833. № 29. Л. 263.
- ¹⁶⁹ *Allgemeine Zeitung*. 1833. 12 November. N 316. Beilage. S. 1264.
- ¹⁷⁰ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву. 1/13 января 1834 г. // *Современники о Тютчеве*. С. 193.
- ¹⁷¹ Письмо короля Людвигу королю Оттону. 14 ноября 1833 г. // *Lane* 2. P. 277 (на нем. яз.); *Глассе*. С. 450 (пер.).
- ¹⁷² *Lane* 2. P. 272.
- ¹⁷³ *Ibid*. P. 274.
- ¹⁷⁴ *Ibid*. P. 274.
- ¹⁷⁵ *Ibid*. P. 274.
- ¹⁷⁶ Анализ содержания этой депешы см.: *Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России* // *Лит. наследство*. Т. 19–21. М., 1935. С. 182.
- ¹⁷⁷ Изв. АН СССР по рус. яз. и словесности. 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 529 (на фр. яз.) и 533 (пер.); *Тютчев Ф. И. Стихотворения*. М., 1935 (пер.).
- ¹⁷⁸ *Пигарев К. В.* Указ. ст. С. 182.
- ¹⁷⁹ *Тютчев в Мюнхене*. С. 60.

^{93*} "... в ночь на 20-е корвет отплыл в Марафон, имея на борту г-на Гассера с супругой и семью Графа Армансперга".

- ¹⁸⁰ Депеши Г. И. Гагарина К. В. Нессельроде. 14/26 декабря и 25 декабря 1833 /6 января 1834 г. // *Канцелярия МИД.* 1833. № 142. Л. 135–136; 1834. № 135. Л. 3–4.
- ¹⁸¹ Дешеша Г. И. Гагарина А. Х. Ливену. 13/25 октября 1835 г. // *Канцелярия МИД.* 1835. № 149. Л. 98–99.
- ¹⁸² Мураново. Ед. хр. 723. Л. 13 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве.* С. 191 (пер.).
- ¹⁸³ Об этом пишет К. Пфеффель Эрн. Дёрнберг 23 октября 1833 г. — *Мураново.* Ед. хр. 480. Л. 71.
- ¹⁸⁴ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву. 13 января 1834 г. // *Мураново.* Ед. хр. 723. Л. 15 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве.* С. 193 (пер.).
- ¹⁸⁵ Там же // *Мураново.* Ед. хр. 723. Л. 16 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве.* С. 193 (пер.).
- ¹⁸⁶ Дешеша Г. И. Гагарина К. В. Нессельроде. 24 ноября/6 декабря 1834 г. // *Коллекция документальных материалов.* № 102. Л. 1–1 об. (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве.* С. 194 (перевод).
- ¹⁸⁷ Письмо Эл. Тютчевой Н. И. Тютчеву. 13 января 1834 г. // *Современники о Тютчеве.* С. 193 (пер. с фр. яз.).
- ¹⁸⁸ *Гладкова, Лебедев.* С. 156.
- ¹⁸⁹ Вся дипломатическая почта за 1834 г. адресована лично Нессельроде (см. напр.: *Канцелярия МИД.* 1834. № 135), тогда как обычно в его отсутствие она адресовалась лицам, его в это время замещавшим. — П. Г. Дивову или А. Х. Ливену. В период с 25 июня/7 июля по 14/26 октября 1835 г. дипломатическая почта адресована А. Х. Ливену (см. напр.: *Канцелярия МИД.* 1835. № 149).
- ¹⁹⁰ *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 83. См. также примеч. 191.
- ¹⁹¹ 3/15 октября 1835 г. Г. И. Гагарин возвратился в Мюнхен после четырехмесячного отпуска; на обратном пути он остановился в Дрездене, где встретился с Нессельроде, который возвращался из Теплица в Петербург (об этом сообщается в депеше Гагарина А. Х. Ливену от 14/26 октября. — *Канцелярия МИД.* 1835. № 149. Л. 96–97). По-видимому, тогда же Нессельроде сообщил ему новость о назначении Крюденера.
- ¹⁹² *Гладкова, Лебедев.* С. 150 (на фр. яз.), 153 (пер.).
- ¹⁹³ Там же. С. 151–152 (на фр. яз.); 153 (перевод).
- ¹⁹⁴ Там же. С. 160 (на фр. яз.), 161 (перевод).
- ¹⁹⁵ Письмо Тютчева И. С. Гагарину. 2 мая/<20 апреля> 1836 г. // *ЛН-1.* С. 505 (на фр. яз.), 507 (перевод).
- ¹⁹⁶ Там же. С. 505 (на фр. яз.); 507–508 (перевод).

- ¹⁹⁷ Коллекция документальных материалов. № 102. Л. 2 (на фр. яз.); *Современники о Тютчеве*. С. 194 (перевод).
- ¹⁹⁸ Коллекция документальных материалов. № 98. Л. 3.
- ¹⁹⁹ Донесение Тютчева в Департамент Хозяйственных и Счетных Дел. 1/13 июля 1836 г. // *Мюнхенская миссия*. № 55. Л. 35.
- ²⁰⁰ Деша Г. И. Гагарина К. В. Нессельроде. 27 августа/8 сентября 1836 г. // *Канцелярия МИД*. 1836. № 145. Л. 50; письмо Тютчева родителям. 31 декабря 1836 г./12 января 1837 г. // *Тютчев*. Т. II. С. 22.
- ²⁰¹ Тютчев. Т. II. С. 22.
- ²⁰² Мураново. Ед. хр. 723. Л. 29 об. (на фр. яз.).
- ²⁰³ Деша А. П. Мальтица К. В. Нессельроде. 12/24 февраля 1837 г. // *Канцелярия МИД*. 1837. № 143. Л. 2.
- ²⁰⁴ Деша К. В. Нессельроде Ап. П. Мальтицу. 20 марта/<1 апреля> 1837 г. // *Канцелярия МИД*. 1837. № 143. Л. 123–123 об.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ: Архив Внешней Политики Российской Империи (Министерство Иностранных дел), Москва.

Аксаков: Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886.

Гладкова, Лебедев: Письма Ф. И. Тютчева к графу К. В. Нессельроде. Публ. Л. В. Гладковой и Е. Н. Лебедева. Пер. с франц. Л. В. Гладковой. Вступ. ст. и комм. Е. Н. Лебедева // Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений. М., 1995.

Канцелярия КИД: АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 468 (Канцелярия Коллегии иностранных дел).

Канцелярия МИД: АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 469 (Канцелярия Министерства иностранных дел).

Коллекция документальных материалов: Коллекция документальных материалов на отдельных писателей, путешественников и обществ. деятелей // АВПРИ. Ф. 339. Оп. 976.

ЛН-Г: Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988.

ЛН-2: Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. М., 1989 (дата на титуле ошибочна; книга вышла в 1991 г.).

Мураново: Мемориальный архив Музея-усадьбы “Мураново”. Ф. 1 (Ф. И. Тютчев). Оп. 1.

Мюнхенская миссия: АВПРИ. Оп. 522. Ф. 186. Мюнхенская миссия.

- Пигарев: Пигарев К. В. Жизнь и творчество Ф. И. Тютчева.* М., 1962.
- Письма к брату:* Письма Тютчева к Н. И. Тютчеву. Публ. К. В. Пигарева. Комм. Л. Н. Кузиной // ЛН-1. С. 431–439.
- Письма к Тиршу:* Письма Тютчева к Ф. Тиршу. Публ. К. В. Пигарева. Комм. Л. Н. Кузиной // ЛН-1. С. 524–534.
- Послужной список Тютчева:* Послужной список колл. советника Федора Тютчева. 1845 // *Коллекция документальных материалов.* № 99.
- РГБ:* Российская государств. библиотека (Отдел рукописей), Москва.
- Современники о Тютчеве:* Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников. Публ. К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азадовского, А. Л. Осповата и В. Н. Сажина. Комм. Т. Г. Динесман при участии А. Л. Осповата // ЛН-2. С. 171–434.
- Тютчев: Тютчев Ф. И. Сочинения в двух томах.* М., 1984. Т. II. Письма. Сост., подгот. текста Л. Н. Кузиной. Комм. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева.
- Тютчев в Мюнхене:* Тютчев в Мюнхене (Из переписки И. С. Гагарина с А. Н. Бахметевой и И. С. Аксаковым). Вступ. ст., публ. и коммент. А. Л. Осповата // ЛН-2. С. 38–62.
- Allgemeine Zeitung: Augsburg Allgemeine Zeitung.*
- Lane 1: Lane R. Ch. Four Unpublished Letters of Tjutčev to F. Thiersch (1829–1840).* // *Jahrbücher für Geschichte Ost Europas.* 1984. Bd. 32. Hf. 2. Stuttgart. S. 224–233.
- Lane 2: Lane R. Ch. Tjutčev's Mission to Greece (1833). According to diplomate Documents.* // *Russian Literature.* V. XXIII. 1988. P. 265–280.

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору “Всеобщей газеты” <Россия и Германия>

Перевод с французского В. Мильчиной

Публикация В. Мильчиной и А. Осповата

Вступительная заметка А. Осповата

Полноценное изучение политических сочинений Тютчева в значительной степени затруднено отсутствием научного комментария к этому франкоязычному разделу его наследия. В свою очередь, задачу комментатора, рассчитывающего прежде всего на отечественную аудиторию, заметно усложняют ненадежность, а подчас и невнятность существующих переводов. (Показательно, что авторы основополагающих для нашей отрасли трудов использовали при цитировании тютчевских пассажей собственные переводы (см.: [Аксаков 1886: 123 *passim*; Пигарев 1962: 116 *passim*]). Пожелание заново перевести и более или менее развернуто откомментировать хотя бы одно из этих сочинений не раз высказывалось в середине 1980-х гг., когда Ю. М. Лотман начал формировать портфель возобновляемого после долгого перерыва «Тютчевского сборника», однако по разного рода причинам этот план не мог тогда реализоваться.

Теперь вниманию читателей предлагается новый перевод статьи 1844 г., ближайшим образом связанной с недавно обнаруженным тютчевским меморандумом 1845 г. [Осповат, Мильчина 1992: 89–115]. Комментарий к публикуемому тексту см. ниже — С. 227–263).

Незадолго до смерти, в ноябре или декабре 1872 г., Тютчев передал П. И. Бартеневу рукописи трех своих политических сочинений, прежде анонимно напечатанных в Германии и Франции под заголовками «Lettre à Monsieur le D-r Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle» (1844), «Mémoire présenté à l'Empereur Nicolas depuis la révolution de février, par un russe employé supérieur des affaires étrangères» (1849) и «La Papauté et la question romaine, au point de vue de Saint-Petersbourg» (1850)². По каким-то причинам (возможно, что и намеренно) издатель «Русского архива» не был уведомлен о первых

публикациях полученных статей: когда же, вернувшись из столицы в Москву, он ознакомил с ними И. С. Аксакова (зятя и ближайшего единомышленника поэта), тот вспомнил, что позднейшая из этого списка печаталась в «Revue des Deux Mondes», и сразу адресовался к автору (в письме от 16 декабря 1872 г.): «... а две другие были ли где напечатаны?» [Осват, Рогинский 1989: 497]). Вопрос остался без ответа: в новогоднюю ночь Тютчев перенес сильнейший инсульт, и при его свидании с Аксаковым (в самом начале января 1873 г.) речь шла о вещах совсем иного рода (см. [ЛН. Т. 97. Кн. 2: 422, примеч. 2 и 3]).

Между тем Бартенев начал готовить тютчевские статьи к печати, причем открыл эту билингвальную серию первой публикацией «Письма о цензуре в России» (1857; в оригинале: «Lettre sur la censure en Russie») [РА. 1873. № 4: 607–620; 620–633] — текста, который не входил в сформированный автором корпус³. В следующей журнальной книжке была помещена вторая по хронологии статья [РА. 1873. № 5: 895–912; 912–930, под редакторским заголовком «La Russie et révolution / Россия и революция»], а в октябрьской, спустя несколько месяцев после смерти автора, здесь увидел свет самый ранний из переданных Бартенеvu текстов — тот, что составляет сейчас предмет нашего интереса. Статья же «La Papauté et la question romaine, au point de vue de Saint-Petersbourg» появилась через тринадцать лет и лишь в переводе («Папство и римский вопрос с русской точки зрения») [РА. 1886. № 5: 35–51].

Публикуя статью 1844 г. — в оригинале и русском переводе (Ф. И. Тимирязева) [РА. 1873. № 10: 1993–2019; 2019–2042; общий заголовок «Подлинник письма Ф. И. Тютчева к Густаву Кольбу»], — Бартенев оговорил, что ему неизвестно, была ли она ранее «обнародована во французском подлиннике» [Там же: 1993], дал тютчевскому тексту редакторское название «La Russie et l'Allemagne» / «Россия и Германия» и купировал вступительные строки, обращенные непосредственно к редактору аугсбургской «Всеобщей газеты»⁴. Огрехи первой публикации вскоре были устранены. Аксаков, в распоряжение которого перешли материалы семейного архива, хранившегося у Эрн. Ф. Тютчевой, как и находившиеся у Бартенева тютчевские манускрипты, на страницах своего биографического труда восстановил преамбулу статьи 1844 г. и ее подлинное название [Аксаков 1874:

³ Здесь и далее все даты приводятся по стилю, используемому в источнике. Это относится также к статье А. Л. Освата «Элементы политической мифологии Тютчева».

39, 146–147; Аксаков 1886: 30; 122–123], а также привел письмо Тютчева от 29 октября 1844 г., документировавшее факт публикации брошюры летом 1844 г. [Аксаков 1874: 39–40; Аксаков 1886: 30–31]⁵.

С учетом этих исправлений публикация в «Русском архиве» стала источником, по которому текст и перевод статьи 1844 г. воспроизводились во всех посмертных изданиях Тютчева (перечень см. [Королева, Николаев 1978: 8–9, 43; Лэйн 1987: 62–63]), включая однотомник под редакцией П. В. Быкова, неоднократно перепечатававшийся в начале 1910-х гг. (см. [ПСС: 279–295; 333–343]; ср. новейший репринт [Тютчев 1976: 7–31; 95–117]). В свою очередь, по тексту ПСС осуществляются републикации последних лет (см., напр., [Рус. идея: 92–103]), в том числе и перевод на английский язык [Zeldin 1973: 159–175]. Излишне говорить, что такая практика оставила *editio princeps* вне сферы исследовательского внимания.

Между тем сличение обоих источников — изданной Тютчевым брошюры под указанным выше названием (Munich, 1844) и публикации в «Русском архиве» 1873 г., дополненной Аксаковым (далее: *Бр* и *РА*), позволяет, с одной стороны, установить довольно большую степень близости представленных в них текстов, а с другой — выявить целый ряд разночтений. Последние могут быть распределены по трем условным группам. Во-первых, это казусы неисправного набора французского текста, встречающиеся как в *Бр* (см. абзац [10] и примеч. 1), так и в *РА* (см. абзац [11] примеч. 2); сюда же относится опечатка в дате, которая в *РА* обесмысливает пассаж о внешней политике Июльской монархии во Франции (см. абзац [28] и примеч. 10). Во-вторых, это разночтения чисто стилистического характера (см. абзац [24] и примеч. 3, абзац [25] и примеч. 4, абзац [27] и примеч. 6–7, абзац [30] и примеч. 13). В-третьих же, это те случаи, когда наиболее острые и сомнительные формулировки в *Бр*, очевидно, подверглись сторонней (или автоцензурной) правке (см.: «Недаром в высказываниях [и устремлениях] ваших журналистов заметна некая неосмотрительность...» — абзац [30] и примеч. 11; «... все это <...> не помешало нам <...> защищать вас в тех случаях, когда под угрозой оказывалась ваша независимость [ваша национальная самобытность]» — абзац [32] и примеч. 12; ср. также абзац [26] и примеч. 5, абзац [27] и примеч. 8).

Так как Бартенев с полным основанием употребил в заголовке публикации термин «подлинник» («руку самого Ф<едора> Ивановича» относительно этого манускрипта удостоверял Аксаков [1874: 40; 1886: 31]), вполне вероятной кажется гипотеза о том, что Тютчев

передал ему именно тот (ныне утраченный) автограф, по которому осуществлялось издание 1844 г. (Ситуация, которая могла бы подвигнуть Тютчева на изготовление собственноручной копии со своей довольно пространной статьи, выглядит почти неправдоподобной.) Что же касается наращений и сокращений текста, составляющих вторую и третью группы разночтений, то о времени их появления в рукописи можно лишь строить догадки. На наш взгляд, они тяготеют скорее к нижнему хронологическому пределу, и во всяком случае импульс к этой авторедактуре отнюдь не связан с намеченной у Бартенева публикацией.

В этой связи необходимо коснуться некоторых результатов разведки, проведенной К. Ю. Роговым в архиве М. П. Погодина. Отложившиеся здесь «однотипные» по изготовлению писарские копии тютчевской статьи 1844 г. [ОР РГБ. Ф. 231/III. Карт. 17. № 45; далее *Рук*] и его конфиденциального меморандума 1845 г. [Там же. Карт. 17. № 41] К. Ю. Рогов очень аккуратно соотносит с дневниковой записью Погодина от 15 июня 1845 г., из которой следует, что Тютчев «привез» ему два своих «мемуара» — т.е. оба названных текста [наст. изд. с. 92]. Мы разделяем подобную осторожность. Если тот факт, что Тютчев сообщил Погодину копию неопубликованного меморандума, выглядит совершенно естественным, то передача *Рук* вызывает недоумение: автору проще было бы подарить экземпляр самой брошюры, а не специально заказывать для Погодина копию. Конечно, возникает соблазн объяснить этот шаг Тютчева его гипотетическими претензиями к мюнхенскому изданию, взамен которого он предоставил Погодину копию, снятую с аутентичного текста, но анализ *Рук* не располагает к столь решительному выводу. Происхождение *Рук*, вообще говоря, остается неясным — текст в целом гораздо ближе к *РА*, но имеет отличия как от *Бр*, так и от *РА* (см. абзац [11] и примеч. 2, абзац [27] и примеч. 9) и, кроме того, оставляет впечатление незавершенности (к некоторым словам и выражениям в скобках даны незачеркнутые варианты, причем иногда не меняющие, а иногда меняющие смысл). Вместе с тем нельзя исключать, что в ходе дальнейших разысканий статус *Рук* как источника будет уточнен.

В профессиональных нуждах тютчеведения перевод статьи сделан по тексту *Бр*. В текстологических примечаниях, которые фиксируют разночтения с *РА* и *Рук*, соответствующие фрагменты приведены во французском оригинале (см. с. 225–226 наст. изд.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Список источников и литературы, общий для данной заметки и статьи «Элементы политической мифологии Тютчева», см. ниже на с. 259 и далее.
- ² Полное библиографическое описание этих публикаций см. [Лэйн 1987: 61].
- ³ Прямым или косвенным инициатором публикации этого сочинения был Аксаков, который в цитированном письме запрашивал Тютчева: «Но я помню, что я читал еще вашу рукопись когда-то о цензуре. Где она, и этим ли ограничивается собрание ваших рукописей?» [Осват, Рогинский 1989: 497].
- ⁴ Текст здесь начинался со слов: «Le livre de M. de Custine est un témoignage de plus de ce dévergondage de l'esprit...» (т.е. с третьей фразы четвертого абзаца нашей публикации).
- ⁵ Впрочем, работая над биографией Тютчева, Аксаков не был знаком с этим изданием *de visu* и допускал, что под «брошюрой» автор разумеет газетную публикацию [Аксаков 1874: 39; Аксаков 1886: 31]. Строго говоря, неизвестно, держал ли он вообще в руках экземпляр 1844 г., но уже в тот момент, когда его труд вышел в свет, Аксаков упоминает (в письме И. С. Гагарину от 7 ноября 1874 г.) о брошюре Тютчева в точном смысле этого слова [ЛН. Т. 97. Кн. 2: 50].

Господин редактор,

[1] интерес ваш к замечаниям, которые я недавно осмелился предложить вашему вниманию, а также высказанные вами на сей счет умеренные и здравые соображения, внушили мне одну неожиданную мысль*. Не попробовать ли нам, подумал я, обратиться к самому существу дела?

[2] Я не имею чести знать вас лично; итак, милостивый государь, я обращаюсь не столько к вам, сколько ко «Всеобщей Аугсбургской газете», а она, на мой взгляд, для нынешней Германии не просто газета, но первая из трибун политических... Будь Германия, к своему счастью, *единой*, правительство ее имело бы все основания превратить эту газету в офици-

* См. «Всеобщую газету» от 21 марта сего года. В РА, Рук это примечание отсутствует.

ального глашатая своих убеждений. Вот почему я адресуюсь к вам.

[3] Я уже имел честь доложить вам, что я русский, русский сердцем и душой; я глубоко предан своему отечеству, живу в согласии со своим правительством и, вдобавок, обладаю положением независимым. Итак, мнения, которые я постараюсь выразить, суть мнения русские, но *свободные* и совершенно *бескорыстные*... Поймите меня правильно, милостивый государь: письмо мое обращено более к вам, нежели к публике. Однако вы можете распорядиться им так, как будет вам угодно. До публичности мне дела нет. У меня так же мало оснований избегать ее, как и стремиться к ней...

[4] И еще одно предупреждение: не бойтесь, милостивый государь, что я, по примеру других русских, в свой черед пушусь в жалкие споры по поводу явившегося недавно жалкого памфлета. Нет, милостивый государь, это все несерьезно... Книга г-на де Кюстина — лишнее свидетельство того бесстыдства ума, той умственной распушенности, какие составляют характеристическую черту нашей эпохи, прежде всего во Франции, и приводят к тому, что иные авторы позволяют себе толковать о предметах самых серьезных и самых возвышенных, основываясь не столько на доводах разума, сколько на показаниях раздраженных нервов, позволяют себе судить о целом мире с таким легкомыслием, с каким прежде не дерзнули бы разбирать водевиль. Что же касается до противников г-на де Кюстина, до так называемых защитников России, они, спору нет, куда более искренни, но, увы, совсем глупы. Они напоминают мне людей, которые от чрезмерного усердия поспешили бы открыть зонтик, дабы защитить от солнечного зноя вершину Монблана... Нет, милостивый государь, апологии России вы в моем письме не найдете. Апология России!.. О Господи, этим занимается Мастер, который знает свое дело лучше, чем все мы вместе взятые, и до сих пор он, на мой взгляд, славно справлялся со своею задачей. Истинную апологию России пишет История, с чьєю помощью Россия вот уже три столетия выигрывает все тяжбы, какие ей уготовила неисповедимая судьба... Обращаясь к вам, милостивый государь,

желаю я говорить о вас, о вашем отечестве, о насущнейших, очевиднейших его интересах, если же я поведу речь также и о России, то лишь постольку, поскольку с нею связано ближайшее будущее Германии.

[5] Мне известно, что никогда еще немецкие умы не были так сильно озабочены великим вопросом германского единства, как в наши дни. Так вот, милостивый государь, очень ли я удивлю вас, — зоркого часового, несущего службу на передовой линии, — если скажу, что, присмотревшись получше к этому общему расположению умов, наблюдатель сколько-нибудь внимательный смог бы заметить в нем ростки таких устремлений, которые, развейся они в полную силу, подвергли бы ужасной опасности то единство, о котором нынче, кажется, так пекутся все в Германии... Особенною же опасностью чревато одно из этих устремлений... Хотя предметы, которых я касаюсь, всем известны, однако же, приступая к ним, вынужден я коснуться вопросов животрепещущих; впрочем, я верю, что в наши дни, как и в Средние века, тот, чьи руки чисты, а намерения прямы, может без боязни прикасаться к чему бы то ни было...

[6] Вы знаете, милостивый государь, каковы те отношения, что вот уже тридцать лет связывают правительства всех германских государств, больших и малых, с Россией. Я не говорю теперь о том, как смотрят на эти отношения люди тех или иных убеждений, той или иной партии. Я говорю о фактах... Факты же заключаются в том, что никогда еще отношения эти не были так дружественны, так тесны, никогда еще между этими различными правительствами и Россией не царилосогласие столь чистосердечное... Всякому, кто живет на почве действительности, а не в мире фраз, ясно, что такая политика есть истинная и законная политика Германии, обычная ее политика и что правители германских государств, поддерживая эту великую традицию, сложившуюся у вас в пору вашего обновления, повиновались не чему иному, как голосу самого просвещенного патриотизма... Впрочем, милостивый государь, повторю еще раз, я нимало не притязаю на роль чудотворца, я не притязаю на то, чтобы внушить мои мнения всем вокруг и

прежде всего тем людям, которые принимают эти мнения как личного своего врага. Потому-то речь у нас теперь идет не о мнениях, речь идет о факте, факт же, я полагаю, столь очевиден и ощутителен, что сомневаться в нем не приходится...

[7] Надобно ли мне, милостивый государь, напоминать вам, что рядом с названным политическим направлением ваших правительств и наперекор ему действуют устремления противоположные, что вот уже десяток лет целый ряд людей неустанно старается привить немцам в отношении России взгляды совсем иного свойства? Теперь не время входить в подобное рассмотрение всех тех упреков и обвинений, какие эти люди постоянно предъявляют России с упорством поистине удивительным. Сейчас меня волнует только результат, к какому они пришли. Результат же этот, надо признать, неутешителен, но в своем роде совершенен. Работники потрудились на славу... Та самая держава, которую великое поколение 1813 года приветствовало с благодарным восторгом, та держава, которая тридцать лет подряд была народу и правителям Германии верной союзницей, другом деятельным и бескорыстным, ныне, благодаря песням, которые с колыбели слушало поколение нынешнее, кажется многим немцам пугалом, и взрослые умы нашего времени, охотно впадая в детство, с глупым простодушием радуются сказкам про людоеда XIX века, роль которого неизменно исполняет Россия.

[8] Да, именно так все и обстоит. Должно быть, врагам России мои признания доставят удовольствие; однако я сказал еще не все и, с их позволения, продолжу...

[9] Итак, перед нами два устремления решительно противоположных. Разлад между ними явственен и с каждым днем лишь усугубляется... По одну сторону — германские государи и кабинеты с их серьезной и обдуманной политикой, по другую — другой государь нашего времени, общественное мнение, блуждающее без руля и без ветрил. — Позвольте мне, милостивый государь, спросить у вас как у человека просвещенного и любящего свою родину: что думаете вы о подобной расстановке сил? Какие последствия, какие выгоды сулит она, по-вашему, Германии? Поймите, только о Германии и идет

здесь дело... О Господи, знай ваши соотечественники, как мало трогают Россию их яростные нападки, быть может, это заставило бы призадуматься даже самых заклятых наших врагов...

[10] Несомненно, что до тех пор, пока в Европе будет царить мир, разлад, о котором мы говорим, не будет иметь последствий серьезных и ощутительных. Болезнь не выйдет наружу¹. Правительства, само собой разумеется, не станут менять направления, не станут переворачивать вверх дном всю внешнюю политику Германии ради того, чтобы угодить горстке людей с фанатическими убеждениями и путаными мыслями. Однако те, движимые чувством противоречия, устремятся, не зная никакой меры, вспять от идей, ими осуждаемых, и, продолжая толковать о единстве Германии, не сводя с Германии глаз, приблизятся, — с позволения сказать, попятным курсом, — к роковой черте, к краю бездны, в которую ваша страна ниспровергалась не единожды. Я знаю, милостивый государь, что до тех пор, пока нам удастся сохранять мир, опасность, на которую я указываю, останется игрой воображения... Но стоит наступить кризису, тому кризису, предчувствием которого охвачена теперь вся Европа, стоит разразиться той буре, которая в несколько часов обнажает все, что таилось под спудом, доводит все тенденции до крайнего их выражения, исторгает последнее слово у представителей всех партий, людей всех убеждений... Что же, милостивый государь, произойдет тогда?

[11] Неужели правда, что над нациями даже в большей степени, нежели над отдельными лицами, тяготеет неумолимый, неотвратимый рок?... Надобно ли полагать, что они увлекаются стремлениями, против которых бессильна вся их воля, весь их разум, что в них гнездятся болезни органические, с которыми не справиться никаким врачам, никаким диетам?... Неужели к числу таких стремлений принадлежит и та ужасная страсть к раздорам, которая, словно гибельный феникс, возрождалась во все великие эпохи, выпадавшие на долю вашего благородного отечества? Стремление это, которое выразилось в Средние века в безбожной, антихристианской схватке Священства и Им-

перии, стало причиной отцеубийственной войны между императором и князьями, а затем, на некоторое время ослабнув из-за упадка Германии, обрело новые силы и новую молодость благодаря Реформации, получив от нее форму окончательную и как бы освященную законом², так что носители его приняли за дело с невиданным прежде рвением, становясь под всевозможные знамена, усваивая всевозможные лозунги, меняя имена, но не суть до тех пор, пока не наступила пора окончательного кризиса, пора Тридцатилетней войны, и людям этим не пришлось призвать на помощь иностранцев, сначала Швецию, а затем заклятого врага, Францию, и заключить союз, который позволил им в течение менее чем двух столетий довершить ту гибельную миссию, какая была на них возложена.

[12] Страшные воспоминания, сударь. Неужели их одних не довольно для того, чтобы всякое предвестие вражды, грозящей расколоть ваше отечество, рождало в вашей душе тревогу? Неужели можете вы не испытывать ужаса, предчувствуя, что страну вашу вот-вот поразит старый, страшный недуг?

[13] Последние три десятилетия должны, вне всякого сомнения, быть отнесены к числу прекраснейших эпох вашей истории. С тех пор, когда Германией правили великие императоры Салической династии, никогда еще не переживала она столь прекрасного расцвета. Впервые за много столетий принадлежит она столь безраздельно себе самой, ощущает себя столь *единой*, столь германской. Впервые за много столетий пребывает по отношению к вечной своей сопернице в положении столь выгодном, столь завидном. Она разбила противницу по всем пунктам. Судите сами: по ту сторону Альп прославленные из ваших императоров никогда не обладали властью более действительной, нежели та, какую обладает там теперь немецкая держава. Рейн вновь сделался немецким сердцем и душою. Бельгия, которой последнее европейское потрясение, казалось, судило броситься в объятия Франции, замерла на краю бездны и теперь явственно поворачивается в вашу сторону; Бургундский округ возрождается. Голландия рано или поздно непременно возвратится под вашу сень. Итак,

вот каков оказался окончательный исход великой схватки между Францией и вами, начавшейся более двух столетий назад. Вы победили решительно и бесповоротно, последнее слово осталось за вами. — И тем не менее, согласитесь: тот, кто участвовал в этой борьбе с самого начала, тот, кому ведомы все ее этапы, все превратности, какими сопровождалась она вплоть до наступления дня главного, решающего, с трудом мог бы предвидеть подобный исход. Внешние обстоятельства говорили не в вашу пользу. Шансы были не на вашей стороне. Начиная с конца Средневековья, могущество Франции не переставало возрастать, хотя порою рост этот и замедлялся; Франция накапливала силы и приводила их в порядок, Империя же в это время по причине религиозного раскола вступила в последний период своего существования, период узаконенного беспорядка... Сами победы, вами одерживаемые, не приносили вам никакой пользы, ибо не могли остановить внутренний распад, а подчас и ускоряли его течение. При Людовике XIV, несмотря на неудачи великого короля, Франция восторжествовала. Она подчинила Германию своему безраздельному господству. Наконец наступила Революция, которая, лишив французскую нацию последних воспоминаний о ее истоках, о ее германских корнях, сообщив Франции характер сугубо романский, бросила Германии, бросила самому принципу ее существования последний вызов, вступила с нею в смертный бой. — И вот, в ту самую пору, когда коронованный солдат этой Революции представил пародию империи Карла Великого на обломках империи подлинной, и, в довершение всех прежних унижений, заставил участвовать в этом представлении и Германию, в эту пору, в этот последний час неожиданная перипетия внезапно придала делу совсем новый оборот.

[14] Как же произошла эта чудесная перипетия? Кому и чему обязана ею Германия?.. Она обязана ею появлению на западноевропейском театре военных действий третьей силы, — третьей силы, которая являла собою целый мир...

[15] Здесь, милостивый государь, мне придется, ясности ради, сделать короткое отступление. Нынче много толкуют о России. Она вызывает жгучее, тревожное любопытство. Ясно,

что она сделалась одним из предметов, какими в первую очередь и занят наш век, однако в отличие от прочих предметов, занимающих нынешние умы, этот, надо признаться, не столько возбуждает их. сколько гнетет... Иначе и быть не могло: современная мысль, дочь Запада, чует в России стихию если не враждебную, то, по крайней мере, решительно чужеродную, стихию, от Запада не зависящую, и как будто боится, что, признав законность поставленного перед нею вопроса, попытавшись всерьез, на совесть понять его и разрешить, изменит самой себе, поставит под сомнение законность собственного своего существования... Что есть Россия? В чем смысл ее бытия, какому историческому Закону она подчиняется?.. Откуда она пришла и куда идет? Что собою представляет? На земном шаре, не спорю, ей отведено место под солнцем, однако философия истории дать ей такое место еще не сооблаговолила. Горстка умов — двое или трое в Германии, один или двое во Франции, — будучи более свободными, более передовыми, нежели все прочие, сумели разглядеть эту проблему, сумели приподнять завесу, ее скрывающую. Однако доселе к словам их мало прислушивались, в речи их мало вдумывались.

[16] Долгое время Запад судил о России примерно так же, как современники Колумба — об Америке. Он впадал в сходное заблуждение, становился жертвой сходного оптического обмана; известно, что очень долго жители Старого Света, хотя и рукоплескали бессмертному открытию, упорно отказывались признавать существование нового континента. Им казалось, что гораздо легче и разумнее предположить, будто новооткрытые земли суть продолжение того континента, на котором они обитают, род приложения к нему. — Совершенно так же долгое время судили на Западе о Восточной Европе — другом новом свете, которому Россия от века приходилась душою и движущей силой, который получил или же надеется получить от нее бытие историческое и которому призвана она была поэтому даровать свое славное имя... В течение многих столетий европейский Запад самым чистосердечным образом полагал, что нет и не может быть на свете другой Европы, кроме него самого. Запад знал, конечно, что за его пределами живут дру-

гие народы, располагаются другие державы, именующие себя христианскими. В пору своего могущества он даже, случалось, покушался на территории этого безымянного мира и оторвал от него несколько клочков, которые с грехом пополам включил в состав своих земель, извратив их природу и отняв у них национальные черты, — но допустить, что за этой последней чертой существует другая Европа, Европа восточная, которая приходится христианскому Западу законной сестрой и также исповедует христианскую веру, Европа, которая, правда, не знала феодализма, не знала иерархического устройства, но оттого верует куда более истово и глубоко; допустить, что за этой чертой существует целый мир, зиждущийся на едином принципе, связующий в неразрывное целое все составляющие его элементы, живущий собственной жизнью, органической и самобытной, — допустить этого Запад не мог, и многие из тамошних обитателей еще и сегодня охотно поставили бы все это под сомнение... Долгое время заблуждаться было простиительно. В течение столетий движущая сила этого неведомого Западу мира оставалась погребена среди хаоса. Действие ее происходило медленно и почти незаметно. Темные тучи скрывали это неспешное рождение целого мира. Но наконец судьбы свершились, рука исполина разогнала тучи, и Европа Карла Великого повстречалась лицом к лицу с Европой Великого Петра... Признайте это, и все разъяснится, все станет на свои места: сделается понятной истинная причина тех стремительных успехов, того чудесного роста России, которые удивили весь мир. Сделается понятно, что эти так называемые завоевания, так называемые жестокости были деянием самым органическим и самым законным из всех, какие когда-либо творились в истории; в России просто-напросто происходила величайшая реставрация. Сделается также понятно, отчего одно за другим гибли, исчезали с лица земли по воле России все извращенные стремления, все органы власти и установления, которые противоречили воплощенному в ней великому принципу... отчего нужно было пасть Польше... не самобытной польской нации, упаси Господь, но той ложной цивилизации, ложной национальности, какие были ей навязаны. С этой точ-

ки зрения яснее сделается и подлинное значение того, что называется Восточным вопросом: вопрос этот охотно именуют неразрешимым именно потому, что весь мир уже давно предвидит его неизбежное решение... В самом деле, речь идет о том, какая судьба ждет на три четверти уже устроенную Восточную Европу, — истинную Восточную империю, по отношению к которой предыдущая, та, которою правили византийские кесари, древние православные императоры, была всего лишь слабым, несовершенным наброском; речь идет о том, получит ли эта Восточная Европа свое последнее, самое необходимое пополнение, о том, обретет ли она его вследствие естественного хода вещей или же ей придется требовать его у судьбы с оружием в руках, отчего во всем мире могут приключиться великие бедствия.

[17] Вернемся, однако, к предмету нашего разговора.

[18] Вот, милостивый государь, какова была та третья сила, появление которой на театре военных действий разом разрешило вековой спор между державами европейского Запада. Одного вмешательства России было довольно, чтобы сплотить ваши ряды, сплоченность же принесла вам победу.

[19] Потому ныне, чтобы дать себе верный отчет в современном положении дел, следует раз и навсегда уяснить одну единственную истину. Заключается она в том, что после этого вмешательства Востока в судьбу Запада все переменялось в Европе. Прежде вас было двое, теперь нас стало трое. Долгие войны отныне сделались невозможны.

[20] Сегодня единственно возможными представляются три исхода.

[21] Либо Германия, верная союзница России, сохранит свое преобладающее влияние в центре Европы, либо влияние это перейдет к Франции. Между тем понимаете ли вы, милостивый государь, что это такое — преобладающее влияние Франции? Это если и не мгновенная гибель, то, во всяком случае, неизбежный упадок Германии. Остается третий исход, быть может, наиболее милый сердцу иных людей: Германия заключает союз с Францией против России... Увы, милостивый государь, средство это было уже испробовано в 1812 году

и, как вы знаете, успеха не принесло. Вдобавок я не думаю, чтобы сегодня, по прошествии трех десятков лет, Германия согласилась на создание новой Рейнской конфедерации. Между тем любой сколько-нибудь тесный союз с Францией обернулся бы только этим и ничем иным.

[22] Да знаете ли вы, милостивый государь, что предприняла Россия, когда, вмешавшись в спор между двумя принципами, между двумя великими национальностями, которые уже много столетий оспаривали друг у друга право на господство над европейским Западом, она разрешила этот спор в пользу Германии, в пользу германского принципа? Россия захотела раз и навсегда утвердить победу права, победу исторической законности над способом действия революционным. А почему она захотела это сделать? Потому что право, потому что историческая законность — это ее принцип, ее заветное убеждение, основание ее будущего, ибо именно этого права требует она для себя и для своих подданных. Только самое слепое невежество, то, которое умышленно закрывает глаза, избегая света, может отрицать эту великую истину. Ибо в конце концов разве не во имя этого права, этой исторической законности Россия возвысила целую нацию, целый мир, пребывавший в упадке? призвала этот народ зажечь своей собственной жизнью, возвратила ему независимость, устроила его бытие? — И во имя этого же самого права она сумеет позаботиться о том, чтобы любителям политических экспериментов не было позволено силой или обманом отрывать целые народы от живого средоточия их единства, а затем беспрепятственно обрезать и обтесывать их, словно мертвый материал, по прихоти своих бесчисленных фантазий, — одним словом, позаботиться о том, чтобы никто не смел отрубать живые члены от тела, к которому они принадлежат, под тем предлогом, что отрубленные, они обретут куда большую свободу передвижения...

[23] Государь, правящий ныне Россией, заслужил вечную славу тем, что соделался более полно, более деятельно, нежели любой из его предшественников, разумным и непреклонным защитником этого права, этой исторической законности.

[24] Единожды сделав свой выбор, он, как известно всей Европе, свято хранит ему верность. История порукой, что в политических анналах всего мира трудно отыскать другой пример союза столь же глубоко нравственного, как тот, что связует Германию с Россией, и именно эта величайшая нравственная чистота и длит его существование, помогает разрешать многочисленные трудности, преодолевать многочисленные препятствия. Союз этот знал времена счастливые и несчастливые, ныне же одержал последнюю победу, самую значительную из всех: тот дух, каким он был проникнут при основании, передался без потерь и искажений³ от основоположников к их наследникам.

[25] Так вот, милостивый государь, спросите у правителей германских государств, был ли за эти три десятка лет хоть один случай, когда Россия оставила бы попечение о наиглавнейших политических интересах Германии? Спросите у людей сведущих, не заходили ли неоднократно эти попечения так далеко, как не чаяли в своих патриотических мечтах сами немцы? С некоторых пор все в Германии искренне озабочены великим вопросом германского единства. Вам известно, однако, что так обстояло дело не всегда; я, долгие годы проведенный в вашей стране, мог бы при желании вспомнить точно, когда именно этот вопрос увлек немецкие умы. Несомненно, однако же, что в ту эпоху, когда всякий либеральный листок считал своим долгом при каждом удобном случае осыпать Австрию и ее правительство теми оскорблениями, какими сейчас с не меньшей щедростью осыпают Россию, — в эту эпоху единство Германии, во всяком случае если судить по прессе, заботило немцев очень мало. Таким образом, забота эта, — хотя, бесспорно, весьма похвальная и законная, — большой давностью похвастать не может. Россия, правда, никогда не проповедовала единства Германии, однако вот уже тридцать лет, как при самых разных обстоятельствах и в самом разном тоне она неизменно советовала германским странам жить в мире, в согласии, во взаимном доверии, по доброй воле подчинять частные интересы великому общему интересу; она не уставала повторять, умножать эти советы и призывы с той энергической

прямотой, с тем рвением, какое не считают уместным лишь души, сознающие совершенное свое бескорыстие⁴.

[26] Книга, которая снискала несколько лет назад большую известность в Германии и которую ошибочно сочли изданной по указанию правительства, кажется, посеяла среди вас убеждение, будто в определенную эпоху Россия стремилась завязать более тесные отношения с мелкими германскими государствами и подчинить их себе в ущерб законному влиянию двух величайших держав, входящих в Конфедерацию. Никогда еще ни одно предположение не было так далеко от истины и даже, надо признать, противно ей. Справьтесь у людей сведущих — они расскажут вам, как обстоят дела на самом деле. Быть может, они скажут вам, что, в противоположность этим обвинениям, русские дипломаты, заботясь постоянно и в первую очередь о политической независимости Германии от других стран, порой дерзали задеть самолюбие — впрочем, вполне извинительное — многих особ⁵, чересчур настоятельно рекомендуя маленьким германским дворам применить испытанное средство и примкнуть к союзу двух великих держав.

[27] Здесь, быть может, кстати придется сказать несколько слов и о другом обвинении, которое тысячу раз выдвигалось против России, но не сделались оттого более справедливым. Чего только не рассказывали, лишь бы внушить, что именно влияние России помешало развитию в Германии конституционных установлений. — Пытаться представить Россию принципиальной противницей той или иной формы правления есть вообще в высшей степени дело безрассудное. — Да и как, исповедуя взгляды столь узкие, сделалась бы она тем, что она есть, как оказывала бы⁶ то огромное влияние, каким она славитя? Что же касается обсуждаемого нами частного случая, мы можем сказать совершенно точно, что Россия всегда самым энергическим образом высказывалась за добросовестное поддержание существующих установлений, за неизменную верность данным обязательствам. Впрочем, весьма вероятно, в России поняли, как неосторожно было бы, имея в виду главный жизненно важный интерес Германии, ее единство, сообщить парламентам в конституционных государствах Конфе-

дерации права столь же исключительные, как, например, в Англии или Франции; ибо если даже сейчас не всегда легко установить между этими государствами то согласие, то полное взаимопонимание, какое необходимо для совместных действий⁷, то будь Германия подчинена полудюжине полностью суверенных парламентов⁸ — а точнее сказать, разъята ими на части⁹, — разрешить эту проблему было бы вовсе невозможно. Истина эта принадлежит к числу тех, которые очевидны ныне для всех здравомыслящих людей Германии, вина России заключается, по-видимому, лишь в том, что она постигла ее десятком лет раньше.

[28] Перейдем теперь от внутренней политики к политике внешней; надобно ли мне напоминать вам, милостивый государь, об Июльской революции и о последствиях, какие она могла иметь для вашего отечества, но каких, однако же, не возымела? Стоит ли мне говорить, что движителем этого возмущения, душою этого движения была прежде всего потребность взять наконец блистательный реванш у Европы и прежде всего у вас, неодолимая потребность возвратить себе ту власть над всем Западом, какую Франция в течение столь долгого времени обладала и какая вот уже три десятка лет, к ее величайшей досаде, находится в ваших руках? Я, конечно, охотно отдаю должное королю французов, я восхищаюсь его ловкостью, я желаю долгой жизни ему и его системе... Что, однако, произошло бы, милостивый государь, если бы после 1830 года¹⁰ всякий раз, когда французскому правительству угодно было простереть свои взоры за пределы Германии, оно не встречало бы неизменно со стороны России ту же твердую решимость, ту же сдержанность, ту же холодность, а главное, ту же непоколебимую верность существующим союзам, данным обязательствам? Не кажется ли вам, что, заметь Наполеон мира в поведении России хоть малейшие признаки сомнений, колебаний, ему наскучило бы удерживать рвущуюся в бой Францию и он наконец отпустил бы поводья?.. Что же говорить о том, какой оборот приняли бы дела, будь у короля французов возможность рассчитывать на сговор с Россией.

[29] Сударь, я находился в Германии в то время, когда г-н Тьер, уступая влечению, так сказать, инстинктивному, вознамерился предпринять шаг, казавшийся ему самой простой и самой естественной вещью в мире, а именно отомстить Германии за неудачи его дипломатии на Востоке; я был свидетелем того взрыва, того поистине национального гнева, какой простодушная дерзость француза возбудила в немецких сердцах, и я рад тому, что видел это. С той поры я всегда с огромным удовольствием слушаю исполнение «Песни о Рейне». Но, милостивый государь, отчего же ваша политическая пресса, знающая все на свете, вплоть до числа кулачных ударов, которыми русские таможенники награждают на границе Пруссии прусских контрабандистов, отчего же эта пресса знать не знает о том, что происходило в эту пору между немецкими дворами и Россией? Отчего она знать не знает — или сознательно умалчивает — о том, что при первых же враждебных действиях со стороны Франции восьмидесятитысячная русская армия выступила бы в поход для защиты вашей независимости, а еще двести тысяч последовали бы за ней в течение полутора месяцев? Между тем, милостивый государь, в Париже обо всем этом знали очень хорошо, и, быть может, вы согласитесь со мною, что обстоятельства эти в куда большей мере, нежели «Песня о Рейне», — как бы высоко мы ее ни ценили, — способствовали тому, что старая «Марсельеза» так скоро отступила, оставив победу за молодой соперницей.

[30] Я заговорил о прессе. Не сочтите, милостивый государь, что я питаю стойкое предубеждение против немецкой прессы или что я таю на нее злобу из-за поразительного недоброжелательства, с каким она отзывалась о России. Нет, уверяю вас, дело вовсе не в том; я готов признать за немецкой прессой массу достоинств и был бы рад приписать хотя бы отчасти ее ошибки и заблуждения тем исключительным условиям, в какие она поставлена. Разумеется, ни в таланте, ни в идеях, ни даже в патриотизме у вашей периодической печати недостатка нет; во многих отношениях она — законная дочь вашей благородной и великой литературы, той самой литературы, что возвратила вам чувство национальной самобытно-

сти. Недостает вашей прессе, причем недостает в величайшей степени, лишь одного — политического такта, живого и точного понимания тех обстоятельств, в каких она существует и действует. Недаром в высказываниях¹¹ ваших журналистов заметна некая неосмотрительность, необдуманность, одним словом, нравственная безответственность, проистекающая, возможно, именно из того, что прессу вашу много лет держат за несовершеннолетнюю и не выпускают из-под опеки.

[31] В самом деле, чем, кроме этого сознания собственной нравственной безответственности, объяснить ту жгучую, слепую, безудержную ненависть, какую немецкая пресса вот уже много лет питает по отношению к России? Почему она предается этому чувству? с какой целью? Ради чего? Случалось ли вашим журналистам хоть однажды всерьез задуматься о том, какими возможными, вероятными последствиями грозят их действия политическим интересам Германии? Случалось ли им хоть однажды всерьез спросить себя, не приведет ли непостижимое упорство, с каким они уже много лет подряд всеми доступными им средствами стремятся омрачить, отравить, безвозвратно испортить отношения двух стран, к подрыву тех оснований, на которых покоится союз, обеспечивающий Германии главенство внутри Европы? Не приведет ли оно к тому, что нынешнее положение Германии на политической арене, — положение самое выгодное, в каком когда-либо находилась ваша страна, — сменится положением самым гибельным? Не напоминает ли вам эта резвая опрометчивость детскую шалость вашего великого Гете, о которой он так мило поведал в своих мемуарах? Оставшись один в родительском доме, маленький Вольфганг не нашел ничего лучшего, как выбросить один за другим в окошко все предметы домашней утвари, какие попадались ему под руку; слушая, как они падают на мостовую и разбиваются, он от всего сердца радовался и забавлялся. Впрочем, юного Гете отчасти оправдывает то обстоятельство, что к продолжению этих изощренных забав его подстрекал негодяй-сосед... У вас же, милостивый государь, подобного оправдания нет...

[32] И добро бы еще из всего этого потока бранных слов, обрушивающегося на Россию, можно было вывести разумные, осмысленные причины, какими вызывается столь бешеная злоба? Я знаю, что найдутся безумцы, которые с самым серьезным видом примутся мне объяснять: «Мы обязаны вас ненавидеть; ваш принцип, принцип, на котором покоится ваша цивилизация, противен нам, немцам, нам, людям Запада. У вас не было ни феодализма, ни иерархического устройства, подчиняющего церковь папскому престолу. Вы не пережили ни войны Священства и Империи, ни Религиозных войн, ни даже Инквизиции. Вы не принимали участия в крестовых походах, вы уже четыре столетия назад обрели то единство, к которому мы до сих пор еще только стремимся. Ваш принцип не предоставляет достаточной свободы индивиду. Он не поощряет в достаточной мере разногласий, разобщенности». Все это совершенно справедливо; однако все это, признайтесь, не помешало нам с отважной прямоотой защищать вас в тех случаях, когда под угрозой оказывалась ваша независимость¹². А раз так, не вправе ли мы рассчитывать на то, что нашу независимость вы нам великодушно простите? Поговорим серьезно, дело того стоит. Россия готова уважать вашу историческую законность, историческую законность народов Запада. Не прошло и тридцати лет с тех пор, как она вместе с вами стала на защиту этой попоранной законности, посвятила себя ее восстановлению; она охотно обязуется уважать не только принцип, лежащий в основе этой законности, но и все, даже самые неумеренные, ее последствия, даже ее вольности и слабости; однако научитесь же и вы в свой черед уважать наше единство и нашу силу.

[33] Быть может, кто-то скажет, что причина того недовольства, с каким общественное мнение Германии взирает на Россию, в несовершенствах нашего общественного порядка, в пороках нашей администрации, в положении наших низших сословий, и проч., и проч. Неужели же это правда? Что же, в таком случае мне, который только что жаловался на крайнюю недоброжелательность по отношению к России, теперь придется возвысить голос против излишней симпатии к ней. Ибо

в конце концов мы ведь не единственная держава на свете, и если в сердце вашем накопились такие безмерные запасы отзывчивости и сострадания, собственная же страна и собственные соотечественники не кажутся вам достойными объектами для приложения этих чувств, не справедливее ли будет распределить их поровну между разными народами земли? В жалости, увы, нуждаются все без исключения. Взгляните, например, на Англию и на рабочих, трудящихся на ее мануфактурах, взгляните на Ирландию — и послушаем, что вы скажете. Ручаюсь, что, обладая вы всеми необходимыми данными для сравнения двух стран, сумеете вы взвесить на точных весах те бедствия, к каким приводят соответственно русское варварство и английская цивилизация, вы, быть может, сочли бы скорее своеобразным, нежели преувеличенным мнение того человека, который, не будучи подданным ни одной из этих стран, но изучив обе досконально, утверждал со всей решительностью, что «в Соединенном Королевстве живет по меньшей мере миллион человек, которым было бы куда лучше оказаться в Сибири»...

[34] Ах, милостивый государь, отчего вы, немцы, во многих отношениях могущие похвастать несомненным нравственным превосходством над вашими соседями, живущими по другую сторону Рейна, — отчего не можете вы признать у них толику того практического ума, того живого и точного понимания собственных интересов, какие их отличают? Ведь и у них есть пресса, есть газеты, которые наперебой бранят и поносят нас, не зная ни устали, ни меры, ни стыда... Взгляните, например, на ту стоглавую гидру, мечущую против нас громы и молнии, что зовется парижской прессой. Сколько иступления! Сколько крика! Сколько шума!.. Так вот, будьте уверены, получите сегодня парижские журналисты хоть малейшую уверенность в том, что столь желанное сближение уже началось, что столь часто повторявшиеся предложения наконец приняты, и уже завтра все крики ненависти умолкли бы, все блистательные фейерверки оскорблений погасли — и из потухших кратеров, из умиротворенных уст раздадутся, вслед за последней струйкой дыма, речи чуть-чуть рознящиеся по

тону, но равно мелодические и прославляющие как можно громче и радостнее счастливое примирение двух великих держав.

[35] Однако письмо мое слишком затянулось, пора подводить итоги. Позвольте же мне, милостивый государь, на прощание еще раз вкратце повторить мою главную мысль.

[36] Я обратился к вам, не имея никаких полномочий, кроме тех, какие даются человеку его свободными убеждениями. Я не состою ни у кого на службе, я не являюсь рупором ничьих идей. Мысль моя исходит от меня лично... Однако у меня есть все основания полагать, что, будь содержание этого письма известно в России, общественное мнение без колебаний бы с ним согласилось. — До сей поры русское общество обращало очень мало внимания на все вопли немецкой прессы, не потому, разумеется, что считало общественное мнение Германии и чувства немцев вещами малозначащими... но потому что брезговало принимать всерьез все эти сильные выражения по адресу России, все эти выстрелы в воздух. Оно почитало их самое большее за развлечения дурного тона...

[37] Русское общественное мнение решительно отказывается признавать, что нация степенная, серьезная, прямодушная, наделенная глубоким чувством справедливости, — одним словом, та нация, какой представляла Германия во все периоды ее истории, что эта нация, говорю я, отречется от своей природы и уподобится вздорным путаникам, пылким краснобаям или злонамеренным фразерам; что, позабыв о своем прошлом, не понимая своего настоящего и губя свое будущее, Германия согласится усвоить себе и взлелеять в своей груди дурное чувство, чувство, недостойное ее, исключительно ради удовольствия совершить грубую политическую оплошность. Нет, это невозможно!

[38] Я обратился к вам, милостивый государь, потому что, как я уже сказал, «Всеобщая газета» для Германии — это больше, чем газета. Это власть, причем власть, которая, я охотно это признаю, в высшей степени исполнена национального чувства и политического ума; во имя этой двойной власти я и решился писать к вам.

[39] Тот взгляд на Россию, который появился в Германии и который пытаются усвоить всем ее обитателям¹³, еще не представляет собою опасности, но очень скоро может таковою стать... Этот взгляд ничего не изменит, я убежден, в тех отношениях, какие существуют ныне между правительствами немецких государств и Россией; однако те, кто проповедуют этот взгляд, стремятся помешать общественному сознанию дать правильный ответ на вопрос, имеющий для нации значение первостепенное, на вопрос о политических союзах... Живописуя в самых лживых тонах политику самую национальную из всех, какую когда-либо вела Германия, эти люди стремятся внести разлад в умы, толкнуть наиболее пылких и опрометчивых соотечественников на путь гибельный, путь, который уже много раз заводил Германию в тупик... Если в Европе все-таки разразится война, если вновь разгорится вековой спор, три десятка лет назад разрешившийся в вашу пользу, Россия, конечно же, останется верной вашим государям, равно как и они останутся верными ей. Однако именно тогда, возможно, Германии придется пожалеть то, что посеяно сегодня... Разлад в умах принесет свои плоды, и плоды эти рискуют показаться Германии горькими; боюсь, то будут новые отступничества и новые раздоры.

[40] И вот тогда-то, милостивый государь, вы слишком дорого заплатите за то, что однажды были к нам несправедливы.

[41] Вот, милостивый государь, что я хотел сказать вам. Используйте мои слова по своему благоусмотрению...

Примите, и проч.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бр*: Le mal continuera a couler sans tene; *ПА*, *Рук*: <... > sans terre.

² *Бр*: une forme définitive et comme une consécration légale; *ПА*: une forme définitive et comme une conjuration légale; *Рук*: une forme définitive et connue, une consécration légale.

³ *Бр*, *Рук*: sans déchet; *ПА*: sans choc.

⁴ *Бр*: ... franchise d'un zèle qui ne craint pas d'être importun, parce qu'il se sait parfaitement désintéressé; в *ПА* и в *Рук* слова «ne craint pas d'être importun, parce qu'il» опущены.

- ⁵ *Бр*: Peut-être vous diront-ils que tout au rebours de cette imputation la Diplomatie Russe dans sa constante préoccupation d'assurer avant tout l'indépendance politique de l'Allemagne vis-à-vis de l'étranger est allée parfois jusqu'à froisser d'excusables susceptibilités; *РА, Рук*: ... peut-être vous diront-ils que dans sa constante préoccupation d'assurer avant tout l'indépendance politique de l'Allemagne la diplomatie russe s'est exposée quelquefois à froisser d'excusables susceptibilités.
- ⁶ *Бр*: comment exercerait-elle l'influence...; *РА, Рук*: comment exercerait-elle sur le monde l'influence...
- ⁷ *Бр*: que réclame une action collective; *РА, Рук*: que nécessite une action collective.
- ⁸ *Бр*: ... tribunes parlementaires pleinement souveraines; в *РА* и в *Рук* слово «pleinement» опущено.
- ⁹ *Бр, РА*: dans une Allemagne dominée; *Рук*: dans une Allemagne décimée.
- ¹⁰ В *РА* и *Рук*: 1835.
- ¹¹ *Бр*: dans ses manifestations; *РА, Рук*: dans ses manifestations comme dans ses tendances.
- ¹² *Бр*: reconquérir votre indépendance?; *РА, Рук*: reconquérir votre indépendance politique, votre nationalité?
- ¹³ *Бр*: à propager parini vous; *РА, Рук*: à propager en Allemagne.

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ ТЮТЧЕВА

(Комментарий к статье 1844 г.)

АЛЕКСАНДР ОСПОВАТ

Историко-политические статьи Тютчева 1840-х гг. обычно рассматриваются в своей совокупности, как звенья единой нарративной цепи. Такой подход оправдывается и однотипным построением этих текстов, последовательно манифестирующих идеологемы «Россия <Восточная Европа> vs. Запад», «Россия vs. Революция», «Церковь vs. Революция», и (улавливаемой чаще всего безотчетно) их общей риторической природой¹: экспонированный постулат не требует доказательств, а логический порядок изложения уступает место ораторской установке, которая санкционирует и повторы, и внутренние противоречия, и явные фактические передержки. Соответственно, в исследовательской практике доминирует интерес к политическому метатексту Тютчева — будь то аналитическая рефлексия по поводу его «геополитических» воззрений (см. [Цимбурский 1995: 86–98]) или более традиционные попытки определить место автора в истории панславизма (см. [Досталь 1989: 8–14; Джонг 1997: 55–69]).

В то же время нельзя не заметить, что энергия интерпретаторов политических сочинений Тютчева подчас лишена существенного источника — корректного понимания отдельного текста. Именно в этих целях составлен нижеследующий комментарий к тютчевской статье 1844 г., дополняющий ее научную публикацию. Разумеется, предлагаемый опыт (как и любой в этом жанре) далек от завершенности. В частности, на данном этапе работы было решено отказаться от резюмирующей части: весь материал, за исключением последней подглав-

ки, сгруппирован в соответствии с ходом авторского изложения.

Датировка. Сведениями, относящимися к творческой истории, мы не располагаем. Из авторского примечания к начальной фразе, отсылающей к первому письму Тютчева доктору Кольбу (см. коммент. к абзацам [1–3]), следует, что работа над статьей началась после 21 марта 1844 г., и уже в конце апреля – начале мая брошюра была закончена тиснением (см. [Динесман 1999: 270]). Первое упоминание см. в письме А. И. Тургенева (из Шанрозе под Парижем) В. А. Жуковскому (во Франкфурт) от 7/19 мая 1844 г.: «Достань письмо, брошюру Тютчева, без имени, к Кольбу, редактору аугсб.<ургской> газеты <...>. Очень умно и хорошо писана. Я читал, но здесь нет. Только одно слово Кюстин, но вообще нападает на немцев, кои бранят Россию. <...> Тютчев доказывает, что союз Германии с Россией был и будет всегда благотворен для первой и что войска наши всегда готовы на ее защиту» [Азадовский, Осповат 1989а: 68].

Заголовок, абзацы [1–3]. *Кольб Густав* (1798–1865) — с 1837 г. редактор газеты ‘Allgemeine Zeitung’ (в оригинале название дано во французском переводе — ‘La Gazette Universelle’: далее сокращенно: AZ), издававшейся в Аугсбурге (Бавария) бароном И.-Ф. Котта². Под руководством Кольба AZ в самое короткое время обрела статус одного из самых влиятельных европейских повременных изданий либерального направления (Я. Н. Толстой, парижский корреспондент III Отделения, 11 июня 1838 г. доносил, что большая часть французской прессы черпала информацию именно из AZ [Мильчина 1997: 322, примеч. 1; ориг. по-фр., далее переводы не оговариваются]). По сведениям П. К. Мейендорфа, русского посла в Вене (с 1839 г. посла в Берлине), приведенным в его письме К. В. Нессельроде от 20 февраля 1837 г., AZ, «самая распространенная в Германии газета, составляемая с наибольшим знанием дела», имела тогда более 8000 тысяч подписчиков ([Meyendorff I: 61]; ту же цифру приводит С. П. Шевырев, побывавший в редакции AZ в 1839 г. [Осповат 1994: 124]); в 1845 г. ее тираж составлял более 9000 экз., а в 1848 г.

превысил 11000 экз. [Heyck 1898: 126–127; Salomon III: 461, 622], что сопоставимо с данными о распространении такого популярного на континенте органа, как *‘Revue des Deux Mondes’* под редакцией Ф. Бюлоза [Guthrie 1984: 93]. В России, где номера *AZ* регулярно изымались из обращения (см. [Герцен XXII: 193]), ее особенно ценили в кругу западников (см. в письме В. Г. Белинского В. П. Боткину от 17 февраля 1847 г.: «Когда я жил у тебя летом 43 года, сколько в это время интересных статей в *‘Allgemeine Zeitung’* находил ты...» [Белинский 9: 613]; ср. [Герцен II, по индексу]), оппоненты которых признавали, что среди европейской прессы *AZ* «всех более читается» (из письма Шевырева М. П. Погодину от 1846 г. [Барсуков VIII: 327]; ср. [Грот–Плетнев III: 332, 383]). «Вели себе читать *‘Аугсбургские ведомости’*, — писал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому 16/28 января 1843 г., — и ничего другого из журналов <здесь от *фр. journal* — ‘газета’>, если не хочешь терять времени» [ОА IV: 205]).

С широкой популярностью *AZ* весьма считались в петербургских верхах, не угадывая, однако, то обстоятельство, что публикация материалов, отражавших противоположные точки зрения по актуальным политическим вопросам, входила в расчет редакции, заботившейся о сохранении престижа и коммерческого успеха своего издания. В начале 1840-х гг. идея подкупа *AZ* муссируется как в российском внешнеполитическом ведомстве, так и в III Отделении, причем наибольшую активность в этом плане проявляет профессиональный дипломат Тютчев, а не резидент А. Х. Бенкендорфа в Пруссии К.-Ф. Швейцер. Последний (в донесении от 31 мая 1841 г.) излагает позицию издателя *AZ* следующим образом: барон Котта не может не печатать статей, неприятных для России, но согласился, чтобы Швейцер ему на них указывал, дабы впредь избегать подобных публикаций; сотрудники *AZ* настроены архилиберально, но благодаря Котте в газете — и притом совершенно бесплатно — помещались статьи и в пользу России. «Барон Котта, — продолжал далее Швейцер, — имеет большое состояние и потому неподкупен; например, я знаю доподлинно, что от кабинета Тьера <бывшего премьер-министром

Франции в период с 1 марта по 29 октября 1840 г.; см. коммент. к абзацу [29]> делались ему предложения весьма значительные, но были отвергнуты» [ГАРФ. Ф. 103. СА. Оп. 4. № 279: 62 об. – 63 об.]³. Напротив того, Тютчев летом 1842 г. передавал А. И. Тургеневу: AZ «охотно вошла бы в сношения с нами: она это много раз предлагала и даже сулила денег тем, кто станет писать для нее о России, но тогда наше министерство кобенилось, с презрением отвергло предложение, говоря, что ему дела нет до того, что говорят или пишут немецкие журналы о России» [Осповат 1994: 122]. Впрочем, в той части, которая касается реакции Нессельроде, эта информация является совершенно достоверной — начиная с середины 1830-х гг. российский вице-канцлер постоянно возражал против субсидирования наемных перьев (см. [Лемке 1909: 97–98]), утверждая, что ему «никогда еще не случалось видеть, чтобы книги или статьи, написанные в нашу пользу, заставили бы кого-нибудь взять нашу сторону; руссофобия пройдет, как прошли другие безумства нашего века» ([Nesselrode VII. 295–296; из письма Мейендорфу от 3 декабря 1839 г.]).

Тютчев не мог позволить себе взирать на дело с таким философическим спокойствием. Аттестовавший себя в качестве *независимого* русского патриота (он покинул дипломатическую должность летом 1839 г., а с 30 июня 1841 г. был отчислен из штата министерства иностранных дел [Чулков 1933: 56–57; Динесман 1999: 241]), автор письма не оставлял хлопот по возвращению на государственную службу. Осенью 1843 г. Тютчев представил Бенкендорфу некую записку, на основе которой пытался исходатайствовать полномочия специального агента III Отделения по организации прорусской пропаганды в европейской печати; однако — несмотря на одобрение, полученное вместе с осторожными авансами, — ему предложили начать с того, чтобы самому «писать о России» в европейской прессе (подробнее см. [Осповат 1994: 115–129]). Реализуя эту установку, Тютчев выступил в AZ с анонимным письмом Г. Кольбу, опубликованным 21 марта 1844 г. (перевод с французского оригинала осуществил V.-A. Huber [Лэйн 1987: 61])⁴. Поводом к нему послужило критическое суждение о порядке

рекрутского набора в России (высказанное на страницах этой газеты неким «немецким путешественником»), которое Тютчев перетолковал как антирусский выпад, отчетливо сигнализирующий об опасном помрачении германского национального сознания: «После веков раздробленности и долгих лет политической смерти немцы смогли обрести независимость только благодаря великодушному содействию России; сейчас они воображают, что смогут укрепить ее с помощью неблагодарности. Ах, они заблуждаются» [Jakobson 1929: 413–414; Пигарев 1962: 114]. В завязавшейся дискуссии, по ходу которой в немецкой прессе констатировалась передержка автора письма и оспаривался его общий тезис, наиболее осмотрительную позицию (хотя и далекую от поддержки брошенного Тютчевым обвинения) заняла сама AZ (подробнее см. [Jakobson 1929: 415–416; Лэйн 1988: 231–233]). Это дало Тютчеву надежду на продолжение сотрудничества с AZ, однако Г. Кольб отверг его второе письмо — и, возможно, в такой форме, которая побудила автора осуществить отдельное издание на французском, а не на немецком языке.

Абзац 4. Оценки книги Кюстина «Россия в 1839 году» (Париж, 1843), данные Тютчевым в различных ситуациях, проецируют почти весь спектр мнений, высказанных в ходе оживленной дискуссии вокруг этого сочинения (см. [Мильчина, Осповат 1994: 107–138; 1995: 272–284]). В частной беседе с берлинским либералом К.-А. Варнгагеном фон Энзе (29 сентября 1843 г.) он признал достоинства книги, к которым отнес и «тон изложения» (единственный серьезный упрек вызвало у него стремление «отделить государя от его народа» [Varnhagen I: 216–217; Азадовский, Осповат 1989 б: 460]); в письменных же текстах Тютчева — как в комментируемом, рассчитанном на более или менее широкую аудиторию, так и в мемурандуме 1845 г., предназначенном только для государя и его ближайшего окружения (см. [Осповат, Мильчина 1992: 108]), — Кюстин характеризуется сугубо негативным образом. Вместе с тем Тютчев язвительно отмежевывается от «так называемых защитников России», имея в виду прежде всего Н. И. Греча, памфлет которого «О сочинении маркиза де Кюс-

тина “Россия в 1839 году”» (вышедший поздней осенью 1843 г. в Германии на французском языке и приобретший скандальную известность ввиду огласки тесных сношений автора с III Отделением; см. [Лемке 1909: 143–151]) отличали педантизм и мелочность во многом справедливых замечаний (см. [Кюстин I–II, коммент.]).

Впрочем, выпад против Греча служит лишь предлогом для того, чтобы оттенить особую позицию автора, согласно которой его страна вообще не нуждается в защите от нападок, поскольку *истинная апология России* входит в прерогативу исторического промысла и стоящего за ним *Мастера* (*grand maitre*). В подтверждение Тютчев апеллирует к истории последних *трех столетий*, ознаменовавшейся победами России во *всех* уготованных ей *тяжбах*. Эта декларация, которая выглядит преувеличением, не оправданным даже в полемическом контексте (трудно заподозрить Тютчева в неведении относительно итогов Ливонской войны в конце XVI в. или условий Столбовского мира 1617 г. и Деулинского перемирия 1618 г., закрепивших уступку Швеции и Польше значительной части западных территорий, или, скажем, результатов Прутского похода Петра I), является рефлексом эсхатологического подхода к истории. Говоря о трех столетиях, Тютчев, конечно, принимает за точку отсчета венчание на царство Ивана Грозного (16 января 1547 г.), понимаемое в символическом смысле: «... книжники Московские объявили народу, что сим исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестом Царстве*, которое есть Российское» [Карамзин II, 4-я паг.: 58]. Таким образом, последующая русская история рисуется Тютчеву в виде цепи событий, запрограммированных в момент основания царства, — это возникновение империи *Великого Петра* (см. абзац [16]), ее настоящий расцвет и чаемое вселенское торжество (см. на этот счет в меморандуме 1845 г. [Осват, Мильчина 1992: 110]). См. также коммент. к абзацам [15–16].

Абзацы [5–6]. Экспликацию двух сквозных тем — *германского единства* и русофобии немецкой печати (*устремление, представляющее особенную опасность* для этого единства) — автор предваряет краткой характеристикой отношений России

с немецкими государствами, основу которых заложили союзный договор с Пруссией от 28 февраля 1813 г. («Союз святой», как выразился Тютчев в стихотворении «Знамя и слово», летом 1842 г. подаренном Варнгагену и прусскому генералу Ф. К. фон Теттенборну; см. [Азадовский, Осповат 1989 б: 459–460]) и совместное участие в антинаполеоновской кампании 1813–1814 гг. Среди стран, вошедших в Германский союз (образованную на Венском конгрессе 1815 г. конфедерацию 39 государств), наиболее тесные связи с Россией имела Пруссия: дружба Фридриха-Вильгельма III и Александра I была скреплена браком принцессы Шарлотты (старшей дочери короля) и великого князя Николая Павловича (1817), который, став императором, сохранил доверительные отношения с тестем и со временем приобрел на него сильное влияние (см.: [Татищев 1889: 223–263; Simon 1893: 60–76]). Иной характер носили отношения Николая I и его шурина — Фридриха-Вильгельма IV, прусского короля с 1840 г. Уже в первые дни нового царствования русский император говорил, что брат его слаб и погубит себя уступками в либеральном духе (см. [Миркович 1886: 318; Татищев 1889: 265]); со своей стороны, прусский король стремился проводить политику хотя дружественную России, но от нее независимую (см. [Simon 1893: 77–90]).

... тот, чьи руки чисты ~ может без боязни прикасаться к чему бы то ни было... — Имеется в виду испытание огнем, водой и т.п. (лат. *ordalia*), которое применялось в средневековом судопроизводстве для установления истины.

Абзацы [7–8]. Русофобия, питавшаяся как страхом перед военным потенциалом империи Николая I, так и отвращением к децивилизованным нормам ее внутренней политики, получила широкое распространение в Европе после разгрома польского восстания 1830–1831-х гг. (основную литературу вопроса см. [Мильчина, Осповат 1995: 278, примеч. 17]). В Германии, где позиция России часто интерпретировалась как враждебная идее германского единства (см. коммент. к абзацу [29]), а также ассоциировалась с угрозой «панславизма» (см. коммент. к абзацам [15–16]), эти настроения заметно оппонировали официальной доктрине «братства» двух монархий (из не-

давних работ на эту тему см. в особенности [Pape 1992: 435–472]). Замечание Варнгагена, сделанное после совместных военных маневров в Калише в 1835 г.: «здесь людям крайне претят все отношения с Россией» [Varnhagen I: 3], корреспондирует с показаниями других непредвзятых наблюдателей — таких, как русский дипломатический агент в Кобленце Г.-Т. Фабер («жители» Германии «в основном враждебны России»; из донесения от 12 октября 1835 г. [Мильчина 1997: 307]) или А. А. Куник (выходец из силезской Пруссии, в будущем один из ведущих специалистов в области древнерусской нумизматики, он «в 1841 г. возвратился в Германию, но был встречен там не особенно сочувственно <...> Главная причина, по его словам, была та, что он хорошо отзывался о России» [РС. 1899. № 5: 368])⁵.

Известно, что в 1830–1840-е гг. Тютчев остро реагировал на материалы антирусской направленности, появившиеся в немецкой печати (см., напр., письма Ф. Тиршу от 1 февраля 1830 г. и 13 декабря 1840 г. [ЛН. Т. 97. Кн. 1: 543–546]), и несомненно, что его анонимные публикации тех лет (см. примеч. 4) принадлежат жанру политической полемики. Что же касается использованных в комментируемом пассаже метафор (*сказки про людоеда XIX века* и проч.), то они соответствуют градусу дискуссии, которую почти на следующий день после выхода тютчевской брошюры продолжила анонимная статья «Ближайшая война и ее последствия» (*‘Wigand’s Vierteljahrschrift’* <‘Ежеквартальник Виганда’>, 1844. Bd. I; дата публикации указана в [Estermann 7: 362]); суть ее передана в дневниковой записи Герцена: «там для Германии европейская война представлена якорем спасения, и именно война с Россией» [Герцен II: 359]. Через месяц (4 июня 1844 г.), суммируя впечатления Тютчева, приехавшего в Париж, А. И. Тургенев записал: «Гер<мания> вся нас ненавидит» [Азадовский, Осповат 1989 а: 87].

Абзац [9]. *Другой государь нашего времени, общественное мнение...* — Присоединяясь к точке зрения, распространившейся уже в начале XIX в. (см. высказывание Наполеона, записанное 18 ноября 1815 г.: «Общественное мнение — сила

невидимая, таинственная, против которой ничто не может устоять; нет ничего более изменчивого, более смутного и более сильного; и все же, как бы прихотлива ни была эта сила, она истинна, разумна, справедлива гораздо больше, чем обычно считается» [Las Cases 1968: 102]), Тютчев чуть ниже как бы исключает Россию из сферы действия общего закона («... *как мало трогают Россию их яростные нападки...*). Это место, конечно, продиктовано риторическими целями, совершенно отличными от тех, которыми Тютчев руководствовался в своих проектах (см. примеч. к абзацам [1–3])⁶.

Абзац [10]. *Но стоит наступить кризису <...> предчувствием которого охвачена теперь вся Европа...* — Ср. с прогнозом «ближайшей войны» (коммент к абзацам [7–8]).

Абзацы [11–13]. По Тютчеву, если историей России управляет постоянно возобновляемая воля к расширению/усилению (см. коммент. к абзацу [4]), то для истории Германии столь же органичной является повторяемость внутренней вражды.

Из всей тысячелетней истории Германии Тютчев позитивно оценивает лишь период правления *великих императоров Салической* (франконской) *династии* — т.е. кратковременное возвышение теократической монархии при Конраде II и Генрихе III (вторая четверть XI в.), когда и вошел в оборот титул «Римская империя» (титул «Священная Римская империя» появился в середине XIII в.; с середины XV в. — «Священная Римская империя германской нации»). Роковой прецедент усматривается в XI–XII вв.: борьба римской курии и германских императоров за право инвеституры (закончившаяся подписанием компромиссного Вормского конкордата в 1122 г.) была использована вассалами последних для укрепления своей политической независимости. Затем поминается эпоха Реформации, усилившая княжескую власть правом выбора религии для своих подданных (по принципу «чья страна, того и вера»), и, наконец, Тридцатилетняя война, закончившаяся Вестфальским миром (1648). Надеясь это событие символическим значением (см. в письме А. И. Георгиевскому от 30 марта 1866 г.: «В продолжение четверти века, проведенных мною в Германии, я постоянно повторял немцам, что Тридцатилетняя война

кроется, т<ак> с<казать>, в основе их исторического положения...» [ЛН. Т. 97. Кн. 1: 400]), Тютчев имеет в виду не только собственно поражение империи Габсбургов и еще более усилившуюся децентрализацию Германии; едва ли не более существенно, что протестантские князья инспирировали вступление в войну Франции, *заклятого врага*.

Безраздельное господство Франции в Германии, которое автор связывает с правлением *Людовика XIV* (1661–1715), — сильное преувеличение; в реальности дело сводилось к территориальным приращениям по левую сторону Рейна (Эльзас, включая Страсбур). Этот тезис, однако, важен не сам по себе, но для перехода к эпохе французской Революции и ее *коронного солдата*.

Историческая вражда немцев и французов представлена здесь в свете противоборства двух надвременных тенденций: Германия — несмотря ни на что — сохраняла принцип империи. Франция ему изменила. Забыв о своих *германских корнях* (т.е. о материнском лоне державы Карла Великого, объединявшей обе народности), Франция совлеклась на *романский* путь, начальной вехой которого явилось Западнофранкское королевство, доставшееся внуку Карла Великого, а заключительной — падение Бурбонов и пришествие Наполеона⁷. И хотя саморазрушительные тенденции, накопленные в ходе германской истории, позволили Наполеону уничтожить *подлинную* империю (см., впрочем, коммент. к абзацам [15–16, 17–22]) и окончательно унизить ее в своей *народии* (имеется в виду созданная в июле 1806 г. — под его протекторатом — Рейнская конфедерация германских государств), *в последний час* возникла *неожиданная, чудесная перепития*. Первое знамение этого чуда относится к рубежу 1806–1807 гг., когда независимость Пруссии (поставленная под вопрос победами наполеоновской армии под Иеной и Ауэрштедтом) была обеспечена решительной поддержкой со стороны Александра I; в полном же масштабе оно проявилось в 1813–1814 г. — во время европейского похода русской армии.

Вывод о безусловном превосходстве Германии над Францией в *последние три десятилетия* (т.е. с момента образова-

ния Германского союза; см. коммент. к абзацам [5–6]) основан на фактических натяжках и ошибочных предположениях. 1) *Рейн вновь сделался немецким...* — Значительная территория на левом берегу Рейна (в том числе Кельн, Кобленц, Аахен), завоеванная Наполеоном и отошедшая к Пруссии по условиям Венского конгресса, не принадлежала к французским владениям ни в эпоху Людовика XIV (см. выше), ни в последние годы старого режима. Вместе с тем Франция, возвращенная к границам 1792 г., сохраняла в своем составе прирейнские провинции Эльзас и Лотарингию. 2) *Фраш-Конте (Бургундский округ)* — область, которая на протяжении многих веков переходила от Франции к Священной Римской империи и обратно; ее статус как французской провинции был окончательно установлен по Нимвегенскому миру 1678 г. Прогноз о *возрождении* здесь немецкого влияния не оправдался. 3) Неверным оказался и расчет на то, что Голландия *возвратится под сень Германии*. 4) *Бельгия ... замерла на краю бездны...* — Присоединенная в 1815 г. к Голландии, Бельгия осталась в августе 1830 г., находя поддержку со стороны только что установившегося июльского режима во Франции; на просьбу о военной помощи, адресованную голландским королем Вильгельмом I четырем великим державам, откликнулся лишь прусский король Фридрих-Вильгельм III, чье вмешательство предотвратила угроза нового французского кабинета выступить на стороне Бельгии (которую тем самым *судило броситься в объятия Франции*). Путем сложных дипломатических переговоров, великие державы признали независимость Бельгии и в 1831 г. выбрали для нее короля — германского принца Леопольда Саксен-Кобургского, который приходился дядей наследнице английской короны (королевы с 1837 г.) Виктории. *На краю бездны* Бельгия *замерла* в 1838–1839 г., предъявив претензии на Рейнскую провинцию в Пруссии, в чем великие державы ей отказали; сколь-нибудь *явственного поворота* этой страны в сторону Германии не произошло.

Абзац [14]. Роль России как *третьей силы*, т.е. регулятора отношений между Германией и Францией, трактуется в абзацах [17–22].

Абзац [15–16]. Горстка умов — двое или трое в Германии ~ в речи их мало вдумывались. — Применительно к немецкой традиции Тютчев несомненно подразумевает Гердера, прогнозировавшего высокую миссию славянства в «Идеях к философии истории человечества» (книга XVI, глава 4; о влиянии этой концепции на русскую интеллектуальную традицию см. [Zeldin: 1979: 11–24]), и Шеллинга, который в 1830–1840-х гг. сообщал русским собеседникам свой взгляд на высокое предназначение России: в 1829 г. — П. В. Киреевскому [Киреевский 1830: 115], в 1836 г. — Н. А. Мельгунову (вставившему в отчет об этой беседе упоминание Тютчева; см. [Осповат 1989: 453–457]), в 1842 г. — В. Ф. Одоевскому [Сакулин I/1: 386–387]. (Ср. в обстоятельном обзоре А. Куника: Шеллинг «бросит, говорят, в своей новой системе взгляд на Россию, от которой ожидает много, особенно в религиозном отношении» [Куник 1841. № 5: 129].) Тютчеву были также хорошо известны мистические пророчества грядущего апофеоза России, содержащиеся в романе К. Эккартсгаузена «Тоска по родине» (1794; название обыграно в известной тютчевской шутке: «я испытываю не Heimweh, а Herausweh» [ЛН. Т. 97. Кн. 2: 48], а также взгляды мюнхенского философа (и ревностного католика) Ф.-К. Баадера, связывавшего будущее христианства именно с православной Церковью (см. [Шевырев 1840: 7]; ср. [Шевырев 1841: 427]). Очень вероятно, что в этом ряду стоит и Гейне, включивший в третью часть «Путевых картин» (1829) до сих пор интригующий пассаж: «Если сравнить в смысле свободы Англию и Россию, то и самый мрачно настроенный человек не усомнится, к какой партии примкнуть. Свобода возникла в Англии на почве исторических обстоятельств, в России же — на основе принципов. <...> Россия — демократическое государство, я бы назвал ее даже христианским государством, если употреблять это столь часто извращаемое понятие в его лучшем космополитическом значении...» ([Гейне IV: 225–226; литература, обсуждающая это место в свете знакомства Гейне и Тютчева, указана в [Алексеев 1971: 154–157])⁸. О разных гранях образа России,

сформированного в немецком сознании XVIII – первой половине XIX в., см. [Groh 1961: 17–205].

Что же касается *одного или двух* французских имен (см. также коммент. к абзацу [34]), то здесь может подразумеваться и Вольтер (автор «Истории Петра Великого» и статьи в «Философском словаре», резко полемизировавшей с оценкой России, данной во второй главе «Общественного договора» Руссо), но прежде всего — Алексис де Токвиль. Второй том его знаменитой книги «О демократии в Америке» (1835) завершался прогностической характеристикой Соединенных Штатов и России: «Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе. Все остальные народы, по-видимому, уже достигли пределов своего количественного роста <...> эти же постоянно растут. <...> Американцы одерживают победу с помощью плуга земледельца, а русские — солдатским штыком. <...> В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство. У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира» [Токвиль 1992: 296]. Это сопоставление, восходящее к французским просветителям и актуализированное в революционную эпоху⁹, нередко варьировалось на страницах европейской прессы в конце XVIII – начала XIX в. (см. [Groh 1961: 124–140]), но сделалось общим местом только благодаря Токвиллю. Оно отразилось и в последующем тютчевском рассуждении.

... *Запад судил о России примерно так же, как современники Колумба об Америке.* — В русле характеристики России как *другого нового света* образ первого русского императора, сохраняющий традиционные геральдические коннотаты, получает проекцию на фигуру Колумба: *Темные тучи скрывали это неспешное рождение целого мира. Но наконец судьбы свершились, рука исполина разогнала тучи...* (Этот же мотив имплицитирован в вольном переложении стихотворения Шиллера «Колумб», которое тогда же вышло из-под тютчевского пера: «Ты завесу расторг божественной рукой — / И новый мир,

неведомый, неожиданный, / Из беспредельности туманной / На божий свет ты вынес за собой»..) Впрочем, сходство двух *неведомых* миров ограничено здесь сугубо внешними признаками: в содержательном плане стереотипный концепт Америки, лишенной исторической традиции¹⁰ и предельно удаленной от Старого света (по отношению к которому она «лазейка для бегства», в то же время превышающая размеры самой «тюрьмы» [Гейне IV: 226]), антитетичен тютчевскому концепту России.

В отличие от ранних славянофилов, наделявших сакральным смыслом «дух» и «субстанцию» русского народа, Тютчев абсолютизирует именно форму его исторического существования: «Россия прежде всего христианская империя» ([ПСС: 295; из статьи 1849 г.]). Для понимания этого и ряда связанных с ним положений, которые в данной статье изложены в редуцированном виде и довольно сбивчиво, рассмотрим их в более широком контексте.

В основе всех тютчевских историко-политических конструкций лежит идея *translatio imperii* — одна из ключевых идей средневековой историософии, возводимая к видениям пророка Даниила и вызванная к жизни первой христианской трактовкой истории, данной в труде Августина «О граде Божьем» (см., напр. [Буланин 1994: 92 *passim*]). Формула, отрефлектированная в набросках к более позднему трактату «Россия и Запад» («Империя не умирает. Она передается. <...> Империя <...> существовала всегда. Она только переходила из рук в руки» [ЛН. Т. 97. Кн. 1: 222, 224]), была впервые эксплицирована в меморандуме 1845 г. И если в статье, предположенной для публикации в немецкой прессе, вопрос стоит лишь о восстановлении исторических прав Восточной Европы (*законной сестры христианского Запада*), то в послании императору приоритет четко определен: «Западная Европа еще не была создана, когда мы уже существовали, и существовали, без сомнения, со славой. Все различие в том, что тогда мы назывались Восточной Империей, Восточной Церковью; мы и сегодня то же, что были тогда» [Осват, Мильчина 1992: 104]. Логика здесь такова: Риму (четвертой империи, по тютчевско-

му счету¹¹⁾ наследует Константин, и он становится первым восточным и первым христианским императором; историю Запада открывает империя Карла Великого, которая вместе с «схизматическим римским папством» узурпировала законные права наследников Константина [ЛН. Т. 97. Кн. 1: 224]. Далее происходит акт передачи имперского наследия Константина: спустя девять лет после падения Византии «великий царь Иван III воссел на московский престол», и с тех пор «началось истинное и окончательное бытие» Восточной империи ([Осповат, Мильчина 1992: 109]; в комментируемой статье связующее звено опущено и акцент изменен: сравнительно с *истинной Восточной империей* Византия была всего лишь *слабым, несовершенным наброском*). Под таким углом зрения описываемая в статье 1844 г. *встреча Европы Карла Великого и Европы Великого Петра* может интерпретироваться как первая фаза прямого поединка между двумя империями — самозванной Западной и законной Восточной, — символами которых выступают, с одной стороны, основатель конкурировавшей с Византией державы, а с другой, наиболее активный *реставратор* принципа и дела Константина. Таким образом, *Восточная империя* предстает у Тютчева в двух ипостасях: как прообраз будущей вселенской монархии — с «православным императором» в Константинополе и «православным папой в Риме, подданным императора» ([ЛН. Т. 19–21: 196]; см. в «Русской географии»: «От Нила до Невы, от Эльбы до Китая / От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная... / Вот Царство Русское... и не прейдет вовек...»), и как империя православного Востока. В свою очередь, тютчевский Восток проецируется и на весь «огромный мир, наследующий греческому кресту» ([Осповат, Мильчина 1992: 107]; см. в стихотворной инвективе Нессельроде: «Венца и скиптра Византии / Вам не удастся нас лишить!...»), и на Восточную Европу, т.е. на славянский ареал (см. «Пророчество», где апофеозу русского царя «в возобновленной Византии» выражает титул «всеславянского царя»¹²⁾). В статье 1844 г. Восточная империя отождествляется именно с Восточной Европой, *на три четверти уже устроенной*¹³⁾, и это место публицистически заострено угрозой военной

рукой добиться *последнего и необходимого пополнения* (ср. воспоминания А. В. Мещерского о беседе в доме С. Н. Карамзиной в 1844–1845 гг., когда Тютчев «высказал очень воинственные помыслы об умиротворении всех Славянских племен присоединением их силою оружия под скипетр русского царя как о факте неизбежном и о цели, весьма легко достижимой» [РА. 1901. № 2: 473]).

Здесь Тютчев включается в дискуссию по поводу *Восточного вопроса*, которая развернулась в Европе на рубеже 1830–1840-х гг.

Поводом к ней послужил очередной кризис в международных отношениях, вызванный острым конфликтом внутри Турецкой империи. Летом 1839 г. армия Махмуда II, посланная в карательный поход против египетского паши Мухаммеда-Али, самого могущественного вассала Порты (пользовавшегося к тому же поддержкой Франции), была наголову разбита, а флот дезертировал; так и не узнав об этом, престарелый султан умер¹⁴, оставив наследником шестнадцатилетнего сына. В этой ситуации петербургский двор, давно искавший возможности составить вместе с Англией антифранцузскую комбинацию, добровольно отказался от роли главного покровителя Порты (что было закреплено Ункяр-Исклессийским договором 1833 г., который обязывал султана закрыть проход в Дарданеллы в случае войны России с любой иностранной державой) и принял участие в коллективной акции: 15 июля 1840 г. Англией, Россией, Австрией, Пруссией и Турцией была подписана конвенция, содержавшая условия урегулирования турецко-египетского конфликта и установившая новый режим Черноморских проливов — они объявлялись закрытыми для всех иностранных (нетурецких) военных судов, пока Порта находится в состоянии мира. Франции, исключенной из европейского концерта, оставалось полагаться на военную мощь Мухаммеда-Али, однако последний — ввиду успешных операций англо-австрийской эскадры на Ближнем Востоке — вынужден был эвакуироваться в Египет (оставленный ему в наследственное владение). Осенью 1840 г. июльская монархия, стоявшая перед выбором: война с возрожденным Священным сою-

зом¹⁴ или отказ от поддержки амбиций египетского паши, грозивших целостности Порты, — предпочла уступить; в конце октября Луи-Филипп вынудил уйти в отставку кабинет А. Тьера (возглавлявшего «партию войны» — см. коммент. к абзацу [29]), и 13 июля 1841 г. второй лондонский протокол зафиксировал присоединение Франции к конвенции 1840 г. (подробнее см.: [Дебидур 1: 386–415; Михайлов 1995: 325–340]).

Несмотря на то, что очевидным следствием восточного кризиса стал переход функций протектора Порты от России к Англии, в фокусе европейского внимания снова оказались «стремления Московии <...> завоевать или хитростью добыть на берегах Босфора ключ ко всемирному господству» ([Гейне VIII: 119]; корреспонденция из Парижа от 31 января 1841 г., опубликованная в AZ). Буквально через несколько месяцев Н. И. Надеждин информировал из Вены: «Со всех концов Германии бьют тревогу; распускают слухи, подозрения, страхи; проповедуют вообще ополчение против какого-то страшилища, окрещенного мистическим именем *панславизма*» ([Надеждин 1841: 515]; ср. описание заграничных впечатлений персонажа «Тарантаса», навеянное реальным путешествием автора в 1842–1843 гг.: «Иногда за табль-д`отом делали ему самые ребяческие вопросы: скоро ли Россия завладеет всем светом? правда ли, что в будущем году Цареград назначен русской столицей? <...> В Германии панславизм занимал все умы» [Соллогуб 1845/1982: 211]).

Свидетельство Надеждина как бы предваряет позднейший вывод о фантомном характере того «панславизма», который был клиширован массовым сознанием на рубеже 1830–1840-х гг. Этот конструкт, ассоциировавший умозрительные соображения о будущей интеграции славянских наций с племенной тягой к гегемонии и/или тайной политической доктриной Петербурга, возник в идеологическом поле «пангерманизма», обслуживая его нужды в качестве опережающей имитационной модели (в этой связи см. [Волков 1969: 54–55]). Но вместе с тем появление термина стимулировало кристаллизацию собственно панславистских воззрений, и статья 1844 г.,

как бы оправдавшая самые худшие подозрения на этот счет немецких алармистов и одновременно навязчиво фиксирующая рефлексию на тему *германского единства* (см. коммент. к абзацу [29]), входит в круг фундаментальных источников по интеллектуальной истории Европы.

Абзацы [17–22]. *Остается третий исход...* — Ровно через десять лет Россия вступила в войну с англо-франко-турецкой коалицией, связанной союзническими отношениями с Австрией и Пруссией; тютчевский прогноз, опиравшийся на аналогию с *1812 годом*, как известно, не оправдался. *Рейнская конфедерация* — см. коммент. к абзацам [11–13].

Россия захотела раз и навсегда утвердить победу права... — Пассаж, из которого вытекает тождественность исторических прав России и Германии, обусловлен жанром и адресацией текста. Суть же тютчевской концепции заключается в том, что германский принцип (воплощенный Карлом Великим) выглядит *законным* только по отношению к романскому, который выродился в *революционный* (см. абзацы [11–13] и коммент. к ним); но в общей исторической ретроспективе (и перспективе) наследники Константина суть единственные законные носители имперской идеи (см. коммент. к абзацам [15–16]).

Абзацы [23–24]. *О последней победе, одержанной глубоко нравственным союзом Николая I и прусских монархов* (см. коммент. к абзацам [5–6], подробнее говорится в абзаце [29].

Абзац [25]. *О великом вопросе германского единства* см. коммент. к абзацу [29]. ... *в ту эпоху, когда всякий либеральный листок ~ теми оскорблениями...* — См. коммент. к абзацу [27].

Абзац [26]. *Книга, посеявшая убеждение, будто Россия стремилась подчинить себе мелкие германские государства*, — анонимно вышедшая брошюра «Европейская пентархия» [*Europäische Pentarchie*; Leipzig, 1839]¹⁶, написанная К.-Э. Гольдманом (немцем, состоявшим на русской дипломатической службе, которому протектировал посол в Берлине П. К. Мейендорф). Здесь рисовалась схема, согласно которой

Европа разделялась на зоны влияния пяти великих держав: Австрии, Пруссии, Франции, Англии и России, причем последней — а не Пруссии или Австрии — отводилась роль протектора всех остальных немецких государств (см. [Groh 1961: 180; Jahn 1980: 241, 261, Anm. 43]). Нессельроде, поначалу с радостью приветствовавший появление брошюры, написанной «совершенно в нашу пользу» ([Nesselrode VII: 291]; письмо Мейендорфу от 8 октября 1839 г.), вскоре уяснил, что трактовка автора подразумевала, по выражению Тютчева, *ущерб законному влиянию двух величайших держав, входящих в [Германскую] Конфедерацию*. В письме Нессельроде от 25 ноября 1839 г. Мейендорф сообщал, что в Пруссии «Пентархия возбуждала против нас много брани» [Meyendorf I: 83–84], а М. П. Погодин, в 1839 г. путешествовавший по Европе, писал во втором своем отчете: «Сочинение о Пентархии самым странным образом возбудило добрых немцев против нас: они обиделись, что какой-то их же брат-фантазер рекомендовал им покровительство России...» [Погодин IV: 60]. Австрийский канцлер К. Меттерних, расценивший эту брошюру как инспирированное русским правительством покушение на существовавшие дипломатические договоренности, вступил в нелюбезную переписку с Бенкендорфом (см. [Осповат 1994: 117–119, 121]).

Абзац [27]. Частный случай, который приводится в доказательство попыток России помешать развитию в Германии *конституционных установлений* (он же подразумевается в абзаце [25] в связи с *оскорблениями* либеральных листков в адрес Австрии), — имел место в 1819–1820 гг. Австрия, игравшая тогда решающую роль в Германском союзе (см. коммент. к абзацам [5–6]), выступила против первых опытов немецкого парламентаризма (в частности, в Вюртемберге и Баварии): чтобы добиться поддержки Александра I, Меттерних запугивал его перспективой революции в Южной Германии. Хотя позицию Меттерниха решительно оспорили русский статс-секретарь по иностранным делам И. А. Каподистрия, а также некоторые послы, — например, П. Б. Козловский (в Вюртемберге и Бадене) и Ф. П. Пален (в Баварии), Александр I в итоге уступил

давлению Австрии, и дальнейшее развитие конституционализма в немецких землях было пресечено (см. [Додолев 1998: 124–147]). Козловский, который в 1820 г. вышел в отставку, позднее рассказал Тютчеву подробности этой истории (см. [Осповат 1998: 447–449]). Однако если в середине 1820-х гг. Тютчев вполне сочувствовал идеям своего старшего коллеги, то в статье 1844 г., напоминающей об имперском принципе Германии, *о суверенных парламентах* говорится с очевидным пренебрежением.

Пытаться представить Россию принципиальной противницей той или иной формы правления ~ в высшей степени безрассудное. — Начиная с Екатерины II, русские монархи охотно констатировали преимущества разных форм государственного устройства, утвердившихся за пределами их державы. В данном случае автор мог опираться на высказывание Николая I, только что обнародованное Кюстином: «Мне понятна республика, это способ правления ясный и честный, либо по крайней мере может быть таковым...» ([Кюстин I: 212]; о другом его высказывании в пользу республики как принципа см. [Там же: 486, коммент.]).

Абзац [28]. В результате *Июльской революции* во Франции, ниспровергнувшей старшую ветвь Бурбонов, 9 августа 1830 г. «королем французов» был провозглашен Луи-Филипп Орлеанский — в нарушение прав малолетнего герцога Бордосского, в пользу которого состоялось отречение Карла X. Тютчев, по словам И. С. Гагарина, видел в этом «присутствие революционного начала, насильственное нарушение права и закона» [ЛН. Т. 97. Кн. 2: 53]. Однако именно нелегитимность Луи-Филиппа определила его достаточно миролюбивую внешнюю политику, что отразилось в упоминаемом здесь прозвище *Наполеон мира* («он говорил себе, что, потерпев поражение, наверное будет низложен <европейскими> монархами, а добившись победы, будет слишком далеко увлечен демократами» ([Дебидур I: 298; на эту тему см. [Федосова 1989: 23–36]). Предположение о том обороте, какой оборот приняла бы политика Луи-Филиппа, если бы не верность России своим обязательствам, характеризует тютчевский взгляд на провиденци-

альный характер немецко-французской вражды (см. коммент. к абзацам [11–13]), но не отражает политической реальности; на протяжении 1830-х гг. интересы Франции и Пруссии часто совпадали, и свидетельством достаточно доброжелательных отношений двух стран стал брак герцога Орлеанского (старшего сына Луи-Филиппа) и герцогини Мекленбург-Шверинской (близкой родственницы Фридриха-Вильгельма III), заключенный (в мае 1837 г.) несмотря на противодействие России. Единственное исключение — восточный кризис (см. абзац [29] и коммент. к абзацам [15–16, 29]).

Абзац [29] ... когда г-н Тьер ... вознамерился отомстить Германии за неудачи французской дипломатии на Востоке... — В период между подписанием конвенций от 15 июля 1840 г. и 13 июля 1841 г., устанавливавших порядок разрешения Восточного кризиса (см. коммент. к абзацам [15–16]), премьер-министр А. Тьер предпринял целый ряд мер по усилению военной мощи Франции, сопровождавшихся милитаристскими декларациями, направленными против Пруссии. Николай I, разумеется, был готов защитить Пруссию (которую в этом конфликте поддерживало русское общественное мнение — см., напр., перепечатанный из AZ материал под заглавием «Исторический очерк французских завоеваний в Германии» [Москв., 1841. Ч. III. № 6: 558–560]), однако в реальность французской агрессии не верили ни Нессельроде (см. его письмо Мейендорфу от 24 октября 1840 г. [Nesselrode VIII: 57]), ни сам император, воздержавшийся от объявления мобилизационных мероприятий [Михайлов 1995: 335]. Это заставляет усомниться в достоверности сообщенных Тютчевым конкретных планов Николая I на случай французского вторжения в Пруссию (*восемьдесятитысячная армия выступает в поход немедленно, а еще двести тысяч — в течение полутора месяцев*). Скорее всего Тютчев оперировал одним из тех многочисленных слухов, которые распространялись в дипломатических и светских салонах России и Европы¹⁷.

Резкое обострение в отношениях Франции и Пруссии вызвало националистическую агитацию по обе стороны Рейна: 8 ноября 1840 г. Меттерних писал австрийскому послу в Па-

риже А.-Р. Аппони: «Вся Германия готова воевать, и это будет война народа с народом» (цит. по: [Дебидур I: 408]). Если во Франции распевали «Марсельезу» и одушевлялись воспоминаниями о победах Наполеона, то во всех германских землях декламировали ставшее патриотическим гимном стихотворение Николауса Бекера *Rheienlied* («Песнь о Рейне»): «Sie sollen ihn nicht haben, den freien deutscher Rhein... <Им никогда не достанется свободный немецкий Рейн...>»¹⁸ — и требовали аннексии Эльзаса и Лотарингии. Именно в этот момент идеи возрождения единой Германии, обсуждавшиеся ранее в трактатах участников войны 1813–1814 гг. («Рейн — немецкая река, а не граница Германии» Э.-М. Арндта) и на праздниках в Вартбурге и Гамбахе, стали фактором массового сознания. С ретроспективной характеристикой, которую Гейне дал в 1854 г. (при переиздании парижских корреспонденций в *AZ*): «Тьер барабанным боем вовлек наше отечество в великое движение, пробудившее политическую жизнь Германии; нас как народ Тьер снова поставил на ноги, и немецкая история будет помнить эту его высокую заслугу» [Гейне VIII: 18]), вполне согласуются впечатления самых первых наблюдателей. «В Пруссии, — уже в 1841 г. писал А. А. Куник, — все более и более начинает развиваться пылкий патриотизм, который, вместе с большей частью остальной Германии, видит в этом государстве единственную подпору для немецкой политической и умственной самостоятельности...» [Куник 1841. № 4: 438]; более широкое обобщение появилось через год на страницах «Отечественных записок»: «Что все более поражает, однако ж, путешественника, так это следующее: Германия укрепляется; куда ни оглянешься, везде строятся крепости — на Рейне, в Раштадте, Ульме, Тироле, и еще существует множество новых предположений. По временам из национальных газет раздаются критики: «Укрепляйтесь, укрепляйтесь!» Так одно политическое обстоятельство обратило Германию к самой себе и к началам, на которых может быть основана твердо ее материальная и нравственная сила» [Анненков 1983: 75]. Символом идеологии будущего рейха стала появившаяся в 1841 г. «Немецкая Песнь» А.-Г. Хоффмана (*Das Lied der Deutschen*; ис-

полнялась на музыку Гайдна), давшая формулу германского «притяжения»: «...Von der Maas bis an die Memel / Von der Etsch bis an den Belt — / Deutschland, Deutschland über Alles, / Über Alles in der Welt».

Конкретные примеры наслоения этой идеологии на традицию русофобии были у Тютчева перед глазами (незадолго до написания данной статьи он вошел в отношения с Я.-Ф. Фалльмерайером, пророчившим великую схватку «германства» и «скифо-византийства» [Осповат 1994: 119, 124–125]), однако перспектива германского единства еще долгое время ему казалась нереальной: «Единство принципиально невозможно, потому что с Австрией единства быть не может. Без Австрии нет Германии. Германия не может стать Пруссией, потому что Пруссия не может стать Империей» [ЛН. Т. 97. Кн. 1: 220].

Саркастическое замечание о том, что немецкая пресса осведомлена даже о числе кулачных ударов, которыми русские таможенники награждают прусских контрабандистов, выводит к одной из самых болезненных проблем русско-прусских отношений. Парадоксальным образом Пруссия, тесно связанная с петербургским двором родственно-политическими узами, являлась единственной из великих стран, с которой у России не существовало договора, регулировавшего торговые и таможенные отношения. После того как в августе 1836 г. истек срок действия соответствующей конвенции, все попытки выработать приемлемые для обеих сторон условия оканчивались неудачей, что побудило Россию принять односторонние меры. 3 декабря 1839 г. Нессельроде инструктировал Мейендорфа: «Наши торговые отношения с Пруссией изменению не подлежат <...> я не боюсь ответных шагов со стороны Пруссии, так как она уже доставила нам максимум возможных неприятностей, обложив огромными пошлинами наш транзит через Данциг» [Meyendorff I: 295]. Эта «запретительная система», крайне раздражавшая Берлин (о чем прямо высказался будущий германский император Вильгельм I в беседе с виленским генерал-губернатором, командированным на церемонию принесения присяги королю Фридриху-Вильгель-

му IV в августе 1840 г.; см. [Миркович 1886: 332]), сделалась стандартным объектом нападков немецкой прессы (см. [Татищев 1889: 260–261; Simon 1893: 81–83], а также в цитированном донесении Швейцера Бенкендорфу от 31 мая 1841 г. [ГАРФ. Ф. 109. СА. № 279: 57 об.]).

Абзац [30]. Под *исключительными условиями*, в которые поставлена немецкая пресса, скорее всего подразумеваются наметившаяся с 1830-х гг. тенденция к ослаблению цензурного режима; в частности, в 1844 г. в Саксонии была отменена предварительная цензура для изданий, объем которых превышал 20 листов, к которым относился и 'Ежеквартальник Виганда' (см. коммент. к абзацам [7–8]).

Абзац [31]. Упоминаемая здесь *детская шалость* Гете описана в его книге «Из моей жизни. Поэзия и правда» (кн. I. Ч. 1) [Гете III: 13].

Абзац [32]. «*Мы обязаны вас ненавидеть ~ У вас не было ни феодализма, ни иерархического устройства церкви...*» — Рассматривая русофобию в свете дуализма принципов, определивших историческое развитие Запада и России, Тютчев политизирует то представление о национальной самобытности, которое русская мысль сформировала под впечатлением от трудов французской исторической школы — и прежде всего от книг Ф. Гизо «История цивилизации во Франции» (1828) и «История цивилизации в Европе» (1829–1832). Поиски объяснительной «формулы» (см. в неоконченной статье Пушкина о втором томе «Истории русского народа» Полевого: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада» [Пушкин XI: 120]) отразились в следующей схеме, выработанной славянофилами и Погодиным. 1) Западные государства основаны в результате завоеваний, Россия — добровольным призванием власти; 2) западные феодалы враждовали как с обращенным в рабство побежденным народом, так и с властью; русские бояре видели в государе желанного покровителя, а с крестьянства лишь собирали дань, не покушаясь на общинное устройство мира; 3) совре-

менный Запад, унаследовавший принцип раздора (племенного, затем сословного), обречен на революционное потрясение; современная Россия не знает борьбы классов и сохраняет отеческое отношение к власти.

«Ваш принцип не предоставлял достаточной свободы индивиду...» — Ср. в «Истории цивилизации в Европе»: «Страсть к личной независимости, несмотря на всю примесь <...> безумного эгоизма, есть благородное нравственное чувство. <...> Оно было внесено и положено в колыбель новой цивилизации варварами. Оно играло в ней такую важную роль, принесло такие прекрасные результаты, что нельзя не выставить его на вид как один из основных элементов этой цивилизации» [Гизо 1860: 28–29]. Здесь Тютчев не комментирует это место, но позднее, в набросках трактата «Россия и Запад», связывая революцию 1848 г. — как и всякую революцию — с культом «человеческого я», он посвятил этой концепции Гизо полемический пассаж [ЛН. Т. 97. Кн. 1: 207].

Абзац [33]. *Взгляните, например, на Англию и на рабочих, трудящихся на ее мануфактурах...* (и до конца). — Дебаты по поводу массовой пауперизации фабричного населения, сопровождавшей экономический расцвет Соединенного королевства, в 1830–1840-е гг. постоянно велись как в самой Англии (в 1845 г. вышел роман Б. Дизраэли, название которого ввело одну из главных публицистических формул: «Сивилла, или Две нации»), так и в европейской печати. Сравнение же в этом контексте *английской цивилизации и русского варварства* несомненно подразумевает преимущества социального положения крепостных.

Подобного рода суждения, достаточно распространенные в России (см., напр., в письме Вяземского А. И. Тургеневу от 23 ноября 1845 г.: если в Ирландии «несколько миллионов умирают от голода», то у нас, «когда неурожай, помещики худо ли, хорошо, но кормят» крестьян [ОА. IV: 340]; обзор см. [Ерофеев 1982: 124–125]), высказывались и за ее пределами. Так, вышедшая в 1843 г. книга Томаса Карлейля «Прежде и Теперь» (*Past and Present*) открывалась главой о бедственном положении фабричного люда, прозябающего «в своих

темных переулках, укрытых от всего, кроме ока Божьего и редкой благотворительности, слуги Божьей, и здесь такие сцены горя, нужды и отчаяния, какие, можно только надеяться, солнце никогда еще не видело даже в самых варварских местах, обитаемых человеком. <... in their dark lanes, hidden from all but the eye of God, and of rare Benevolence the minister of God, there are scenes of woe and destitution and desolation, such, as one may hope, the Sun never saw before in the most barbarous regions where men dwelt>» [Carlyle VI: 219]. Есть основания полагать, что Тютчев был знаком с этим сочинением: первая информация могла поступить к нему от Варнгагена (см. коммент. к абзацу [4]), немецкого корреспондента Карлейля, а в 1844 г., благодаря Ф. Энгельсу, книга вызвала резонанс в Германии (см. [Zenzinger 1983: 333]). В таком случае Тютчев, ревниво, как мы знаем, следивший за характеристиками России в европейской печати, не мог пропустить следующий пассаж (книга III, глава 5): «Но молчаливые русские, засеивающие всю дикую Азию и дикую Европу воинскими шеренгами, — ужасное, но до сих успешное предприятие, — они еще более немые. Римляне также не умели *говорить* в течение многих веков — пока мир не стал их собственностью; а полисы столь многоглаголивых Греков, растративших все стрелы логики, были поглощены и уничтожены. <...> Что до меня, то в эти времена громкой болтовни я глубже почитаю все Молчаливое. <But the dumb Russians <...> drilling all wild Asia and wild Europe into military rank and file, a terrible yet hitherto a prospering enterprise, are still dumber. The old Romans also could not *speak*, for many centuries — not till the world was theirs; and so many speaking Greekdoms, their logic-arrows all spent, had absorbed and abolished. <...> As for me, I honor, in these loud-babbling days, all the Silent rather>» ([Carlyle VI: 370]. Помимо патетической тоналльности, небезразличной обоим авторам, обращает на себя внимание и сам образ «молчаливого величия» (ср.: *вопли немецкой прессы* в адрес замкнувшей уста России — абзац [36]), и имплицированный здесь имперский мотив, усиливающий тождество Рима и России.

Со всей осторожностью вводя «Прежде и Теперь» в круг возможных идеологических источников тютчевской статьи, отметим, что в более ранней (но не менее известной) книге Карлейля «Герои и Героическое» (*Heroes and Hero-Worship*; 1840) эта же тема трактуется в противоположном смысле: «Да, поистине великое дело, если у Народа есть внятный голос, есть человек, который способен убедительно передать мелодию его души. К примеру, Италия, несчастная Италия, расчлененная на части, прозябает в раздробленности <...> однако благородная Италия на самом деле *существует*: Италия произвела Данте: Италия может говорить! Самодержец всех Росий — он силен своими штыками, казаками и пушками; он так велик в искусстве властвовать над огромными пространствами Земли, — но он еще не умеет говорить. В нем есть нечто великое, но это немое величие. Ему недостает голоса гения, чтобы быть услышанным всеми людьми и всеми эпохами. Он должен научиться говорить. До сих пор он великий немой монстр. <...> Народ, у которого есть Данте, спаян крепче, чем немая Россия. <Yes, truly, it is a great thing for a Nation that it get an articulate voice; that is produce a man who will speak forth melodiously what the heart of its means. Italy, for example, poor Italy lies dismembered, scattered asunder <...> yet the noble Italy is actually *one*: Italy produced its Dante, Italy can speak! The Tsar of all Russias, he is strong with so many bayonets, Cossacks and cannons; and does a great feat in keeping such a tract of Earth politically together; but he cannot yet speak. Something great in him, but it is a dumb greatness. He has no voice of genius, to be heard of all men and of all times. He must learn to speak. He is a great dumb monster hitherto. <...> The Nation that has a Dante is bound together as no dumb Russia can be>» [Carlyle XII: 341]. Приведенный фрагмент, впрочем, тоже очевидным образом соотносится с имперской темой, в русле которой сформировалась тютчевская концепция Данте (см.: [Лотман 1983: 33]).

Абзац [34]. ... получи сегодня парижские журналисты хоть малейшую уверенность ~ счастливое примирение двух держав. — Весьма натянутые отношения между Россией и Францией (показателем которых явился, в частности, тот

факт, что посол П. П. Пален, отбывший из Парижа 30 октября 1841 г., так и не вернулся в страну аккредитации, оставаясь, однако, в своей должности) определяла изначально неприязнь Николая I к июльской монархии (впрочем, в силу разных причин иногда смягчавшаяся; см. [Мильчина 1997: 311, 324, примеч. 30]). Между тем Франция, хотя и была заинтересована в нормализации этих отношений, прежде всего искала союза с Австрией и Англией: многозначительное упоминание столь часто повторяемых предложений, адресованных русскому двору, надо понимать как фигуру речи. Что же касается парижской печати, то ее оценки России и русских дел в то время отнюдь не исчерпывались *грозами и молниями*, а, наоборот, отличались крайней пестротой. Так, многие авторы, представлявшие сильную партию легитимистов (находившуюся в оппозиции к режиму Луи-Филиппа), видели в петербургской монархии оплот законности и гарантию европейского порядка (обширный материал собран в [Cadot 1967]). Из сочинений прорусской ориентации назовем здесь двухтомную книгу Э. Шаррьера «La Politique et de l'Histoire» (Париж, 1841–1842), где в развитие идей «Пентархии» (см. примеч. к абзацу [26]) выдвинуто положение о необходимости двух пентархических систем — западной и восточной; второй должна управлять Россия, которую «природа и история» наделили «провиденциальной миссией» объединения славян (см. [Cadot 1967: 474]).

В то же время слова о том, что примирение Франции и России вызвало бы единодушные восторги журналистов, можно прочесть и как намек на коммерческий характер ряда изданий, которые в 1830–1840-х гг. подкармливались и даже покупались агентом III Отделения в Париже Я. Н. Толстым (см. [Тарле VI: 565–644]).

Абзацы [35–39]. Резюме основных политических тезисов статьи завершается повторной угрозой (*Если в Европе все-таки разразится война и т.д.*).

Первые читатели. Перемена житейских обстоятельств. — Распространением брошюры Тютчева активно занимался А. И. Тургенев (см. его отзыв в коммент. к абзацам [1–3]). В

его дневнике от 29 июня 1844 г. (Киссинген) отмечено: «Писал к Жук<овскому> и послал письмо: <...> выписки из письма Тютчева к Кольбу...» [РО ИРЛИ. Ф. 309. № 300: 9 об.]. Через три месяца, 24 сентября, он из Парижа послал «брошюру Тютчева» в Россию — для Вяземского или для своего племянника А. Н. Татаринова ([Там же: 16 об.]; другие упоминания о брошюре см. [Там же: 11, 12]). Нет сомнений, что один из экземпляров Тургенев переправил Е. А. Свербеевой, с которой его связывали отношения самого доверительного характера; косвенным образом об этом свидетельствует письмо А. Я. Булгакова Вяземскому от 12 октября 1844 г. (из Москвы в Петербург): «Где мне бегать за Тютчева книгою, а попадет, так прочту, но не скоро ее выручить из Свербеевского круга» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1505: 65].

В письме отцу от 29 октября 1844 г. Тютчев писал, что генерал-адъютант Л. А. Нарышкин, случайно прочитав его брошюру, повсюду о ней рассказывал «и наконец до того преуспел, что сумел представить ее Государю, который по прочтении объявил, что нашел в ней все свои мысли, и будто бы выразил желание узнать имя автора. Я, разумеется, чрезвычайно польщен таким совпадением взглядов, но, должен признаться, отнюдь не из самолюбования» [Аксаков 1886: 31]. Такая реакция императора безусловно благоприятствовала улучшению карьерных видов автора брошюры: окончательно переехав в Россию осенью 1844 г., он вскоре (16 марта 1845 г.) был возвращен в министерство иностранных дел. Весной—летом 1845 г. Тютчев направил Николаю I конфиденциальный меморандум, в котором начистоту высказал свои историко-политические соображения (см. выше) и, кроме того, снова предложил себя для практической цели — «завязать прочные отношения с какой-нибудь из наиболее уважаемых газет Германии» и собрать в этом печатном органе истинных сочувственников России, «радетелей серьезных, почтенных, заставляющих публику себя слушать...» ([Осповат, Мильчина 1992: 113]; см. коммент. к абзацам [1–3]). Эта инициатива не возымела последствий. По сведениям А. И. Тургенева, автора вознаградили 6000 рублями и обещанием «дипломатического по-

ста» [Там же: 90]; весьма прельщавшее его назначение (см. отзыв П. А. Плетнева, относящийся к осени 1844 г.: «Он дипломат: страждет, кажется, честолюбием, не любит более поэзии» [Грот–Плетнев II: 327]), тоже не состоялось, но отныне Тютчеву предоставлялись должности сугубо синекурного свойства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. в этой связи характеристику тютчевской поэзии, данную в посмертно изданном курсе Н. С. Трубецкого: «Seine Gedichte kann man nicht lesen oder singen, man muß sie vortragen — deklamieren. Das Rhetorische gibt ihnen die ihnen eigene überzeugende Kraft» [Trubetzkoy 1956: 125].
- ² Очерк истории газеты и ее характеристику см. [Heyck 1898; Padrutt 1972: 131–144]; в связи с участием в ней К. Маркса см. также: [Дубовиков 1950: 474 *passim*].
- ³ Показательно замечание читателя этого донесения, сделанное порусски на полях: «В дружеской связи с Севериным <русским послом> в Мюнхене. Сестре его дан фермуар» [ГАРФ. Ф. 103. СА. Оп. 4. № 279: 63 об.].
- ⁴ Докладывая в Петербург об этой статье, Л. Г. Виолье (служивший в русском посольстве в Баварии) отмечал, что она «принадлежит искусному перу писателя, находящегося в Мюнхене; побуждаемый усердием, он уже не раз помещал в немецкой печати статьи, столь же пылкие, сколь и благомысленные» [Динесман 1999: 269]. О наличии корпуса анонимных статей Тютчева 1830–1840-х гг. до сих пор не было известно.
- ⁵ В своем роде показательно и попытка оспорить очевидные факты, предпринятая тем же Гречем: «Неправду говорят, будто Россия не имеет друзей в чужих краях, будто на нее глядят со злобой и завистью. Это может быть справедливо в отношении к некоторым отдельным лицам: люди, которым хотелось бы помутить Германию и воспользоваться беспорядками, разумеется, с досадою смотрят на колоссальную Россию, которая не потерпит нарушения прав и спокойствия ее союзников» [Греч 1837: 125–126].
- ⁶ Ср. примечательное рассуждение, внесенное Швейцером в депешу Бенкендорфу от 31 мая 1841 г.: «Сколько бы ни утверждали обратное, Европа более или менее превратилась в одну большую семью, и ни один из членов, ее составляющих, не смог бы полно-

стью отделиться от остальных. Вдобавок, даже если бы кто-то попытался это предпринять, употребленные для этого усилия послужили бы лишь признаками слабости и боязни, и увеличили зло вместо того, чтобы его уменьшить. — Подобно некоторым физическим болезням, которые оказываются заразными, политические идеи, если они хоть сколько-нибудь значительны, стоят их однажды высказать, проникают более или менее повсюду. Они так летучи, что одной лишь материальной силы недостаточно для их подавления. <...> С определенной точки зрения пресса ничто или почти ничто, но с точки зрения реальности она -- сила тем более опасная, что действует на умы безостановочно и тот, кто говорит, в конечном счете всегда одерживает победу над тем, кто молчит» [ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 4. № 279: 51–52].

В общем виде эта схема восходит к книге Ф. Гизо «О правительстве во Франции до Реставрации и о современном министерстве» (1820), где было сформулировано противопоставление буржуазии (романских потомков) дворянству (германским потомкам). См. также коммент. к абзацу [32].

Однако и в этом контексте повторяется мотив грозящего Германии «русского кнута» [Гейне IV: 225], годом ранее возникший в статье о книге В. Менцеля «Немецкая литература»: «творения Гете <...> будут жить даже тогда, когда немецкий язык давно уже станет мертвым, а кнутом иссеченная Германия будет говорить на славянском наречии» (ср. коммент. к абзацам [7–8]).

Прогноз нового мирового порядка, который идет на смену старому режиму, разрушенному Французской революцией, см. в письме Ф.-М. Гримма Екатерине II от 20 декабря 1790 г.: «два государства тогда поделят между собой все преимущества образованности, всю силу гения в литературе, искусстве, военном деле и промышленности: Россия со стороны востока, а освобожденная в наши дни Америка со стороны запада» [Грот 1884: 138].

См. в стихотворении Гете «Соединенные Штаты», процитированном, кстати, в AZ 18 января 1844 г.: «Тебе, живущей в настоящем, не тревожат душу ни напрасные воспоминания, ни бесполезные споры <Dich stört nicht im Innern / Zu lebendiger Zeit, / Unnützes Erinnern / Und vergeblicher Streit>».

Первые три — Ассирия, Персия и Македония (т.е. империя Александра Великого) [ЛН. Т. 97. Кн. 1: 224].

Формула всеславянского «притяжения» была опробована в послании Ганке (1841): «От Невы до Черногорья / От Карпат за Урал». Здесь, как и в послании Мицкевичу 1842 г. («Воспрянь —

- не Польша, не Россия / Воспрянь Славянская семья!)), имперский мотив, разумеется, отсутствует.
- ¹³ Включая Польшу, что специально оговаривается. В словах: *пала* не собственно *нация*, но усвоенная ею *ложная цивилизация*, — различим отголосок стихотворения «Как дочь родную на закланье...» (1831): «Ты пал, орел одноплеменный. / На очистительный костер», при том, что именно «коран самодержавья» требует теперь этой жертвы.
- ¹⁴ В Греции смерть Махмуда II воспринималась в русле пророчества о восстановлении Византийской империи в 1840 г. (под рукой воскресшего Иоанна Комнина). См. [Мисюревич 1997: 82 *passim*].
- ¹⁵ Так понималось дело и в России; см., напр., в письме генерала Н. С. Сулимы сыну от 20 сентября 1840 г.: «У вас читают же хоть газеты, из которых очень видно, что во всей Европе готовится война, которая и должна скоро, скоро вспыхнуть» [Сулима 1874: 198].
- ¹⁶ В буквальном смысле пентархия обозначает сосуществование пяти первопрестольных архиереев, управляющих Вселенской Церковью (римского, константинопольского, александрийского, антиохийского и иерусалимского).
- ¹⁷ Аксаков, установивший, что еще в 1843 г. аналогичными данными Тютчев поделился с французским литератором Л. Боре, почему-то решил, что они составляли «дипломатический секрет» [Аксаков 1886: 23]. Тютчев, однако, в тот момент не был посвящен в тайные планы русской политики.
- ¹⁸ Автор послал стихотворение Ламартину, который откликнулся на эту «немецкую Марсельезу» пацифистской по духу «Марсельезой мира» («*La Marseillaise de la paix*»), опубликованной 1 июня 1841 г. [Lamartine 1925: 832–838]. Вызов Бекера немедленно принял Мюссе, который 6 июня 1841 г. напечатал стихотворение «Немецкий Рейн» («*Le Rhin allemand*»): «*Nous l'avons eu, votre Rhin allemand... <Он был нашим, ваш немецкий Рейн...>*» [Musset 1923: 267–269].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ. СА: Государственный архив Российской Федерации. Секретный архив.

ЛН: Литературное наследство.

Москв.: Москвитянин.

ОА. IV: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. IV.

ОР РГБ: Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки.
РА: Русский архив.
РГАЛИ: Российский государственный архив литературы и искусства.
РО ИРЛИ: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом).
РС: Русская старина.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский. Осповат 1989 а: *Азадовский К. М., Осповат А. Л. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1830–1840-е гг.)* // ЛН. М., 1989. Т. 97. Кн. 2.
- Азадовский. Осповат 1989 б: *Азадовский К. М., Осповат А. Л. Тютчев и Варнгаген фон Энзе (К истории отношений)* // ЛН. М., 1989. Т. 97. Кн. 2.
- Аксаков 1874: *Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев (Биографический очерк)* // РА. 1874. № 10.
- Аксаков 1886: *Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева.* М., 1886.
- Алексеев 1971: *Алексеев М. П. «Дневной месяц» у Тютчева и Лонгфелло* // Поэтика и стилистика русской литературы / Памяти акад. В. В. Виноградова. М., 1971.
- Анненков 1983: *Анненков П. В. Парижские письма.* М., 1983.
- Барсуков VIII: *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина.* СПб., 1894. Кн. VIII.
- Белинский 9: *Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т.* М., 1982. Т. 9.
- Буланин 1994: *Буланин Д. М. Translatio studii: Путь к русским Афинам* // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994.
- Волков 1969: *Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм»* // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.
- Гейне: *Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. [Л.] 1957. Т. 4; [Л.] 1958. Т. 8.*
- Герцен II, XXII: *Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т.* М., 1954. Т. II; М., 1961. Т. XXII.
- Гете III: *Гете И. В. Собр. соч.: В 10 т.* М., 1976. Т. 3.
- Гизо 1860: *Гизо Ф. История цивилизации в Европе.* СПб., 1860.
- Греч 1837: <*Греч Н. И*> 28 дней за границей, или действительная поездка в Германию, Николая Греча. 1835. СПб., 1837.
- Грот 1884: *Грот Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом* // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1884. Т. 48. № 1. Приложение.
- Грот-Плетнев I–III: *Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым.* СПб., 1896. Т. I–III.

- Дебидур I: *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). М., 1947. Т. 1.
- Динесман 1999: *Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева* / Научный руководитель и отв. ред. Т. Г. Динесман. М., 1999. Кн. 1: 1803–1844.
- Джонг 1997: *Джонг Хи-Сок.* Идея славянского единства в мировоззрении Ф. И. Тютчева // *Славянский вопрос: веки истории.* М., 1997.
- Додолев 1998: *Додолев М. А.* Россия и проблемы Германской конфедерации в первые годы существования Священного Союза (1815–1820 гг.) // *Россия и Германия.* М., 1998. Вып. 1.
- Досталь 1989: *Досталь М. Ю.* Славянский вопрос в творчестве и общественно-политической деятельности Ф. И. Тютчева // *Общественная мысль и славистическая историография.* Калинин, 1989.
- Дубовиков 1950: *Дубовиков А.* Новое о статье Белинского «Парижские тайны» (по материалам зарубежной печати 1840-х годов) // ЛН. М., 1950. Т. 56.
- Ерофеев 1982: *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М., 1982.
- Карамзин II: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Книга II (томы V, VI, VII и VIII). М., 1989 [репринт издания: СПб., 1842].
- Киреевский 1830: *Киреевский П.* О Шеллинге // *Московский вестник.* 1830. Т. 1. № 1.
- Куник 1841. № 4–5: *Куник А.* Литература истории в Германии за два последние года // *Москв.* 1841. Ч. II. № 4–5.
- Кюстин I–II: *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году / Статья В. Мильчиной; перевод О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной и И. Стаф; комм. В. Мильчиной и А. Осповата. М., 1996. Т. I–II.
- Лемке 1909: *Лемке Мих.* Николаевские жандармы и литература 1865–1855 гг. Изд. 2-е. СПб., 1909.
- Лотман 1983: *Лотман Ю. М.* Тютчев и Данте. К постановке проблемы // *Уч. зап. Тартуского гос. ун-та.* Вып. 620. Тарту, 1983.
- Лэйн 1987: *Bibliography of works by and about Tiutchev to 1985 / Compiled by R. Lane.* Nottingham, 1987.
- Лэйн 1988: *Лэйн Р.* Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов // ЛН. М., 1988. Т. 97. Кн. 1.
- Мильчина 1997: *Мильчина В. А.* Шарль Дюран — французский журналист в немецком городе на службе у России // *Лотмановский сборник.* М., 1997. [Вып.] 2.

- Мильчина, Осповат 1994: *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Маркиз де Кюстин и его первые читатели (Из неизданных материалов 1830–1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1994. № 8.
- Мильчина, Осповат 1995: *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С. С. Уварова // Новое литературное обозрение. 1995. № 13.
- Миркович 1886: Император Николай и король Фридрих-Вильгельм IV (Из записок Ф. Я. Мирковича) // РС. 1886. № 8.
- Мисюревич 1997: *Мисюревич О. Е.* «Русская партия» и развитие национальной идеологии в Греции (Пророчества о восстановлении Византийской империи в 1840 году) // Вестник МГУ. Сер. История. 1997. № 6.
- Михайлов 1995: *Михайлов В. Б.* Восточный кризис 1839–1841 годов и русско-английское сближение. <...> // История внешней политики России: Первая половина XIX века. М., 1995.
- Надеждин 1841: *Надеждин Н.* Письмо из Вены о сербских песнях // Москв. 1841. Ч. III. № 6.
- Осповат 1989: *Осповат А. Л.* Тютчев и статья Н. А. Мельгунова о Шеллинге // ЛН. Т. 97. Кн. 2. М., 1991.
- Осповат 1994: *Осповат А. Л.* Тютчев и заграничная служба III Отделения (Материалы к теме) // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994.
- Осповат 1998: *Ospovat A.* Fedor Tjutšev über «Deutsche Zust?nde» // Herrmann D., Ospovat A. (Hrsg.) Deutsche und Deutschland aus Russischer Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II. München, 1998 (=West-Östlichen-Spiegelungen. Reihe B. Bd. 3).
- Осповат, Мильчина 1992: *Тютчев Ф. И.* [Докладная записка императору Николаю I 1845 г.] / Публикация и примечания А. Л. Осповата, перевод В. А. Мильчиной // Новое литературное обозрение. 1992. № 1.
- Осповат, Рогинский 1989: *Осповат А. Л., Рогинский А. Б.* Письмо И. С. Аксакова Тютчеву (1872) // ЛН. М., 1989. Т. 97. Кн. 2.
- Пигарев 1962: *Пигарев К.* Жизнь и творчество Ф. И. Тютчева. М., 1962.
- Погодин IV: Сочинения М. Погодина. М., 1874. Т. IV. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны, 1853–1856.
- ПСС: *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. СПб., 1911.
- Пушкин XI: *Пушкин.* Полн. собр. соч. [Л.,] 1949. Т. XI.

- Рус. идея: Русская идея / Сост. и автор вступ. статьи М. А. Маслин. М., 1992.
- Сакулин 1/1: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель. М., 1913. Т. I. Ч. 1.
- Соллогуб 1845/1982: Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба. СПб., 1842 [Репринт. издание: М., 1982].
- Сулима 1874: *Сулима С. Н.* Николай Семенович Сулима // РС. 1874. Т. X.
- Татищев 1889: *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы: Исторические очерки. СПб., 1889.
- Токвиль 1992: *Токвиль А. де.* О демократии в Америке. М., 1992.
- Тургенев 1964: *Тургенев А. И.* Хроника русского; Дневники (1825–1826) / Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. Л., 1964.
- Федосова 1989: *Федосова Е. И.* Становление внешнеполитического курса июльской монархии во Франции (1830–1834 гг.) // Вестник МГУ. 1989. История. № 2.
- Цымбурский 1995: *Цымбурский В.* Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6.
- Чулков 1933: *Чулков Г. И.* Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.; Л., 1933.
- Шевырев 1840: Донесение экстраординарного профессора Московского университета Шевырева к Г. Министру Народного Просвещения. из Минхена, от 10/22 февраля [1840 г.] // Журнал Министрства Народного Просвещения. 1840. Ч. XXVI. № 4. Отд. IV.
- Шевырев 1841: *Шевырев С.* Беседы Баадера // Москв. 1841. Ч. III. № 6.
- Cadot 1967: *Cadot M.* La Russie dans la vie intellectuelle française / 1839–1856. P., 1967.
- Carlyle VI, XII: The works of Thomas Carlyle (complete). N.-Y., 1897. Vol. VI; Vol. XII.
- Estermann 7: *Estermann A.* Die deutschen Literatur-Zeitschriften, 1815–1850: Bibliographien; Programme; Autoren. München; London; N.-Y.; P., 1991. 2. Aufl. Bd. 7 (1840–1844).
- Groh 1961: *Groh D.* Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961.
- Guthrie 1984: *Guthrie Ch.* The Revue des Deux Mondes and Imperial Russia, 1855–1917 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1984. Vol. XXV (1).
- Heyck 1898: *Heyck Ed.* 'Die Allgemeine Zeitung'. 1798–1898: Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Presse. München, 1898.

- Jacobsohn 1929: *Jacobsohn S.* Tjutcev-Beiträge. I. Der erste Briefe Tjutcevs an Dr. G. Kolb, den Redakteur der 'Augsburger Allgemeinen Zeitung' // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1929. Bd. VI.
- Jahn 1980: *Jahn P.* Russophilie und Konservatismus: Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit, 1831–1852. Stuttgart, 1980.
- Lamartine 1925: *Lamartine.* Œuvres choisies <...> Avec une biographie, des notes critiques, grammaticales, historiques <...> par M. Levaillant. P., 1925.
- Las Cases 1968: *Las Cases E.* Memorial de Sainte-Helene. P., 1968.
- Meyendorff I: *Meyendorff P. von.* Ein russischer Diplomat an der Höfen von Berlin und Wien. Leipzig, 1923. Bd. I.
- Musset 1923: Œuvres complètes de Alfred de Musset / Poésies nouvelles, 1833–1852. P., 1923.
- Nesselrode VII, VIII: *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode*, 1760–1850. P., 1908. T. VII; P., 1910. T. VIII.
- Padrutt 1972: *Padrutt Ch.* 'Allgemeine Zeitung' (1798–1929) // Fischer H.-D. (Hrsg.), Deutsche Zeitungen des 17. bis 20. Jahrhunderts. Pullach bei München, 1972.
- Pape 1992: *Pape W.* Eispalast der Despotie: Russen- und Rußlandbilder in der politischen Lyrik des Vormärz (1830–1848) // Keller M. (Hrsg.) Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung. München, 1992.
- Salomon III: *Salomon L.* Geschichte des Deutschen Zeitungswesens <...>. Oldenburg und Leipzig. 1906. Bd. III.
- Simon 1893: *Simon E. L'* Allemagne et la Russie au XIX-e siècle. P., 1893.
- Trubetzkoy 1956: *Trubetzkoy N. S.* Die russischen Dichter des 18. und 19. Jahrhundert: Abriß einer Entwicklungsgeschichte. Graz; Köln, 1956.
- Varnhagen I: *Varnhagen von Ense K. A.* Tagebücher. Leipzig, 1861. Bd. I.
- Zeldin 1973: *Poems & Political Letters of F. I. Tyutchev / Translated with Introduction and Notes by Jesse Zeldin.* Knoxville, 1973.
- Zeldin 1979: *Zeldin J.* Herder and Some Russians // Mlikotin A. (ed.), Western Philosophical Systems in Russian Literature: A Collection of Critical Studies. Los Angeles, 1979.
- Zenzinger 1983: *Zenzinger P.* Thomas Carlyle's Reputation in Germany // Drescher H. W. (Ed.) Thomas Carlyle 181: Papers Given at the International Thomas Carlyle Centenary Symposium. Frankfurt am Main; Bern, 1983 (=Scottish Studies. Vol. 1).

СПЕЦКУРС Ю. М. ЛОТМАНА О ТЮТЧЕВЕ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА

На протяжении своей работы в Тартуском университете (1950–1993) Ю. М. Лотман почти ежегодно читал так называемый специальный курс (спецкурс), т.е. курс лекций на избранную им самим тему. Во времена, когда вся университетская программа предписывалась и утверждалась Министерством высшего и среднего специального образования СССР в Москве и состояла почти сплошь из «обязательных» курсов, спецкурсы были, по существу, единственными лекциями, предоставлявшими возможность выбора и преподавателям, и студентам, которые могли избирать их в соответствии с собственными вкусами и академическими запросами. Тартуская кафедра русской литературы ежегодно предлагала несколько подобных спецкурсов — они читались по темам, демонстрировавшим научные интересы и метод каждого из сотрудников и вводили студентов в научно-исследовательский процесс. Хотя студенты должны были выбрать по одному курсу в год и два спецкурса за время обучения, однако наиболее заинтересованные из них посещали несколько или даже все предложенные спецкурсы, поэтому в расписании их старались ставить на разное (чаще всего вечернее) время, что не очень приветствовалось университетским начальством.

Для Лотмана университетские лекции с самого начала его преподавательского пути стали творческой лабораторией, местом, где он «проговаривал» свои идеи прежде, чем изложить их в статьях и книгах. Лекции были той свободной формой творческого общения, которая стимулировала его мысль¹. Поэтому спецкурсы он всегда читал на темы, которые в данное время интересовали его как исследователя². Вместе с тем, лек-

ции Лотмана были всегда адресованы конкретной студенческой аудитории и учитывали ее особенности. Он чутко реагировал на появление новых и неискушенных слушателей (первокурсников³, школьников), но никогда не «повышал планку», не «завышал» уровня изложения перед присутствующими коллегами или учеными гостями.

Блестящий оратор и импровизатор, Лотман любил на лекциях широкие отступления от темы, представлявшие собой либо исторические и культурологические экскурсы, комментирующие его основную мысль, либо пояснения терминов и законов поэтики (для него было принципиальным встраивание поэтики в историко-культурный контекст). Часто проводились параллели между литературой и другими видами искусства, давались психологические портреты упоминаемых писателей, мемуаристов, исследователей и т.д. Однако Лотман неизменно возвращался к той точке, где началась траектория отступления, какой бы длинной она ни была. Он всегда много цитировал, артистично и заразительно читал стихи, часто наизусть, с теми неизбежными ошибками, которыми сопровождается всякое цитирование по памяти даже у людей с превосходными мнемоническими данными, а к их числу Лотман, несомненно, принадлежал. В результате студенты на всю жизнь запоминали его любимые цитаты в его «огласовке». Лекции Лотмана обладали большой силой воздействия на слушателей, создавали приподнятую атмосферу праздника, объединяли аудиторию интеллектуальным напряжением и ощущением сотворчества, порождали чувство личного знакомства с писателями, причастности к истории культуры и к делу ее строительства.

Юрий Михайлович не хотел, чтобы записи его лекций публиковались. Это вполне объяснимо. Никакая тогдашняя техника записи не могла адекватно передать его лекций. В студенческих конспектах, даже самых подробных, утрачивалась значительная часть текста (магнитофоны, тогда громоздкие, тяжелые и неудобные в пользовании, у тартусцев были большой редкостью, а видеоаппаратура отсутствовала полностью). Однако дело не только в технике записи. Напечатанный текст лекции проигрывает как раз тем, чем он выигрывает в устном испол-

нении, а именно — своей «конкретностью», и это Ю. М. прекрасно понимал. Здесь срабатывает тот самый механизм, который Лотман неоднократно описывал, анализируя феномен «посвящений», или адресации стихотворений.

Даря листок рукописи с посвящением, — говорил Лотман, — поэт адресует стихотворение конкретному человеку, и это становится фактом биографии и автора, и адресата. Тот же текст, напечатанный в журнале или сборнике, — факт творчества, т.к. обращен любому потенциальному читателю. Посвящение в печатном тексте — часть творческого замысла, оно выполняет сложную функцию в моделировании читательской аудитории. Понятно, что устный и письменный текст по-разному моделируют аудиторию, а приемы лекторского мастерства во многом основаны на тех механизмах устной речи, которые непередаваемы в печати (тембр голоса, интонация, жесты, мимика, а также неразборчивые маргиналии, сделанные по ходу на доске)⁴, или на таких механизмах порождения текста, которые на бумаге приобретают иные коннотации (риторические вопросы и повторы, ретардации, недоговоренные фразы, обмен репликами в процессе изложения и пр.). Самым тщательным образом записанная лекция на бумаге неизбежно тускнеет.

Кроме того, лекционный жанр требует единого повествования и в значительной степени редуцирует сноски и отсылки к чужим исследованиям, вынуждает к «избыточности», делает изложение собственной, вполне оригинальной мысли более «популярным». Лекции, с одной стороны, раскрепощают, дают возможность высказать внезапно пришедшую в голову и еще не проверенную мысль, с другой стороны — они сковывают, т.к. вынуждают считаться с возможностями аудитории. Именно поэтому, готовя к печати книгу «Беседы о русской культуре»⁵, Лотман почти не использовал текста своих телевизионных бесед, которые он вел по Эстонскому телевидению с середины 1980-х гг. и которые (во всяком случае, частично) были предоставлены в распечатках в его распоряжение⁶. Когда же заходила речь о возможной публикации для педагогических нужд конспектов его университетских лекций (особенно по

истории русской литературы начала XIX в., где отсутствуют сколько-нибудь сносные учебники), — разумеется, после его исправлений и авторизации текста, — Ю. М. отвергал и этот вариант. Он полагал, что редактировать перепечатанный кем-то конспект ему будет труднее, чем приняться за новую книгу, которую он имел в виду когда-нибудь написать.

Все сказанное выше ставит перед публикатором сложную проблему. Тиражирование неавторизованной записи лекций по творчеству Тютчева, прочитанных Ю. М. Лотманом в Тартуском университете весной 1981 г. в рамках годового двухчастного спецкурса 1980/81 учебного года «Русская философская лирика» (осенний семестр — Баратынский, весенний — Тютчев), противоречит желанию автора и, более того, может создать у читателей, никогда не слышавших Лотмана-лектора, неадекватное о нем впечатление. Нужно сразу отметить, что данный курс приходилось восстанавливать по трем очень разным по своему характеру конспектам, принадлежащим Л. О. Зайонц, Г. М. Пономаревой и автору этих строк, и дополнять по записям Р. Г. Лейбова, тогдашнего первокурсника⁷. От читателя потребуются немало усилий и способности к коррекции. Необходимо иметь в виду, что *предлагаемый текст не может быть, в строгом смысле, воспринят как текст Лотмана*. Это — редуцированное изложение хода его мыслей и рассуждений с некоторыми примерами. Несомненно, оказались опущены не только большие фрагменты текста, но и идеи, ряд важных тезисов остался нераскрытым. Перед нами лекции Лотмана, пропущенные сквозь призму его слушателей и изложенные *их* языком. Имеет ли смысл такая публикация? На наш взгляд, все-таки имеет.

Спецкурс по русской философской лирике был посвящен поэтам, очень значимым для Лотмана лично. Знаменательно, что ему — «неисправимому оптимисту», как он любил себя аттестовать, — были столь важны и близки поэты, которых он называл «глобальными космическими пессимистами».

«Осень» Баратынского он выбрал для анализа к экзамену по «Введению в литературоведение» у Г. А. Гуковского в 1940 г., будучи на первом курсе Ленинградского университета. Этому

же тексту посвящена одна из его последних статей⁸. Баратынскому Лотман всегда старался уделить внимание в общем курсе истории русской литературы начала XIX в., где безусловной доминантой всегда был Пушкин, и старался приучить своих студентов к внимательному чтению Баратынского. Тютчев был одним из наиболее часто цитировавшихся им поэтов, интересных ему как исследователю и эмоционально близких ему как человеку.

Видимо, начало непосредственного исследовательского интереса Лотмана к Тютчеву следует отнести к концу 1960-х гг., когда формировались основы двух его книг, вышедших в начале 1970-х гг. — «Структура художественного текста» и «Анализ поэтического текста». Высказанные в них наблюдения он использовал и в своем лекционном курсе⁹. Сопоставление этих идей с идеями итоговой статьи «Поэтический мир Тютчева»¹⁰ показывает, что лотмановская концепция Тютчева, расширяясь, уточняясь в деталях, в целом не менялась. Спецкурс лег в основу лотмановских «Заметок по поэтике Тютчева», вышедших в 1982 г.¹¹ Впоследствии в дополненном и систематизированном виде они вошли в итоговую статью (особенно в части, которая касается глубинного мифологизма поэзии Тютчева).

Нам хотелось бы выделить ряд мыслей, которые несколько более подробно развиваются Ю. М. Лотманом в публикуемых лекциях по сравнению с его печатными работами.¹² Во-первых, это положение о единстве тютчевской лирики и о непродуктивности деления ее на хронологические периоды или тематические группы (любовная, пейзажная, политическая). То, что курс начинается с периодизации, сказанному не противоречит: речь идет об этапах творческого пути Тютчева, где проведение границ, при всей их условности, связано с необходимостью подчеркнуть постепенное углубление основных тенденций, намеченных в поэзии Тютчева с самого начала. Традиционной классификации «по периодам» или «по группам» Лотман противопоставляет выделение в тютчевской лирике «пластов»: мифологического, барочного, романтического. Во-вторых, это четко обозначенная Лотманом связь Тютчева с романтизмом и

выделение романтической иронии как «организующего принципа» мировоззрения и поэзии Тютчева. В-третьих, взаимосвязь политики и лирики у Тютчева, стремившегося «раствориться» в чужом мире и найти в нем точку опоры, противоядие своему навязчивому ощущению хрупкости и эфемерности человеческого бытия. В-четвертых, это параллели между Тютчевым и поэтами — его современниками (московский круг поэтов, Пушкин, Жуковский, Баратынский, Лермонтов, Фет, Некрасов). И, наконец, механизм обновления поэтического языка, связанный с актуализацией забытых значений слов («архаизм сознания», а не «архаизм лексики», по замечанию Лотмана), решительное опровержение тезиса о Тютчеве как «Хлебникове XIX века».

Конечно, этим конспективным перечислением содержание лекций отнюдь не ограничивается. Спецкурс 1980/81 гг. «Русская философская лирика» являлся продолжением размышлений Лотмана над закономерностями развития русской поэзии XIX в. и эволюцией ее поэтики, а также над общими законами построения поэтического текста¹³. Вторая часть курса является этапом тютчевоведческих штудий Лотмана, и знакомство с ней позволяет сделать существенные выводы об особенностях его исследовательского пути. Хотелось бы надеяться, что данная публикация, с учетом всех сделанных нами оговорок, все-таки окажется полезной для специалистов по Тютчеву и по русской поэзии XIX в., а также для историков науки, занимающихся изучением научного творчества Ю. М. Лотмана, и для всех заинтересованных читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лотман Ю. М. Не-мемуары // Лотмановский сборник. I. М., 1995. С. 40.

² Темы спецкурсов, прочитанных Ю. М. Лотманом в Тартуском университете в 1968–1993 гг., были опубликованы нами в статье: Киселева Л. Н. Академическая деятельность Ю. М. Лотмана в Тартуском университете // *Slavica Tergestina*. 4: Наследие Ю. М. Лотмана: настоящее и будущее. Trieste, 1996. С. 10–11. Сопоставив темы курсов с библиографией его трудов (см.: Список

печатных трудов Ю. М. Лотмана / Сост. Л. Киселева // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3), легко убедиться в том, что университетские лекции предшествовали появлению печатных трудов на ту же тему.

³ По правилам спецкурсы полагалось слушать студентам третьего-четвертого курсов, но спецкурсы Лотмана с начала 1970-х гг. собирали огромную, по тартуским масштабам, аудиторию: приходили студенты всех курсов отделения русской филологии (не только литературоведы, но и лингвисты, для которых эти лекции уж совсем не были «обязательны»), студенты других отделений и факультетов, а также старшие школьники и вполне «взрослые» выпускники университета (преподаватели, научные сотрудники, библиотекари и т.д.). Аудитория была весьма разношерстной по возрасту, по уровню знаний и опыта, но живой и заинтересованной.

⁴ Об этом Лотман писал, вспоминая лекторское мастерство Г. А. Гуковского. То, что он отмечал в своем учителе, мы с полным основанием можем отнести к нему самому: «Гуковский обладал совершенно несравнимым чувством стиля, оттенки которого в анализируемом стихотворении он передавал слушателям и анализом, и интонацией, которая была одним из важнейших элементов его лекторского мастерства. Печатный облик его работ <...> совершенно бессилён передать шарм свободной непредсказуемости его устных импровизаций» (*Лотман Ю. М. Двойной портрет* // Лотмановский сборник. I. М., 1995. С. 61).

⁵ Книга вышла уже после его смерти. См.: *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. СПб.: Искусство-СПБ, 1994.

⁶ С 1997 г. их текст публикуется в журнале «Таллинн» (№ 7 и далее) редактором и ведущей этих телебесед Евгенией Хаппонен, благодаря инициативе и энергии которой они были записаны и вышли на экран. Теперь это, фактически, единственная возможность увидеть и услышать Лотмана-лектора, однако и здесь приходится сделать поправку на то, что запись производилась без аудитории, в присутствии единственного слушателя — Е. Хаппонен.

⁷ Весной 1981 г. я находилась на курсах в Москве, поэтому присутствовала лишь на двух лекциях. Приношу живейшую благодарность коллегам, предоставившим мне свои конспекты. Без их щедрой помощи настоящая публикация не увидела бы света. Особенно я благодарю Р. Г. Лейбова, взявшего на себя труд ознако-

миться с подготовленным мною текстом и сделавшего существенные замечания, учтенные мною в окончательном варианте.

⁸ См.: *Лотман Ю. М.* Две «Осени» // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 400–406 (здесь и в дальнейшем мы будем ссылаться на первые публикации трудов ученого, что, с нашей точки зрения, поможет ориентироваться в его научной эволюции).

⁹ Конкретные переключки между книгами и курсом лекций 1981 г. отмечены нами ниже в примечаниях к публикации.

¹⁰ См.: *Лотман Ю. М.* Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Федора Ивановича Тютчева / Под общ. ред. Ю. М. Лотмана. Таллинн, 1990. С. 108–141. Сборник был сдан в набор в июле 1988 г., соответственно собирался в 1986–87 гг., значит статью следует приблизительно датировать серединой 1980-х гг. Задержка с выходом сборника в печать объясняется тогдашними издательскими трудностями.

¹¹ См.: *Лотман Ю. М.* Заметки по поэтике Тютчева [1. Местонаимения в лирике Тютчева; 2. Аллегоризм в языке поэзии Тютчева] // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 604: Единство и изменчивость историко-литературного процесса: Тр. по рус. и славян. филолог. Литературоведение. Тарту, 1982. С. 3–16. Сборник был подписан к печати в феврале 1982 г., значит формировался не позднее осени 1981 г.

¹² Мы не ставили перед собой цели выявить место лотмановских работ по Тютчеву и, в том числе, публикуемого спецкурса в современном тютчевоведении.

¹³ См., в первую очередь, такие статьи Лотмана, как: Русская поэзия начала XIX века // Поэты начала XIX в. Л., 1961. С. 5–112; Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 5–62, а также книги: Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1: (Введение, теория стиха) // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 160. Тарту, 1964; Структура художественного текста. М., 1970; Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л., 1972.

СПЕЦКУРС «РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА. ТВОРЧЕСТВО ТЮТЧЕВА» [неавторизованный конспект лекций]

ЮРИЙ ЛОТМАН

Периодизация творчества:

1-й период — начальный, 20-е годы. Стихотворения Тютчева* условны, умозрительны. Но уже в 1820-е гг. эти признаки начали исчезать, уже здесь его поэзия проникнута глубокой философской мыслью. Слияние всего воедино: и любви, и философии, и природы. Поэзия Т. никогда не развивается в форме рассудочной, умозрительной мысли.

2-ой период — 30-е – 40-е годы. Т. продолжает оставаться поэтом мысли. Темы любви и природы актуальны по-прежнему, но в них вплетается что-то тревожное. Это тревожное начало с разными акцентами и окраской выражается, в частности, в стихотворениях о странничестве (например, «Из края в край, из града в град...»)**.

3-й период — 50-е – 60-е годы. Тревожные мотивы углубляются и перерастают в мрачное, безысходное восприятие жизни.

Т. не заботился об издании своих сочинений. Первая большая группа его стихотворений была напечатана через посредство И. С. Гагарина в 1836–37 гг. в пушкинском «Современнике» — «Стихотворения, присланные из Германии». Вторая крупная публикация — в 1854 г. — была тоже связана с «Современником», подготовил ее И. С. Тургенев. Последнее при-

* Далее используется сокращение: Т.

** Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 132–133. Далее все ссылки на поэтические произведения Т. приводятся по этому изданию с указанием, для удобства читателей, в тексте в скобках страницы. Все примечания принадлежат публикатору. — Л. К.

жизненное издание сборника — 1868 г. И опять Т. устраняется от подготовки издания, его готовил зять И. С. Аксаков.

Тема природы

Появляется она уже в 20-х гг. Стихотворение «Весна. Посвящается друзьям» («Любовь земли и прелесть года...», 1821 г. — С. 57–58) — традиционная условная поэтическая манера и очень светлые гармонические тона. «Вечер» («Как тихо веет над долиной...», 1829 г. — С. 73) — условность преодолена; очень лирическая, гармоническая зарисовка светлого вечера. К 1828 г. относятся «Весенняя гроза» («Люблю грозу в начале мая...» — С. 77), «Летний вечер» («Уж солнца раскаленный шар...» — С. 78–79) и др. Уже здесь присутствует характерное для Т. одухотворение природы, очеловечивание ее, а также для 20-х гг. — смелые, необыкновенные уподобления (солнце). Сюда же примыкает «Чародейкою Зимою...» (1852 г.; С. 185), переводы из Гейне, которого Т. близко знал по Мюнхену и с которым они были друзьями (ср.: «Как под высоким триумфальным сводом / Громадных облаков всходило солнце, / Победоносно, смело и светло...» и т.д. — С. 163).

«Осенний вечер» («Есть в светлости осенних вечеров...», 1830 г. — С. 110) — это стихотворение о природе или о мире чувств? — сказать трудно. «В душном воздухе молчанье...» (С. 124) — опять слияние человека с природой. «Поток стусился и тускнеет...»: у Т. в описании природы часто появляются слова, характерные для живого существа («прячется», «гаснет», «немееет», «не может», «тревожит»), и в то же время, когда речь идет о человеческой душе, появляются слова, характерные для мира природы:

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот! (С. 118)

«Еще земли печален вид...» — описывается ранняя весна, но, одновременно, и пробуждение души, однако границу определить трудно:

Но что же вдруг тебя волнует,

.....

Блестят и тают глыбы снега,

Блестит лазурь, играет кровь...

Или весенняя то нега?..

Или то женская любовь?.. (С. 137)

Проявляется это и в другом — в слиянии самого поэта с природой, например, в стихотворении «Тени сизые смешались...» строка: «...Всё во мне, и я во всем!...» (С. 127). Ср.:

Нет, моего к тебе пристрастья

Я скрыть не в силах, мать-Земля...

Духов бесплотных сладострастья,

Твой верный сын, не жажду я... (и далее; С. 127).

Ср. также:

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик —

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык... (С. 135).

В последний период творчества — более трагические ноты, но любовь к природе продолжает звучать.

Парадоксальность творчества и личности Т.

Т. никогда не писал в тех жанрах, в которых развивалась русская литература его времени. Прозу Т. любил больше, чем стихи. Рано оценил Л. Н. Толстого, был поклонником Тургенева.

В книге Ф. Корнило «Тютчев. Поэт-философ» автор берет высказывания Т. из писем и строит по ним систему его взглядов¹. Однако из тех же писем можно извлечь диаметрально противоположные высказывания. Чем ближе люди знали Т., тем больше недоумения он у них вызывал (ср. письма дочери Анны, высказывания зятя И. С. Аксакова). Двойственность личности Т.: он стремится остаться один — и боится остаться один. Противоречия ведут к странностям².

Наследие Т. очень невелико по объему: стихи, письма, несколько статей на французском языке.

Т. начал как поэт очень рано. Родился в семье небогатых родителей в родовом имении Овстуг в Брянском уезде. Домашний язык — французский. Мать была набожна, поэтому Т. хорошо владел архаической речью. Домашнее обучение проходило в Москве под руководством С. Е. Раича, третьестепенного поэта, профессора, полиглота, античника, входившего в Московскую группу поэтов: Мерзляков, Буринский, Милов. Идеалом здесь был поэт-ученый, а поэзия должна была быть плодом упорного труда. Группа культивировала большие жанры, описательную поэзию. Характерен их интерес к жанру послания; в лексике заметно влияние карамзинизма. На этом фоне ранний Т. казался честолюбцем: в 14 лет он был принят в члены «Общества любителей российской словесности при Московском университете». Раннее самоопределение как поэта (параллель — Лермонтов).

Московский контекст начала 1820-х гг.

В 1818 г. Раич, наставник Т., вступает в «Союз Благоденствия». Т. знал и об «Обществе громкого смеха» (Ф. Шаховской и др.). Заметной фигурой в московских кругах был и М. А. Дмитриев-Мамонов. В его имении Дубровицах хранились реликвии: окровавленная рубашка царевича Димитрия и знамя Д. М. Пожарского³.

Стихи Т., посвященные восстанию декабристов: «14-декабря 1825» («Вас развратило Самовластье...» — С. 72–73). В нем — два смысла. Повторяющийся образ *железной зимы* («Зима железная дохнула») — это образ смерти. Л. В. Пумпянский, автор одной из лучших статей о Т. (Поэзия Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. Л., 1928), недаром выделил «густоту» как ведущий признак поэтики Т.: на одну тему Т. пишет не менее 2-х раз⁴. То, что исчезает, и есть самое ценное. Пророчество и ясновидение. Ясновидение — попытка увидеть невидимое.

Итак, к тому времени, когда к Пушкину попадает цикл стихотворений Т., он уже, в основном, сформировался как поэт. Связь с кругом будущих Любомудров. Потом он оказался на-

долго оторван от России, становится профессиональным дипломатом.

Место Т. в литературном процессе

Т. занимает положение как бы вне литературы, и это определенная позиция (параллель — Лермонтов). Т. не примыкал к литературным лагерям, не принимал участия в литературных спорах, не был «отмечен» для современников в знакомых «системах».

Позиция *вне литературы* в определенном смысле соответствовала литературным нормам. Карамзинская эпоха выдвинула оппозицию:

поэт-дилетант	↔	поэт-ученый
+	↔	—

Поэт-дилетант — ленивец, он теряет свои стихи; поэт-ученый трудолюбив, он зарылся в ученых фолиантах. Эти два идеала определяют и два бытовых облика поэта. Поэт-труженик как профессиональный поэт (филолог).

Разновидности профессиональных поэтов: Ломоносов как героический вариант, Тредиаковский как отрицательный вариант, но их объединяет то, что для обоих поэзия носит служебный, должностной характер. Во второй половине XVIII в. положение осложняется: поэт-эрудит начинает связываться с романтическими чертами. Романтизм проявляется в безудержности (Ломоносов). Характерен пример Ермила Кострова — поэта Московского университета. Он был запойный пьяница, бесребреник, романтик в быту и классик в поэзии. Характерна и судьба Мерзлякова. С точки зрения пушкинских современников Мерзляков выглядит как классицист. Но он человек переходной эпохи, создатель традиций московской школы поэзии.

Московская школа поэзии 1810-х — начала 1820-х годов

Раич, Веневитинов, Шевырев, Грибоедов, Лермонтов, Тютчев, Полежаев. Культивировался тип **профессионального поэта** — труженика и эрудита. Как эрудиты поэты этого круга ориентируются на русскую поэзию XVIII в. В области запад-

но-европейской поэзии — ориентация, для среднего читателя, внесистемная.

Английская традиция. Последователи: Алексей Михайлович Кутузов, Карамзин, Шишков. Важные поэтические имена: Юнг, Стерн, Томсон, Оссиан.

Немецкая традиция. Влияние школы «Бури и натиска». Немецкая литература воспринимается в нескольких направлениях.

«Штюрмерство»: Бурное увлечение Шиллером: «Дон Карлос». «Разбойники». Гете — «Страдания юного Вертера». Ленц, Клинггер, Цшокке (автор трагедий). Здесь важны и личные контакты москвичей со штюрмерами, память немецкого барокко: Якоб Беме.

Эпическая мистическая поэзия: Клопшток, швейцарский поэт Геснер. Парацельс, Ангел Силезский.

Философские искания начала XIX в. опираются на этот фундамент. Профессиональный филолог должен был владеть древними языками (ср. отношение к латыни как к пробному камню профессионализма еще у Ломоносова)⁵.

Античная традиция минимальна. Проблема соотношения античной традиции и русской поэзии: латинская и греческая литература понимаются как образцовое выражение национальной специфики литературы. Русская народность мыслилась как исторически близкая к античности.

Интерес к итальянской поэзии. Мерзляков переводит «Освобожденный Иерусалим» Тассо, Раич тоже переводил Тассо. Задача «итальянизации» русского стиха. Батюшков и Раич видели задачу в эвфонии русского стиха. Отношение к славянизмам — грань между Батюшковым и Раичем.

В 1828 г. Раич опубликовал статью «Петрарка и Ломоносов», доказывая, что эти два человека — как бы «копии» друг друга. Раич высказал мысль, что нужно усилить «петраркизм» в поэзии. Напомним, что А. Н. Веселовский проводил параллель между Петраркой и Жуковским (аналогичные серии лирических излияний, «отпечаток сердца в стихах»).

На другом полюсе по отношению к поэту-труженику находился поэт-дилетант. Он должен вести уединенную жизнь,

быть невеждой, ленивцем и эпикурейцем, он не должен служить. «Ленивец» — как человек, обрубивший традицию, человек с принципиальной установкой на новаторство. *Социальные варианты судьбы*: офицер или чиновник. В реальной биографии человек этого круга оказывается или офицером, или чиновником Министерства иностранных дел, может быть, «архивным юношей».

В этой расстановке Т. занял промежуточное место. Был беден, служил по ведомству Министерства иностранных дел. Начал служить в 1822 г., однако был рассеян, забывчив, ленив; и, в то же время, — дипломат высочайшего класса, совмещающий эрудицию, шахматный склад ума и свою концепцию реальности и мировой истории. Иногда эта концепция приводила к просчетам. Одновременно Т. связан с традицией, ведущей его к образу поэта-эрудита. Ощущается влияние немецкой поэзии, хотя для первого периода творчества (1816–1820) это не характерно.

Раннее творчество.

Это творчество в Мюнхене. Присылал стихи в Россию, печатался в альманахах Раича. Имя Т. мелькает в критических обзорах, не выделяясь среди второстепенных поэтов. Тютчевские бумаги были у И. С. Гагарина и попали в руки Вяземскому. Жуковский познакомился со стихами Т.

1836 г. Пушкин и Т.

Публикация Пушкиным большого цикла тютчевских стихов в своем «Современнике» привела к мысли, что Пушкин был для Т. чем-то вроде того, чем явился Державин для самого Пушкина (Тургенев). Контр-идея: концепция Ю. Н. Тынянова, выраженная в статьях «Пушкин и Тютчев», «Вопрос о Тютчеве», «Тютчев и Гейне»⁶, а также А. Л. Осповатом в недавней книге «Как слово наше отзовется...»⁷. Л. В. Пумпянский в сб. «Ура-ния» в 1928 г. пришел к тем же выводам, что и Тынянов.

Пушкин ↔ Т.

Доказательство: у Пушкина о Т. — лишь один отзыв, и это средний отзыв. Тынянов считал, что Пушкин за поэтическим отделом «Современника» не следил. Вывод Тынянова: Т. не

связан с пушкинским направлением русской поэзии. Б. М. Эйхенбаум считал, что Т. связан с Державиным (см. книгу Эйхенбаума «Сквозь литературу»).

На самом деле Пушкин следил за поэтическим отделом «Современника» и публиковал там свои лучшие стихи перед сроком очередной подписки. Важнее утверждение Тынянова, что тютчевская линия в литературе не связана с пушкинской. Но и оно вызывает некоторые возражения⁸.

Тютчевский мир.

Всякая суммарная картина тютчевского мира, особенно созданная по письмам, дневникам, однако и в результате анализа стихотворений, — условна. Система нужна Т., чтобы уходить от нее. Горизонты Т. расширяются при проекции на несколько систем.

Тынянов считает, что Т. был поэтом короткой формы, в отличие от своих учителей — поэтов большой формы (Бобров, Тредиаковский; Гейне — тоже поэт короткой формы, однако он цикличен). На самом деле Т. европейскую традицию коротких стихов принимает частично и выборочно и сильно ее трансформирует. Тынянов полагал, что Т. превратил фрагмент в единственный жанр, и считал, что *укрупнение слова* у Т. связано с объемом текста: чем короче текст, тем семантически крупнее слово. Это не очень верно, т.к. существовала короткая поэзия и до Т. (форма аполога, разрабатывавшаяся И. И. Дмитриевым; Пушкин), но семантической выделенности слова тут не наблюдается. *Укрупнение слова* происходит в тютчевской поэзии, когда мы имеем дело с его поэзией как неким целым. Он повторяет мотивы, многократно перекидывает мосты от одного стихотворения к другому, варьирует мотивы (ср.: «Silentium!» — С. 105–106). Это заставляет воспринимать каждое слово несколько особым образом (см., например, *беспомощней* в стихотворении «Увы, что нашего незнания...» — С. 188).

Если пушкинское слово попадает в строку, нам не обязательно вспоминать все случаи, где мы встречали это слово, ибо оно — обычное слово. Тютчевское слово — особое слово⁹. Он подносит нам его сразу в комбинациях в нескольких строках, т.е. мы имеем основание рассматривать произведения Т.

как некий единый глубинный текст, лежащий в сознании автора и читателя, и это позволяет нам создать абстрактную конструкцию тютчевского мира.

Центром в мироощущении Т. будет чувство существования/несуществования. И в письмах, и в стихах Т. возвращается к вопросу существования, его хрупкости. Ср. письмо к жене¹⁰ и французское стихотворение:

Насколько человек малореален, и как легко он стирается!
Сейчас присутствующий в пространстве и во времени,
он почти ничто, и ничто он, когда он далеко.
Его присутствие — это только точка,
А его отсутствие — это пространство¹¹.

Тютчевская система строится на оппозициях: реальность/ирреальность; присутствие/отсутствие; пространство/время.

Мы говорили, как Т. боится разлуки. Он ненавидит пространство: «Пространство пожирает нас». «Ах, как я ненавижу отсутствующих, которых люблю» — для Т. тот, кто ближе, более реален, более живой, тот, кто дальше — менее живой. Именно поэтому он приветствует железные дороги как победителей пространства¹².

Но в то же время целый ряд стихотворений Т. посвящен пространству. Например, «На возвратном пути» (1859):

...Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера... (С. 200)

Таким образом, у Т. в этом стихотворении присутствуют жажда бытия и ощущение хрупкости бытия, но, с другой стороны, и — жажда разрушения, мысль о разрушении... Т. не ощущал себя на 100% живым. Он сравнивает себя с домом, в котором замазаны окна мелом (ср. в «Евгении Онегине» о смерти Ленского: «Теперь, как в доме опустелом, / Всё в нем и тихо и

темно; / Замолкло навсегда оно. / Закрыты ставни, окна мелом / Забелены...» — гл. VI, строфа XXXII).

Таким образом, **бытие** для Т. лежит в основе всего. Однако важна и зеркальная грань существования — разрушение, уничтожение себя (любовь — самоубийство). Здесь важно стихотворение «Близнецы»:

..... два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней.
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...
<...>
И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь! (С. 174)

В мире Т. важна **граница**: *черта, грань* и организуют, и отпугивают. Постоянная мысль об уничтожении организует «денисьевский» цикл, внутренне рифмуется с любовью: уничтожение себя в чем-то большем, чем «я», и вообще уничтожение себя. Вообще у Т. мир — мир перехлестов, границ, контрастов. Одна строфа объединяет тень и свет. Характерно, в этом смысле, начало «Весенних вод»:

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят (С. 105).

Л. В. Пумпянский считал Т. представителем русского бодлеризма. Стихотворение «Mal'agia» (или «Mala agia» — зараженный воздух) передает эстетическую красоту смерти. Система имеет свою «противосистему», так сказать, позитив и негатив: прекрасный мир жизни (прозрачный небосвод, звенящие ручьи, благоухание роз) = прекрасный мир смерти:

Люблю сей божий гнев! Люблю сие незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима! и т.д.
(С. 112).

Бытие для Т., прежде всего, — непосредственная, сиюминутная реальность, противостоящая смерти. В этом смысле оно противопоставлено времени: все прошедшее = умершее. Но есть и сила против прошедшего — **память** (поэтому столько стихотворений посвящено памяти).

У Т. — болезненное отношение к памяти, отсюда — обилие императивов: «...Вспомни... помни!». Прошедшее хоть иживает в памяти, но не делается от этого реальнее. В письмах он неоднократно упоминает, что не любит смотреть на вещи, которые помнит, т.к. чувствует, насколько память нереальна. Когда после двадцати лет отсутствия он вернулся из Германии в Россию, то встреча со знакомыми, столкновение зрения и знания с памятью были для него мучительны¹³.

Т. по женской линии, как и Л. Толстой, был родственником В. П. Ивашева, который был причастен к делу декабристов. Т. принимал участие в устройстве его романтической женитьбы на француженке Камилле Ле-Дантю. К моменту возвращения Т. в Россию и Ивашев, и его жена скончались. Он пишет жене из Дрездена: «Нашлась, между прочим, одна моя кузина, которую я знал ребенком и которую застал теперь старухой. Она сестра одного из несчастных ссыльных в Сибирь, который самым романтическим образом женился на француженке, и я принимал некоторое участие в устройстве этого брака. Теперь этот брат уже умер, жена его также, отца и матери тоже нет в живых... словом, все перемерли, а упомянутая мной кузина умирает от чахотки... Ах, как я стремлюсь уехать отсюда!»¹⁴

Мир воспоминаний для Т. двойной: он поэтичен и страшен одновременно (т.к. реальное — не реально вовсе). Приезд в Овстуг, где прошло его детство; здесь все то же, и это разрывает душу:

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые —
И где теперь, туманными очами,
При свете вечеряющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный.
 Забытого, загадочного счастья!
 О, как теперь без веры и участия
 Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
 Куда как чужд ты стал в моих глазах —
 Как брат меньшей, умерший в пеленах... (С. 154).

Чем неподвижнее вещи, тем слышнее гул, стон времени. Смерть, как и жизнь, течет. Таким образом, настоящее у Т. хрупко, прошедшего нет, оно — тень; но и на настоящее тоже можно смотреть как на тень, как на прошедшее. Реальное для Т. оказывается в тени. Время у Т. отрывает у бытия куски, но бытие не существует без тени. В стихотворении «Последний катаклизм» Т. предсказывает:

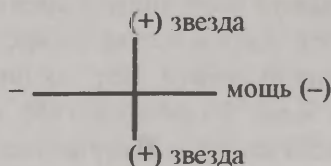
Когда пробьет последний час природы.
 Состав частей разрушится земных:
 Все зримое опять покроют воды,
 И божий лик изобразится в них! (С. 85)

Исчезновение времени для Т. — это небытие.

Другой пример. Конец Севастопольской кампании, поражение России. После смерти Николая I Александр II еще до коронации приезжает в Москву, которую Николай так не любил. Т. на колокольне Ивана Великого размышляет о панславизме. Однако мысль мгновенно деформирует время: Т. видит смерть молодого государя, т.е. дается взгляд на настоящее как на прошедшее с точки зрения будущего. Вот как он описывал свое состояние в письме к жене 9 сентября 1855 г.: «Вчера, 8-го, в то время, когда во всех соборах совершалась обедня, я поднялся на первую площадку Ивана Великого, покрытую народом, ожидавшим — не знаю, тщетно или нет — появления государя <...>. И тут меня вдруг охватило чувство сна. Мне пригрезилось, что настоящая минута давно миновала, что протекло полвека и более, что начинающаяся теперь великая борьба <...> наконец закончена, что новый мир возник из нее, что будущность народов определилась на многие столетия, что всякая неуверенность исчезла, что суд божий совершился. Великая империя основана... Она начинала свое бесконечное существование там, в краях иных, под солнцем более ярким,

ближе к дуновениям юга и Средиземного моря. Новые поколения с совсем иными воззрениями и убеждениями господствовали над миром <...>. И тогда вся эта сцена в Кремле, при которой я присутствовал, эта толпа, столь мало сознававшая, что должно совершиться в будущем, и теснившаяся, чтобы видеть государя, который так недолго просуществует, и жизнь которого так скоро будет подорвана и поглощена при первых же испытаниях великой борьбы, — вся эта картина показалась мне видением прошлого и весьма далекого прошлого, а люди, двигавшиеся вокруг меня, давно исчезнувшими из этого мира... Я вдруг почувствовал себя современником их правнуков»¹⁵. Т.е., наблюдая жизнь, можно увидеть смерть (опять зеркало).

Рядом с *временем* у Т. существует *пространство*, но пространство — это именно время в значении пространства. Это — постоянное расширение и сужение. Но есть пространство и вполне бытовое (*горизонталь*) — оно подлежит преодолению как пространство античеловеческое, отрицательное. Пространство же, направленное *вверх* = в бесконечность, всегда оценивается положительно. Однако еще важнее пространство, направленное *вниз*, т.к. это — отражение = глубина бесконечности¹⁶.

В пейзаже у Т. устойчиво противопоставление равнины и гор. Равнина для Т. ужасна и страшна. Он писал жене: «Краков <...> последний живописный пункт для путешественника, отправляющегося на восток, так как сейчас же после этого города начинается грозная равнина — скифская равнина, так часто пугавшая тебя на моей рельефной карте, где она занимает такое огромное пространство. И действительно, она не более приятна»¹⁷. Он счастлив, что в мире есть еще горы (вспомним стихотворение «На возвратном пути» <цитату см. выше. —

Л. К.>), и тема музыкальности гор будет занимать в тютчевском пейзаже тоже особое место.

Для Т. всегда имело большое значение противопоставление мысли и «антимысли». Но кроме высказанной мысли есть еще оценка:

тезис ↔ антитезис
(+ -) (- +)

Итак, в основе тютчевского мира лежит оппозиция бытие/небытие. И знаком плюс может быть отмечено и то, и другое; точкой отсчета также может быть и то, и другое. Так, в теме единства/разъединенности человеческой личности и природы единство будет оцениваться и положительно, и отрицательно; разъединение также будет оцениваться и положительно, и отрицательно.

Мотив дороги.

Стихотворение «Странник» — здесь дорога и совсем не метафорическая:

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук создание,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит всё и славит бога!..

(С. 87)

В стихотворении «Я лютеран люблю богослуженье...» дорога отождествляется с *моментом*, т.е. нахождение в одной точке дороги — *единственно*:

..... Собравшись в дорогу,
В последний раз вам Вера предстоит:

Еще она не перешла порог,
 Но дом ее уж пуст и гол стоит (С. 122).

Для Т. все виды свиданий — жизнь, все виды разлуки — смерть, а дорога — это *уход*. Хотя дорога и соединяет две точки горизонта, она *отрывает* от первой точки, и в этом смысле она маркирована отрицательно.

Однако эта сложность не превращает тютчевского мира в бессистемность. Наоборот, в основе этой сложности — глубокая смысловая система. Следовательно, представление о том, каков же этот мир:

I	II
универсальность = единство,	разорванность и противоречивость
большое целое здание — мир	существовать
статика, соединение	переходы, половинчатость
(полдень, жара, марево)	(переходные моменты дня)

Единство во втором смысле Т. понимает как разнообразие и соединение. В стихотворении «Странник» заложена мысль о соединенности (Зевс — странник) и о единстве *не однообразия, а разнообразия*. Подвижный для странника, этот мир «недвижен» для Зевса. Но этот мир богат своим разнообразием, соединением всего: единство соединенного мира, где все его контрасты объединяются в одно целое. Однако рядом же — в ряде стихотворений — соединение будет оценено отрицательно и будет иметь все признаки мертвого опустошенного мира. То, что обозначает богатство, полноту мира, то же обозначает и опустошение.

Соединение в человеке разных начал: начало мысли и начало бытия.

Мысль у Т. обладает не только реальностью, ясностью, но и плотностью. Мысль — **неразрушима**. С этим органически сочетается представление о *движении и статике*. В человеческой природе столкновение двух начал естественно. Но с другой стороны — резкое разграничение мысли/природы.

Отношение к разрушению: Т. — поэт, проникнутый чувством катастрофы. Но отношение к катастрофе опять-таки двойственное. В определенном смысле, Т. влечет мир устойчивый (что очень важно для его политических взглядов).

Итак, мы видели, что у Т. основные слова имеют противоположную семантику и оценку. При чтении изолированного текста у нас гораздо больше почвы для толкования, чем для понимания. Как же Т. соотносится с современными ему поэтами?

Т. и Фет.

Критики — современники Т. и Фета сближали их лирику. Эти два поэта высоко ценили друг друга. Мнение современников перешло в историю литературы: в середине XIX в. существовали школа Некрасова и школа *чистого искусства* (Т., Фет и др. поэты, которых мы не знаем, куда отнести).

Другое сопоставление, восходящее к символистской критике, — Т. и Баратынский. Возникает линия — внепушкинское и вне Некрасовское направление, которое культивировали символисты. Но если посмотреть тексты, то выясняется, что сближение Т., Фета, Баратынского — фиктивно.

Мир Фета состоит из лексики сиюминутной и данной в ощущении: *это* мгновение и *это* место (*тут*). Фет — импрессионист, стремящийся передать читателю ощущение, которое было у поэта в данном месте и в данную минуту (субъективная предметность и субъективные ощущения). Фет — поэт реального интеллигентского быта и ощущений. Смелый бытовизм Фета переходит к Пастернаку. Интерьер фетовской эпохи: рояль и т.д., резкие переключения от быта к ощущениям. Фетовский мир — это мир звуков, запахов, цвета, света, где одно переходит в другое. *Бытие* состоит в напряженных ощущениях.

Мир Баратынского. Сближение Баратынского и Т. как будто более оправдано принадлежностью обоих к философской лирике. Но для Баратынского, действительно, характерно стремление к терминологичности, однозначности слова. Баратынский — философский поэт, и его «лирические» и собственно «философские» стихотворения строятся по одинаковому принципу. Баратынский в каждом слове, путем логических антитез, восстанавливает истинное, по его мнению, значение. Стихотворение «Новинское. А. С. Пушкину»:

Она улыбкою своей
 Поэта в жертвы пригласила,
 Но не любовь ответом ей,
 Взор ясный думой осенила.
 Нет, это был сей легкий сон,
 Сей тонкий сон воображенья,
 Что посылает Аполлон
 Не для любви — для вдохновенья¹⁸.

Здесь оппозиция «она ↔ поэт» заменяется противопоставлением «поэт ↔ объект вдохновения». Стихотворение «Предрассудок...» строится путем развертывания слова «предрассудок»:

Предрассудок! он обломок
 Древней правды. Храм упал;
 А руин его потомок
 Языка не разгадал

и т.д.¹⁹

Баратынский опровергает мысль XVIII века о том, что предрассудок — зло, тьма, т.е. Баратынский дает новую философскую концепцию, дает в стихах философские размышления.

Мир Тютчева. У Т. для каждого ключевого понятия есть несколько противоположных смыслов. Каждое стихотворение строится как затемнение мысли, а не как прояснение. Одно и то же слово значит и жизнь, и смерть, и т.д.

Такого рода тексты вообще есть в истории культуры. Например, стихотворение «На новый 1855 год» («Стоим мы слепо пред Судьбою...») — это предсказанье, пророчество, причем не свое, а — «бред пророческий духов». И далее следует действительно *профетический* текст:

Не просто будет он <год> воитель,
 Но исполнитель божьих кар, —
 Он совершит, как поздний мститель,
 Давно обдуманый удар... и т.д. (С. 189).

Итог: «Слова неясны роковые, / И смутен замогильный сон», т.е. истина содержится в тексте, но она скрыта, ее там следует искать так, как ищут ее в речах пророков.

Тема пророчества доминирует в творчестве Т. Но это прорицания пифии, а не пушкинского пророка и не библейского.

Текст пифии — непонятный текст. Между людьми и пифией должен быть посредник — жрец. Позиция поэта — скользящая: он — то пифия, то — жрец. Т. иногда дает истолкование пророчествам, но истолкования (как и жреческие) — не ясны, не однозначны. Человек (читатель) тоже призван мыслить, истолковывать (как и в античном мире), и это — не прямолинейные истолкования в духе французской литературы XVIII в.

Мир для Т. — загадка, поэзия — двойная загадка. Поэзия — греховна, ибо, по мысли Т., удваивает греховность мира, удваивая его существование. Загадка может быть разгадана, но ее *надо разгадать*.

Реалии у Т. — не символы, а эмблемы (т.е. истолковываются однозначно):

покров = покров Изиды
железная колыбель = железный век

Но однозначность символически раскрывается в многозначности самого значения. Т. предполагает, что мир содержит в себе загадку, т.е. мир есть текст, ибо он имеет значение, смысл. Однако откуда это значение, этот смысл? Он кем-то задан. Например, стихотворение «Не то, что мните вы, природа...». В природе есть смысл:

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык... (С. 135).

Мир говорит с людьми, но есть люди, которые не слышат этого разговора. Мир — Слово, кем-то и для кого-то сказанное. Люди — глухонемые, они не могут понять неземного языка.

В то же время (1830-е гг.) написано стихотворение о камне («Problème»):

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? Никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низринут волею чуждой? (С. 121. Курсив Т.)

Есть ли значение в том, что он упал:

Столетье за столетьем пронеслось:
Никто еще не разрешил вопроса. (Там же).

И, наконец «Природа — сфинкс...» (1869):

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека.
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней. (С. 248)

Неясно, мир — послание или нет? к кому он обращен? на каком языке? Отношения человека и мира — не определены.

Итак, несколько решений дается у Т. хронологически почти одновременно (эволюции *нет*):

1) мир — загадка, которую надо разгадать;

2) мир — бессмыслен, и человек гибнет, пытаюсь найти смысл в бессмысленном (см. стихотворение «Безумие» — С. 86);

3) мир создан и имеет смысл, но акт творения продолжается в разумном бытии человека — в его слове. Человек — участник продолжающегося творения. Здесь важно стихотворение «Колумб», где Колумб не открывает мир, а создает его (смысл мира отражается в семантике слова):

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело.
Ты завесу расторг божественной рукой —
И новый мир, неведомый, неожиданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, ссединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества... (С. 150).

Эдип перед сфинксом — это был вопрос не только поэзии для Т., но и вопрос жизни (он постоянно чувствовал неуверенность, ощущая хрупкость бытия). Семантика слова у Т. также колеблется в зависимости от избранного пути решения.

Стихотворение «Два голоса» (С. 167–168)²⁰:

— звезды, вершины гор

— люди

— могилы; вода.

Горний мир — высок, но равнодушен к людям. Вода у Т. всегда внизу. Боги и могилы, казалось бы, — антитеза, но она снята. Светила и могилы — молчат. Человек покинут в мире. Чувство покинутости очень характерно для Т. Борьба человека безнадежна. Люди ведут безнадежную борьбу с неназванным противником перед лицом равнодушной природы. Дана целостная и очень античная по духу система: безнадежная ситуация не должна влиять на поведение человека («боритесь прилежно»).

Вторая часть стихотворения начинается с повтора, хотя сразу меняется интонация (смена рифмовки):

безнадежна — упорна

светила — звездные круги (судьба)

Это готовит слом во второй строфе — «Пускай олимпийцы завистливым оком...»: боги завидуют тем, кто познает борьбу. Действие ценно независимо от результата. Борьба всегда прекрасна.

Таким образом, в античном мире вперед выдвигается *стоическая мораль*. Нет победы, но есть борьба. Человек должен действовать. Отношение «человек и мир» дано в двух вариантах: 1) человек бессилен перед миром; 2) человек велик в действии.

Т. одинок в поэзии XIX века, включение его в школу — искусственно. Но он близок к поэзии XVIII и XX вв. Первый важнейший вопрос для Т.: что, если у мира нет разгадки? Другой вопрос — изоморфен ли человек миру, т.е. является ли человек образом мира? Этот вопрос волновал барокко и мистиков. «Мир полон соответствий» (Блок). Родствен ли человек миру? Если да, то возможно их взаимопонимание, если нет — т.е. человек уникален, — то человек брошен в мире.

Между типом речи и функцией текста есть зависимость. Поэзия Т. профетична, и поэтому она отчетливо *архаична*, однако на уровне лексики пласт архаизмов не велик, он находится в

пределах нормы эпохи. В церковнославянской речи Т. допускал ошибки и вообще не придавал ей существенного значения. Архаичен он в глубинах сознания, в частности, в отношении носителя речи к тексту.

Носитель речи.

Кто таков носитель речи? Этот вопрос особенно важен для архаических текстов. Чем чаще это подчеркивается, тем чаще оказывается, что носитель речи не равен автору. Средневековые и, вообще, архаические тексты названы часто именами людей: Евангелие от Луки, от Марка и т.д., хотя апостолы — лишь передатчики людям Богодухновенного текста. Этот акт «передачи» часто является предметом иллюстрации (перст Божий, указующий на апостола). Однако указание на медиатора или заказчика текста, иконы — необходимо. Это — инициатор, который спровоцировал создание текста, тот, что написал или нарисовал — наименее важен.

В лирике Нового времени это выражается в позиции и характере носителя речи. В этом смысле очень важна система местоимений в лирике Т.²¹ Предельно общая модель человеческих отношений и выражается в системе местоимений:

я	↔	мы
		ты
она		он

Вся мировая лирика вписывается в эту систему — она настолько общая, что в нее вмещается вся система человеческих чувств и отношений. У Т. местоимения взаимозаменяются. В стихотворении «С какою негою, с какою тоской влюбленной...» (С. 145):

ты	↔	он
		мы

«Я»-носитель речи превращается порой в объект говорения, а «ты» оказывается «я»: «ты, человеческое я».

«О, как убийственно мы любим...» (С. 176–177): здесь «мы» — обобщенно-личное местоимение, обобщение универсальной закономерности. «Ты говорил: она моя...»: эту строку

можно понять, лишь зная, что *ты* = *я*, *она* = *ты*. Местоимения могут заменять друг друга.

«Не говори: меня он, как и прежде, любит...» (С. 175): «я» — женщина, носитель речи; «он» — автор. Парное ему стихотворение — «О, не тревожь меня укорой справедливой!...» (С. 175), где *я*, *ты* и *он* переменились местами.

Таким образом, Т. испытывает весь возможный набор установок. «Я» у Т. обладает той же зыбкостью, что и сам факт бытия, существования.

В стихотворении «Итак, опять увиделся я с вами...» (С. 154) обращение «ты» адресовано самому себе в детстве (ср. строку «Мой детский возраст смотрит на меня»). Детство смотрит на «меня», и «я» смотрю на «него» (на себя), как на рано умершего брата. «Я» распадается.

Разговор с несуществующим (например, умершим) собеседником очень част у Т. И всегда возникает вопрос о реальности собеседника или «я». Бытие определяется не только собственными чувствами, но и чувствами других людей, направленными на «я». Без любви, направленной на «я», «я» не реально.

Стихотворение «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» (С. 222)²² написано через год после смерти Е. А. Денисьевой.

I строфа: вечер, реальное пространство;

II строфа: переход к ночи, которая обладает самостоятельным космическим бытием («Вот тот мир, где жили мы с тобой»). Получается, что «я» тоже переходит в мир «ты», т.е. в мир нереальный.

III строфа: опять разделение мира «я» и мира «ты».

Т. часто использует местоимение «ты» в качестве риторического обращения, семантически пустого: «Тебе, Колумб, тебе венец». Это «ты» возникает из риторики XVIII века, как и многочисленные повелительные формы глагола. Но с начала стихотворения мы никогда не знаем, какова природа «ты». По сути, у Т. существует позиция говорящего и объекта речи, но обе они не закреплены за определенными местоимениями: любые местоимения могут стоять в любой позиции. Благодаря этому тютчевский текст приобретает предельно обобщенно-

безличный характер. Автор оказывается медиатором — тем, *через кого* говорят, произнося текст предельной обобщенности и неопределенности.

Тексты Т. исключительно **значительны**, и секрет этого нам не всегда ясен. Он состоит именно в обобщенности. Но сквозь этот общий фон прорываются иные тексты — предельно конкретные — и грамматически, и биографически. Особенно это характерно для так называемого «денисьевского» цикла. Перед нами — не последовательная система, до конца проверенная, а колебания, очень значимые. Это же проявляется и в других грамматических формах. Их употребление у Т. весьма своеобразно.

Обилие повелительных форм.

Определенный процент относится к риторическим приемам, но ведь Т. все же зачем-то их использовал. Однако большое число повелительных форм не может быть объяснено риторикой. «Молчи, скрывайся и тай» («Silentium!» — С. 105) — это, конечно, не приказание, а построение обобщенно-личных конструкций. Чаще всего они — запретительного свойства. Моделируется обязательная общая норма, и это также связывает тексты Т. с архаическими текстами.

Еще важнее вопрос **языковой семантики**. При первом чтении мы получаем впечатление неожиданных значений. Из исследователей на это первым обратил внимание Ю. Н. Тынянов, затем — Л. Я. Гинзбург. Т. создает неожиданные смыслы слов. Тынянов охарактеризовал и путь их создания: «теснота стихового ряда», т.е. строка = слово. Слова в строке заражаются значением друг друга и образуют надсловесное единство. Однако это — закономерность поэзии вообще, а не только поэзии Т. Для Т. необходимо иное — специальное — объяснение. А. Д. Григорьева в недавней работе показала, что слова со сдвинутым значением занимают не главное место в лирике Т.²³ Это интересное наблюдение, которое показывает эфемерность представления о Т. как о Хлебникове XIX века.

Т. использует прежде существовавшие, но забытые значения. Можно выделить 3 пласта: 1) мифологический; 2) бароч-

ный; 3) романтический. Эти пласты переплетаются и образуют своеобразные сочетания.

Мифологический пласт реализуется в основных организующих миф символах (изоморфизм всех сфер): Ночь и День, Солнце и Луна, Жизнь и Смерть — неизменные и изменяющиеся. Дело даже не в архаических значениях этих слов, а в принципе мифологического уподобления:

вода = смерть

дерево = дерево жизни.

Тютчевский пейзаж, по сути, — совсем не пейзаж, а **модель мира**. Детали пейзажа могут быть носителями самого разного смысла. Поэтому совершенно невозможно и не нужно делить лирику Т. на пейзажную, любовную и политическую. У Т. есть одна лирика — единая.

Мифологический пласт достигается широкими отсылками к мифологическим текстам. Иногда они имеют прямо цитатный характер.

Дым, тень от дыма, пожар — частый образ у Т. (ср. стихотворения «Дым» — С. 232–233; «Пожары» — С. 238–239; образы встречаются даже в эпиграммах). Эта тема имеет вполне реальное истолкование: тень в лунном свете образует столб дыма. Е. А. Денисьева обратила на это внимание Т. во время ночной прогулки, сказав: «Вот наша жизнь!». Еще одно биографическое истолкование — петербургские, московские и даже провинциальные пожары 1860-х гг. III отделение распространяло слухи, что поджигают студенты, и этими слухами были захвачены многие люди. Достоевский просил Чернышевского прекратить пожары. Т. тоже был захвачен этими слухами. «Наша жизнь есть тень, но нет тени без объекта» — изречение Карамзина. Но этих простых объяснений недостаточно. Жизнь как тень (дым) — библейский образ, его же, видимо, имела в виду и Денисьева²⁴. Образ дыма получает мифологическую глубину.

Крылья — тоже образ, проходящий через всю поэзию Т. Высота, полет противостоят пошлости. Но это и покров, защита. Крыло = небо, рука²⁵.

Инерция наполнения вещественных слов глубинными мифологическими значениями переносится на слова, не имеющие мифологической традиции: железная дорога, пароход («змей морской»). Инерция мифологизма оказывает на поэзию Т. сильное воздействие.

3 пласта = 3 семантических типа:

- 1) миф;
- 2) метафора;
- 3) аллегория.

Мифологическая семантика (очень условно!) будет означать систему отношения слова и его лексического значения, построенную на принципиальном изоморфизме циклических явлений; в результате образуются поля:

жизнь;
год;
день.

Вечер жизни — довольно странная метафора, ни мифологическому и никакому другому пласту она не соответствует²⁶.

«Родственность», «симпатия» между явлениями различных циклов и будет представлять собой семантический пласт.

В стихотворении «Сны» («Как океан объемлет шар земной...» — С. 82) представлены:

- круг суточного цикла;
- круг жизненного цикла;
- земной шар;
- круг взаимности Хаоса и Космоса.

Идея *круга*, бесспорно, — мифологическая. Лексика в стихотворении также «круговая», т.е. подчеркивающая семантику кругового построения: *шар, объята, кругом, звучными волнами*.

У Т. море связано с миром звуков (= тьма), а сон — с миром цветов (= свет). Вообще у Т. нет подчеркнутой звуковой насыщенности, но насыщенность появляется, как только появляется тема *сна* (и сразу же появляются цвета). Звук и цвет оказываются распределенными между этими мирами. *Пы-*

лающая бездна (устойчивый у Т. образ-мотив) = звезды, отраженные в воде:

Небесный свод, горящий славой звездной,
 Таинственно глядит из глубины, —
 И мы плывем, пылающею бездной
 Со всех сторон окружены. (С. 82)

Этот образ включает в себя семантику шара. Стихотворение построено на системе подобий. Но это подобие имеет характер таинственности, и проявляется она в том, что сопоставляемые элементы резко отдалены друг от друга и соединяются каким-то таинственным образом — как разделенность/слитность. Оно может сопоставлять два логически несовместимых понятия. Создается мифологическая уподобленность. Такой синтаксис создает некий мифологический мир.

Канонические тексты — безличные тексты. Тютчевская поэзия — сдвиг в системе местоимений, синтаксиса, метрики. У Т. происходит вдруг переход на силлабику, т.е. своеобразный сдвиг (как и синтаксический), что можно расценивать также как уподобление двух различных пластов. Ср.: «О, как на склоне наших лет / Нежней мы любим и свеверней...» (С. 186): разными способами достигается взаимное проникновение миров²⁷.

Мифологическое сознание включает в себя следующую черту: время в архаико-мифологическом мире идет по вечным кругам. Однако человек в мифологическом мире пребывает в чрезвычайно озабоченном состоянии. Он должен заботиться, чтобы солнце вновь взошло, чтобы после весны наступило лето и т.д. Из этого положения человек выходит просто: он исполняет обряд. Отсюда настороженное отношение человека к минутам равновесия (критические точки времени):

полдень
 рассвет закат
 полночь

Эти точки опасны тем, что в них что-то приключается. Это очень важно для тютчевской лирики. Совершается нечто таинственное: будто ничего не происходит, а на самом деле именно

в эти минуты совершаются изменения, превращения, метаморфозы. В этих точках устойчивый мир всегда вдруг приобретает текучесть, изменчивость и т.п. Полночь связана со сном, полдень — со сном-дремотой: куски организованного Космоса ↔ куски Хаоса. Но тут же возникает важный для Т. прорыв в этой системе. Представление о циклическом времени у Т. — антитеза: *все повторяется, а я не повторяюсь*. Отношение к смерти у Т. — не мифологическое, здесь — прорыв.

В мифологическом сознании смерть — необходимое условие возрождения. Отсюда отец и сын — это один человек, он умирает и возрождается. В самом древнем свадебном гимне невесте говорится: «Не убей мужа своего», ибо предполагается, что минута близости — минута смерти. Таким образом, представление о непрерывности круга, в мифологическом смысле, вступает в противоречие с жизнью людей (представление о том, что родители могут пережить своих детей — это уже взгляд на реальность). Эта система приводит к некоторым особенностям повествовательных текстов. В древнем эпическом тексте проблемы начала и конца быть не может, но в записанных древних текстах есть начало и конец (в принципе, «Илиада» — текст, который не знал, что бывают начала и концы).

В тютчевской лирике все живет в эпическом бесконечном времени, а сам автор существует в реальном времени, и поэтому смерть для него — конец всего. Его ничто не утешает, когда речь идет о смерти близкого ему человека.

Проникнуть в космический мир человеческому «я» — значит умереть, но, одновременно, — и слиться с чем-то безличным. Слияние же с хаотическим, текучим, ужасным, но родным для человека миром есть некая форма бытия. Отсюда у Т. возникает тема смерти как слияния.

Стихотворение «Близнецы» (С. 174). Сон = Смерть. Это древняя мифологическая пара: изображение сна необходимо входит в надгробие. Но дальше у Т. — вторые близнецы: смерть = любовь (как страстно подвижные состояния, как прорыв — «в избытке ощущений, / Когда кипит и стынет кровь»). И то, и другое — уничтожение личного бытия.

Барокко у Т.

Это пласт аллегорической эмблематики, имеющий характерные признаки. Например, стихотворение «Фонтан» (С. 134–135). В нем две части. Первая — образ фонтана, с которым связан образ радуги. Вторая часть — некое аллегорическое его истолкование. Здесь фонтан — воплощение смертной мысли. Но что за «длань незримо-роковая», которая, преломляя «луч» фонтана, «свергает в брызгах с высоты» (С. 135)?

Символ — такой знак, который определенным образом напоминает о своем содержании (весы как символ правосудия). Развернутый символ — **аллегория**. Аллегорическое искусство не принадлежит какой-либо эпохе. Есть виды искусства (например, медальерное) и отдельные эпохи (например, средние века, классицизм), в которые аллегоризм выдвигается вперед.

Эмблема — некое изображение аллегорического свойства, характеризующееся устойчивым набором символов (набор условных символов в некотором значимом порядке). Композиция эмблемы включает аллегорическое изображение и текст и имеет две стороны: изобразительную и символическую. Каждая деталь имеет значение, и их относительно немного. Значимы они сами по себе, равно как и значимо их расположение. Эмблема включает в себя некоторый текст. Он не совсем прямо относится к рисунку. Эмблема представляет загадку, и она должна однозначно читаться. Подпись представляет собой *де-виз*.

В справочнике Диего де Сааведра, представляющем рисунки (эмблемы) и девизы (надписи к картинкам), на основе которого Петр I заказал издание «Симболы и Емблемата», есть изображение фонтана, останавливаемого рукой²⁸. Согласно пояснительной легенде, бьющий фонтан останавливают рукой, он отдыхает и затем ударяет с новой силой (отголосок этого — в изречении Козьмы Прутова «Если у тебя есть фонтан, заткни его: дай отдохнуть и фонтану»). Таким образом, у Т. в стихотворении «Фонтан» есть как бы 3 пласта:

1. природа (пейзажный мотив), непосредственно образный пласт;
2. аллегория (водомер как мысль кипящая);

3. эмблема (рука незримая). Радуга — библейский символ надежды.

Т. знал культуру (систему) эмблематики, что было необходимо в дипломатической сфере (дипломат должен знать геральдику). Эта культура предполагает и владение языком отдельных символических элементов. У Т. мы всегда сталкиваемся со *звездой* как явлением пейзажа и со *звездой* как с символическим языком. Но есть и специфическая барочная эмблематика.

Искусство барокко имеет среди своих противоречий следующее: утонченность (граничащая с непонятностью, с языком для избранных) ↔ демократизм (граничащий с грубостью восприятия). Это порождает конфликт.

Барочная аллегория украшается обилием не аллегорических, а живописно-ярких деталей. Пример — Державин. Увлечение описанием красоты, стремление с помощью слов и звуков передать цвет. Ср. звукопись в державинском стихотворении «Соловей» и обилие цветowych пятен в стихотворении «Зима». Эта возникающая игра цвета создает в эмблеме план, который сам по себе аллегорического смысла не несет. В этом смысле Державин поэт не единственный, сама предметность имеет двойную природу.

Эта традиция учитывается Т. необычным образом. Поражает обилие условных мифологизмов в стихотворении «Весенняя гроза»:

..... встренная Геба,
Кормя Зевесова орла.
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила. (С. 77)

У Пушкина слово «орган» встречается один раз («Моцарт и Сальери»), а у Державина — очень часто. Также у Т. орган — символ полноты, природной гармонии. Непонимание природы = невозможность для глухого услышать орган. Главный голос органа природы — гром — имеет свою «партитуру», гром воплощается в инструментовке стиха. Кроме грохочущей инструментовки гром у Т. выполняет другую функцию: он го-

ворит с человеком голосами неба. И у Т., и у Державина обилие музыкальных инструментов — тоже барочная традиция.

По своей природе барокко трудно отличимо от других культурных явлений. Барочный пласт имеет размытые края и очень легко переходит в 3-й пласт тютчевской лирики. Это *романтический семантический пласт*. Здесь для Т. важно шеллингианство и московский круг шеллингианцев. Шеллинг писал очень поэтично, это придавало его текстам неоднозначность и облегчало контакт между философией и поэзией.

Семантика Т. и романтическая традиция.

Тесная связь с романтическим мировоззрением. Язык находился в центре размышлений романтиков (вопрос о механизме понимания). Для предшествующей эпохи содержание общения — слово, а не механизм общения; текст стремился устранить возможные недоразумения (ср. в пьесах реплики «в сторону»). Романтизм же выдвигал два полюса: 1) философский вопрос о замкнутости «я», «я» ↔ «не-я»; 2) двойственность романтического мира.

Философские последствия. Никто из романтиков не сомневался в реальности окружающего мира (редкое исключение — Тончи). «Не-я» может быть «ты», «они» = народ, «он» = Бог, «она» = природа. Взаимозаменяемость внутри этой парадигмы. Признак внеположенности. Например, Бог может быть предметом богоборческих стремлений; «ты»-любовница может быть изменницей, «народ» — «чернью», природа — пошлой, как у Баратынского (где пошлость бессмертна, как и природа). Романтизм повернут лицом к античности (Шлегель). Античность истолковывается как царство радости, а целью искусства является, по мысли романтиков, бескорыстная радость. Идеалом является полнота, преодоление ущербности. Влияние на биографию художника:

реальное положение ↔	стремление к полноте
(неполнота)	(поэтический экстаз, наркомания)

Пример: «Последний квартет Бетховена» В. Ф. Одоевского.

Принцип дополнительности как характерный для романтизма принцип. Именно романтизм впервые указал на труд-

ность контактов между людьми. Романтическая система — это система оборванных связей. Отношение к народу — отношение трагического непонимания, что приводит к образу пророка, побиваемого камнями.

Опредмеченный мир — мир нашего субъективного восприятия. Жуковский: за пределами нашего опыта находится другой мир. Для Жуковского реальность находится по ту сторону, а наша реальность — тень. У Жуковского вещественную и значимую семантику приобретают слова незначительные, отсюда — роль курсива в его поэзии. Слово и его значение находится в свободных, «разболтанных» отношениях. Это в свое время показал Г. А. Жуковский²⁹.

Романтическая ирония.

Русские романтики не были связаны с теорией романтической иронии. Жуковский как юморист: жизненная полнота раскрывается в игровой деятельности, возникает культ галиматии, которая становится жизненным принципом (шуточная поэзия макаронического свойства). В этом предшественник Жуковского — Андрей Тургенев, но галиматия Жуковского значимых следов в русской традиции не оставила. Упрощенное понимание романтической иронии. В записи в крепостном дневнике Кюхельбекер противопоставляет сатиру иронии. Сатирик смотрит на мир односторонне, потому что знает жизнь. Иронист смотрит со многих сторон, потому что он не знает истины.

Для немецких романтиков ирония было одним из руководящих принципов. В противоборстве между «я» и миром личность оказывается перед дилеммой: остаться в одиночестве или потерять свободу, погрузившись в мир. Поэзия же для немецких романтиков есть царство свободы, и выход — в игре с миром. Поэт смотрит на него со всех сторон, и каждая сторона подвергается отрицанию. Так, «Кот в сапогах» — пьеса в пьесе. Романтическая ирония направлена не только на мир, но и на самое себя, поэтому строится на игре словами (ср. положительное отношение немецких романтиков к литературе немецкого остроумия): мышление догматическое противопоставляется остроумию.

Т. — профессиональный остро слов, карьера остро слова становится для него школой мысли. Он — законодатель «mots». Принцип остроумия становится принципом иронии. Дружба между Гейне и Т. Гейне считал русское правительство демократической монархией, что, может быть, отражает взгляды Т., однако поэтика Гейне, т.е. поэтика резкого конца, не свойственна Т.

В понятие романтической иронии входит не только веселое. Она может быть трагической, но не может быть догматической; значение не может быть зафиксировано, оно переходит в свою противоположность. Стремление и жажда быть другим связано с антидогматизмом мышления. Стихотворение Т. «О вещая душа моя...» (С. 192) о «двойном бытии» души:

Так ты — жилища двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Нет грани между лирикой Т. и его политическими идеями. Стремление к постоянному разрушению и ужас этого разрушения. Романтическая ирония у Т. — организующий принцип мировоззрения и поэзии.

Любовная лирика Т.

Она непосредственно связана с биографией и лирическими переживаниями автора. Эти стихотворения не были рассчитаны на публикацию: адресаты Т. или не знали русского языка, или не интересовались поэзией. Е. А. Денисьевой было важно, что Т. не стыдится их незаконной связи, что он может во всеуслышание сказать об этом свету, а поэта она в нем не видела. Любовные стихи Т. не интимны в том смысле, чтобы их можно было внести в канву «любовных переживаний Т.». Стихи эти с большим трудом датируются. Чувства, казалось, давно умершие, вызывают стихотворения через 10–15 лет, поэтому сказать, к кому относится то или иное стихотворение, посвященное женщинам, довольно трудно.

1824 год. Мюнхен. Увлечение баронессой Амалией Крюденер. Ей 16 лет, Т. — 24 года. Она красавица, состоит в родстве

с немецкой аристократией и с царской фамилией. Именно она привезла Вяземскому первую пачку стихотворений Т. Считалось, что ей посвящено позднее стихотворение «К. Б.» («Я встретил вас...», 26 июля 1870 — С. 255)³⁰.

1826 год. Т. женился по страстной любви на Эмилии-Элеоноре Петерсон, урожденной Ботмер. Она принадлежала к избранному кругу, была красавицей, умной и обаятельной. Брак был напряженным и не безоблачным. Т. скоро увлекся своей будущей второй женой, через некоторое время Эмилия-Элеонора с детьми уезжает в Россию. Стихотворение 1837 г. (в рукописи замаскированная дата — 1827) связано со свиданием с будущей второй женой Эрнестиной Дёрнберг, урожденной Пфеефель³¹. После пожара на пароходе, на котором Элеонора ехала с детьми, она, спасая детей, простудилась и заболела (И. С. Тургенев, ехавший на том же пароходе, на берегу снял сюртук и завернул ноги жены Т., хотя до этого, во время пожара, вел себя трусливо). 9 сентября 1838 г. Эмилия-Элеонора умерла, и Т. был в отчаянии, он посидел за одну ночь, хотя в Мюнхене у него была новая любовь. Жуковский не мог этого понять... В марте 1839 г. Т. получил разрешение на новую женитьбу. В 1848 г. Т. посвящает первой жене стихотворение:

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной, везде, всегда,
Недостижимый, неизменный, —
Как ночью на небе звезда... (С. 152).

Вместе с тем, Т. был счастлив со второй женой, голубоглазой красавицей Эрнестиной Федоровной, которая тоже, как и первая жена, была вдовой, когда выходила замуж за Т.

1850 год. В Смольном, где учились его дочери от первого брака, на вечере Т. встречает Елену Денисьеву, племянницу воспитательницы института, ей приблизительно 24 года. Этот роман — центральный в его сердечной жизни — длился 14 лет

(у них были дочь и двое сыновей, выжил только сын Федор Федорович). Денисьева оказалась исключена из общества и практически лишена внешней жизни. Роман протекал в очень тяжелых условиях. Эрнестина Федоровна вела себя очень великодушно, так и не показала вида, что что-то знает. Когда она бывала в Петербурге, Т. мог видаться с Денисьевой с большим трудом. Двусмысленное положение подтачивало здоровье Денисьевой, женщины слабой и истеричной. Она умерла от чахотки в 1864 г.

Стихотворения, посвященные Денисьевой, циклизуются вокруг двух дат: 1851–52 гг. (остракизм) и 1864 г. (смерть). Во времена, когда все идет гладко, Т. не пишет стихов женщине.

Весь цикл 1851–52 гг. имеет некоторый романнный сюжет и посвящен борьбе с обществом. «Я очи знал, — о, эти очи!» (С. 174–175). Любовная поэзия у Т. почти всегда — поэзия глаз. Рифма «очи — ночи» вводит нас в тютчевскую антитезу: юг (игра, небо) ↔ север. Ресницы у Т. всегда связаны с земной страстью. Ресницы скрывают «угрюмый, тусклый огонь желанья»³². «Небесная» пара ресниц — слезы.

Почему глаза? В поэзии Т. — один из главных вопросов — вопрос понимания, прорыва к контакту. Если слова этой силы не имеют, то глаза «прорываются» в чужой мир (даже в царство мертвых). Поэтому любовная, космическая, философская поэзия Т. — это поэзия взгляда:

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья. (С. 137–138).

<u>Взгляд вверх</u>	↔	<u>взгляд вниз</u> (опущенные ресницы)
небо		ночь
звезда		бездна
свет		земля

Отсюда и появление в стихотворении «Я очи знал...» банальной рифмы «очи — ночи», но у Т. она становится оригинальной, т.к. наполнена особым смыслом.

Я очи знал, — о, эти очи!
 Как я любил их — *знает* бог!
 От их волшебной, страстной ночи
 Я души оторвать не мог (С. 174)

Это углубление в бесконечность, в бездну кончается слезами, т.е. вознесением:

Ни разу мне не довелось
 С ним <взором> повстречаться без волненья
 И любоваться им без слез. (С. 175)

По сути, это — философское стихотворение.

В стихотворении «Нет, моего к тебе пристрастья...» бесконечность земной страсти более привлекательна для Т., чем бесконечность небесной страсти («Духов бесплотных сладострастья, / Твой верный сын, не жажду я...» — С. 127). Поэтому расчетливость всегда дается у него с отрицательным знаком.

Посмертные стихи к Денисьевой — поэзия отчаяния и конца. Эта тема существовала у Т. еще при жизни Денисьевой. Но «денисьевский» цикл переходит в сюиту трагических стихотворений, посвященных ее смерти. Эсхатологизм сознания становится эсхатологизмом любви.

Т. был близок к Некрасову. Между Лермонтовым и Некрасовым Т. стоит промежуточным звеном. Г. А. Гуковский первым указал на связь между Т. и Некрасовым.

Т. и проза.

Более отдаленной фигуры от прозы, чем Т., казалось бы, не было: он писал прозой только на французском языке, у него нет ни одного сюжетного стихотворения, даже его политические стихи — лирика. И. С. Тургенев считал отличительной

чертой поэзии Т. бессюжетность. Тютчевские мысли — это сердечные и бессюжетные мысли.

Однако интерес Т. к прозе устойчив. После Пушкина поэзии для Т. не существует, вот только Фет им выделен («искатель воды под землей»³³ — комплимент, но для Т. скорее отрицательный). Зато — живейший интерес к Тургеневу (Белинский, кстати, полагал сначала, что Тургенев — поэт, который заменит Пушкина). Выход «Севастопольских рассказов» Толстого вызвал у Т. острый интерес. Во-первых, как ко всему, что касалось Севастополя, во-вторых, как проза. Т. — видный дипломат — явился к молодому Толстому. Для Толстого Т. навсегда остался одним из самых близких людей: «гениальный, величавый дитя-старик». Их сближала общность негативной стороны взглядов на жизнь, но при этом им свойственна разность в уповании: у Толстого есть надежда, у Т. — нет.

Отношение Т. к ведущим русским прозаикам и их отношение к нему — отношения наивысшей заинтересованности. В некой глубине между ними очень большая общность.

О романной поэтике

Плутовской роман — с него начинается роман как таковой. Он строился как борьба человека с людьми. Одни герои рассматриваются как действователи, а другие — как препятствующие действию. Определенные герои «приклеены» к своим местам. Мы радуемся, если плутни героя удаются, если ему удастся отнять у дураков (нравственных людей) имущество и присвоить его себе, — до того, пока он ни налетит на еще более ловкого плута и ни потерпит фиаско. Таким образом, плутовской роман подразумевает сюжет: там, где нет события, там нет и романа.

Далее появляется жанр, противоположный роману — повесть — бессобытийное, бессюжетное повествование.

Просветительский роман XVIII века ↔ плутовской роман.

Просветительский роман — это повествование о том, как человек переделал мир. Человек рожден несчастным, но из-за внешних обстоятельств. Поэтому сюжет — это борьба челове-

ка с обстоятельствами. Конец всегда отчетливый и маркированный, т.к. роман моралистический.

Плутовской роман — это повествование о том, как устроить плута в плохом мире. Внутренний мир — непроницаем, если человек откровенничает, то он врёт. Плутовской роман — антипсихологичен. Мораль — ложь; роман не имеет конца.

Такого рода конфликт между человеческой природой и миром предрассудков давал представление о том, что в своих основах человек — прост. Животное — более человек, чем человек, т.к. оно сопротивляется. Право на сопротивление выказывают собака у Крылова и ребенок у Руссо. В просветительском романе тоже нет психологии, она сводится к конфликту. Сюжет: исконное добро — порча — попытка возрождения. Эта схема принадлежит XVIII в. и актуальна для Толстого от «Казачков» до «Воскресения».

В отличие от всего сказанного, романтический сюжет мыслится на иных основаниях: центральный герой — исконно злой. Зло скрыто в сердце человека, а не возникает при общении с людьми и обществом, как было в просветительском романе. Не человек испытывает влияние мира, а сам создает мир вокруг себя.

В начале 1840-х гг. в русской прозе происходят интересные процессы. Новая натуральная школа, созданная Белинским на основе просветительски осмысленного Гоголя, к 1848 г. начинает поворот к психологизму. Ср. два тома «Мертвых душ» Гоголя: первый том — серия социальных очерков с психологически-статичными картинками, во втором томе смысл перенесен на оттенки чувств и переживаний героя. Разрыв между Белинским и Достоевским.

Достоевский начал атаку на петрашевцев, считавших, что возможно переделать общество, не заглянув на дно сердца человеческого. Вопрос этот сводится к вопросу о социальности или асоциальности человеческого сердца (к сходным вещам приходит и Тургенев). Все это создает для прозы определенный фон — противоречия в душе человеческой (из этого вырастает сюжет).

Романтизм: люди не могут пробиться друг к другу, т.к. замкнуты в своем «я».

1840-е годы: ставится вопрос, будет ли хорошо, если мое «я» пробьется к твоему? Добро — только в природе.

1850-е годы: злое есть и в природе.

Это характерно и для Т. Любовь — принесение жертвы, отсюда — возможность ненависти в любовной поэзии. Любовь есть борьба. Это утверждение отбрасывает все предшествующие представления о любви XVIII и начала XIX вв. Но у Т. это представление двойственно. Идеальная любовь = она всю себя отдает *мне*; «всю себя перелила в меня» («Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...» — С. 221), — пишет Т. через 15 лет после встречи с Денисьевой.

Ср. стихотворение «Предопределение»:

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетание,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой. (С. 173)

Одна из душ оказывается жертвой, погибает в этом поединке тот, кто отдает себя полностью. Здесь есть завязь для ранних романов и повестей Достоевского.

Но в истории с Денисьевой у Т. был и другой элемент, который сближал его с И. С. Тургеневым: это противопоставленность и борьба с обществом. Для Тургенева вопрос о бессмысленности Вселенной был одним из самых важных («равнодушная природа»), отсюда у Тургенева трагическая разрушающая любовь, — проявление трагичности мира. Это связывается с космичностью (в этом близость Т. и Тургенева).

Странная судьба местоимений в лирике Т. — эти колебания между «я» и «он», «она» и «ты», etc. — дают типичную для романа игру точками зрения (особенного для Толстого).

Таким образом, Т. оказался не только созвучным прозе, но и как бы оплодотворил ее. Наличие в любом образе двух конфликтных начал и создает в лирике Т. конфликтную ситуацию. Ср.:

День вечереет, ночь близка,
 Длинней с горы ложится тень,
 На небе гаснут облака...
 Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
 Не жаль скудеющего дня, —
 Лишь ты, волшебный призрак мой,
 Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень

<...>

Кто ты? Откуда? Как решить,
 Небесный ты или земной?
 Воздушный житель, может быть, —
 Но с страстной женскою душой.

(С. 180–181.

Курсивом выделен любимый стих Тургенева).

Т. и предшествующая традиция>

Пушкин.

В пушкинской лирике стабильная система расстановки слов и понятий. Вот смысловой центр — некоторое пространство: «Я — ДОМ». Пушкинская лирика — это различные конфигурации этих понятий.

Дом — некоторая отгороженность, закрытость пространства (сделанного руками человека = культурного). Ср. у Гоголя в «Старосветских помещиках». В творчестве раннего Пушкина образ беглеца имеет положительные коннотации. Приznak отсутствия дома — кочевье, цыганский табор — тоже положительно маркированы (свобода), и дом ассоциируется с «неволей душных городов», «тюрьмой», хотя и с безопасностью. В мире движения и воли освобождаются и другие существа (например, медведь, хотя он и на цепи, лишенный свободы). Таким образом ссылка у Пушкина превращается в побег, т.к. он — изгнанник, не прикованный к месту. В лицейской лирике: дом = тюрьма = монастырь (так же будет строится отношение к дому у Гоголя).

В пушкинской «Деревне» — картина начинается с ухода из города, но не в свой домик, а в поля, однако бегство на свободу оказывается бегством в тюрьму.

У Гоголя «Тарас Бульба» начинается с битья посуды в доме как знака разрыва с домашним бытом, обесценивание ценностей мира, где «бояться». Дом — женское пространство, поле — мужское. Далее дом противопоставляется степи:

Дом:

западное, вражеское;
крепость, стены;
рыцарское, полное рыцарской
поэзии, место таинственное,
загадочное, но опасное.

Степь:

восточное, Сечь,
подвижная стоянка,
свобода.

Однако в 1824 г. у П. направление движения меняется. Теперь возвращение в дом = возрождение, важное для Пушкина положительное явление. Дом превращается в «ветхую лачужку», малое пространство — закрытое, теплое, светлое. Два типа движения: движение, разрушающее Дом; движение, вырастающее из дому. У зрелого Пушкина герой — герой Дома («...любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»). Но на этой стадии Дом сливается с личностью. И эта пушкинская страница переходит к Толстому. Основная линия действия романа «Война и мир» проходит через дом. Он противопоставлен Наполеону, войне, человеческому честолюбию. Тема дома — это тема самостоянья человека. Для Пушкина ДОМ — это дом, где жили деды, место культуры. Житье в наемной квартире требует совершенно иной психологии.

Лермонтов.

У него тема дома появляется мало, как и тема детства. Но в 1839–40-м гг. Лермонтов обращается к положительным началам. Романтический негативизм сменяется важным для Лермонтова, хоть и неопределенным, утопизмом, приобретая руссоистские черты: идеальный мир жизни в природных условиях. «Выхожу один я на дорогу...»: в мире социокультурном «я» разрушается, а сохранение «я» возможно или в условной ситуации (сон), или в космическом мире природы.

Тютчев.

Но ничего подобного у Т. не происходит (хотя он и может быть спросцирован на эту предшествующую традицию). Если

у Т. фигурирует дом, то это, как правило, развалины (античные, увитые плющом, в которых не живут). Ср. культуру барокко; Робер — живопись — поэзия развалин. Это — периферия тютчевского мира. У Т. есть тема дороги, нет темы бегства из дома. Герой — не беглец, а *странник*, хотя большого места эта тема у Т. не занимает. В центре же тютчевской поэзии — представление о поглощении: активном (*я поглощаю*) или пассивном (*меня поглощают*). Пространство у Т. — пространство, в котором можно себя потерять или раствориться в себе.

Итак, в предшествующей традиции (Пушкин, Гоголь, Лермонтов) поэтическое «я» нацелено на сохранение в себе, оно статично и целостно и противопоставлено обществу, истории, разрушению. У Т. — движение поэтического «я» к тому, чтобы его переставить. Это делает излишней тему *культуры* как таковой. Отсутствуют здания, города, любое отграничение, т.к. их место занимает пространство неограниченное и растворение в нем. Но Т. богат исключениями: «Крылом своим меня одень» (С. 181). Обычно же крылья у Т. — вознесение и растворение (подобно как в «Божественной комедии» Данте, как во сне Пьера у Толстого). Любовь становится царством растворения, но и потерей себя («Как всю себя перелила в меня»). Дантовские круги — круги поглощения любовью, родиной. Раствориться во «мне» может только то, что принадлежит иной природе («*поединок роковой*»). Отсюда у Т. — значимое тяготение к *чужому*. Т., как и Тургенев, — глубочайший скептик. Т. не был религиозен, он был скорее язычником (культура на грани двух веков). Именно поэтому его так влекла чужая идея, в которой он хотел раствориться: «Душа готова, как Мария, / К ногам Христа навек прильнуть» (С. 192) — желание обменять себя на чужую идею, на *чужое* «ты», становящееся близким, потому что не похоже на «меня». Это сказывается и на политических взглядах Т.

Т. — самый «западный» русский поэт, по выражению Вяземского. Со славянофильством Т. не может быть соединен. По своим представлениям Т. должен быть связан с западниками. Деревни в биографии Т. нет. Единственное стихотворение, по-

священное дому, родному поместью — это отказ от него: и двух дней не мог бы прожить там («Итак, опять увиделся я с вами...» — С. 154).

Взгляды Т. официальные. Николай I, прочтя его статью «Россия и революция», сказал: «Мои идеи». Однако в дальнейшем тютчевские идеи «всеславянского царя» не получили поддержки у правительства.

Политические идеи Т. соотнесены с идеей «Москва — третий Рим» и контрастно — с Чаадаевым. Т. мыслил большими эпохами и эпохами катастрофическими. В XIX в. Т. полагал, что весь мир находится в IV–V вв., когда падает Римская империя. Революции для него — признак загнивания католического мира. Он полагал, что возрождается вековое соперничество «Византия/Рим», и Россия — зерно, из которого вырастет Новая Византия.

В эпоху падения Римской империи Тацит пишет о германцах — далеком идеальном, но чужом мире будущего (в противоположность «Анналам»). Т. оказывается в аналогичном положении. Он — человек западный, Россия для него то же, что для Тацита германцы: это мир, который находится *вне* его. В этом смысле Т. как бы оберегает себя от знакомства с реальностью. Отсюда тесная взаимосвязь политики и лирики — погружение в чуждый мир, где можно раствориться и перестать быть собой, как Россия должна раствориться в византийско-римской истории и стать новой империей будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Cornilol F. Tiouttchev. Poète — Philosophe. Lille, 1974. Здесь надо иметь в виду более позднее замечание самого Лотмана: «Теоретически привлечение материала писем не является вполне корректным, поскольку картина мира связана с жанром и может не совпадать в лирике и в эпистолярной. Однако в творчестве Тютчева они обладают удивительным единством, что дает право на равноправное их использование» (Тютч. сб. С. 140). Здесь же книга Ф. Корнило охарактеризована как «содержательная».

² В этом месте Ю. М. мог цитировать слова из писем Т. к Э. Ф. Тютчевой о боли, доставляемой разлукой, которые позже

использовал в своей статье «Поэтический мир Тютчева»: «Отсутствие, для того, кто способен чувствовать, — неизъяснимая загадка»: «Что за отвратительный кошмар это отсутствие»: «Что за пытка разлука для души столь больной, как моя» (Тютч. сб. С. 111) и противоположные суждения: «Я нашел также в Дрездене колонию русских, которые все оказались моими родственниками или друзьями, но родственниками, которых я не видел более 20-и лет, и друзьями, имена которых я давно забыл. <...> Ах, как я стремлюсь уехать отсюда!» (Там же. С. 133).

³ М. А. Дмитриев-Мамонов был для Лотмана не только предметом исследования со студенческих лет, но и, что называется, «героем воображения». Он часто упоминал о нем на лекциях, в том числе, и о дубровицких реликвиях, конфискованных впоследствии Николаем I. См. первый печатный труд Лотмана: «Краткие наставления русским рыцарям» М. А. Дмитриева-Мамонова: (Неизвест. памятник агитац. публицистики ран. декабризма) // Вестник Ленингр. ун-та. 1949. № 7 и позднейшее капитальное исследование: Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // *Лотман Ю.М. Избранные статьи*: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 2. С. 282–349).

⁴ Именно эту мысль Пумпянского, только в связи с другим стихотворением, цитируя указанную статью, Лотман привел в своей работе «Заметки по поэтике Тютчева»: «Л. В. Пумпянский пронищательно заметил: «Замечательной чертой поэзии Тютчева является обилие повторений, дублетов <...> каждая тема повторена несколько раз с сохранением всех главных отличительных ее особенностей» (Уч. зап. С. 8).

⁵ Видимо, здесь следовал один из излюбленных лотмановских примеров о том, как Ломоносов для определения принадлежности человека к ученому сословию требовал, чтобы с ним говорили поллатыни.

⁶ Первую упомянутую статью см. в изд.: *Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники*. М., 1968. С. 166–191; две другие в изд.: *Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино*. М., 1977.

⁷ См.: *Осват А. Л. «Как слово наше отзовется...»*: О первом сборнике Ф. И. Тютчева. М., 1980.

⁸ Позже Лотман так писал об этом: «Ю. Н. Тынянов решительно отнес Тютчева к архаистам. <...> Пробным камнем концепции «архаизма» Тютчева должен был стать вопрос отношения его творчества к Пушкину и пушкинской традиции. Тынянов ответил на него в статье, в которой методологическая правота оказалась в

противоречии с историко-литературной достоверностью. К сожалению, именно этот аспект получил наибольший отклик у последователей и противников. <...> смысл статьи Тынянова «Пушкин и Тютчев» — совсем не в исследовании отношений Пушкина и Тютчева» (Тютч. сб. С. 109).

9 Об особенностях тютчевского словаря и словоупотребления Лотман писал уже в своей книге «Анализ поэтического текста: Структура стиха» (Л., 1972), анализируя стихотворения «Два голоса» и «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.»

10 Видимо, имеется в виду та же цитата, которая приводится в позднейшей статье: «Тютчев писал Е. Ф. Тютчевой: «Хрупкость человеческой жизни — единственная вещь на земле, которой никакие фразы и напыщенные рассуждения не в состоянии преувеличить» (24 августа 1855 г.)» (Тютч. сб. С. 116).

11 Лотман здесь приводит в собственном переводе стихотворение Т.:

Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface! —
 Présent, si peu de chose, et rien quand il est loin.
 Sa présence, ce n'est qu'un point, —
 Et son absence — tout l'espace. (С. 285)

В переводе М. Кудинова оно звучит так:

Как зыбок человек! Имел он очертанья —
 Их не заметили. Ушел — забыли их.
 Его присутствие — едва заметный штрих.
 Его отсутствие — пространство мироздания. (С. 291)

Этот же текст Лотман цитировал в оригинале в позднейшей статье (Тютч. сб. С. 123).

12 Видимо, здесь приводилась та же цитата из письма к жене, что и в позднейшей статье: «Нет, не будем бранить железную дорогу. Это чудесное изобретение. <...> Для меня же особенно благодетельно то, что она успокаивает мое воображение относительно моего самого ужасного врага — пространства, этого отвратительного пространства, которое затопляет и уничтожает нас на обыкновенных дорогах» (Тютч. сб. С. 124).

13 См. примеч. 2.

14 Продолжение письма, цитировавшегося в примеч. 2.

15 Тютчев Ф. И. Сочинения: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 173.

16 Полагаем, что здесь было процитировано стихотворение «Душа хотела б быть звездой...», поскольку именно его Лотман цитирует в «Структуре художественного текста» (М., 1970. С. 268) в главе «Проблема художественного пространства», анализируя оппозицию «верх» — «низ» и ее варианты:

Душа хотела б быть звездой,
 Но не тогда, как с неба полуночи
 Сии светила, как живые очи,
 Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда сокрытые как дымом
 Палящих солнечных лучей,
 Они, как божества, горят светлей
 В эфире чистом и незримом. (С. 107)

- 17 Это же письмо Лотман цитировал в своей позднейшей статье (Тютч. сб. С. 124).
- 18 *Баратынский Е. А.* Стихотворения и поэмы. М., 1971. С. 250.
- 19 Там же. С. 249.
- 20 Подробный анализ этого стихотворения см. в кн.: *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л., 1972. С. 180–185.
- 21 Ср. специальную заметку на эту тему «Местоимения в лирике Тютчева»: *Лотман Ю. М.* Заметки по поэтике Тютчева // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 604. Тарту, 1982. С. 3–11.
- 22 Подробный анализ этого стихотворения см. в кн.: *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л., 1972. С. 186–203.
- 23 Имеется в виду книга: *Григорьева А. Д.* Слово в поэзии Тютчева. М., 1980. На эту книгу, как и на книгу Л. Я. Гинзбург «О лирике», Лотман ссылается в своей статье «Местоимения в лирике Тютчева» (см.: Указ. изд. С. 16).
- 24 Видимо, имеется в виду следующая мысль, неоднократно встречающаяся в Библии: «Как тень дни наши на земле, и нет ничего прочного» (1 Пар. 29: 15; ср.: Иов 8: 9). Ср. также образ дыма как образ явления Божия: «Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора колебалась» (Исх. 19: 18).
- 25 Можно подчеркнуть библейскую природу и этого образа, а также его связь с образом тени. Ср.: «В тени крыл Твоих укрой меня» (Псл. 16: 8; ср.: Псл. 62: 8).
- 26 Речь идет о стихотворении «Памяти В. А. Жуковского» (С. 183–184), которое Лотман упоминает в своей заметке «Аллегоризм в языке поэзии Тютчева»: *Лотман Ю. М.* Заметки по поэтике Тютчева... С. 16. Здесь он пишет о том, как столкновение аллегорического развития тривиальной и стершейся метафоры «вечер жизни» и бытового кода, а затем новое переключение текста в аллегорический план «придает стершейся образности новую остроту».

- ²⁷ Подробнее об этом на других примерах см.: Там же. С. 8–9.
²⁸ Подробнее см.: Там же. С. 12–13.
²⁹ См.: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 48–52.
³⁰ Стихотворение, видимо, обращено к Клотильде Ботмер, в замужестве Мальтиц, сестре первой жены Т.
³¹ Видимо, имеется в виду стихотворение «1-е декабря 1837» (С. 141). Э. Пфеффель посвящен целый ряд стихотворений Т. 1836–38 гг.
³² Цитата из стихотворения 1836 г., посвященного Э. Пфеффель (см. ниже).
³³ Имеются в виду следующие строки из стихотворений Т. «А. А. Фету»:

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой, —
Они им чуют-слышат воды
И в темной глубине земной...

Ср., однако, далее у Т.:

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел... (С. 208)

SUMMARIES

Fiodor Tiutchev's Poetry against the Background of Salon's Discourse

Anna Ljunggren

Anna Ljunggren's article discusses the impact of the romantic cult of improvisation on Tiutchev's poetry, behaviour and attitude towards his own work. An attempt has been made to connect the repetitions in his poetry to the oral way of composing.

Tiutchev and Zhukovskii: the poetry of loss

Roman Leibov

Present study focuses on the intertextuality of Tiutchev's poetry and the use of «indirect allusions» which forecast similar technique in the works of Postsymbolists. In Tiutchev's lyrics indirect allusions to a concrete text of another writer are often disguised by the implicit references to other works of same author. A good example of such technique provides Tiutchev's employment of citations from Lermontov's works. The further discussion of this phenomenon dwells on Tiutchev's treatment of Zhukovskii's poetry («Kak khorosho ty, o more nochnoe...», «Ja znal ee esche togda...», «Pamjati Zhukovskogo» etc.). For the younger poet the central theme of Zhukovskii's lyrics is the loss in love, and this theme forms a connection between literary and biographical context.

The rock of faith (Tiutchev, Gogol' and Mandel'shtam)

Aleksandr Ospovat, Omri Ronen

An allegoric evocation of faith out of Tiutchev's poem about Napoleon is analysed in connection with Mandel'shtam's persistent references to Tiutchev's mystical and metaphysical theme of the stone rolling down the mountain, inspired by the prophecy of Daniel

and a saying by Spinoza, as well as in the context of Tiutchev's images of the mighty cliff in the sea and the underwater rock. Gogol's simile for «the war for faith in Russia», «a rock not made by human hand in the middle of the stormy sea» in the second version of «Taras Bulba», is identified, following Mandel'shtam's train of associations, as a likely antecedent of Tiutchev's «underwater rock of faith».

F. Tiutchev's poem «Den' pravoslavnogo Vostoka»

Per-Arne Bodin

Tiutchev's poetry is traditionally divided in two parts, the love poetry and poems on nature, philosophy and existential questions on one hand and his political verse on the other. The poem «The day of the Orthodox East» combines these two in juxtaposing the religious-political theme of Russian Orthodox Easter with the theme of the poet's daughter's severe disease. In analysing this poem we get the opportunity to study fragments of two kinds of poetics and the poet's attempt to combine them in this very poem.

Per-Arne Bodin is lecturer at the Slavic Department, Stockholm university. He has written numerous articles on the relation between Russian literature and the Orthodox tradition.

Variations of the «Moskow text»: to the history of the relations of F. Tiutchev and M. Pogodin

Kirill Rogov

Present work examines the relations of two writers on the basis of M. Pogodin's archives.

On French sources of the poem «14 dekabria 1825»

Maria Neklyudova

This short commentary points at Mme de Staël's «Dix années exil» (1821) as the source of the central image of the poem («blood that cannot melt the ice»), and reconstructs possible stages of its genesis.

On some sources of Napoleon's cycle

Vera Milchina

It is usually maintained that the first poem of Napoleon's cycle is reminiscent of Chateaubriand's pamphlet «De Buonaparte et de Bourbons» (1814), and that Napoleon's order to the army (issued on June 22, 1812) is cited in the third poem of the same cycle. But it is possible to indicate another source that is chronologically closer to both poems, namely Chateaubriand's «Mémoires d'outre-tombe», where can be found the quotes from Napoleon's order as well as his description as a son of Revolution. This internal evidence is reinforced by Tiutchev's marked interest in «Mémoires d'outre-tombe» at the time of its first publication (1849) attested in his wife's letters.

*Ernestine Tiutchev's Album (Herbarium)
as a source of commentary*

Svetlana Dolgopolova, Anna Ljunggren

Svetlana Dolgopolova and Anna Ljunggren's article «Ernestine Tiutchev's album (herbarium) as a source of commentary» focuses upon this insufficiently described document. The herbarium that Ernestine Tiutchev brought with her from Germany to Russia is a sample of the all-European album culture bearing an imprint of Romanticism. It is an important document for both Tiutchev's biographers as well as historians of art.

Tiutchev in Munich (to the history of his diplomatic career)

Tatyana Dinesman

The publication of the documents concerning Tiutchev's diplomatic career during 1820s and 1830s. Texts are given both in French original and in Russian translation with detailed biographic and historic comments.

*F. Tiutchev. The letter to Dr. Gustave Kolb,
the editor of the «Gazette Universelle»*

Translated by V. Milchina, with an Introduction by A. Ospovat

The first scholarly publication of Tiutchev's political letter (1844), later known also as «Russia and Germany».

*The Elements of Tiutchev's Political Mythology
(Commens to the article, 1844)*

Aleksandr Ospovat

An extensive commentary to Tiutchev's essay (1844), including the history of its creation, the reconstruction of political and cultural context, and the review of its ideological as well as factual sources.

Yuri Lotman's lectures on Tiutchev at Tartu University

Lyubov Kiseleva

This is a preface to the publication of the synopsis of the lectures on Tiutchev delivered by late Prof. Yuri Lotman at the University of Tartu in Spring 1981. The lecturing manner of Lotman and the characteristic features of his approach to Tiutchev is described.

*Special course of lectures
«Russian Philosophic Poetry. Tiutchev's lyrics»*

Yuri Lotman

The synopsis of Prof. Lotman's lectures written down by his students are published for the first time with the commentaries of Lyubov Kiseleva. The course provides the complex analysis of the Tiutchev's lyrics, the mechanisms of his poetics, it's genesis, the creative contacts of Tiutchev with his contemporary poets, etc.

ИМЕЮЩИЕСЯ В ПРОДАЖЕ ИЗДАНИЯ КАФЕДРЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, I. Тарту, 1994.

Том, продолжающий «Труды по русской и славянской филологии», включает статьи Ю. М. Лотмана, М. Гришаковой, В. Беспрозванного, И. Булкиной, Л. Вольперт, И. Пильщикова, П. Торопыгина, П. Рейфмана, Л. Пильд, В. Гехтман, Е. Горного, С. Исакова, А. Кретова, а также публикации Л. Киселевой и Р. Лейбова.

Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, II. Тарту, 1996.

Включает статьи Ю. М. Лотмана, М. Лотмана, Е. Погосян, Р. Лейбова, Л. Вольперт, П. Рейфмана, В. Беспрозванного и Е. Пермякова, Г. Пономаревой, Л. Пильд, А. Данилевского, а также публикации Т. Милютиной и Л. Киселевой.

Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, III: К 40-летию «Тартуских изданий». Тарту, 1999.

Включает статьи Ю. М. Лотмана, Е. Погосян, Л. Вольперт, Т. Кузовкиной, Р. Лейбова, Е. Петровской, Л. Пильд, А. Данилевского, Г. Пономаревой и Т. Шор; публикации Л. Киселевой (пьеса А. А. Шаховского и воспоминания В. В. Шмидт), воспоминания Е. Тальберг, а также список дипломных работ по кафедре русской литературы 1949–1998 гг. (сост. Г. Пономарева).

Блоковский сборник XIII: «Русская культура XX века: метрополия и диаспора». Тарту, 1996.

Труды международного семинара, состоявшегося в Тарту в октябре 1994 года. В семинаре принимали участие ученые США, Франции, Англии, Италии, Чехии, Финляндии, России,

Латвии, Эстонии. Статьи: Л. Иезуитовой, К. Кумпан, Г. Пономаревой, Л. Пильд, И. Белобровцевой, С. Доценко, К. Постоутенко, Т. Гланца, Г. Слобин, Э. Гаретто, А. Конечного, Ю. Абызова, А. Арсеньева, Т. Цивьян, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз, С. Даниэля, С. Исакова, С. Митюрева, О. Костанди, А. Эткинда, Р. Полчанинова.

Блоковский сборник XIV: К 70-летию З. Г. Минц. Тарту, 1998.

Статьи и публикации А. Лаврова, О. Хансена-Леве, Р. Тименчика, В. Паперного, Т. Никольской, В. Каменской, Л. Пильд, Г. Пономаревой, М. Лотмана, В. Топорова, П. Рейфмана, А. Штейнгольд и Е. Таборисской, Н. Пустыгиной, Г. Левинтона, С. Доценко, И. Белобровцевой и С. Кульюс, Л. Спроге.

«Свое» и «чужое» в литературе и культуре: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* 4. Тарту, 1995.

Сб. материалов международного семинара, проходившего в Тарту в июне 1993 года. В семинаре принимали участие ученые Финляндии, Швеции, Дании, Италии, США, Эстонии и России. Включает статьи Ю. Лотмана, Н. Каухчишвили, Е. Хеллберг-Хирн, П. У. Меллера, Л. Киселевой, Л. Вольперт, П. Торопыгина, П. Рейфмана, А. Розенхольм, Л. Пильд, Р. Казари, И. Аврамец, Ю. Пярли, Б. Хеллмана, Т. Суни, Н. Башмаковой, Л. Бюклинг, П. А. Енсена, Е. Берштейна, Д. П. Пиретто, П. Песонена.

Проблемы границы в культуре: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* 6. Тарту, 1998.

Сб. материалов международного семинара, проходившего в Тарту в сентябре 1997 года. В семинаре принимали участие ученые Финляндии, Латвии, Эстонии и России. Включает статьи Л. Киселевой, Е. Григорьевой, Ф. Björling, Е. Погосян, Я. Росса, Т. Степанищевой, Л. Пильд, Л. Спроге, Т. Суни, И. Лошилова, К. Lodge, М. Чудаковой, Т. Шор, Т. Хуттунена, Х. Костовой, И. Белобровцевой и С. Кульюс, М. Кёненен, С. Турома, Е. Курганова.

Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация: Материалы международного семинара. Тарту, 1997.

Сб. материалов международного семинара, проходившего в Тарту–Таллинне в сентябре 1996 года. Сборник подготовлен совместными усилиями кафедр русской литературы Таллиннского педагогического университета и Тартуского университета. Включает статьи Б. Колоницкого, С. Гардзонио, М. Цимборской-Лебоды, Р. Берда, Т. Двинятиной, Т. Цивьян, Н. Каухчишвили, Л. Бюклинг, М. Магидовой, О. Костанди, В. Паперного, Л. Спроге, В. Хазана, С. Туrowsкой, Н. Грякаловой, М. Лотмана, А. Рогачевского, Г. Пономаревой, И. Белобровцевой, а также публикации А. Данилевского, Г. Пономаревой, Т. Милютиной, К. Худзинской.

Русская филология, 6: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1995.

Материалы конференции, состоявшейся в Тарту в 1994 г. В конференции принимали участие молодые филологи из Эстонии, России, Финляндии и Латвии.

Русская филология, 7: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1996.

Материалы конференции, состоявшейся в Тарту в 1995 г. В конференции принимали участие молодые филологи из Эстонии, России и Польши.

Русская филология, 8: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1997.

Материалы конференции, состоявшейся в Тарту в 1996 г. В конференции принимали участие молодые филологи из Эстонии, России, Финляндии и Швеции.

Русская филология, 9: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1998.

Материалы конференции, состоявшейся в Тарту в 1997 г. В конференции принимали участие молодые филологи из Эстонии, России и Польши.

Русская филология, 10: Сб. науч. работ молодых филологов. Материалы конференции, состоявшейся в Тарту в 1998 г. В конференции принимали участие молодые филологи из Эстонии, России и Польши.

ГОТОВЯЩИЕСЯ К ПЕЧАТИ ИЗДАНИЯ КАФЕДРЫ

Пушкинские чтения в Тарту. 2: Сборник материалов международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, которая состоялась в сентябре 1998 г. В Чтениях принимали участие ученые Эстонии, Латвии, России, Швеции, Финляндии, Италии, Новой Зеландии и США.

Включает статьи Я. Каплинского, С. Олеск, Р. Вейдемманна, М. Салупере, С. Гардзонио, Г. Мондри, Ф. Федорова, И. Белобровцевой и С. Кульюс, Л. Зубовой, Т. Шор, М. Гришаковой, Л. Киселевой, Е. Погосян, Л. Пильд, Г. Пономаревой и др.

Русская филология, 11: Сб. науч. работ молодых филологов. Материалы конференции, состоявшейся в Тарту в 1999 г. В конференции принимали участие молодые филологи из Эстонии, России и Дании.